

18+

БЕСКОНЕЧНАЯ ШУТКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ДЭВИД ФОСТЕР УОЛЛЕС

Уоллес — писатель невероятного таланта, которому, кажется, подвластно все
New York Times

Великие романы

Дэвид Уоллес

Бесконечная шутка

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Уоллес Д. Ф.

Бесконечная шутка / Д. Ф. Уоллес — «Издательство АСТ»,
1996 — (Великие романы)

ISBN 978-5-17-096355-3

В недалеком будущем пациенты реабилитационной клиники Эннет-Хаус и студенты Энфилдской теннисной академии, а также правительственные агенты и члены террористической ячейки ищут мастер-копию «Бесконечной шутки», фильма, который, по слухам, настолько опасен, что любой, кто его посмотрит, умирает от блаженства. Одна из величайших книг XX века, стоящая наравне с «Улиссом» Джеймса Джойса и «Радугой тяготения» Томаса Пинчона, «Бесконечная шутка» — это одновременно черная комедия и философский роман идей, текст, который обновляет само представление о том, на что способен жанр романа. Впервые на русском языке.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-096355-3

© Уоллес Д. Ф., 1996

© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Год «Радости»	6
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	18
1 апреля – Год Геморройных Салфеток «Такс»	25
9 мая – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	29
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	30
Год Шоколадного Батончика «Дав»	34
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	36
Октябрь – Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»	39
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	44
Осень – Год Молочных Продуктов из Сердца Америки	49
3 Ноября – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	53
По состоянию на Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	56
Денвер, Колорадо, 1 Ноября Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	58
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	61
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	74
30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	76
Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	83
3 ноября ГВБВД	95
Первый и пока что единственный хотя бы отдаленно романтический опыт Марио Инканденцы	105
30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	109
30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»	111
3 ноября ГВБВД	117
Зима 1960 г. до э. с. – Тусон, Аризона	134
4 ноября – Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»	144
Конец октября	154
6 ноября	168
7 ноября	184
5 ноября	202
6 ноября	215
Конец ознакомительного фрагмента.	228

Дэвид Фостер Уоллес

Бесконечная шутка

*Посвящается Ф. П. Фостеру:
покойся с миром*

Все персонажи и события книги вымышлены.

Любое сходство с реальными людьми не подразумевалось автором и является либо совпадением, либо плодом вашего собственного воспаленного воображения.

Там, где названия реальных мест, корпораций, учреждений и общественных деятелей переносятся на выдуманный материал, они обозначают исключительно выдуманный материал, а не что-либо реально существующее.

Помимо Закрытых собраний только для алкоголиков Общество анонимных алкоголиков города Бостон, Массачусетс, проводит Открытые собрания, куда могут прийти все заинтересованные просто послушать, сделать пометки, засыпать людей вопросами и т. д. На этих Открытых собраниях я пообщался со многими участниками: все они были невероятно терпеливыми, словоохотливыми, щедрыми и готовыми помочь.

Я могу придумать лишь один способ выразить этим мужчинам и женщинам свою искреннюю признательность: не благодарить их по имени.

Год «Радости»

Я сижу в кабинете, окруженный головами и телами. Моя поза сознательно копирует форму жесткого стула. Это холодная комната в администрации университета, с обитыми деревом стенами, картиной кисти Ремингтона и двойными стеклопакетами, отсекающими ноябрьское пекло, изолированная от административного шума приемной, где только что принимали дядю Чарльза, мистера Делинта и меня.

И вот я нахожусь здесь.

В пространстве над летними спортивными пиджаками и полувиндзорскими узлами вдоль полированного соснового конференц-стола, на котором играет паучий блик аризонского полдня, висят три лица. Это деканы: по приему студентов, спортивной и научной работе. Я не знаю, кому какое принадлежит.

Кажется, я выгляжу сдержанно, возможно, даже дружелюбно, хотя мне говорили, что не стоит отходить от вежливой сдержанности и изображать дружелюбие или улыбку.

Я пытаюсь скрестить ноги как можно аккуратнее, лодыжку на колено, руки держу на брюках. Пальцы сцепил в замок, для меня они похожи на зеркальную серию букв X. Остальные люди в комнате для собеседований: декан литературной кафедры университета, тренер по теннису и проректор академии мистер О. Делинт. Ч. Т. рядом со мной, остальных – соответственно сидящего, стоящего и стоящего – я вижу лишь краем глаза. Тренер по теннису звенит мелочью в карманах. Кажется, в воздухе стоит еле заметный желудочно-кишечный запах. Рифленая подошва моей спонсорской найковской кроссовки параллельна трясущемуся лоферу сводного брата моей матери. Он здесь в качестве ректора академии, сидит на стуле вроде как справа от меня, тоже напротив деканов.

Декан слева – худощавый и желтолицый, его застывшая улыбка напоминает едва различимый оттиск в неподатливом материале, – относится к тому типу людей, который я особенно ценю в последнее время: он не требует никаких ответов, излагая мою историю вместо меня, для меня. Получив от похожего на лохматого льва среднего декана пачку распечаток, худощавый с улыбкой заводит разговор скорее со страницами, чем со мной.

– Тебя зовут Гарольд Инканденца, восемнадцать лет, дата окончания среднего образовательного заведения на данный момент приблизительно через месяц, обучаешься в Энфилдской теннисной академии-интернате, Энфилд, штат Массачусетс, где и проживаешь, – его прямоугольные очки для чтения похожи на два теннисных корта, поваленных набок. – По словам тренера Уайта и декана [неразборчиво], ты – многообещающий теннисист-юниор с региональным, национальным и континентальным рейтингом, потенциальный член ОНАНСУА; тренер Уайт решил зачислить тебя в команду по результатам переписки с присутствующим здесь доктором Тэвисом, которая имела место быть... начиная с февраля этого года, – верхние страницы аккуратно перемещаются в конец пачки. – Ты находишься на проживании в Энфилдской теннисной академии с семи лет.

Я раздумываю, стоит ли рискнуть и почесать подбородок справа, где у меня жировик.

– Тренер Уайт сообщает нам, что, по его мнению, программа и достижения Энфилдской теннисной академии заслуживают всяческого уважения и что команда Университета Аризоны немало приобрела в прошлом благодаря зачислению некоторых бывших выпускников ЭТА, один из которых, мистер Обри Ф. Делинт, присутствует сегодня с тобой. Тренер Уайт и его команда убедили нас...

Речь желтого администратора бедна, зато, должен признать, предельно понятна. У Литературной кафедры явный перебор с бровями. Правый декан как-то странно разглядывает мое лицо.

Слово берет дядя Чарльз: он догадывается, что деканы предрасположены с осторожностью относиться к его утверждениям, так как, вполне возможно, он похож на слишком горячего сторонника ЭТА, но он может заверить присутствующих, что все вышеперечисленное правда и что сейчас в Энфилдской теннисной академии обучаются десять из тридцати топовых теннисистов-юниоров во всех возрастных категориях, и что я, обычно откликающийся на «Хэла», – «из самых сливок». Правый и средний деканы профессионально улыбаются; Делинт и тренер склоняют головы, левый декан откашливается:

– ...что уже на первом курсе ты сможешь помочь университетской теннисной команде добиться больших успехов. Мы очень рады, – он то ли говорит, то ли читает, убирая страницу в низ пачки, – что соревнование какой-то немалой важности подарило нам возможность пообщаться с тобой и обсудить твоё заявление на возможное поступление, обучение и предоставление стипендии.

– Меня просили добавить, что Хэл был посеян под третьим номером в разряде одиночек не старше 18 лет на престижных Юго-Западных пригласительных играх «Вотабургер» в Рэндольфском теннисном центре, – говорит, предположительно, Спортивная часть. Он склонил голову, я вижу его конопатый скальп.

– В Рэндольф-Парке, рядом со знаменитым комплексом «Эль Кон Мариотт», – вставляет Ч. Т., – весь контингент академии в один голос говорит, что это площадка высшего уровня, и...

– Именно так, Чак. И что, по словам Чака, Хэл уже оправдал посев, он достиг полуфинала, одержав, по-видимому, впечатляющую победу сегодня утром, а завтра он снова играет в Центре с победителем сегодняшнего четвертьфинала, матч, если не ошибаюсь, назначен на 08:30...

– Они пытаются начать до того, как начнется здешняя адская жара. Ну хоть сухо будет.

– ...и, оказывается, уже прошел квалификацию для зимнего Континентального турнира в закрытых помещениях, в Эдмонтоне, как сообщает нам Кирк... – он задирает голову вверх и влево, чтобы взглянуть на тренера, чья белозубая улыбка буквально сияет на фоне солнечных ожогов на лице. – А это действительно весьма впечатляет, – декан улыбается, смотрит на меня. – Все ли правильно, Хэл?

Ч. Т. расслабленно скрестил руки; его трицепсы покрыты россыпью прохладных солнечных бликов.

– Все так. Билл. – он улыбается. Его усы всегда выглядят как-то криво. – И я вам даже больше скажу: Хэл очень взволнован, рад и взволнован, что его третий год подряд приглашают на Пригласительные, он рад вернуться в любимые места, рад встрече с вашими выпускниками и тренерским составом, а также тому, что уже оправдал столь высокий посев при довольно сильной конкуренции на этой неделе, что до сих пор остается в игре, и, как говорится, его песенка еще не спета, так сказать, но, разумеется, больше всего он рад шансу встретиться с вами, господа, и взглянуть на здешние условия. Все, что он здесь видел, по высшему разряду.

Повисла тишина. Делинт ерзает спиной по деревянной панели стены и меняет точку опоры. Мой дядя радужно улыбается, поправляет и так ровный ремешок часов. 62,5 % лиц в комнате смотрят на меня с приятным ожиданием. Сердце стучит в груди, как ботинок в стиральной машине. Я пытаюсь изобразить на лице то, что, как мне кажется, люди примут за улыбку. Поворачиваюсь туда-сюда, совсем чуть-чуть, как бы адресуя улыбку всем присутствующим.

И снова тишина. Брови желтого декана образуют параболу. Двое других смотрят на Литературную кафедру. Тренер сделал шаг к широкому окну, поглаживает короткостриженный затылок. Дядя Чарльз гладит руку чуть выше часов. По блеску соснового стола движутся острые кривые тени пальм, тени голов похожи на черные луны.

– Чак, с Хэлом все в порядке? – спрашивает Спортивная часть. – Кажется, он... ну, скрипя. У него что-то болит? У тебя что-то болит, сынок?

– Хэл здоров как бык, – дядя улыбается и непринужденно отмахивается. – Просто у него, скажем так, наверно, лицевой тик, совсем небольшой, от адреналина, ведь он находится в вашем весьма впечатляющем кампусе, и оправдывает свой посев, и пока не отдал ни одного сета, и получил настоящее официальное предложение в письменном виде от тренера Уайта не только без регистрационного сбора, но и со стипендией на проживание, на бланке Пацифик-10, и готов, весьма вероятно, как он мне сообщил, прямо сегодня подписать национальный договор о намерении, – Ч. Т. смотрит на меня, взгляд у него пугающе добрый. Я поступаю разумно: расслабляю все мимические мышцы, стираю с лица всякое выражение. Осторожно вперяю взгляд в кекулеанский¹ узел галстука декана в центре.

Мой молчаливый ответ на ожидающее молчание каким-то образом влияет на атмосферу в комнате, пыль и катышки с пиджаков завихряются у кондиционера и дергано танцуют в косом луче света из окна, воздух над столом – как над стаканом только что налитой сельтерской. Тренер с легким акцентом – ни британским, ни австралийским, – говорит Ч. Т., что собеседование с абитуриентом, пусть это обычно и приятная формальность, окажет более яркое впечатление, если дать абитуриенту говорить самому за себя. Правый и средний деканы склонились друг к другу, что-то тихо обсуждают, их тела образовали нечто вроде вигвама из кожи и волос. Полагаю, скорее всего, теннисный тренер перепутал «оказать впечатление» с «создать впечатление», хотя тогда «оказать влияние», пусть и более неуклюжий оборот, с фонетической точки зрения здесь более уместен как ошибка. Декан с плоским желтым лицом подался вперед, оскалил зубы, кажется изображает тревогу. Он сводит ладони над поверхностью конференц-стола. Его пальцы как будто спариваются, я же расцепляю свои серии из четырех «Х» и крепко хватаюсь за края стула.

Нам нужно откровенно побеседовать о потенциальных проблемах, связанных с моим поступлением, им со мной, начинает говорить декан. Потом заводит речь об откровенности и ее значении.

– У моего отдела накопились некоторые вопросы касательно результатов твоих тестов, Хэл, – он смотрит на цветную таблицу стандартизированных оценок в траншее, образованной его руками. – Приемная комиссия ознакомилась с результатами тестов, которые, – уверен, ты сам знаешь и сможешь объяснить, – которые, скажем так... ниже среднего.

От меня ждут объяснений.

Очевидно, этот действительно весьма искренний желтый декан слева и есть глава приемной комиссии. И, несомненно, маленькая птичья фигурка справа, стало быть, Спортивная часть, потому что морщины на лице гривастого декана в центре сложились в нечто, отдаленно похожее на выражение обиды, которое словно говорит «Я-ем-какую-то-дрянь-и-чрезвычайно-рад-что-мне-есть-чем-ее-запить», – профессиональное выражение сомнения у научных работников. Стало быть, Незатейливая Верность Стандартам сидит в середине. Мой дядя смотрит на Спортивную часть так, словно сбит с толку. Слегка ерзает на стуле.

Несоответствие между цветом рук и цветом лица у Приемной комиссии просто поражает.

– ...результат устных экзаменов немного ближе к нулю, чем мы привыкли видеть у абитуриентов, особенно по сравнению с академсправкой из образовательного учреждения, где занимают руководящие должности твоя мать и ее брат... – он читает прямо с листа в эллипсе рук, – ...судя по которой, за последний год результаты, да, немного снизились, но под «снизились» я подразумеваю то, что они стали выдающимися, тогда как последние три года были просто невероятными.

– Запредельными.

---

¹ Август Кекуле (1829–1896) – немецкий ученый-биолог, открывший кольцевую структуру бензольного кольца. (Здесь и далее все постраничные ссылки принадлежат переводчику, все концевые ссылки – автору.)

– В большинстве учебных заведений не ставят пятерок с несколькими плюсами, – говорит Литературная кафедра, выражение лица декана невозможно интерпретировать.

– Такое... как бы это сказать... несоответствие, – говорит Приемная комиссия, его лицо выражает откровенность и обеспокоенность, – должен признаться, служит своего рода тревожным сигналом потенциальной озабоченности при рассмотрении твоей кандидатуры на поступление.

– Тем самым мы просим тебя объяснить это несоответствие, если не сказать прямо – жульничество, – у Учебной части тонкий голосок, довольно абсурдный, учитывая огромный размер головы.

– Конечно же, под «невероятными» вы имели в виду очень-очень-очень впечатляющие, а не буквально «невероятные», конечно же, – говорит Ч. Т., кажется, не спуская глаз с тренера, который стоит возле окна и потирает шею под затылком. Пейзаж за огромным стеклом скудный – лишь слепящий свет и жаркое марево над растрескавшейся землей.

– Кроме того, ты предоставил нам не две, как положено, а целых девять вступительных работ, некоторые из них объемом с целую монографию, и все без исключения... – новый лист, – оценены разными рецензентами как «блистательные»...

Литкафедра:

– В своей оценке я намеренно использовал эпитеты «лапидарный» и «утонченный».

– ...но в таких областях и с такими темами, – уверен, ты их хорошо помнишь, Хэл: «Неоклассические допущения в современной прескриптивной грамматике», «Прикладное применение новых трансформаций Фурье в голографически-миметическом кинематографе», «Становление героического стазиса в эфирном интертейнменте»...

– «Грамматика Монтегю и семантика физической модальности»?

– «Человек, который начал подозревать, что он сделан из стекла»?

– «Третичный символизм в юстинианской эротике»?

Теперь широко обнажая дряблые десны:

– Достаточно сказать, что нас искренне и откровенно беспокоит, что обладатель таких плачевных результатов тестов – впрочем, наверняка объяснимых, – является единственным автором этих работ.

– Не уверен, понимает ли Хэл, на что вы намекаете, – говорит мой дядя. Декан посередине тербит лацканы пиджака, разглядывая удручающие данные на распечатках.

– Приемная комиссия хочет сказать, что строго с академической точки зрения тут видятся проблемы с поступлением, которые Хэлу следует помочь уладить. В первую очередь абитуриент для университета – это будущий студент. Мы не можем принять студента, если есть основания полагать, что у него котелок не варит и его успехи на поле не играют никакой роли.

– Декан Сойер, конечно, имеет в виду корт, Чак, – говорит Спортивная часть, вывернув голову так, чтобы одновременно обращаться еще и к Уайту, стоящему позади. – Не говоря уже о правилах ОНАНАСС². Их следователи всегда ищут хотя бы малейший намек на мошенничество.

Университетский тренер по теннису смотрит на свои часы.

– Если допустить, что эти оценки по госэкзаменам отражают истинные способности абитуриента, – тихим серьезным фальцетом говорит Научная часть, все еще глядя на документы так, словно перед ним тарелка с чем-то несъедобным, – я вам так скажу: на мой взгляд, это нечестно. Нечестно по отношению к другим претендентам. Нечестно по отношению к университетскому сообществу, – он смотрит на меня. – И особенно нечестно по отношению к самому Хэлу. Принять юношу только за его спортивные достижения – значит использовать его. Мы

---

² Ассоциация студенческого спорта Организации Независимых Американских Наций.

постоянно находимся под сотней проверок. Если мы примем тебя с твоими госами, сынок, нас могут обвинить в том, что мы тебя используем.

Дядя Чарльз просит тренера Уайта спросить Спортивную часть, стали бы они чинить препятствия, если бы я, скажем, был привлекательным для спонсоров гениальным футболистом. Я чувствую знакомую панику из-за того, что меня могут неправильно понять, в груди все грохочет. Я прикладываю все усилия для того, чтобы молча сидеть на стуле, без выражения, мои глаза – два огромных бледных нуля. Мне обещали помочь пройти через все это.

Но у дяди подавленный вид, словно его загнали в угол. Когда его загоняют в угол, в голосе Ч. Т. появляется странный тембр, как будто он кричит, уходя вдаль.

– Оценки Хэла в ЭТА – и здесь я должен подчеркнуть, что это академия, а не какие-нибудь лагерь или фабрика, именно академия, она аккредитована Содружеством Массачусетс и Североамериканской ассоциацией спортивных академий, сосредоточена на воспитании игроков и студентов, основана выдающимся интеллектуалом, чье имя, полагаю, вам не нужно напоминать, по строгой оксбриджской модели обучения Квадривиум-Тривиум, оснащена всем нужным оборудованием и укомплектована сертифицированным персоналом, – показывают, что котелок у моего племянника варит так, что переварит все, что надо переварить в Пасифик-10, и что...

Делинт подходит к тренеру по теннису, который качает головой.

– ...он сможет почувствовать во всем происходящем отчетливый привкус предвзятости к неприоритетным видам спорта, – говорит Ч. Т., закидывая сначала левую ногу на правую, потом правую на левую, пока я слушаю, невозмутимо и внимательно.

Теперь насыщенная тишина в комнате стала враждебной.

– Мне кажется, сейчас самое время дать слово абитуриенту самому говорить за себя, – очень тихо говорит Научная часть. – Это, кажется, невозможно, пока вы находитесь здесь, сэр.

Спортивная часть устало улыбается из-под ладони, которой массирует переносицу:

– Может, подождешь секунду за дверью, Чак?

– Тренер Уайт мог бы проводить мистера Тэвиса и его помощника в приемную, – говорит желтый декан, улыбаясь в мои рассеянные глаза.

– ...убедили, что все было улажено заранее, учитывая... – говорит Ч. Т., пока его и Делинта ведут к двери. Тренер по теннису потягивает гипертрофированную руку.

– Мы все здесь друзья и коллеги, – говорит Спортивная часть.

Это конец. Мне вдруг приходит в голову, что знак EXIT для человека, родным языком которого является латынь, выглядел бы как подсвеченная красным надпись «ОН УХОДИТ». Я бы подчинился позыву броситься и опередить их по дороге к двери, если бы был уверен, что именно это в итоге увидят присутствующие. Делинт что-то шепчет тренеру по теннису. Доносятся звуки клавиатур и телефонных консолей, когда дверь ненадолго открывается, потом плотно закрывается. Я наедине с руководящими лицами.

– ...не хотели никого оскорбить, – говорит Спортивная часть, на нем желто-коричневый летний пиджак и галстук в мелких завитушках, – речь идет не только о физических способностях, которые, поверь мне, мы уважаем и хотим видеть на своей стороне.

– ...не было вопросов, нам бы не хотелось так сильно поговорить непосредственно с тобой, понимаешь?

– ...что, как мы знаем благодаря предыдущим заявкам, прошедшим через офис тренера Уайта, школа Энфилда находится под управлением, пусть и весьма эффективным, близких родственников твоего старшего брата – до сих пор помню, как его обхаживал предшественник Уайта, Мори Кламкин, – поэтому объективированность твоих оценок в данном случае могут очень легко подвергнуть сомнению...

– Кто угодно – АПУСА³, зловредные программы Пацифик-10, ОНАНАСС...

Эти работы старые, да, но они мои; *de moi*. Но они старые, да, и не совсем соответствуют заданным темам вступительных сочинений в стиле «Самый ценный опыт в моей жизни». Сдай я работу прошлого года, вы бы решили, что это двухлетний ребенок просто долбил по клавишам клавиатуры, – даже вы, кто тут употребляет слово «объективированность». А в нашей новой, компактной компании, декан литературной кафедры начинает вести себя как альфа в стае, одновременно приобретая куда более женские повадки, чем казалось сперва: выставил бедро, руку положил на талию, при ходьбе поводит плечами, звенит мелочью в карманах, подтягивая штаны и садясь на стул, все еще теплый после Ч. Т., закидывает ногу на ногу и наклоняется так, что вторгается в мое личное пространство, и я вижу нервный тик бровей и сетку капилляров на устрицах под глазами, чувствую аромат кондиционера для белья и уже кислый запах мятной жвачки изо рта.

– ...умный, толковый, но очень стеснительный мальчик – мы знаем, что ты очень стеснительный, Кирк Уайт рассказал нам о том, что поведал ему твой атлетически сложенный, хотя и немного чопорный инструктор, – мягко говорит он, положив руку, как мне кажется, на бицепс моего пиджака (хотя этого не может быть), – ты просто должен собраться с силами и рассказать свою версию истории этим господам, которые отнюдь не замышляют ничего плохого, а просто делают свою работу и одновременно пытаются соблюсти интересы всех сторон.

Я представляю, как сидят Делинт и Уайт, уперев локти в колени, словно в позе дефекации – позе всех спортсменов в перерыве, Делинт пялится на свои огромные большие пальцы, пока Ч. Т. меряет приемную шагами, описывая узкий эллипс и разговаривая по мобильнику. К собеседованию меня готовили, как мафиозного дона к заседанию по закону RICO. Сдержанно, безэмоционально молчать. Словно игра от обороны, которой меня учил Штитт: «лучший защита: пусть все само отскакивает: ничего не делает». Я бы рассказал вам все, что захотите, и даже больше, если бы то, что я говорю, было равно тому, что вы услышите.

Спортивная часть, высунув голову из-под крыла:

– ...чтобы это не выглядело так, словно мы приняли тебя только из-за спортивных успехов. Это может дорого нам обойтись, сынок.

– Билл имеет в виду то, как это будет выглядеть со стороны, а вовсе не реальное положение вещей, пролить свет на которое можешь только ты, – говорит Литературная кафедра.

– ...как будет выглядеть со стороны высокий спортивный рейтинг вместе с результатами тестов ниже нормы, заумными вступительными сочинениями и невероятными оценками, словно бы возникшими благодаря непотизму.

Желтый декан так сильно подался вперед, что на его галстук теперь точно останется горизонтальная вмятина от края стола; у него болезненное, доброе и серьезное «прямо-бездураков» лицо:

– Послушайте-ка, мистер Инканденца, Хэл, пожалуйста, просто объясни мне, сынок, почему конкретно нас не обвинят в том, что мы тебя используем. Почему завтра никто не придет и не скажет: «О, послушайте-ка, Университет Аризоны, а вы же тут используете паренька только из-за его тела, паренька такого робкого и застенчивого, что он и слова сказать не может, качка с фальшивыми оценками и купленной вступительной работой».

Свет, отразившись от поверхности стола под углом Брюстера, розой расцветает на внутренней стороне моих закрытых век. Я ничего не могу сделать, чтобы меня поняли.

– Я не просто качок, – говорю я медленно. Отчетливо. – Возможно, в моей академсправке за последний год есть небольшие преувеличения, возможно, – но их сделали, чтобы помочь мне в трудное время. Все оценки до этого *de moi*, – мои глаза закрыты; в кабинете тихо. – Я

---

³ Ассоциация профессоров университетов Северной Америки.

ничего не могу сделать, чтобы вы меня поняли, – я говорю медленно и отчетливо. – Давайте скажем, что сегодня я съел что-то не то.

Забавно, что сохраняет память, а что нет. Наш первый дом, в пригороде Уэстона, я почти забыл, – а вот мой старший брат Орин говорит, что помнит, как ранней весной был там с нашей мамой на заднем дворе, помогал Маман вспахивать холодную почву огорода. Март или начало апреля. Огород представлял собой прямоугольник из бечевки, натянутой между палочек от мороженого. Орин убирал камни и комья земли с пути Маман, а та управляла мотоблоком из проката – похожей на тележку штукой на бензине, которая ревела, чихала и брыкалась, и, по словам Орина, скорее она управляла Маман, а не наоборот; Маман очень высокая, и ей приходилось наклоняться до боли в спине, чтобы сдержать эту штуковину, ноги оставляли пьяные отпечатки на вспаханной земле. Он помнит, как посреди вспашки я вылетел из дома во двор, в какой-то красной пушистой пижаме с Винни-Пухом, весь в слезах-соплях и с чем-то, как сказал мой брат, очень неприятным на вид в поднятой ладони. Он говорит, мне было где-то пять, я был в слезах и весь пунцово-красный на холодном весеннем воздухе. Без конца что-то повторял; он не мог разобрать, пока мать не увидела меня и не выключила культиватор (в ушах звенело), и не подошла посмотреть, что это у меня в руке. Оказалось, огромный комок плесени – как предполагает Орин, из какого-нибудь темного угла в подвале дома, где всегда было тепло из-за печки и который каждую весну затапливало. Сам клочок брат описывает как нечто чудовищное: темно-зеленый, глянцевый, слегка волосатый, испещренный желтыми, оранжевыми и красными точками паразитических грибов. Но самое страшное, что он казался странно нецелым, надкусанным; и эта же тошнотворная дрянь была размазана у моего открытого рта. «Я это съел», – вот что я повторял. Потом протянул плесень Маман, а та перед грязной работой сняла линзы, и поначалу, склонившись надо мной, видела лишь своего плачущего ребенка, который что-то держит в руке; и из-за самого материнского из всех рефлексов она, кто больше всего на свете боялась гнили и грязи, взяла то, что отдало ей дитя, – и сколько использованных салфеток, выплюнутых леденцов, пережеванных жвачек в скольких кинотеатрах, аэропортах, машинах, теннисных центрах она уже вот так взяла? О. просто стоял, говорит он, взвешивал в руке холодный ком земли, тербил липучку на дутой куртке и смотрел, как Маман наклоняется ко мне, дальнозорко щурясь, внезапно останавливается, замирает, начинает идентифицировать то, что я держу, оценивать признаки орального контакта. Брат помнит, ее лицо невозможно было описать. Ее протянутая рука, все еще дрожащая после мотоблока, зависла перед моей.

– Я это съел, – сказал я.

– Прошу прощения?

О. говорит, что помнит только одно (sic): как сказал что-то язвительное и почувствовал, как подкрадывается спазм в спине. Наверное, так он ощутил, по его же словам, надвигающийся чудовищный переполох. Маман отказывалась даже спускаться в подвал, когда там было сыро. Брат помнит, как я перестал рыдать и просто стоял, ростом и формой напоминая пожарный гидрант, в красной пижаме-комбинезоне, держал в руке плесень с серьезным лицом, словно протягивал отчет по аудиту. О. говорит, в этой точке его память раздваивается – возможно, из-за переполоха. В первой версии Маман заложила широкий истерический круг по всему двору и закричала:

– Господи!

– Помогите! Мой сын это съел! – вопила она во второй и более подробной версии воспоминания Орина, снова и снова, держа пятнистый клочок плесени над головой в горсти, бегая внутри прямоугольника огорода, пока брат удивлялся первому в своей жизни случаю взрослой истерики. В окнах и над заборами появились головы соседей. О. помнит, как я побежал за мамой, но споткнулся о веревку, натянутую вокруг огорода, упал, испачкался, разревелся.

– Господи! Помогите! Мой сын это съел! Помогите! – продолжала вопить она, бегая точно по границе огородного прямоугольника; и мой брат Орин помнит, что, даже несмотря на истерику, ее траектория была ровной, следы – по-индейски прямыми, повороты внутри веревочной идеограммы – по-армейски четкими, и что все это время она кричала «Мой сын это съел! Помогите!» и дважды пробежала мимо меня. На этом воспоминание Орина обрывается.

– Мои вступительные работы не куплены, – говорю я им, обращаясь в темноту красной пещеры, которая открывается перед закрытыми глазами. – Я не просто мальчик, который играет в теннис. У меня запутанная история. У меня есть опыт и чувства. Я глубокий человек.

– Я много читаю, – говорю я. – Учусь и читаю. Готов поспорить, что прочитал все, что прочли вы. Можете мне поверить. Я проглатываю целые библиотеки. Я зачитываю книги до дыр. Я загоняю дисководы до смерти. Я могу сесть в такси и сказать: «В библиотеку, и поднажми!» И уж точно мои инстинкты синтаксиса и механики предложений гораздо острее ваших, при всем уважении.

Но я выхожу за рамки механики. Я не машина. Я чувствую и верю. У меня есть своя точка зрения. Иногда весьма интересная. Если бы вы мне позволили, я бы говорил без умолку. Давайте поговорим о чем угодно. Я думаю, влияние Кьеркегора на творчество Камю недооценивают. Я думаю, Денеш Габор вполне мог быть Антихристом. Я верю, что Гоббс – лишь отражение Руссо в темном зеркале. Я, как и Гегель, верю, что трансцендентность – это поглощение. Я могу заговорить вас до умопомрачения, – продолжаю я. – Я не просто дрессированный *creatus*, выведенный ради одной функции.

Я открываю глаза:

– Пожалуйста, не думайте, что мне все равно.

Я осматриваюсь. На меня глядят с ужасом. Я поднимаюсь со стула. Вижу отвисшие челюсти, вскинутые брови на дрожащих лбах, бледные как полотно щеки. Стул уходит из-под меня.

– Матерь божья, – говорит Литературная кафедра.

– Со мной все в порядке, – говорю я им стоя. Судя по выражению желтого декана, с моей стороны ему в лицо дует штормовой ветер. Лицо Научной части как будто состарилось за секунду. Восемь глаз стали пустыми дисками при виде того, что перед ними предстало.

– Господь всемогущий, – шепчет Спортивная часть.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – говорю я. – Я все объясню, – непринужденно машу рукой.

Мне заламывает руки сзади Литературная кафедра и валит на пол, давит всем своим весом. Я чувствую вкус паркета.

– Что случилось?

– Ничего не случилось, – говорю я.

– Все хорошо! Я здесь! – кричит мне прямо в ухо Литературная кафедра.

– Позовите на помощь! – вопит декан.

Меня вжали лбом в паркет – я и не думал, что он такой холодный. Я обездвижен. Стараюсь казаться обмякшим и не оказывающим сопротивления. Лицо расплещено об пол; из-за тяжести Литкафедры мне трудно дышать.

– Просто выслушайте, – говорю я очень медленно и неразборчиво из-за пола.

– Что, во имя господи, это... – пронзительно кричит один из деканов, – ...что это за звуки?

Щелчки кнопок на телефонной консоли, топот и разворот каблучков по полу, шелест падающей стопки бумаг.

– Боже!

– На помощь!

Слева, на периферии зрения, открывается основание двери: клин галогенного света из приемной, белые кроссовки и потертые туфли «Нанн Буш».

– Отпустите его! – это Делинт.

– Все нормально, – медленно говорю я в пол. – Я нахожусь здесь. Меня берут под руки и поднимают, побагровевшая Литературная кафедра трясет меня за плечи, чтобы привести, как он считает, в чувство:

– Приди в себя, сынок!

Делинт виснет на его огромной руке:

– Прекратите!

– Я не то, что вы видите и слышите.

Вдалеке сирены. Неловкий полунельсон. Силуэты в дверях. Молодая латиноамериканка прижала ладонь ко рту, смотрит.

– Я не то, – говорю я.

Как не любить старомодные мужские туалеты: цитрусовый запах дисков-освежителей в длинном фарфоровом писсуаре; кабинки с деревянными дверями, отделенные друг от друга холодным мрамором; тонкие раковины на кривом алфавите обнаженных труб; зеркала над металлическими полочками; за всеми голосами – едва различимая непрерывная капель, раздутая эхом мокрого фарфора и холодного кафельного пола, мозаика на котором вблизи почти похожа на исламский орнамент.

Я вызвал сильный переполох, вокруг все мельтешит. Литературная кафедра, все еще заламывая руки, протащил меня сквозь неплотную толпу клерков, – ему, похоже, кажется, что у меня припадок (он открыл мне рот проверить, не проглотил ли я язык), что я чем-то подавился (я закашлялся от образцового приема Геймлиха), что у меня психоз, и я потерял контроль над собой (серия захватов, цель которых – взять контроль на себя), – пока вокруг суетится Делинт, умиряя Литературную кафедру, умиряющего меня, тренер по теннису умиряет Делинта, а сводный брат моей матери не говорит, а словно бы стреляет комбинациями множественных слогов в трио деканов, которые попеременно ахают, заламывают руки, оттягивают галстуки, грозят пальцами в лицо Ч. Т. и размахивают стопками вступительных документов, в которых сейчас уже, очевидно, нет смысла.

Меня перевернули навзничь на геометрической плитке. Я мирно размышляю над вопросом, почему нам, американцам, туалеты всегда кажутся чем-то вроде изолятора, где люди могут справиться с волнением и восстановить самообладание. Моя голова покоится на коленях у Литературной кафедры, кстати, довольно мягких, мое лицо промокают грязно-коричневыми бумажными полотенцами, протянутыми из толпы, а я смотрю со всей безучастностью, которую только могу изобразить, на оспины от давно зарубцевавшихся угрей на его щеках, которых еще больше в нижней части подбородка. Дядя Чарльз, которому нет равных в метании дерьма, продолжает обстреливать людей канонадами из той же субстанции, стараясь унять окружающих, которых, судя по всему, утихомирить нужно гораздо сильнее меня.

– Он в порядке, – твердит он. – Посмотрите на него, спокоен, как удав, лежит тут, отдыхает.

– Вы не видели, что там случилось, – отвечает сгорбившийся декан сквозь сетку пальцев на лице.

– Он просто переволновался, такое иногда бывает, впечатлительный мальчик...

– Но он издавал такие звуки.

– Неопишимо.

– Как животное.

– Какой-то полуживотный рев.

– И давайте не будем забывать о жестах.

- Вы не думали, что ему нужна помощь, доктор Тэвис?
- Как животное, у которого что-то застряло в глотке.
- У мальчишки проблемы с головой.
- Словно молотком по пачке масла.
- Корчащийся зверь с ножом в глазу.
- И о чем вы вообще думали, зачислить такого...
- И его руки.
- Вы не видели, Тэвис. Его руки...
- Они дергались. Содрогались, тянулись, барабанили. Тряслись, – все ненадолго оглянулись на кого-то вне моего поля зрения, человек явно пытался что-то продемонстрировать.
- Словно ускоренная съемка, как трепыхается какое-то ужасное... растение.
- Больше всего похоже на тонущую козу. Козу, тонущую в чем-то липком и вязком.
- Придушенное блеянье и...
- Как же они тряслись.
- И что ж теперь, трясущиеся руки от волнения – это уже преступление?
- У вас, сэр, серьезные проблемы. Серьезные проблемы.
- Его лицо. Словно его душили. Или сжигали. Мне кажется, я заглянул в ад.
- У него проблемы с общением, он немного аутист, никто этого не отрицает.
- Мальчику нужен медицинский уход.
- И вместо того, чтобы лечить, вы посылаете его сюда, поступать и участвовать в соревнованиях?
- Хэл?
- Даже самый страшный кошмар – ерунда по сравнению с теми проблемами, что вас ожидают, доктор так-называемый-ректор, педагог, тоже мне.
- ...дали понять, что это лишь формальность. Вы застали его врасплох, вот и все. Он стеснительный...
- И вы, Уайт. Хотели заполучить его в команду!
- ... и был слишком сильно впечатлен, и переволновался, потому что находился там без нас, без своей поддержки, ведь вы попросили выйти, а это, если позволите...
- Я только видел, как он играет. На корте он невероятен. Возможно, гений. Мы и понятия не имели. Господи, у него же брат играет в гребаной НФЛ. Топовый игрок, думали мы, с юго-западными корнями. Его статистика была выше всяких похвал. Прошлой осенью мы наблюдали за ним на протяжении всего турнира «Вотабургер». Никаких припадков или криков. Один мужик даже сказал, что это был не теннис, а балет.
- И правильно сказал, черт возьми! Это и есть балет, Уайт. Этот мальчик – балерун от спорта.
- Он, стало быть, что-то вроде спортивного саванта. Выдающиеся балетные данные компенсируют те проблемы, которые вы, сэр, желали от нас скрыть, заставив мальчишку молчать, – слева появляется пара дорогих эспадрилий, входят в кабинку, разворачиваются и смотрят носками на меня. За легким эхом голосов журчит струя мочи.
- ...жет, нам уже пора, – говорит Ч. Т.
- Сэр, цельность моего сна нарушена испокон и присно.
- ...думали, вам удастся протолкнуть недееспособного абитуриента, сфабриковать аттестат и вступительные работы, протащить сквозь пародию на собеседование и втолкнуть в суровую студенческую жизнь?
- Хэл вполне здоров, болван. Просто не надо на него давить. Он чувствует себя нормально, когда сам по себе. Да, у него бывают некоторые проблемы с возбудимостью во время разговора. Он хоть раз это отрицал?
- То, что мы наблюдали, лишь очень отдаленно напоминает поведение млекопитающего.

– Да ерунда. Сами посмотрите. Как там поживает этот наш легко возбудимый паренек, а, Обри?

– Вы, сэр, по всей видимости, больны. Это дело вам так просто не замять.

– Какая скорая? Вы что, ребят, вообще меня не слушаете? Я же вам говорю, нет...

– Хэл? Хэл?

– Чем-то накачали, желали говорить от его лица, заткнули, а теперь он лежит тут оцепеневший, с застывшим взглядом.

Хруст коленок Делинта.

– Хэл?

– ...раздуть из этого историю, исказить факты. У Академии есть выдающиеся выпускники, связи с лучшими юристами. Они докажут, что Хэл вполне дееспособен. Почитай его вступительные, Билл. Мальчишка поглощает информацию из книг как пылесос. Впитывает данные.

Я просто лежу, слушаю, нюхаю бумажное полотенце и наблюдаю за тем, как развернулись эспадрильи.

– Возможно, вы не в курсе, но жизнь – это не только собеседования. И кто же не любит этот особенный львиный рев общественного туалета?

Неспроста Орин говорил, что в этих краях люди живут перебежками от одного кондиционера к другому. Солнце как молот. Я чувствую: половина лица начинает запекаться. Синее небо, лоснящееся и словно жирное от жары, перистые облака расщеплены на отдельные пряди, как кончики волос. Плотность движения здесь совсем не как в Бостоне. Носилки особые, с ремнями для конечностей. Тот самый Обри Делинт, которого я годами считал попросту двумерным солдафоном от спорта, встает на колени рядом с каталкой, сжимает мою привязанную руку и говорит: «Просто держись там, Букару», – и возвращается в центр скандала у дверей скорой помощи. Это особая скорая помощь, из такого места, о котором лучше не стоит вдаваться в подробности, в ее команде не только санитары, но и какой-то психиатр. Санитары осторожно поднимают меня, ловко обращаются с ремнями. Доктор, прислонившись спиной к машине, поднял руки, выступая бесстрастным посредником между деканами и Ч. Т., который протыкает небо антенной своего мобильного, как саблей, возмущенный, что меня без всякой необходимости и против воли хотят поместить в какое-то отделение экстренной помощи. Во время бессодержательного спора, есть ли вообще у недееспособного человека воля и желания, небо с юга на север неслышно режет ультрамаховый истребитель. Врач поднял руки и как бы хлопает воздух, выражая бесстрашность. У него большой небритый подбородок. В единственном приемном покое, где я был до этого, почти год назад, меня вкатили на психиатрических носилках и поставили прямо у ряда стульев из оранжевого пластика; на трех из них подальше от меня сидели люди, каждый держал в руках пустой стаканчик для лекарств и обильно потел. И словно этого мало, на последнем стуле, прямо рядом с моей зафиксированной ремнем головой, сидела тетка в футболке и кепке дальнобойщика, с кожей цвета старой древесины, заметно скособоченная в правую сторону; она начала рассказывать мне, пристегнутому и неподвижному, как за одну ночь заработала внезапный аномальный гигантизм правой груди, которую сама называла «титкой»; она говорила с почти пародийным квебекским акцентом и описывала историю болезни и возможные диагнозы «титки» на протяжении двадцати минут, пока меня наконец не увезли. Движение самолета и его след разрезоподобны, как будто белое мясо под синевой обнажается и ширится вслед за движением ножа. Однажды я видел слово «Нож», написанное пальцем на запотевшем зеркале в необщественном туалете. Я стал инфантофилом. Я вынужден скосить закрытые глаза вверх или в сторону, чтобы красная пещера не воспламенилась от солнечного света. Звук проезжающих мимо машин словно неустанно твердит «тише, тише, тише». Солнце же, если хотя бы малая часть его диска попадает в поле зрения,

оставляет на сетчатке синие и красные разводы, как если смотреть на лампочку. «Почему бы и нет? Почему бы и нет?! А тогда почему бы и не да, если единственная причина, которую вы можете озвучить, „почему бы и нет“?» – голос Ч. Т., удаляющийся от возмущения. Теперь видны только галантные выпады антенны его телефона, справа на самом краю зрения. Меня препроводят в какое-нибудь отделение экстренной помощи, где продержат до тех пор, пока я не начну отвечать на вопросы, и потом, когда начну, мне введут седативные; выходит, это будет стандартное приключение, но в обратном порядке: сначала путешествие, потом отбытие. Я на мгновение вспоминаю покойного Косгрова Уотта. Думаю о психотерапевте с гипофалангией, специалисте по утратам. Думаю о Маман, как она расставляет по алфавиту консервы с супом в шкафчике над микроволновкой. О зонтике Самого, свисающем на ручке с края журнального столика у самых дверей в прихожей Дома Ректора. Думаю о Джоне «Н. Р.» Уэйне, который бы обязательно выиграл в этом году «Вотабургер», как он стоит на карауле в маске, пока мы с Дональдом Гейтли выкапываем голову моего отца. Никто не сомневался, что Уэйн бы победил. И у Винус Уильяме⁴ ранчо недалеко от Грин-Вэлли; она вполне может посетить финал у 18-летних юношей и девушек. Меня выпустят задолго до начала завтрашнего полуфинала; я верю в дядю Чарльза. Сегодня вечером почти наверняка победит Димфна⁵ – ему шестнадцать, но день рождения у него за две недели до 15-апрельского порога; и завтра в 08:30 Димфна будет все еще уставший, в то время как я, обколотый седативами, просплю, как каменный идол. Я никогда раньше не встречался с Димфной на турнирах, как никогда не играл звуковыми мячами для слепых, но я видел, с каким трудом он справился с Петрополисом Каном в 1/8 финала, и знаю, что сделаю его.

Это начнется в приемном отделении, прямо у регистрации, если Ч. Т. не приедет сразу за скорой, или в палате с зеленой плиткой после комнаты с цифровыми инвазивными устройствами; или, учитывая, что это необычная машина скорой помощи, укомплектованная врачом, может, даже по дороге: какой-нибудь доктор с небритым подбородком, чистый до антисептического блеска, с именем, вышитым курсивом на нагрудном кармане белого халата, и с качественным дорогим пером заведет у носилок шарманку с вопросами-ответами, этиология и диагноз сократовским методом, по правилам, шаг за шагом. Если верить Оксфордскому словарю (шестому тому), существует девятнадцать неархаичных синонимов для выражения «отсутствие реакции», из них девять латинского происхождения и четыре – саксонского. В воскресном финале я буду играть со Стайсом или Полепом. Возможно, на глазах у Винус Уильяме. Но, скорее всего, это будет какой-нибудь синий воротничок, разумеется, без медицинской лицензии – младшая медсестра с погрызенными ногтями, охранник больницы, уставший санитар-кубинец, который, обращаясь ко мне, будет говорить «ти» вместо «ты», – он вдруг посмотрит на меня, оторвавшись от какой-нибудь суматошной работы, заметит то, что ему покажется моим взглядом, и спросит: «Ну че, парень, а у тебя что за история?»

⁴ На момент написания романа Винус Уильяме 16 лет.

⁵ Отсылка к святой Димфне Ирландской, покровительнице всех психически больных.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Где эта женщина, которая обещала прийти. Она обещала. Эрдеди думал, что к этому времени она уже придет. Он сидел и думал. Он был в гостиной. Когда только начал ждать, в окно лился желтый свет, отбрасывал на пол пятно, и Эрдеди все ждал, а пятно побледнело и поверх него появилась светлая клякса из окна в другой стене. На стальной полке, той, где музыкальный центр, сидело насекомое. Оно то выползало из дырки в балке, на которой крепилась полка, то заползало обратно. Темное насекомое с блестящим панцирем. Эрдеди наблюдал за ним. Пару раз хотел встать, подойти, рассмотреть внимательнее, но боялся, что если подойдет и рассмотрит, то убьет его, а он боялся его убивать. Не хотел звонить женщине, которая сказала, что придет: если он займет линию, может, в этот самый момент женщина и позвонит, и он боялся, она услышит короткие гудки и решит, что ему плевать, и разозлится, и отвезет то, что обещала, куда-нибудь еще.

Она сказала, что достанет пяточку марихуаны, 200 грамм необычайно хорошей марихуаны, за 1250 долларов США. До этого он пытался завязать с марихуаной, может, где-то 70 или 80 раз. Еще до того, как познакомился с этой женщиной. Она не знала, что он пытался завязать. Его всегда хватало на неделю или две, может, на два дня, а потом он все обдумывал и решал, что можно бы кайфануть дома в последний раз. В самый последний раз приходилось искать нового человека, которому он еще не успел сказать, что собирается бросить и что нельзя ни в коем случае, пожалуйста, ни при каких обстоятельствах подгонять ему травку. Надо было все делать через третьих лиц, так как он уже попросил всех знакомых дилеров, чтобы они его не снабжали. И третьим лицом всегда оказывался кто-то совершенно новый, потому что каждый раз, как Эрдеди закупался, он знал, это самый последний раз, и говорил им об этом, и просил об одолжении никогда не подгонять ему товар, никогда. А тех, кому об этом сказал, он уже больше никогда не просил, потому что был гордый, и еще добрый, и не хотел ставить никого в такое противоречивое положение. Еще он считал, что становится стремным, когда дело доходит до дури, и боялся, другие тоже увидят, какой он стремный. Он сидел и думал, и ждал в неровном X двух лучей света из двух разных окон. Раз или два бросал взгляд на телефон. Насекомое скрылось в стальной балке, на которой крепилась полка.

Она обещала прийти в определенное время, и сейчас это время уже прошло. Наконец он не выдержал и позвонил ей, только с аудио, и выслушал несколько гудков, и испугался, что слишком долго занимает линию, а потом включился автоответчик, и в сообщении была ироническая поп-мелодия, ее голос и мужской голос, которые одновременно сказали «мы вам перезвоним», и это «мы» звучало так, будто они пара – мужчина был чернокожим красавчиком из юридической школы, она – художником-декоратором, – и он не оставил сообщение, не хотел, чтобы она знала, как же сильно ему нужна дурь. Он старался вести себя с ней непринужденно. Она сказала, что знает парня там, за рекой, в Оллстоне, который продает высококачественную дурь в умеренных количествах, и он зевнул, ответил, ну, не знаю, хотя, почему нет, давай, особый случай, я не покупал уже не помню сколько. Она сказала, что дилер живет в трейлере, у него заячья губа, он держит змей, обходится без телефона и вообще не из тех, кого можно назвать приятным и привлекательным человеком, но этот парень из Оллстона часто продает дурь людям из кембриджских театров, и у него есть постоянные клиенты. Эрдеди сказал, что даже сейчас не может вспомнить, когда в последний раз покупал дурь, так давно это было. Сказал, что, наверное, надо подогнать побольше, его друзья, сказал он, недавно звонили и спрашивали, не сможет ли он подогнать. У него был такой прием: он часто говорил, что ищет дурь в основном для друзей. И если женщина не достанет дурь тогда, когда сказала, и он начнет психовать, тогда можно сказать ей, что это друзья психуют, а не он, и ему жаль беспокоить женщину из-за таких пустяков, но друзья психуют и беспокоят его, и он просто хочет узнать, может,

передать чего, чтобы они успокоились. Всего лишь посредник, в таком свете он представил бы ситуацию. Мог бы сказать, что друзья дали денег и теперь психовали, давили, названивали и беспокоили. Такая тактика бесполезна с этой женщиной, которая обещала прийти и принести, ведь он еще не отдал ей 1250 долларов. Она не взяла деньги заранее. Она была хорошо обеспечена. Из обеспеченной семьи, сказала она, объясняя, почему живет в таком славном кондоминиуме, хотя работает художником-декоратором в кембриджском театре, где, кажется, ставят только немецкие пьесы в мрачных грязных декорациях. Ее не волновали деньги, она сказала, что сама отдаст всю сумму, когда доедет до Оллстона в трейлер к этому парню, была уверена, что в этот конкретный день он будет дома, а Эрдеди просто все возместит, когда она привезет ему товар. Из-за этого соглашения, довольно невинного, он запсиховал, поэтому старался выглядеть еще невиннее и непринужденнее и сказал конечно, отлично, пофиг. Сейчас, вспоминая, он был уверен, что сказал «пофиг», и теперь, ретроспективно, слово его тревожило, могло показаться, словно ему нет дела, совсем, настолько, что даже неважно, если она забудет о сделке или забудет позвонить, но когда он принимал решение купить марихуану еще раз, это было очень важно. Очень. Слишком непринужденно он себя вел с этой женщиной, надо было заставить ее взять 1250 долларов вперед, напирая на вежливость, напирая на то, что не хочет доставлять ей финансовые неудобства из-за чего-то такого банального и обыденного. Деньги – это обязательство, и нужно было сделать так, чтобы женщина почувствовала себя обязанной выполнить обещание, раз уж оно так его завело. Стоит ему завестись, как марихуана становится для него настолько важной, что он почему-то боится показать, насколько. Как только он попросил ее подогнать товар, то был обречен на определенные шаблоны поведения. Насекомое вернулось. Оно вроде бы ничего не делало. Просто выползло из дырки в балке на самом краю стальной полки и сидело. Через какое-то время снова исчезло в дырке, и Эрдеди подумал, что и там оно просто сидело и ничего не делало. Он чувствовал, что очень похож на это насекомое внутри балки, на которой держалась полка, хотя не знал, чем именно. Стоило ему решить купить марихуану в последний раз, как он был обречен на определенные шаблоны поведения. Надо было связаться с агентством и сказать, что у него форс-мажор, и что он отправил и-мэйл на ТП своей коллеги и попросил прикрыть его до конца недели, так как следующие несколько дней будет вне зоны доступа из-за этого самого форс-мажора. Надо было записать на автоответчик сообщение о том, что он будет недоступен в течение нескольких дней, начиная с сегодняшнего. Надо было прибраться в спальне: когда у него появится дурь, он не станет никуда выходить, только до холодильника и в туалет, но даже эти походы будут очень недолгими. Надо было выбросить все пиво и спиртное, потому что если он выпьет и накурится одновременно, ему станет плохо, начнутся головокружения, а если у него дома будет алкоголь, он не может быть уверен, что не выпьет после того, как покурит. Надо было пройтись по магазинам. Надо было запастись едой. Сейчас из дырки в балке торчал только один усик насекомого. Торчал, но не двигался. Надо было купить газировку, «Орео», хлеб, мясо для сэндвичей, майонез, помидоры, M&M's, печенье «Почти домашнее», мороженое, шоколадный торт «Пэпперидж фарм» и четыре консервные банки шоколадной глазури, чтобы есть большой ложкой. Надо было взять напрокат картриджи с фильмами в аутлете домашних развлечений «ИнтерЛейс». Надо было купить антациды, ведь поздно ночью после того, как он съест все, что купил, у него обязательно заболит желудок. Надо было купить новый бонг, потому что каждый раз, когда он докуривал свою безусловно последнюю партию марихуаны, Эрдеди решал, что все, пора завязывать, ему ведь это даже не нравится, все, хватит прятаться, хватит сваливать работу на коллег, и записывать разные сообщения на автоответчик, и отгонять машину подальше от дома, и закрывать окна, шторы и жалюзи, и жить в системе векторов между спальней с фильмами на телепьютере «ИнтерЛейс», холодильником и туалетом, и он хватал бонг, заворачивал в несколько целлофановых сумок и выбрасывал. Холодильник производил лед – маленькие дымчатые серповидные кубики, которые он обожал, и когда курил дома, всегда пил

холодную газировку и ледяную воду. Язык чуть ли не разбух при одной мысли о них. Эрдеди посмотрел на телефон и на часы.

Посмотрел на окна, но не на кроны и не на шоссе за окнами. Он уже пропылесосил жалюзи и шторы, все было готово к изоляции. Как только придет та женщина, что обещала прийти, он тут же изолируется. Он вдруг подумал, что исчезнет в балке, в той самой балке, которая что-то внутри него поддерживает. Он не знал точно, что именно, и не был готов посвятить себя образу действий, необходимому для поиска ответа на этот вопрос. Прошло уже почти три часа со времени, когда должна была прийти женщина, которая обещала прийти. Консультант, Ранди, через «а», с усами, как у офицера конной полиции, сказал ему два года назад во время амбулаторного лечения, что Эрдеди не слишком вкладывается в образ действий, необходимый для исключения вредных веществ из собственной жизни. Надо было купить новый бонг в «Богартс» на площади Портера в Кембридже, потому что каждый раз, когда он все докуривал, то выбрасывал бонги и трубки, латунные сеточки и бумажки для косяков, зажимы и зажигалки, Визин и Пепто-Бисмол, печенье и шоколадную глазурь, чтобы избавиться от всех будущих соблазнов. Он всегда чувствовал подъем и твердую решимость после того, как выбрасывал это барахло. А сегодня утром купил новый бонг и свежие припасы, вернулся домой в полной готовности задолго до того, когда обещала прийти женщина. Он подумал о новом бонге и новой упаковочке круглых латунных сеточек в сумке из «Богартса» на столе, стоящем в залитой солнцем кухне, и не смог вспомнить, какого цвета новый бонг. Прошлый был оранжевый, а до этого – темно-розовый, его дно стало мутно-розовым от смол всего через четыре дня. Он не мог вспомнить цвет нового и последнего бонга. Подумал подняться и посмотреть, но решил, что навязчивые проверки и лишние телодвижения могут испортить атмосферу непринужденного покоя, в которой он нуждался, пока ждал – торчал, но не двигался, – эту женщину; его агентство устраивало ее маленькому театру небольшую рекламную кампанию для ретроспективы Ведекinda, и Эрдеди познакомился с этой женщиной на совещании по дизайну, потом у них два раза был секс, а теперь Эрдеди ждал, когда же она выполнит свое обещание, данное столь беззаботно. Он раздумывал над тем, красива ли она. Среди прочих припасов для своего последнего марихуанового отпуска он купил вазелин. Когда курил марихуану, он имел привычку долго мастурбировать, вне зависимости от того, была возможность заняться сексом или нет, и в принципе предпочитал мастурбацию сексу в таком состоянии, а вазелин позволял вернуться к норме без болезненных ссадин и натертостей. Еще он колебался, стоит ли смотреть на цвет нового бонга, потому что путь на кухню пролегал мимо телефонной консоли, а он не хотел вновь поддаться соблазну и позвонить женщине, которая обещала прийти, не хотел чувствовать себя стремным, беспокоить ее из-за такого, как он непринужденно выразился, пустяка, и боялся, что несколько бессловесных записей на автоответчике покажутся еще более стремными, и еще Эрдеди нервничал, что, возможно, займет линию, а она в тот же самый момент будет звонить ему, ведь она точно позвонит. Он решил добавить услугу «Ожидание звонка» за номинальную доплату к стандартному пакету оператора аудиосвязи, но потом вспомнил, что раз уж он абсолютно точно в последний раз потекает своей, как назвал ее Ранди, «зависимости», такой же хищной, как и чистый алкоголизм, то в услуге «Ожидание звонка» не будет никакой необходимости, поскольку такая ситуация уже не повторится. Эти мысли его чуть не разозлили. Чтобы сохранить хладнокровие, с которым он ждал женщину, сидя в кресле на свету, он сосредоточился на окружении. Теперь насекомого видно не было. Каждый «тик» настольных часов состоял из трех более мелких «тиков», наверное, обозначая подготовку, шаг и перегруппировку. Эрдеди чувствовал, как внутри растет отвращение к самому себе: вот он сидит тут и психует, ожидая, когда ему доставят то, что уже давно его не радует. Сейчас он даже не мог объяснить себе, почему так любит дурь. Из-за дури у него пересыхало во рту, и глаза высыхали и краснели, и лицо обмякало, а он ненавидел, когда лицо обмякало, как если бы марихуана разъедала мимические мышцы, и он знал и стеснялся того, что происходит с

лицом, поэтому уже давным-давно курил в одиночестве. Он уже не понимал, в чем ее кайф. Не мог выйти к людям в тот день, когда курил марихуану, так стеснялся. А если курил без остановки больше двух дней перед экраном «ИнтерЛейса» в спальне, у него начинался болезненный плеврит. От дури мысли скакали зигзагами, из-за нее он восторженно пялился на развлекательные картриджи, как слабоумный ребенок, – готовясь к марихуановому отпуску, он всегда закупался картриджами и старался выбирать те, где все взрывалось и врезалось, и он был уверен: какой-нибудь специалист по неприятным фактам, типа Ранди, сказал бы, что любовь к такого рода развлечениям – плохой знак. Эрдеди медленно оттянул галстук, пока собирал в кулак свои мысли, волю и самосознание и твердо решал, что, когда придет женщина, – а она придет, – это будет его просто самый последний марихуановый угар. Он выкурит партию так быстро, ему станет так плохо, а память об этом ощущении будет такой неприятной, что, как только он избавится от всей дури в доме и жизни, ему больше никогда не захочется повторить подобный опыт. Он сделает все, чтобы воспоминания об этом последнем угаре были исключительно неприятные. Дурь пугала его. Из-за нее он боялся. Не самой дури, нет, просто после нее он боялся всего вокруг. Эрдеди уже давным-давно не чувствовал освобождения, облегчения или кайфа. В этот последний раз он скурит все 200 грамм – или 120, если очистить, – за четыре дня, больше унции в день, длинными, большими дозами в девственно чистом бонге, невероятное, безумное количество за день, – он поставил себе цель, считая ее одновременно самоистязанием и способом скорректировать поведение, он каждый день будет выдувать по тридцать грамм высокосортной дури, начиная с утра, едва проснувшись, попив ледяной воды, чтобы отклеить прилипший к небу язык, и приняв антацид, – в среднем 200–300 длинных затяжек в день, безумное и намеренно неприятное количество, и он поставил себе цель курить без остановки, даже если марихуана хороша настолько, насколько утверждает женщина, он все равно забьет пять раз, пока желание забивать не пропадет минимум на час. Но он себя заставит. Он скурит все подчистую, даже если не захочется. Даже если затошнит и закружится голова. Приложит все свое упорство, волю и дисциплину и сделает угар настолько неприятным, настолько гнусным, отвратительным и неприятным, что отныне его поведение изменится, он никогда не захочет повторить этот опыт, так как память о четырех безумных днях намертво врежется в мозг. Он исцелит себя через крайность. Наверное, женщина, когда придет, захочет дунуть щепотку из 200 грамм с ним, потусить, поваляться, послушать что-нибудь из его впечатляющей коллекции записей Тито Пуэнте и, вероятно, заняться сексом. Эрдеди ни разу не занимался настоящим сексом под марихуаной. Честно говоря, сама мысль об этом была противна. Два пересохших рта тыкаются друг в друга, изображая поцелуй, его стеснительные мысли извиваются, как змеи на палке, он сухо дергается и кряхтит над ней, с опухшими красными глазами и таким обмякшим лицом, что во время поцелуя его вялые безвольные складки будут касаться ее обмякшего лица, расползшегося по подушке. Сама мысль противна. Он решил, что лучше она с порядочного расстояния бросит ему то, что обещала, а он бросит ей 1250 долларов США крупными купюрами и скажет, чтоб на фиг валила отсюда. Или лучше «на хер», а не «на фиг». Он будет так груб, что память о его хамстве и ее оскорбленном лице в будущем дополнительно поможет избежать соблазна позвонить ей вновь и повторить образ поведения, которому он следует сейчас.

Он никогда еще так не психовал, ожидая женщину, которую не хотел видеть. Он отлично помнил последнюю женщину, которую вовлек в свой очередной финальный отпуск с марихуаной и опущенными жалюзи. Она занималась апроприацией – на деле это означало, что она копировала и приукрашивала чужие картины, а затем продавала в престижной галерее на Мальборо-стрит. У нее был свой манифест художника с радикально-феминистскими идеями. Он согласился взять одну ее картину, из тех, что поменьше. Сейчас та занимала полстены над кроватью: знаменитая киноактриса, имя которой Эрдеди вечно вспоминал с большим трудом, и менее знаменитый киноактер сплелись в объятиях, то была сцена из старого известного

фильма, романтическая сцена, скопированная из учебника кино, только в несколько раз увеличенная и куда более высокопарная, к тому же исчерканная непристойностями, выписанными ярко-красными буквами. Художница была сексуальная, но не красивая, в то время как та женщина, которую он не хотел видеть, но ждал сейчас и психовал, была примечательная увядшей кембриджской красотой, из-за которой казалась привлекательной, но не сексуальной. Он убедил художницу, что раньше сидел на спидах, торчал на внутривенном гидрохлориде метамфетамина [1], так он ей, кажется, сказал, и даже описал омерзительный вкус гидрохлорида, который появляется во рту сразу же после введения дозы, – он хорошо изучил этот вопрос. Далее он убедил художницу, что марихуана помогает ему не сорваться и не перейти на наркотик, с которым у него действительно есть проблемы, поэтому если покажется, что он чересчур психует из-за травки, которую она пообещала достать, то это лишь потому, что он героически борется с более мрачными и глубокими потребностями и нуждается в ее помощи. Эрдеди точно не помнил, когда и как убедил ее. Он не стал нагло врать ей в лицо, скорее создал впечатление, которое холил и лелеял, чтобы оно обрело собственную жизнь. Насекомое снова было на виду. Оно сидело на полке с цифровым эквалайзером. Может, оно и не уползло в дырку. Может, Эрдеди просто его не замечал, или освещение из двух окон изменилось, а может, дело в визуальном контексте. Балка выпирала из стены и представляла собой треугольник из серой стали с пазами для полок. Металлические полки, где стоял музыкальный центр, были покрашены в индустриальный темно-зеленый цвет и изначально предназначались для хранения консервов. Дополнительные кухонные полки, вот их предназначение. Насекомое в темном, блестящем панцире сидело неподвижно, словно копило силы, оно походило на корпус автомобиля, из которого на время извлекли двигатель. У него были темный, блестящий панцирь и усики, они торчали, но не двигались. Эрдеди хотелось в туалет. Последняя весточка от художницы, с которой он занимался сексом, а она прямо во время соития распыляла левой рукой какие-то духи, пока лежала под ним, издавая широкий диапазон звуков и распыляя духи в воздухе так, что холодный туман оседал на спину и плечи, и Эрдеди было холодно и противно, – последней весточкой от нее после того, как он залег на дно с марихуаной, которую она ему достала, была присланная по почте открытка с фотопастешем: коврик с жесткой зеленой пластиковой травой и надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ», а рядом лестный рекламный снимок художницы в ее галерее в Бэк-Бэй; между ними стоял знак неравенства, то есть знак равенства, перечеркнутый диагональной чертой, а внизу красным восковым карандашом и прописными буквами было выведено непристойное слово со множеством восклицательных знаков, которое, как предположил Эрдеди, было адресовано ему. Она обиделась, потому что сперва он на протяжении десяти дней встречался с ней ежедневно, а потом, когда она наконец добыла 50 грамм генетически модифицированной гидропонной марихуаны, сказал, что она спасла ему жизнь и что он благодарен, и что друзья, которым он обещал достать, тоже благодарны, а теперь ей пора идти, у него назначена встреча, и ему надо отчаливать, но он обязательно позвонит ей сегодня же, и они разделили влажный поцелуй, и она сказала, что чувствует, как бьется его сердце под пиджаком, и уехала в своей ржавой машине без глушителя, а он вышел на улицу и отогнал свой автомобиль в подземный гараж в нескольких кварталах от дома, и прибежал назад, закрыл чистые жалюзи и шторы, и сменил сообщение на автоответчике на то, где говорил о форсмажоре и об отъезде из города, опустил и закрыл жалюзи в спальне, достал новенький бонг розового цвета из сумки из «Богарта», и исчез на три дня, проигнорировал больше двадцати голосовых сообщений, вызовов и и-мейлов, в которых люди беспокоились по поводу форс-мажора на записи, и больше никогда ей не звонил. Надеялся, она подумает, будто он снова перешел на гидрохлорид метамфетамина и просто не хочет, чтобы она видела, как он скатывается в ад химической зависимости. На самом же деле он тогда опять твердо решил: эти 50 грамм смолянистой дури, настолько забористой, что на второй день у него началась парализующая паническая атака, и пришлось отливать в памятную керамическую кружку с эмблемой Университета

Тафтса, лишь бы не выходить из спальни, будут его самым последним угаром, и, покончив с ними, он полностью разорвет все связи с возможными будущими источниками соблазна и поставок, включая, естественно, художницу, которая, насколько он помнил, принесла товар ровно тогда, когда обещала. С улицы донесся грохот мусорного контейнера, опустошаемого в сухопутную баржу ЭВД. Стыд из-за того, что она могла принять его действия за отвратительное фаллоцентрическое отношение, только помогал избегать ее. Хотя не совсем стыд. Скорее ему было некомфортно об этом думать. Пришлось дважды стирать постельное белье, чтобы избавиться от запаха духов. Он пошел в туалет, чтобы сходить в туалет, изо всех сил стараясь не смотреть на насекомое, сидящее на полке слева, и на телефонную консоль, стоящую на лакированной рабочей станции справа. Он твердо решил не трогать ни то, ни другое. Где же эта женщина, что обещала прийти? Новый бонг в богартсовской сумке оказался оранжевого цвета, а значит, он все перепутал, когда решил, что это предыдущий бонг был оранжевым. Новый был насыщенного осеннего оранжевого цвета, а в послеполуденном свете, льющемся из окна над кухонной раковиной, приобретал оттенки цитрусового. Мундштук и чаша бонга были из неотшлифованной нержавеющей стали, зернистой, некрасивой и суровой. Высота бонга – полметра, основание покрыто мягкой фальшивой замшей. Оранжевый пластик толстый, а поддув на противоположной от трубки стороне вырезали грубо, так что из дырки торчали острые куски, которые наверняка вопьются в его большой палец во время курения, что, впрочем, Эрдеди решил считать частью самоистязания, которое себе устроит, когда придет и уйдет та женщина. Он оставил дверь в туалет открытой, чтобы наверняка услышать, если вдруг зазвонит телефон или домофон кондоминиума. В ванной к горлу вдруг подступил ком, Эрдеди зарыдал, но через две-три секунды уже не мог выдавить ни слезинки. Прошло уже больше четырех часов со времени, когда столь беззаботно обещала прийти женщина. Где же он был, когда только начал ждать, в ванной или в кресле рядом с окном, и телефонной консолью, и насекомым, и окном, из которого на пол падал ровный прямоугольник света. Сейчас лучи падали под все более острым углом. Прямоугольник превратился в параллелограмм. Свет из юго-западного окна был прямой и начал краснеть. Чуть ранее Эрдеди думал, что ему нужно в туалет, но там ничего не получилось. Он попробовал зарядить в дисковод всю кучу картриджей с фильмами, затем включил огромный телепьютер в спальне. В зеркале над ТП виднелась картина художницы. Он прицелился пультом в ТП так, словно это оружие, и убавил звук до минимума. Сел на край кровати, уперев локти в колени, и стал просматривать картриджи. Каждый картридж загружался по команде в дисковод и там начинал скрипеть и жужжать, словно насекомое. Но даже ТП не мог его отвлечь, потому что Эрдеди был не способен задержать внимание на одном картридже дольше чем на несколько секунд. Как только он понимал, что там за фильм, он начинал психовать из-за того, что на другом картридже есть что-то более развлекательное, а он упускает момент. И понимал, что у него будет еще уйма времени, чтобы насладиться всеми картриджами, и головой понимал, что ощущение паники, чувства, будто он что-то упускает, не имели никакого смысла. Экран висел на стене, размером с половину большой картины художницы-феминистки. Какое-то время он просматривал картриджи. Во время нервного просмотра зазвонил телефон на консоли. Эрдеди вскочил на ноги и оказался рядом с консолью раньше, чем успел замолчать первый звонок, его переполняло то ли волнение, то ли облегчение, он все еще сжимал пульт от ТП, но оказалось, звонит всего лишь друг и коллега, и когда он понял, что голос на том конце провода не принадлежит той женщине, которая обещала принести ему то, что он твердо решил в течение последующих дней изгнать из своей жизни навсегда, его чуть не стошнило от разочарования, ошибочно впрыснутого в кровь адреналина, светящегося и звенящего, и он повесил трубку, освобождая линию для женщины, так быстро, что был уверен – коллега решил, что либо Эрдеди на него злится, либо Эрдеди просто груб. Еще больше Эрдеди расстроило, что такой поздний ответ на звонок не согласовывался с сообщением о том, что у него форс-мажор и он будет недоступен, которое он оставит на автоответчике на случай,

если коллега перезвонит после того, как женщина придет и уйдет, а сам Эрдеди целиком изолируется от жизни, и он стоял у телефонной консоли и пытался решить, стоит ли из-за риска, что ему опять позвонит коллега или кто-нибудь еще из агентства, поменять запись на новую, согласно которой он уедет из-за форс-мажора сегодня вечером, а не днем, но решил, что раз уж женщина обязательно придет, то лучше оставить запись как есть, так он продемонстрирует верность ее обязательству, и каким-то малопонятным образом этот жест обязательство усилит. Сухопутная баржа ЭВД тем временем опустошала баки дальше по улице. Он вернулся в кресло у окна. В спальне все еще работали дисковод и экран ТП, и он видел в дверном проеме, как в темной комнате мигал и менял основные цвета экран высокой четкости, и Эрдеди нехотя убивал время, угадывая по изменению и интенсивности цветовой гаммы, какие именно развлекательные сцены сейчас на невидимом экране. Кресло стояло спиной к окну. О том, чтобы почитать в ожидании марихуаны, не могло быть и речи. Он подумал насчет мастурбации, но не стал. Не столько отверг идею, сколько просто не отреагировал на нее, смотря за тем, как она уплывает прочь. В голову пришла мысль о желаниях и идеях, за которыми он наблюдал, но которым не следовал, мысль о том, как без реализации импульсы истощаются, иссыхают и уплывают, словно шелуха, и на каком-то уровне почувствовал, что все это как-то связано с ним, его обстоятельствами и тем, что – если этот жестокий финальный угар, на который он решился, никак не решит вопрос, – можно смело называть его проблемой, но не успел задуматься, даже попытаться задуматься о том, как этот образ обезвоженных импульсов, уплывающих вдаль, связан с ним или с насекомым, которое уползло обратно в балочную дырку, потому что в этот самый момент одновременно зазвонили телефон и домофон подъезда, так громко, мучительно и резко ворвавшись сквозь маленькую дырочку в огромный воздушный шар цветастой тишины, где сидел и ждал Эрдеди, и он бросился сперва к телефонной консоли, потом к модулю домофона, потом, подчиняясь импульсу, снова к телефону, а потом наконец попытался каким-то образом броситься сразу к ним обоим, но так и замер с раздвинутыми ногами, раскинутыми руками, словно ловил что-то большое, распятый, погребенный между двумя звуками, без единой мысли в голове.

1 апреля – Год Геморройных Салфеток «Такс»

- Мне просто сказал прийти сюда папа.
- Заходи. Стул найдешь сразу слева.
- Вот я и пришел.
- Вот и замечательно. «Сэвен-Ап»? Может, лимонной газировки?
- Думаю, нет, спасибо. Я просто пришел, и все, и я вроде как хотел бы узнать, зачем папа меня сюда прислал. На вашей двери нет никакой таблички, а у стоматолога я был на прошлой неделе, вот и думаю, зачем я сюда пришел, и все. Потому и не сажусь.
- Сколько тебе, Хэл, четырнадцать?
- Будет одиннадцать в июне. Вы стоматолог? Это что, стоматологическая консультация?
- Я пригласил тебя, чтобы побеседовать.
- Побеседовать?
- Да. Прости, сейчас исправлю возраст в анкете. Твой отец почему-то написал, что тебе четырнадцать.
- Побеседовать типа с вами?
- Да, Хэл, побеседовать со мной. Я почти умоляю тебя выпить лимонной газировки. Ты издаешь сухие липкие звуки, как при недостатке слюны.
- Доктор Зегарелли говорит, что одна из причин моего кариеса – пониженное слюноотделение.
- Сухие, липкие бесслюнные звуки, которые могут положить конец любому общению.
- То есть я катил сюда против ветра на велике только для того, чтобы пообщаться с вами?
- А наше с вами общение может начаться с вопроса «зачем»?
- Я начну с того, что спрошу у тебя, Хэл, знаешь ли ты значение слова «умоляю».
- Ладно, раз уж вы умоляете, тогда я возьму «Сэвен-Ап».
- Я спрошу еще раз, знаете ли вы значение слова «умоляю», молодой человек?
- Молодой человек?
- В конце концов, на тебе галстук-бабочка. Разве это само по себе не приглашение называть тебя «молодой человек»?
- «Умолять» – это правильный глагол, переходный: склонять кого-либо к чему-либо страстными просьбами; горячо просить; уговаривать; взывать. Слабый синоним: упрашивать. Сильный синоним: заклинать. Этимология: от латинского *implorare*, «*im*» в значении «в» и «*plorare*» в этом контексте «кричать». Оксфордский Словарь, сокращенное издание, том шестой, страница 1387, колонка двенадцать и чуть-чуть тринадцатой.
- Матьер божья, так она не преувеличивала?
- В академии меня иногда бьют за такие шуточки. Это как-то связано с тем, почему я здесь?
- С тем, что я теннисист-юниор с континентальным рейтингом, который еще умеет запоминать и воспроизводить слово в слово целые фрагменты из словарей, за что меня иногда бьют, и ношу бабочку? Вы типа специалист по одаренным детям? Это значит, меня считают одаренным?
- СП-Ф-Ф-Ф-Т.
- Пожалуйста. Угощайся.
- Спасибо. ШУЛГ-ШУЛГ-СПА-А-Х.... Фух-х. Ах.
- Все-таки тебя мучила жажда.
- Так что, если я сяду, вы мне все объясните?
- ...в конце концов, профессиональный собеседник должен разбираться в слизистых оболочках.
- У меня может быть отрыжка из-за газировки. Это я заранее вас предупреждаю.

– Хэл, ты здесь потому, что я – профессиональный собеседник, и твой отец назначил тебе встречу со мной, чтобы ты побеседовал.

– МИ-УРП. Простите.

Кап-кап-кап-кап.

– ШУЛГ-СПА-А-Х-Х.

Кап-кап-кап-кап.

– Вы профессиональный собеседник?

– Да, как я только что сказал, я – профессиональный собеседник.

– Только не надо смотреть на часы, словно я трачу ваше драгоценное время. Если Сам назначил вам встречу и заплатил за нее, значит, это время мое, правильно? Не ваше. И потом, но что это вообще значит – «профессиональный собеседник»? Собеседник – это просто человек, который ведет беседу. Вы берете деньги за то, чтобы вести беседу?

– Собеседник – это также человек, как я уверен, ты помнишь, «интересный в общении».

– Это из словаря Вебстера, седьмое издание. Не из Оксфордского.

Кап-кап.

– Я фанат Оксфордского, доктор. Если вы, конечно, доктор. Вы же доктор? У вас есть степень? Многие, я заметил, любят вешать на стены свои дипломы, если они у них есть. А седьмое издание Вебстера – это старый словарь, он уже неактуален. Восьмое издание Вебстера вносит поправки, что «собеседник – это человек, который ведет беседу с энтузиазмом».

– Еще «Сэвен-Апа»?

– У Самого все еще продолжают галлюцинации о том, что я не разговариваю? Вот почему он сказал Маман, чтобы она послала меня на велике сюда? Сам – это мой папа. Мы его так называем. А маму мы зовем «Маман». Это мой брат придумал прозвище. Как я понимаю, это не так уж и необычно. Как я понимаю, в большинстве более или менее нормальных семей люди называют друг друга ласкательными именами или придумывают милые прозвища. Лучше не спрашивайте о моем семейном прозвище.

Кап-кап-кап.

– Но вы должны знать, что Сам страдает от галлюцинаций, в последнее время, иногда. Не пойму, зачем Маман позволила ему отправить меня сюда, крутить педали, взбираться на холм, против ветра, чтобы побеседовать с энтузиастом, у которого нет ни таблички на двери, ни дипломов на стене, хотя у меня сегодня игра в 3:00.

– Мне, прости за нескромность, хотелось бы думать, что это связано не только с тобой, но и со мной. Что моя репутация опережает меня.

– Разве эту фигуру речи обычно используют не в негативном значении?

– Со мной очень интересно разговаривать. Я – настоящий профессионал. Люди покидают мой кабинет, чувствуя себя обновленными. Ты здесь. Настало время беседы. Может быть, обсудим византийскую эротику?

– Как вы узнали, что я интересуюсь византийской эротикой?

– Мне кажется, ты продолжаешь путать меня с человеком, который просто вывешивает на дверь табличку со словами «Профессиональный собеседник», а это предприятие – с шарашкиной конторой, созданной тяп-ляп. Думаешь, у меня нет сотрудников? Исследователей в штате? Думаешь, мы не изучаем тщательно подноготную всех, с кем назначены встречи? Думаешь, аккредитованное коммандитное партнерство не собирает данные о тех интересах своих клиентов, которые помогут наладить беседу?

– Я знаю только одного человека, который использовал слово «подноготная» в обычной беседе.

– В профессиональном собеседнике с сотрудниками нет ничего обычного. Мы все тщательно изучаем. Мы копаем глубоко, а потом еще глубже. Молодой человек.

– Хорошо, александрийский период или константинопольский?

– Думаешь, мы недостаточно хорошо изучили твою связь с текущим внутрив провинциальным кризисом в Южном Квебеке?

– Какой еще внутрив провинциальный кризис в Квебеке? Я думал, вы хотели поговорить о непростой мозаике.

– Наш офис расположен в первоклассном районе важной североамериканской метрополии, Хэл. У нас первоклассные стандарты. И высокие. Профессиональный собеседник всегда тщательно копает подноготную. Как ты думаешь, неужели специалист в области бесед упустил бы из виду порочащие связи твоей семьи с печально известным членом панканадского сопротивления мсье Дюплесси и его коварной, но якобы неотразимой личной секретаршей – оперативником Лурией П–?

– Слушайте, с вами все в порядке?

– Так как ты думаешь?

– Мне десять, ради всего святого. По-моему, у вас квадратик на календаре съехал. Я десятилетний потенциально одаренный теннисист и лексический гений, моя мама – большой человек в ученом мире прескриптивной грамматики, мой отец занимает выдающееся место в кругах авангардного кино и оптики, а также он – единоличный основатель Энфилдской теннисной академии, но при этом хлещет «Уайлд Теки» чуть ли не с 5:00 и во время утренних тренировок иногда запинаясь и падает прямо на корте, а иногда страдает от галлюцинаций, что люди только шевелят губами, но не разговаривают. Я еще даже до буквы «Г» не дочитал, в сокращенном Оксфордском словаре, а уж обо всех этих Квебеках и коварных Луриях знаю того меньше.

– ... на тот факт, что фотографии вышеупомянутой... связи утекли в газету Der Spiegel, и все закончилось странной смертью двух человек – папарацци из Оттавы и редактора отдела международных новостей из Баварии: первому вспороли брюхо альпенштоком, второй подавился жемчужным луком из коктейля?

– Я недавно закончил читать статью о галлюциногенах. Начал читать о гармонике и общей теории языковых музыкальных инструментов. Я даже на лыжах никогда не катался.

– Даже не думай, не представляй даже, будто мы не отразим в беседе еженедельные, назовем их... встречи... твоей матери с неким пока остающимся неназванным фаготистом-бисексуалом из оркестра Альбертской секретной гвардии?

– Ох, блин, а можно я пойду?

– ...и твое беспечное невнимание к тому, что твоя дорогая «грамматическая» мать развлекается не с одним, не с двумя, а более чем с тридцатью ближневосточными атташе по медицине?..

– А если я скажу вам, что у вас усы кривые, это будет грубо?

– ...и что она добавляет в твою невинную миску с утренними кукурузными хлопьями «Ралстон» эзотерические мнемонические стероиды, и они стереохимически не отличаются от ежедневных гиподермических «мегавитаминов» твоего отца, которые производятся на основе некоего восстанавливающего тестостерон органического соединения, дистиллированного шаманами дживаро из Южно-Центральной Лос-Анджелесской впадины...

– Нет, более того, я просто должен сказать, что у вас все лицо как-то странно перекошило, как бы, сами посмотрите. Нос обвис.

– Что твои так называемые спонсорские широкопрофильные теннисные ракетки «Данлоп» производятся из суперсекретного сплава высокомодульной, усиленной графитом, поликарбонатной полибутиленовой смолы, органохимически идентичной – я подчеркиваю, идентичной – материалам, из которых сделаны гироскопический балансировочный сенсор, схема апроприации мизансцены и развлекательно-приапический картридж, имплантированные в анапластический мозг твоего выдающегося отца после того, как он пережил жестокую серию

детоксикаций, сглаживаний извилин, гастрэктомию, простатэктомию, панкреатэктомию, фаллоктомию...

Кап-кап.

– ШУЛГ-СПА-А-Х-Х.

– ...может ускользнуть от пристального внимания моих?..

– И я понял, что уже видел этот свитер-безрукавку с аргайлом. Это особый аргайловый свитер-безрукавка для праздничного ужина на День Взаимозависимости, который Сам из принципа никогда не стирает. Узнаю эти пятна. Я был рядом, когда подавали вот эту итальянскую телятину. Наша встреча как-то связана с датой? Это первоапрельская шутка, пап? Или мне позвонить Маман и Ч.Т.?

– ...всего лишь просит ежедневного доказательства того, что ты разговариваешь? Что ты вообще умеешь видеть хоть что-то дальше мясистого кончика своего мондрагоновского носа?

– Ты снял целый офис и нацепил это лицо, но не снял свой старый свитер, который невозможно ни с чем перепутать? И как тебе удалось добраться сюда раньше меня, если твой «меркьюри» стоит без колес на кирпичках с тех пор, как ты... ты как-то выманил у Ч. Т. ключи от рабочей машины?

– Который раньше ежедневно молился о дне, когда его собственный любимый покойный отец сядет, покашляет, откроет свежий «Тусон Ситизен» и не превратит газету в пятую стену комнаты? И который после стольких света и шума сам, похоже, породил такую же тишину?

– Который прожил всю чертову жизнь-жестянку в комнатах с пятью стенами?

– Слушай, пап, у меня по расписанию игра с Шахтом минут через двенадцать, несмотря на ветер по дороге с холма. И встреча с лирологом, который будет ждать у «Брайтон Бест Сейвингс» в заранее оговоренном галстуке ровно в пять. Ради этой встречи мне придется целый месяц стричь газон возле его дома. Мне некогда сидеть тут с тобой и с фальшивым обвисшим носом, потому что тебе кажется, будто я немой. Ты слышишь, как я говорю, пап? Оно говорит. Оно благодарит за газировку, дает определение слову «умолять» и беседует с тобой.

– Моля о том, чтобы хоть одна беседа, любительская или профессиональная, не закончилась ужасом? Не закончилась, как остальные: ты пялишься, я проглатываю?

– ...

– Сынок?

– ...

– Сынок?

9 мая – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Еще отцы влияют на своих сыновей вот в чем: когда у сына ломается голос, он начинает отвечать на телефонные звонки с теми же речевыми оборотами и интонациями, что и его отец. Причем вне зависимости от того, жив отец или нет.

Поскольку Хэл уходил из общежития на утренние тренировки еще до 06:00 и часто не возвращался до самого ужина, сбор портфеля с учебниками, рюкзака и спортивной сумки, да еще и отбор самых хорошо натянутых ракеток, – все это занимало немало времени. Плюс обычно Хэл все собирал, отбирал и паковал в темноте, стараясь двигаться очень тихо и осторожно, потому что на соседней кровати спал его брат, Марио. Марио не тренировался и не мог играть, зато ему был нужен здоровый сон.

Хэл стоял со спонсорской сумкой для экипировки и перебирал треники, прикладывая их поочередно к лицу, чтобы определить самую чистую пару по запаху, когда зазвонила телефонная консоль. Марио встрепенулся и сел на кровати – маленький сгорбленный силуэт с большой головой на фоне серого предутреннего света из окна. Хэл был у консоли ко второму звонку и прозрачную антенну телефона вытащил к третьему. Когда он отвечал на звонки, обычно говорил что-то вроде: «М-м-м-мяуло».

– Я столько хочу сказать, – сообщил голос в трубке. – Голова переполнена мыслями.

В свободной руке Хэл держал три пары треников с эмблемой ЭТА. Он видел, как старший брат поддался гравитации и откинулся назад, на подушки. Марио часто садился на кровати и падал назад, не просыпаясь.

– Я не против, – тихо ответил Хэл, – я могу ждать вечно⁶.

– Это ты так думаешь, – сказал голос. Связь оборвалась. Это был Орин.

– Эй, Хэл?

Свет в комнате был какого-то жутковато-серого цвета, словно бы антисвет. Хэл слышал, как в коридоре Брандт смеется над чем-то, что сказал Кенкль, и уборщики лязгают ведрами. Голос в телефоне принадлежал О.

– Эй, Хэл? – Марио проснулся. Чтобы поддерживать огромную голову Марио, нужно четыре подушки. Его голос доносился из-под скомканных одеял. – На улице еще темно или это мне так кажется?

– Спи. Еще даже шести нет, – первой в штанину треников Хэл продел здоровую ногу.

– Кто это был?

Хэл сунул три широкопрофильных «Данлопа» без чехлов в сумку для экипировки и застегнул ее так, что ручки ракеток торчали наружу. Подтащил все три сумки к консоли и отключил звук у телефона.

– Ты его не знаешь, вряд ли, – сказал он.

---

⁶ Строчки из песни «Битлз» «I want to tell you».

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Атташе по медицине лишь наполовину этнический араб, а по рождению и местожительству – канадец, но, тем не менее, он вновь получил дипломатический иммунитет как гражданин Саудовской Аравии, на сей раз как особый ухо-горло-нос-консультант личного врача Принца К–, министра по домашним развлечениям, прибывшего на северо-восток США с дипмиссией: он должен был заключить очередную многомиллионную сделку с компанией «ИнтерЛейс ТелИнтертейнмент». Завтра, в четверг, 2 апреля в ГВБВД по лунному североамериканскому календарю, атташе исполнится тридцать семь. Дипмиссия считает идею рекламного спонсирования североамериканского календаря смехотворно вульгарной. Не говоря уже о сногшибательном образе самого знаменитого и бахвального кумира идолопоклоннического Запада – колоссальной статуе Свободности, в этом году облаченной в нечто вроде гигантского подгузника для взрослых; фотоснимки этого смехотворно уместного образа теперь активно тиражируются многими международными журналами.

Хотя обычно медицинская практика атташе разделена между Монреалем и Руб-эль-Хали, на землю США он вернулся впервые за восемь лет после завершения ординатуры. В его обязанности входит мигрировать вместе с принцем и его свитой между двумя хабами «ИнтерЛейса» по производству и по распространению в Фениксе, Аризона, США, и в Бостоне, Массачусетс, США, соответственно, консультируя личного врача Принца К– в области отоларингологии. Если говорить конкретно, атташе специализируется на челюстно-лицевых последствиях дисбаланса внутрикишечной флоры. Принц К– страдает от хронической кандиды белой (как страдал бы любой, кто питается только шоколадками «Тоблерон»), с протекающим ослабленным иммунитетом к монилиальному синуситу и острому кандидозному стоматиту, из-за которых в условиях холодного и сырого климата Бостона, США, в начале весны возникают дрожжеподобные язвы и синусовая непроходимость, требующие почти ежедневного дренажа. Несравненный проворный маэстро ватного тампона и подкожной инъекции, атташе по медицине известен в узком (и все сильнее сужающемся) кругу представителей высшего класса нефтеарабских стран как Дебейки⁷ челюстно-лицевого дрожжеподобного грибка, а его поражающий воображение гонорар вполне соответствовал *ad valorem*.

Конкретно за эту работу гонорар блуждал где-то у границ приличия, но и обязанности медицинского атташе были довольно изматывающими и тошнотворными, и когда он в конце рабочего дня возвращается в снятые женой роскошные апартаменты, расположенные довольно далеко от Бэк-Бэй и Скоттсдэйла, где обычно располагались члены дипломатической миссии, ему нужно расслабиться любой ценой. Более чем умеренный адепт североамериканского суфизма, который в его детские годы проповедовал Вилайят Инайят Хан, для расслабления атташе по медицине никогда не вкушает киф или алкоголь и обязан расслабляться без вспоможения химии. Возвращаясь домой после вечерней молитвы, он хочет потешить свой взгляд острым и 100 %-халяльным ужином, поджидающим на тарелке, с пылу с жару, дымящимся на пристяжном подносе, и чтобы его слюнявчик был выглажен и уложен рядом с подносом, и чтобы телепьютер в зале был уже включен и в состоянии готовности, и чтобы вечерние развлекательные картриджи были подобраны и вставлены в очередь дисководы, готового принять любой картридж по одному нажатию кнопки на пульте. Атташе откидывается перед экраном в своем особом электронном кресле с опускающейся спинкой, и его жена в черной парандже, этническая арабка, молча ухаживает за ним, расстегивает стесняющие движения пуговицы и ремень, настраивает освещение в комнате, встает позади и устанавливает специальный поднос сложной формы так, чтобы тот поддерживали плечи атташе, и еда находилась прямо перед

---

⁷ Майкл Эллис Дебейки – всемирно известный кардиохирург.

подбородком, и он мог наслаждаться горячим ужином, не отрывая глаз от включенного развлечения. У него узкая имперская борода, за ней жена тоже ухаживает и следит, чтобы в бороду не попали крошки с подноса. Атташе по медицине сидит и смотрит, ест и смотрит, понемногу расслабляясь, пока поза тела в кресле и откинувшаяся голова не говорят о том, что он уснул, и в этот момент электронное кресло автоматически принимает полностью горизонтальное положение и из длинных слотов по бокам появляется, словно вытекает, пышное шелковое постельное белье; и, если его жена с должным вниманием и проворством обращается с пультом дистанционного управления, то атташе по медицине свободно переходит из состояния расслабленного очевидения в состояние блаженного ночного сна прямо там, в откинутах кресле, в то время как телепьютер играет рекурсивную звуковую петлю с тихим прибоем и каплями легкого дождя, падающими на широкие зеленые листья.

И это повторяется каждый вечер, не считая, конечно, вечеров среды, ведь по средам в Бостоне его жене позволено провести вечер за теннисом с другими женами дипломатов и товарками из Продвинутой лиги арабских женщин в роскошном клубе «Маунт Оберн» в Западном Уотертауне, а не молча ухаживать за ним, поскольку именно по средам полки кондитеров-импортеров шоколада на Ньюбери-стрит, Бостон, Массачусетс, США, пополняются свежими упаковками «Тоблерона», а потому из-за неспособности министра по домашним развлечениям Саудовской Аравии держать в узде свою любовь к шоколаду, атташе по медицине часто проводит весь вечер на целиком снятом для дипмиссии четырнадцатом этаже отеля «Бэк-Бэй Хилтон», жонглируя шпателями для языка и ватными тампонами, нистатином, ибупрофеном, кровоостанавливающими и антибиотическими мазями против стоматита, восстанавливая слизистые оболочки диспепсического, огорченного и часто (но не всегда) раскаивающегося и благодарного саудовского принца К—.

И вот 1 апреля ГВБВД атташе по медицине (как утверждается) оказывается недостаточно проворен с палочкой при обработке язвенного синального некроза и уже в 18:00 становится жертвой фебрильной стоматитной истерики министра по домашним развлечениям с флоральным дисбалансом, и по визгливому приказу заменяется у королевской кровати личным врачом принца, которого вызвали по биперу из сауны «Хилтона», и мокрый личный врач хлопает атташе по плечу и советует не обращать внимания на истерику – это только дрожжевой грибок говорит, – а хоть раз для разнообразия пораньше уехать пораньше домой и расслабиться в заслуженный вечер среды, в общем, когда атташе приезжает домой, где-то в 18:40, в его просторных бостонских апартаментах никого нет, свет в зале не приглушен, ужин не разогрет, пристяжной поднос валяется в посудомоечной машине и – самое ужасное – естественно, не заказан комплект развлекательных картриджей в аутлете «ИнтерЛейс» на Бойлстон-стрит, где у жены атташе по медицине, как и у всех остальных сокрытых паранджой жен, сопровождающих дипломатическую миссию принца, есть партнерский дисконт. И даже не будь он слишком измотан и нерасслаблен для того, чтобы вновь отправиться в сырую городскую ночь за развлекательными картриджами, атташе по медицине понимает, что жена, как всегда по средам, уехала на машине с дипломатическими номерами, без которых любой здравомыслящий иностранец даже не помыслит припарковаться ночью хоть где-нибудь в Бостоне, Массачусетс, США.

Таким образом, у атташе по медицине сильно сузился выбор способов расслабления. Роскошный телепьютер в гостиной принимает и спонтанные распространения от Сигнал-матрицы, идущей по подписке «ИнтерЛейс», но сама процедура заказа конкретного спонтанного сигнала настолько сложна с технологической и криптографической точек зрения, что атташе всегда доверял эту работу жене. В этот вечер среды, почти наугад тыкая по кнопкам и аббревиатурам, он может призвать лишь прямые трансляции американских спортивных матчей (но американские виды спорта всегда казались ему жестокими и отталкивающими), оперу под спонсорством нефтяной компании «Тексако» (нет, спасибо, хватит с атташе на сегодня небных

язычков), повторный эфир очередной серии «Мистера Попрыгайчика», популярной дневной детской программы «ИнтерЛейса» (которую атташе на миг принял за документалку о биполярном расстройстве, пока до него не дошло, и он поспешно не вернулся в меню выбора) и повтор выпуска мало оставляющей воображению утренней программы «Всегда в форме» о домашней аэробике с гуру аэробики мисс Тауни Кондо, чье мало оставляющая воображению одеяние и вызывающе расставленные ноги грозят натолкнуть набожного атташе на нечистые мысли.

Единственные картриджи развлечения в апартаментах, которые в бессильном яростном поиске находит атташе, – те, что доставили по американской почте в среду и что теперь лежат на серванте в гостиной рядом с личными и профессиональными факсами и письмами, которые атташе отказывался читать, пока их не просмотрит и не рассортирует по степени важности жена. Сервант стоит у стены напротив электронного кресла под триптихом с высококачественной византийской эротикой. Пухлые из-за защитного материала конверты с картриджами, с характерной выпуклостью, лежат вперемишку с менее развлекательной почтой. В поисках чего-нибудь расслабляющего атташе один за другим надрывает пухлые конверты по надлежащей линии перфорации. Там есть фильм об антибиотиках актиномицетового класса и о синдроме раздраженной толстой кишки, снятый по заказу отдела услуг для специалистов ОНАНМА⁸. Там есть картридж с сорокаминутной сводкой североамериканских новостей от 1 апреля ГВБВД, выпущенная СВС/ РАТНЁ, которую он ежедневно получает по автоподписке жены либо с помощью сигнала «ИнтерЛейса», защищенного от копирования, прямо на ТП, либо по экспресс-почте на одноразовом самоочищающемся компакт-диске. Там есть видеоиздание апрельского номера журнала «Селф» на арабском языке для его жены, а модель «Насс» на обложке целомудренно замотана в паранджу. Там есть обычная коричневая и раздражающе неподписанная коробка в безликом стандартном конверте с защитой от ударов для трехдневной доставки картриджей первым классом почтой США. На пухлом конверте марка пригорода Феникса в штате Аризона, США, а в блоке «От кого» вместо обратного адреса или штампа корпорации только надпись «С ГОДОВЩИНОЙ!» и корявая рожица с улыбкой, нарисованные шариковой ручкой. И хотя атташе по рождению и местожительству гражданин Квебека, где английский язык не основной, он все же знает, что английское слово «годовщина» значит не то же самое, что и «день рождения». И атташе, и его жена в парандже были связаны узами брака с благословения Господа и Пророка вовсе не в апреле, а в октябре, четыре года назад, в Руб-эль-Хали. Еще больше путаницы в историю с пухлым конвертом вносит то, что на любой посылке от дипмиссии принца К– в Фениксе, Аризона, США, надлежит быть дипломатической печати, отнюдь не обычной почтовой марке ОНАН. Словом, атташе чувствует себя нерасслабленным и недооцененным и уже заранее готовится к тому, что его рассердит содержимое конверта: а там лишь стандартный черный развлекательный картридж, лишенный всяких опознавательных знаков и упакованный в неяркую, неинтересную и непривлекательную коробку, причем на месте, где полагается находиться гравировке с кодами регистрации и хронометражем, красуется очередная банальная американская круглая улыбающаяся рожица. Атташе по медицине озадачивают и конверт, и рожица, и никак не подписанный картридж, а также заведомо сердит то, что ему пришлось так много времени провести в вертикальном положении, исследуя конверты на серванте, хотя это не входит в его обязанности. Он не выкидывает неопознанный картридж в урну и не откладывает до той поры, когда жена проверит его содержимое, лишь по той причине, что выбор развлечений, когда женщина вдали от дома в своей раздражающей американизированной теннисной лиге, прискорбно невелик. Атташе только вставит картридж и быстро ознакомится с содержимым, чтобы убедиться, что оно его разозлит, или не заинтересует, или не завлечет и не развлечет ни в коей мере. Он разогреет подготовленную халяльную телятину с острым халяльным гарниром в микроволновой печи, пока они не будут с пылу с

⁸ Медицинская ассоциация Организации независимых Американских Наций.

жару, красиво расставит на подносе, уделит внимание первым секундам этого странного и/или раздражающего неопознанного картриджа, на котором, вполне вероятно, нет ничего, кроме загадочной пустоты, потом расслабится с помощью сводки новостей, потом, возможно, одним глазком целомудренно взглянет на весеннюю линию асексуальной черной благочестивой женской одежды «Насс», потом вставит картридж с рекурсивной записью прибоя и дождя и на этом окунется в заслуженный сон в среду вечером, надеясь лишь, что жена, вернувшись из теннисной лиги в пропитанном потом черном теннисном ансамбле по щиколотку, не пробудит его случайно, неуклюже или неprovорно снимая поднос с шеи.

Когда он устраивается в кресле с подносом, готовый к просмотру, цифровой дисплей ТП гласит 19:27.

Год Шоколадного Батончика «Дав»

Уордин говорит мамка ее обижают. Реджинальд пришел к нам на район, на двор перед моим домом, где мы с Долорес Эппс прыгали через двойные скакалки, и говорит, Кленетт, Уордин у меня на хате плакает, говорит мамка ее обижают, и я иду с Реджинальдом до его дома где он живет, и Уордин сидит в шкафу на хате у Реджинальда, и плакает. Реджинальд вытащил Уордин из шкафа и мы с ним плачем и я стираю мокрое с ее лица и Реджинальд так осторожно снимает с нее ее все рубашки и говорит Уордин, чтоб дала мне поглядеть. У Уордин спина вся побитая и порезанная. Длинные рубцы сверху-донижу спины, розовые рубцы, у которых вокруг такая вот кожа, как на губах наших. Меня даже затосило. Уордин плакает. Реджинальд говорит Уордин говорит ее мамка обижают. Говорит мамка бьет Уордин вешалкой. Говорит мамкин хахаль Рой Тони хочет спать с Уордин. Дает ей конфеты и пятерки. Встает у ней на дороге и шагу не дает ступить, чтоб не полапать. Реджинальд говорит Уордин говорит Рой Тони однажды ночью, когда мамка Уордин была на работе, он пришел в комнату где спят на матрасах Уордин и Уильям и Шантель и малыш Рой, и стоял там в темноте, высокий, и шептал ей всякие вещи, и дышал. Мамка Уордин говорит Уордин искушает Роя Тони на грех. Уордин говорит она говорит Уордин хочет склонить Роя Тони к Греху молодой упругой собой. Она бьет Уордин по спине вешалками из шкафа. Моя мамка говорит мамка Уордин не дружит с головой. Моя мамка боится Роя Тони. Уордин плакает. Реджинальд садится и просит Уордин рассказать его мамке как мамка Уордин ее обижают. Реджинальд говорит что Любит Уордин. Говорит что Любит но раньше не понимал почему Уордин не спит с ним, как девушки спят со своими мужчинами. Говорит Уордин никогда раньше не разрешала ему снять с нее рубашки до сегодня когда пришла на хату к Реджинальду в его доме и заплакала, она разрешила Реджинальду снять с себя рубашки, чтобы показать как мамка бьет Уордин из-за Роя Тони. Реджинальд Любит Уордин. А Уордин умирает со страху. Она говорит Реджинальд не надо. Она говорит, если она пойдет к мамке Реджинальда, тогда мамка Реджинальда пойдет к мамке Уордин, и тогда мамка Уордин подумает, что Уордин спит с Реджинальдом. Уордин говорит ее мамка говорит если она ляжет спать с мужчиной пока ей не шестнадцать, то мамка забьет ее досмерти. Реджинальд говорит что не допустит этому случиться с Уордин.

Рой Тони убил брата Долорес Эппс Коламбуса Эппса в Брайтон Проджектс четыре года уже как. Рой Тони на удо. Уордин говорит он показывал ей какую-то штуку на ноге, эта штука шлет радиосигналы в полицию что он все еще в Брайтоне. Рой Тони не может уехать из Брайтона. Брат Роя Тони это отец Уордин. Он уже покойник. Реджинальд пытается утихомирить Уордин но она все плакает. Уордин такая как будто спятила так ей страшно. Она говорит она убьет себя, если я или Реджинальд скажем нашим мамкам. Она говорит, Кленетт, ты моя сводная сестра, я прошу чтоб ты не говорила своей мамке о моей мамке и Рое Тони. Реджинальд говорит, Уордин, успокойся и ляг спокойно. Мажет маргарином с кухни порезы на спине. Он осторожно водит липким пальцем по розовым рубцам от вешалки. Уордин говорит она ничего не чувствует спиной еще с весны. Она лежит животом на полу Реджинальда и говорит ничего не чувствует кожей со спины. Когда Реджинальд уходит за водой она просит сказать правду, какое лицо у Реджинальда когда он глядит на ее спину. Она все еще хоть чуточку красивая, плакает она.

Я не скажу моей мамке про Уордин и Реджинальда и мамку Уордин и Роя Тони. Моя мамка боится Роя Тони. Из-за моей мамки Рой Тони и убил Коламбуса Эппса, четыре года как, в Брайтон Проджектс, из-за Любви.

Но я знаю, Реджинальд скажет. Реджинальд говорит что мамка Уордин побьет Уордин только через его труп. Он говорит встанет перед Роем Тони и скажет ему чтоб он не трогал Уордин и не дышал ночью около ее матраса. Он говорит пойдет на игровую площадку в Брайтон

Проджектс, где Рой Тони делает свои дела, и поговорит с Роем Тони как мужчина с женщиной и заставит Роя Тони поступить правильно.

Но по-моему Рой Тони убьет Реджинальда если Реджинальд пойдет к нему. Помоему Рой Тони убьет Реджинальда, и потом мамка Уордін побьет Уордін вешалкой досмерти. И потом только я буду знать. А у меня будет ребенок.

В восьмом классе американской школы Брюс Грин по уши втрескался в одноклассницу, с неподходящим именем Милдред Трах. Неподходящим потому, что если и жила когда-нибудь восьмиклассница, которая выглядела как Дафна Кристиансон или Кимберли Сен-Симон, то это была Милдред Трах. Она была тем смертельно прекрасным и цветущим призрачным персонажем, что скользит по потным школьным коридорам снов любого ночного поллюционера. Волосы, о которых, как слышал Грин, один выпрєнный учитель сказал, будто они «подобны льну»; тело такое, словно переменчивый ангел полового созревания – тот самый ангел, который, кажется, не знал даже почтового индекса Брюса Грина, – посетил и поцеловал еще в шестом классе; ноги, эффект которых не могли снизить даже несерьезные оранжевые кеды с сиреневыми шнурками в блестках. Застенчивая, лучистая, игривая, гибкая станом, пышная бюстом, любившая робко поправить льняные волосы на чистом кремовом лбу, отчего Брюса как пронзала личная молния. Видение в летнем платье и дурацких кедах. Милдред Л. Трах.

А потом, уже ближе к десятому классу произошла странная метаморфоза из числа тех, о которых вечно задаются вопросом «когда это случилось-то?», и Милдред Трах стала внушительным членом устрашающей банды Винчестерской средней школы, участницы которой курили «Мальборо» в переулке между корпусами младших и старших классов и вообще уходили с учебы во время обеда, уезжая на шумных машинах с низкой посадкой пить пиво и курить шмаль, гоняли по округе с включенными звуковыми системами незаконной мощности, пользовались Визином и «Клоретсом»⁹ и т. д. Она была одной из них. Жевала жвачку (или чего похуже) в буфете, на ее робком лице теперь застыла скучающая маска Дерзости, ее льняные пряди были намазаны гелем и выглядели так, словно она сунула пальцы в розетку. Брюс Грин копил на подержанную машину с низкой посадкой и упражнялся в Дерзости на тете, которая его приютила. Он развивал силу воли.

И к классу, который должен был стать выпускным, Брюс Грин выглядел гораздо более скучающим, внушительным и устрашающим, чем даже Миддред Трах, и он, Миддред Трах, а также их маленькая страдающая от недержания Харриет Трах-Грин поселились на границе Оллстонского Отшиба в блестящем трейлере с другой устрашающей парочкой, а также Томми Дуси – человеком с заячьей губой и дурной славой, торговцем дурью и сопутствующими товарами; он держал несколько больших змей в нечищенных незакрытых аквариумах, из которых воняло, но Томми Дуси смрада не замечал, потому что заячья губа полностью закрывала ему ноздри, если он что и чувствовал, то только собственную губу. Обычно к полудню Миддред Трах уже была под кайфом и смотрела катриджи с сериалами, а Брюс Грин еще работал в «Леже Тайм Айс», и какое-то время жизнь казалась им более-менее сплошной вечеринкой.

---

⁹ Название жевательной резинки.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

– Хэл?

– ...

– Эй, Хэл?

– Да, Марио.

– Ты спишь?

– Бубу мы ведь это уже проходили. Нельзя одновременно спать и разговаривать.

– Я так и думал.

– Рад, что помог.

– Ой, ты сегодня был в ударе. Ой, его еще чуть-чуть и стошнило бы. Когда он запустил мяч по линии, а ты достал его, и упал, и отбил укороченным, Пемулис сказал, что парень выглядел так, будто обтошнит всю сетку, так и сказал.

– Бу, я просто надрал ему задницу, вот и все. Закружи тему. Мне кажется, нехорошо бесконечно пережевывать, что надрал кому-то задницу на корте. Это вопрос достоинства. Мне кажется, надо просто оставить эту тему в покое. Кстати о покое.

– Эй, Хэл?

– ...

– Эй, Хэл?

– Уже поздно, Марио. Время спать. Закрой глаза и думай смутные мысли.

– Маман тоже всегда так говорит.

– Мне всегда помогало, Бу.

– Ты думаешь, что я всегда думаю смутные мысли. Ты разрешил мне жить с тобой, потому что тебе меня жалко.

– Бубу, я даже отвечать на это не буду. Я рассматриваю это как тревожный звоночек. Ты всегда начинаешь капризничать, когда мало спишь. И вот мы как раз видим каприз на западном горизонте, прямо сейчас.

– ...

– ...

– Когда я спрашивал, ты спишь, я хотел спросить, ты чувствовал, будто веришь в Бога, сегодня, на корте, когда был в ударе, когда того мальчика чуть не стошнило?

– Что, опять?

– ...

– Мне правда кажется, что полночь в темной комнате, когда я так устал, что даже волосы болят, а через шесть недолгих часов у меня тренировка, – не самые подходящие время и место для таких разговоров, Марио.

– ...

– Ты у меня каждую неделю об этом спрашиваешь.

– Ты никогда не отвечаешь, поэтому и спрашиваю.

– Так, сегодня, чтобы ты уговорился, давай я отвечу, что у меня есть кое-какие административные претензии к Богу, Бу. Мне кажется, у него довольно вальяжный стиль управления, от которого я не в восторге. Я скорее против смерти. А Бог, судя по всему, по своим убеждениям – за. И я не вижу, как нам договориться по этому вопросу, мне с ним, Бу.

– Ты говоришь про то, когда скончался Сам.

– ...

– Видишь? Ты никогда не отвечаешь.

– Еще как отвечаю. Только что ответил.

– ...

- Просто я ответил не то, что ты хотел услышать, Бубу, вот и все.
- ...
- Есть разница.
- Я не понимаю, как ты мог не чувствовать, будто веришь в Бога, сегодня, на корте. Ведь все было как надо. Ты двигался так, будто прям веришь.
- ...
- Разве ты не чувствовал внутри, нет?
- Марио, ты для меня – загадка, как и я – для тебя. Мы по этому вопросу смотрим друг на друга с разных сторон непреодолимой пропасти. Давай полежим в тишине и подумаем над этим.
- Хэл?
- ...
- Эй, Хэл?
- Так, Бу, давай договоримся: я расскажу тебе анекдот, а ты утомонишься и дашь мне поспать.
- Хороший?
- Марио, что мы получим, если скрестим человека с нарушением сна, дислексика и вынужденного агностика.
- Сдаюсь.
- Мы получим человека, который всю ночь изводит себя размышлениями о том, существует ли высшая лиса.
- Смешно!
- Утомонись.
- ...
- ...
- Эй, Хэл? Что такое «нарушения сна»?
- То, что заработает любой, кто спит с тобой в одной комнате.
- Эй, Хэл?
- ...
- Почему Маман не плакала, когда скончался Сам? Я плакал, и ты, даже Ч. Т. плакал. Я видел, как он лично плакал.
- ...
- Ты много раз слушал «Тоску» и плакал, и говорил, что тебе грустно. Мы все были грустные.
- ...
- Эй, Хэл, как тебе кажется, Маман стала счастливее, когда скончался Сам?
- ...
- Кажется, она стала счастливее. И даже выше. Она перестала ездить туда-сюда по делам. То грамматика в рекламе. То бунт библиотекарей.
- А теперь она никуда не ездит, Бу. Теперь у нее есть Дом ректора и кабинет, и туннель между ними, и она не покидает территорию академии. Она и так была трудоголиком, но стала еще хуже. И стала еще более обсессивно-компульсивной. Когда ты в последний раз видел хоть одну пылинку в этом доме?
- Эй, Хэл?
- Теперь она агорафоб-трудоголик с обсессивно-компульсивным расстройством. Разве это похоже на счастьефикацию?
- У нее глаза лучше. Они теперь не впалые. Лучше. Она смеется с Ч. Т. намного чаще, чем с Самим. Она смеется глубже изнутри. Чаще. Ее шутки даже лучше твоих, теперь, часто.
- ...

– Почему ей не было грустно?

– Ей было грустно, Бубу. Просто у нее другая грусть, не такая, как у нас с тобой. Я уверен, что ей было грустно.

– Хэл?

– Помнишь, как приспускали флаг напротив ворот, когда это произошло? Помнишь? И как его приспускают каждый год на Сборе? Помнишь флаг, Бу?

– Эй, Хэл?

– Не плачь, Бубу. Ты помнишь флаг, который только на середине флагштока? Бубу, есть два способа опустить флаг до середины флагштока. Ты слушаешь? Потому что мне уже без шуток пора спать. Так что слушай: первый способ опустить флаг до середины флагштока – это просто опустить флаг. Но есть еще один способ. Можно поднять флагшток. Флагшток можно сделать в два раза выше обычного. Уловил? Понимаешь, что я имею в виду, Марио?

– Хэл?

– Уверен, ей очень грустно.

В 20:10 1 апреля ГВБВД, атташе по медицине все еще смотрит неподписанный развлекательный картридж.

Октябрь – Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»

Для Орина Инканденцы, № 71, утро – это ночь души. Самое худшее время дня, с точки зрения психики. Он выкручивает кондиционер до минимальной температуры и все равно почти каждое утро просыпается весь мокрый, свернувшись эмбрионом, словно погребенный в психической темноте, в которой любая мысль вызывает ужас.

Брат Хэла Инканденцы, Орин просыпается в 07:30 во влажном аромате духов «Эмбуш», на другой стороне кровати на мягкой подушке лежит записка с номером телефона и важной информацией убористым завитушным почерком школьницы. От записки тоже пахнет «Эмбуш». Его сторона кровати промокла насквозь.

Орин делает тост с медом, стоя босиком за кухонной стойкой, в трусах и старой толстовке академии с отрезанными рукавами, выдавливая мед из головы пластикового медведя. Пол такой холодный, что ломит ступни, но окно над раковиной такое горячее, что не прикоснуться: снаружи зверски жарит октябрьский полдень метрополии Феникса.

Дома с командой – неважно, как сильно дует кондиционер или насколько тонкие простыни – Орин просыпается на своем отпечатке, протравленном потом на кровати, который весь день медленно высыхает до белого соленого очертания, чуть сдвинутого относительно других высохших очертаний, появившихся за неделю, так что кристаллизовавшиеся образы Орина в позе эмбриона разложены на его стороне, как колода карт, наслаиваясь друг на друга, будто кислотный след или фотография с сильной задержкой.

Жара, сочащаяся сквозь стеклянные двери, стягивает кожу на голове. Орин выносит завтрак к центральному бассейну комплекса кондоминиумов, садится за белый железный стол и пытается есть там, на жаре, где кофе не дымится и не стынет. Он сидит и чувствует тупую животную боль. У него усы из пота. В бассейне бьется о борт разноцветный пляжный мяч. Солнце как замочная скважина двери, ведущей в ад. Вокруг больше никого. Весь комплекс – это кольцо из зданий с бассейном и джакузи в центре. Воздух струится над настилом, как пары топлива. Из-за жары возникает мираж, когда кажется, что пол настила мокрый, будто полит топливом. Орин слышит звуки картриджей из-за закрытых окон – шоу с аэробикой, которое ставят каждое утро, и еще где-то играет орган, и та женщина из соседней квартиры, которая никогда не улыбается ему в ответ, по-оперному распевается, приглушенная шторами, жалюзи и двойными стеклопакетами. Джакузи пыхтит и пенится.

Записка от вчерашнего Субъекта на фиолетовой бумаге сложена вдвое, в центре записки – темный кружок, где девушка пшикнула парфюмом. Самое интересное в ее почерке и в то же время самое печальное, – то, что она закрасила все замкнутые области у букв – «о», «е», «в» и «р», а также у цифр «6» и «8» в номере телефона, – а вместо точек над буквами «ё» и «й» нарисовала сердечки, которые не закрасила. Орин читает записку, пока хрустит тостом, тот, впрочем, лишь повод съесть побольше меда. Его правая рука меньше, чем левая, ест или пьет он ей. Гипертрофированные левая рука и левая нога по утрам всегда находятся в покое.

Легкий ветерок толкает разноцветный мяч по голубой поверхности воды в другую сторону, и Орин наблюдает за его беззвучным скольжением. Над белыми железными столами нет зонтиков, и положение солнца легко определить не глядя; чувствуешь жар на теле и по нему можешь спроецировать. Мяч нерешительно возвращается на середину бассейна и замирает там, даже не качаясь. От того же ветерка шуршат и щелкают листья сгнивших пальм вдоль каменных стен кондоминиума, и пара листьев отрывается, летит по спиральным траекториям и шлепается на настил. Все растения здесь злые, тяжелые и острые. Хохолки пальм, торчащие над листвой, обросли чем-то отвратительным, похожим на кокосовую шерсть. В деревьях оби-

тают тараканы и другие существа. Может, крысы. Мерзкие высотные твари всех цветов и форм. Все растения тут либо колючие, либо мясистые. Кактусы в таких странных позах, словно их пытаются. Верхушки пальм напоминают прическу Рода Стюарта, еще с давних времен.

Орин вместе с командой вернулся из Чикаго два дня назад, ночным рейсом. Он знает, что из всего стартового состава только он и плейскикер не мучаются от физической боли после разгрома.

За день до того, как они покинули Чикаго, – то есть где-то пять дней назад, – Орин один сидел в джакузи у бассейна, ухаживая за ногой, в жарком кроваво-красном свете уходящего дня, опустив ногу в пенную воду, рассеяно сжимая теннисный мяч, который он до сих пор рассеянно сжимает по старой привычке. Наблюдал, как вода вихрится, пузырится и пенится вокруг ноги. И вдруг откуда ни возьмись в джакузи шлепнулась птица. С плоским прозаичным всплеском. Откуда ни возьмись. Из широкого пустого неба. Над джакузи не нависало ничего, кроме неба. У птицы, видимо, случился инфаркт прямо в полете, и она умерла и упала с пустого небосвода, и приводнилась замертво в джакузи, рядом с ногой. Орин пальцем сдвинул солнечные очки на нос и посмотрел на птицу. Вполне заурядная. Не хищник. Может, какой-нибудь крапивник. Вряд ли это можно было считать хорошим знаком. Тело мертвой птицы подпрыгивало и ныряло в пене, утопая и снова появляясь на поверхности, создавая иллюзию продолжения полета. Орин не унаследовал ни одну из фобий Маман, касающихся беспорядка и гигиены. (Хотя и не был в восторге от насекомых – конкретно от тараканов). Но он просто сидел, сжимая-разжимая мяч в ладони, и глядел на птицу, без единой сознательной мысли в голове. На следующее утро, когда он проснулся, свернувшимся и погребенным, она точно показалась ему плохим знаком.

Орин теперь всегда принимает такой горячий душ, что едва может стоять под струей. Стены в ванной выложены мятно-желтой плиткой, которую выбрал не он, а, может, фрисэйфти¹⁰, который жил здесь до того, как «Кардиналы» отправили его новоорлеанцам вместе с двумя запасными гардами и кругленькой суммой в обмен на пантера¹¹ Орина Инканденцу.

И хотя его дом уже сотни раз обрабатывали люди из службы дезинсекции «Терминекс», из сливных отверстий в ванной все равно лезут огромные тараканы. Канализационные тараканы, как называли их дезинсекторы. *Blattaria implacabilis* или что-то типа того. Реально огромные. Похожие на бронированные автомобили. Абсолютно черные, с панцирями, словно из кевлара, и прочими наворотами. И бесстрашные, выросшие в гоббсовской канализационной ловушке внизу. Маленькие коричневые тараканы в Бостоне и Новом Орлеане тоже были не фонтан, но с ними хотя бы легко справиться: заходишь в комнату, включаешь свет, и они разбегаются. А эти юго-западные гады – включаешь свет, а они только смотрят на тебя с плитки такие: «Чо, какие-то проблемы?» Орин как-то раздавил одного из них, только раз, когда эта тварь, как из ада, выползла из сливного отверстия, пока он принимал душ; он голый вышел из душа, надел ботинки, вернулся и попытался традиционным способом раздавить его, и результат был взрывной. С того раза на затирке между плитками до сих пор остался след. Его, кажется, невозможно отчистить. Нутро таракана. Мерзость. Он предпочел просто выбросить ботинки – это лучше, чем счищать останки насекомого с подошвы. Теперь он держит в ванной большие стеклянные стаканы, и если, включив свет, видит таракана, накрывает его стаканом. Через пару дней стенки изнутри запотевают и таракан дохнет от асфиксии без шума и пыли, и Орин помещает их – стакан и таракана – в отдельные пакеты с застежками и выбрасывает в помойку рядом с полем для гольфа дальше по улице.

Желтый плиточный пол в ванной иногда напоминает минное поле – всюду перевернутые стаканы с огромными тараканами внутри, которые стойчески дожидаются смерти, наполняя

¹⁰ Самый маленький и самый быстрый игрок в команде по американскому футболу, играет в защите.

¹¹ Термин из американского футбола: игрок, выбивающий мяч ногой непосредственно после его розыгрыша.

стакан своим тараканьим диоксидом. Орину тошно это видеть. И теперь он догадался, что чем горячее вода в душевой, тем меньше вероятность, что из слива вылезет одно из этих маленьких бронированных чудовищ.

Иногда первым делом с утра он находит их в унитазе, они барахтаются там по-собачьи, пытаются зацепиться за край. Кроме того, Орин не в восторге от пауков, хотя это скорее подсознательное; он не дошел до уровня Самого, который испытывал вполне сознательный ужас при виде юго-западных черных вдов и их хаотичных паутин, – черные вдовы здесь повсюду, как и в Тусоне, всегда на охоте, кроме самых холодных ночей, их пыльные, лишенные рисунка паутины растянуты везде, где позволяет угол, – в любом мрачном, тихом месте. С черными вдовами отравы дезинсекторов эффективнее. Орин вызывает их раз в месяц; у него что-то вроде подписки на услуги «Терминекса».

Особый сознательный ужас Орина, не считая высоты и раннего утра, – перед тараканами. В метрополии Бостона у Залива были районы, куда он в детстве просто отказывался заходить. При виде таракана его охватывал нервный озноб. А потом в некоторых приходах вокруг Нового Орлеана случился наплыв или нашествие какого-то особенного зловещего тропического вида летающих тараканов, которые были маленькие и тщедушные, но зато, блядь, умели летать, и их находили в колыбелях новоорлеанских младенцев, по ночам, особенно в нищих или многоквартирных домах; они, как сообщалось, питались секретом конъюнктивы из глаз младенцев, какой-то особой оптической слизи – это ж, мать твою, образ прямиком из кошмара: маленькие летающие тараканы, которые хотят добраться до маленьких человеческих глаз, – и, как опять же сообщалось, лишали младенцев зрения; родители возвращались в свои ужасные квартиры, включали свет и находили детей слепыми, за прошлое лето ослепло где-то около дюжины детей; во время того наплыва или кошмарного нашествия еще случилось июльское половодье, и оно принесло больше десятка кошмарных мертвых тел с размытого кладбища на вершине холма к таунхаусу у подножия, где жили Орин с двумя товарищами по команде, в пригороде Чалметт, – разбросало в грязи на улицах конечности и внутренности, а одно из тел однажды прилегло отдохнуть прямо у почтового ящика, когда Орин вышел утром за газетой, – вот тогда он и заставил своего агента найти новую команду. И теперь оказался среди стеклянных каньонов и безжалостного света метрополии Феникса, словно замыкая какой-то иссушенный круг, у Тусона, где прошла иссушенная юность его отца.

Когда всю ночь снятся кошмары о пауках-и-высоте, утро выдается особенно мучительным: иногда приходится выпивать три чашки кофе, два раза принять душ и выйти на пробежку, чтобы ослабить хватку на горле души; и эти посткошмарные утра еще хуже, если он просыпается не один, если вчерашний Субъект все еще там, хочет почирикать за жизнь или пообниматься, полежать в позе ложечек, и просит объяснить назначение перевернутых затуманенных изнутри стаканов на полу в ванной, комментирует его ночную потливость, гремит посудой на кухне, готовит копченую рыбу или бекон, или что-то еще более ужасное, что нельзя намазать медом и что он должен слопать с посткоитальным мужским смаком – у некоторых женщин есть такой пункт «Накормить Моего Мужчину», они хотят, чтобы мужчина, который по утрам и тост с медом осиливает с трудом, ел со смаком, расставив локти, загребая, издавая звуки. Даже проснувшись в одиночестве, распрямившись в одиночестве на постели, медленно сев, отжав простыню и проследовав в ванную, в эти мрачные утра Орин часами не может даже заставить себя думать о том, как он переживет этот день. Эти ужасные утра с холодными полами, горячими окнами и безжалостным светом – в душе рождается уверенность, что сквозь этот день ты будешь не идти, нет, ты будешь карабкаться, вертикально, а потом, в конце, снова засыпая, почувствуешь, что падаешь, опять, с чего-то высокого, отвесного.

В общем, здесь, в юго-западной пустыне, его глазам ничего не угрожает; но ночные кошмары только усилились с тех пор, как он переехал в новую команду сюда, в этот выжженный край, откуда давным-давно бежал сам Сам, будучи несчастным подростком.

Словно напоминая ему о собственном несчастном детстве, каждый сон Орина начинался с отрывка игры в теннис. Последний начался с общего плана: Орин на корте с покрытием «Хар-Тру», ждет подачу от кого-то неразличимого, кого-то из академии – может, Росса Рита, или старого доброго М. Бэйна, или серозубого Уолта Флешетта, который сейчас работает тренером профессионалов в Каролинах, – и вдруг сновидческий объектив фокусируется на нем и резко растворяется до пустого темно-розового цвета, который видишь, глядя с закрытыми глазами на яркий свет, и следом появляется мерзкое чувство, словно ты под водой, тонешь и не знаешь, куда плыть, где поверхность и воздух, и какое-то время Орин во сне вырывается из этого как бы визуального удушья и обнаруживает, что голова его матери, миссис Аврил М.Т. Инканденцы, отделенная от тела голова Маман лицом к лицу прицеплена к его собственной славной головушке, плотно примотана к его лицу высокотехнологичными струнами VS HiPro из телячьих кишок его собственной ракетки. И как бы неистово Орин не мотал головой, не тряс ее и не выкручивал, не пытался отвести взгляд, он все так же смотрел на, в и даже сквозь лицо матери. Как если бы голова Маман была чем-то вроде тесного шлема, который Орин все никак не может снять[2]. В реальности сна Орину жизненно важно вырваться из филактерических уз материнской головы, но он не может. Из записки вчерашнего Субъекта ясно, что в какой-то момент ночью Орин сжал ее голову обеими руками и пытался как бы оттолкнуть, хотя и без грубости и жалоб (записка, не жест). Во сне голова Маман была очень аккуратно и хирургически чисто отрезана от остального тела: на ней (на голове) не было даже никаких следов шеи, как если бы нижняя часть круглой красивой головы была запечатана, и еще словно сглажена до состояния живого мяча, сферы с лицом, присоединенной к его собственному лицу.

Субъект после сестры Бэйна, но за один до нынешнего, с духами «Эмбуш» и сердечками над «ё» и «й», – так вот, предыдущий Субъект была с факультета возрастной психологии Аризонского университета, болезненно-красивой аспиранткой с двумя детьми, неприлично маленькими алиментами и слабостью к острым ювелирным украшениям, замороженному шоколаду, обучающим картриджам «ИнтерЛейс» и профессиональным спортсменам, которые мечутся во сне. Она не блистала умом; чтобы вы понимали: она думала, будто фигура, которую он бессознательно рисует пальцем у нее на боку после секса, – это цифра 8. В их последнее утро, прямо перед тем, как он отправил ее ребенку дорогую игрушку и сразу же сменил свой номер телефона, Орин пробудился после ночи кошмаров – проснулся и судорожно съехал в позе эмбриона, разбитый и в душевном мраке, с пульсирующими глазами и мокрым силуэтом на простыне, похожим на меловой контур криминалиста, – проснулся и обнаружил, что Субъект уже поднялась и сидит на кровати в его академической толстовке без рукавов, откинувшись на подушку для чтения, пьет ореховый эспрессо и смотрит на системе картриджей, занимавшей половину южной стены спальни, что-то чудовищное под названием «Образовательные картриджи „ИнтерЛейс” в сотрудничестве с образовательной программной матрицей СВС представляют ШИЗОФРЕНИЯ: РАЗУМ ИЛИ ТЕЛО?», и ему пришлось лежать, мокрому и парализованному, в позе эмбриона на собственной потной тени, и смотреть, как на экране бледный паренек возраста Хэла, с медной щетиной, рыжим вихром и пустыми черными кукольными глазами, пялится в пространство куда-то влево, пока бодрый закадровый голос с альбертским акцентом объясняет, что Фентон страдает от параноидной шизофрении и верит, что в его череп проникают радиоактивные жидкости и что существуют огромные и сложные высокотехнологичные машины, специально сконструированные и запрограммированные найти его, поймать, жестоко покарать, а потом похоронить заживо. Это была старая канадская социальная документалка канала СВС конца прошлого века с улучшенной четкостью, на повторной показе с одобрения «ИнтерЛейса» – в ранние утренние часы спонтанное распространение «ИнтерЛейса» часто выдавала дешевую и непопулярную дичь.

В общем, пока прояснялось, что тезисом программы СВС явно было «Шизофрения: тело», закадровый голос с бодрым обрывистым акцентом объяснял, что нуда, бедняга Фен-

тон более-менее безнадежен, если оценивать его как внеинституциональную функциональную единицу, но, с другой стороны, наука может придать его существованию хоть какой-то смысл, если изучит и поймет, как именно шизофрения проявляется в человеческом мозге... что, иными словами, с помощью передовых технологий позитронно-эмиссионной томографии, сокращенно ПЭТ (у них же спонсор «Цифровые инвазивные устройства», Орин слышит, как бормочет себе под нос аспирантка с факультета возрастной психологии, не отводя взгляда над чашкой от экрана и не замечая, что Орин парализовано бодрствует), можно просканировать и увидеть, как дисфункциональный мозг бедняги Фентона показывает совсем другую топографию позитронного излучения, нежели среднестатистический работоспособный не склонный к галлюцинациям богобоязненный альбертский мозг, а еще можно двигать вперед науку, ввести нашему подопытному Фентону специальную радиоактивную краску, способную преодолеть гемоянцезалический барьер, и затем затолкать его во вращающийся приемник ПЭТ-сканера, – на экране видно, что это огромный аппарат серо-металлического цвета, словно выдуманный Джеймсом Кэмероном и Фрицем Лангом в соавторстве; а теперь взгляните в глаза этого Фентона, когда он начинает понимать, что говорит голос за кадром, – и далее происходит резкий монтажный скачок в стиле старых государственных телепередач и мы видим, как субъект Фентон в пятиточечных брезентовых ремнях безопасности мотает медно-рыжей головой, пока парни в мятно-зеленых хирургических масках и шапочках вводят ему в кровь радиоактивную жидкость из шприца размером с кухонную спринцовку, затем как вылезают из орбит глаза Фентона во всеохватном провидческом ужасе, когда его катят к огромному серому устройству ПЭТ и, как неподнявшийся хлеб на противне, заталкивают в открытую пасть аппарата, пока на виду не остаются лишь выцветшие кроссовки, после чего приемник начинает вращать подопытного против часовой стрелки, с брутальной скоростью, так, что сперва носки старых кроссовок смотрят вверх, потом налево, потом вниз, потом направо, потом снова вверх, быстрее и быстрее, а бульканье и чириканье машины даже близко не может заглушить загробные вопли Фентона в цифровом стерео, когда его самые ужасные бредовые страхи воплощаются в реальность, так и слышишь, как последние остатки разума в радиоактивной краске навсегда вырываются из него вместе с воплем, в то время как на экран в нижнем правом углу, где обычно появляются интерлейсовские функции времени и температуры, накладывается изображение мозга Фентона с янтарно-красными и нейтронно-синими участками, и бодрый закадровый голос кратко излагает историю параноидной шизофрении и ПЭТ. Все это время Орин лежал, едва разомкнув веки, мокрый и трясущийся от утреннего ужаса, мечтая, чтобы Субъект оделась, нацепила острые украшения, забрала остатки своего «Тоблерона» из холодильника и ушла, а он спокойно сходил в ванную, собрал всех задохнувшихся тараканов в контейнер ЭВД, пока его еще не забили доверху, и после этого решил, какой дорогой подарок отправить бандеролью ребенку Субъекта.

А потом мертвая птица, просто из ниоткуда.

А потом новости: администрация аризонских «Кардиналов» потребовала, чтобы он участвовал в серии безвкусных интервью с каким-то профайлером из журнала «Момент», где на вопросы о личной жизни следовало отвечать вежливо, искренне и с пользой для команды, и неисследованный стресс из-за этого вынудил Орину снова позвонить Хэлли, снова открыть эту шкапулку Пандоры с червями.

В душе Орин бредет, с объатым паром, красным от кипятка лицом, на ощупь, снизу-вверх, движениями с юга на север, как его учили.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Вот Хэл Инканденца, семнадцать лет, с маленькой латунной пипеткой, тайком накуривается в подземной насосной Энфилдской теннисной академии и выдыхает бледный дым в промышленный вытяжной вентилятор. Сейчас короткий печальный перерыв между дневными играми с зарядкой и общим ужином в столовой. Хэл здесь один и никто не знает, где он и что делает.

Хэл любит курить тайком, но еще большая тайна заключается в том, что от самой тайны он получает не меньшее удовольствие, чем от курения.

Пипетки-однозатяжки, похожие на длинный мундштук, как у Рузвельта, на конце которого забита щепотка отличной дури, быстро нагреваются и их неприятно держать во рту – латунные особенно, – зато у пипеток большая эффективность: в легкие попадает весь дым глущей травки до последней молекулы; нет случайного бзушного дыма, как от общего бонга на вечеринке, и Хэл может втягивать каждую йоту и задерживать дыхание целую вечность, так что выдыхает он лишь бледный и слегка сладковатый дымок.

Полное употребление доступных ресурсов = отсутствие заметных отходов.

Насосная Легкого для теннисных кортов академии находится под землей и попасть в нее можно только через туннель. ЭТА изобильно, разветвленно туннелирована. Так было задумано.

Плюс пипетки маленькие, и это хорошо, потому что признаем: с чем бы ты ни курил высококачественную дурь, оно провоняет. Бонг большой, и вонь от него будет соразмерно большой, плюс встает вопрос использованной воды. Трубки гораздо компактнее и хотя бы мобильные, но камера у них слишком крупная и неупотребленный дым распространяется на немалую площадь. Пипетка же в процессе абсолютно безотходна, а после ее можно остудить, завернуть в два пакета, потом убрать в зиплок и, завернув в два спортивных носка, упаковать в сумку для снаряжения вместе с зажигалкой, глазными каплями, ментоловыми пастилками и собственно небольшим футляром от пленки с самой дурью, и все это очень удобно, не воняет и вообще незаметно.

Насколько известно Хэлу, его коллеги Майкл Пемулис, Джим Сбит, Бриджет К. Бун, Джим Трельч, Тед Шахт, Тревор Аксфорд и, вероятно, Кайл Д. Койл, Шпала Пол Шоу и – с меньшей вероятностью – Фрэнни Анвин – все они знают, что Хэл регулярно бегаёт тайком курить. Вообще-то также вполне вероятно, что знает и Бернадет Лонгли; и, разумеется, вечно что-то подозревает неприятный тип К. Фрир. И брат Хэла Марио тоже кое-что понимает. Но это и все, в плане общеизвестности. И пусть Пемулис, Сбит, Бун, Трельч, Аксфорд и иногда (в медицинских или туристических целях) Стайс и Шахт тоже известны как любители травки, в тех редких случаях, когда Хэл накуривался с кем-то еще, – чего он в целом избегал, – он делал это только с Пемулисом. А, он забыл: Орто («Тьма») Стайс, из Партриджа, Канзас, точно знает; и старший брат Хэла Орин даже на расстоянии, кажется, таинственным образом догадывается о большем, чем говорит прямо, если только в телефонных ремарках брата Хэлу не чудится подтекст, которого там на самом деле нет.

Мать Хэла, миссис Аврил Инканденца, и ее приемный брат доктор Чарльз Тэвис, в настоящий момент ректор ЭТА, знают, что Хэл иногда пьет спиртное, например по выходным с Трельчем или, может, с Аксфордом, в клубах на авеню Содружества у подножия холма; в «Неисследованной жизни»¹² каждую пятницу проходит пресловутая ночь «слепого вышибалы», когда наливают на условиях всеобщего доверия. Миссис Аврил Инканденца не в восторге, что Хэл пьет, во многом потому, что его отец при жизни был алкоголиком, и, говорят,

---

¹² Название основано на цитате Сократа: «Неисследованную жизнь не стоит проживать».

отец его отца тоже, в Аризоне и Калифорнии; но нехарактерная для возраста Хэла академическая развитость и особенно успех в среде юниоров доказывают, что ему не вредят те скромные количества алкоголя, которые, как она уверена, он потребляет, – невозможно одновременно серьезно злоупотреблять веществами и показывать такие высокие результаты в школе и на корте, успокаивает ее психолог-консультант ЭТА доктор Раск, и особенно на корте, – и Аврил кажется, что заботливая, но не придиричивая мать-одиночка должна знать, когда можно закрыть глаза и позволить двум полноценно функционирующим сыновьям совершить все возможные ошибки и учиться на собственном опыте, вне зависимости от того, как сильно ее, мать, будут терзать тайные волнения. И Чарльз поддерживает ее во всем, что касается детей. И видит бог, уж лучше пусть Хэл время от времени выпивает пару кружек пива, а не потребляет бог знает какие эзотерические дизайнерские субстанции со скользким Майклом Пемулисом и мерзким Джеймсом Сбитом, при виде которых Аврил колотил материнский нервный озноб. И в конце концов, заявила она доктору Раск и Тэвису, уж лучше пусть Хэл живет с осознанием, что мать ему доверяет, что она верит, поддержит и не осудит, не будет терзаться волнениями или заламывать тонкие руки, если Хэл время от времени пропускает, к примеру, по кружечке канадского эля с друзьями, и потому изо всех сил скрывает от Хэла материнский ужас, что ее сын запьет, как Джеймс или как отец Джеймса, лишь бы Хэл жил с успокаивающим знанием, что может быть откровенным с ней в вопросах вроде алкоголя, и чувствовал, что может ей рассказать все и при любых обстоятельствах.

Доктор Тэвис и Долорес Раск обсуждали тет-а-тет, что среди фобий Аврил, от которых она так безропотно страдает, немаловажное место занимает черный фобический ужас перед тайной или секретностью во всевозможных формах, если они касаются сыновей.

Аврил и Ч. Т. ничего не знают о страсти Хэла к высококачественному Бобу Хоупу и подпольных уединениях, что, очевидно, в каком-то смысле доставляет Хэлу удовольствие, хотя он ни разу не задумывался, почему. Почему это доставляет удовольствие.

По территории ЭТА на холме можно перемещаться туннелями. Аврил И., например, в последнее время больше не покидает пределы ЭТА, редко появляется на улице, предпочитая, скрючившись, перемещаться по туннелям между Домом Ректора и своим кабинетом по соседству с кабинетом Чарльза Тэвиса в административном корп. – здании в неогеогианском стиле из розового кирпича с белыми колоннами, которое, по словам брата Хэла Марио, похоже на куб, который проглотил слишком большой мяч[3]. Между вестибюлем, приемной и кабинетами администрации на первом этаже Админки и качалкой, сауной и помещениями раздевалки/душевой в подвале идут два лифта и одна лестница. От душевой мальчиков к гигантской прачечной под Западными кортами ведет широкий туннель из цемента слоновьего цвета, и два туннеля поуже расходятся лучами от сауны на юг и на восток по направлению к полуподвалам сферокубулярных протогеогианских зданий поменьше (с классными комнатами и общежитиями «Б» и «Г»); эти два подвала и туннельчики часто служат кладовой студентам и переходами между личными комнатами проректоров[4]. Два туннеля еще меньше, вмещающие только того взрослого, который не против передвигаться скрюченной обезьяноподобной походкой, в свою очередь, соединяют каждый полуподвал с бывшими помещениями для занятий оптикой и кинопроизводства Лита, Огилви и усопшего доктора Джеймса О. Инканденцы (ныне покойного), которые находятся под землей чуть западней Дома директора (из этих помещений также идет туннель нормального диаметра прямым до нижнего уровня административного корп., но его назначение с годами постепенно менялось, и теперь в нем слишком много голой проводки, горячих труб и вентиляционных отверстий для нормального передвижения), и с кабинетами завхоза почти под центральным рядом уличных теннисных кортов ЭТА, как-то кабинеты и помещения обслуживающего персонала, в свою очередь, связаны со складом для Легкого и насосной ЭТА оштукатуренным туннелем, наспех выкопанным силами «Всепогодных воздухоопорных сооружений „ТесТар Корп.“», которые вместе с ребятами из «Про-

мышленных устройств по перемещению воздуха ATHSCME» возводят и обслуживают дендриуретановый воздухоопорный купол, также известный как Легкое, которым на зимний сезон накрывают средний ряд кортов. Грубый шершавый туннель между завхозом и насосной проходим только на карачках и представляет собой для тренерского состава и администрации практически белое пятно, будучи популярным только у Туннельного клуба младших учеников академии, а также у некоторых подростков с тайной уважительной причиной ползать на карачках.

Склад Легкого, по сути, с марта по ноябрь непроходим, потому что забит сложно уложенным дендриуретановым полотном и разобранными секциями гибких воздуховодов, лопастей вентиляторов и проч. Насосная прямо по соседству, хотя, чтобы до нее добраться, придется выползть назад в туннель. На инженерных планах насосная где-то, наверное, в двадцати метрах под самым центром кортов среднего ряда и похожа на зависшего вверх лапками паука – беззаконный овальный зал с шестью изогнутыми воздуховодами высотой в человеческий рост, выходящими на поверхность. И в насосной шесть отверстий по кругу, для изогнутых воздухопроводов: три вытяжные отдушины двухметрового диаметра с привинченными у решеток огромными турбинными лопастями и еще три – с вентиляторами впуска ATHSCME, которые всасывают воздух с поверхности, прогоняют через зал и в три вентилятора на выхлоп. Насосная, по сути, – легочный орган, или эпицентр огромной шестивекторной аэродинамической трубы, и в рабочем состоянии ревет как баньши, что бьется в дверь, хотя на полную мощность насосную запускают, только когда стоит Легкое, обычно в ноябре-марте. Зимний наземный воздух втягивается вниз в зал вентиляторами впуска, пропускается через три вытяжных вентилятора и уносится снова вверх, в лабиринт пневматического трубопровода в стенках и куполе Легкого: давление воздуха и поддерживает хрупкую конструкцию в надутом состоянии.

Когда Легкое разбирают и убирают, Хэл спускается, идет, а потом бредет, пригнувшись, до кабинетов завхоза, проверяет, что там никого нет, затем бредет и ползет в насосную с сумкой с экипировкой в зубах, активирует только один из больших вытяжных вентиляторов, и втайне накуривается, и бледно выдыхает через лопасти в отдушину, чтобы любой запах засосало в воздухопровод и выдуло через решетку на западной стороне Западных кортов – отверстие с резьбой и фланцем, куда бодрые ребята в белом из ATHSCME уже скоро прикрутят артериальный воздухопровод Легкого, когда Штитт и компания из тренерского состава решат, что для уличного тенниса погода уже невыносимая.

В зимние месяцы, когда любой запах перекачивается в Легкое и висит там, привлекая внимание, Хэл отправляется в самую далекую уборную общежития, влезает на унитаз в кабинке и выдыхает в решетку маленькой вытяжки в потолке; но в этом решении не хватает некоего сложного элемента тайной подземной драмы. Это еще одна причина, по которой Хэл страшится Дня Взаимозависимости и приближения Классического турнира «Вотабургер», Дня благодарения и невыносимой погоды, а также возведения Легкого.

Рекреационные наркотики более-менее традиционны для любой американской средней школы – возможно, из-за беспрецедентного давления: постлатентность, пубертатный период, англст, грядущее взросление и т. д. Помогают сладить с интрапсихическими бурями и т. д. С самого основания академии существовал определенный процент игроков-подростков высокого уровня, которые улаживали внутреннюю погоду посредством химии. В основном это безобидное и безопасное временное развлечение, а не что-нибудь; но традиционно меньшее и хардкорное подмножество полагается на личную химию, чтобы сладить с особыми требованиями ЭТА: декседрин или низковольтный метедрин[5] перед матчами и бензодиазепины[6], чтобы сняться после, с «Оползнями» или «Синим пламенем» в каком-нибудь понимающем ночном клубе[7] на Содружке или с пивом и бонгами в отдаленном уголке академии по ночам, замыкая цикл драйва и расслабона, с грибами или X, или чем-нибудь из класса «легких дизайнерских» [8] – а может, иногда с чутком «Черной звезды»[9], если выдается свободный от матчей и особых требований выходной и можно, по сути, перезагрузить целиком материнскую плату,

продуть все схемы, медленно восстановиться и практически неврологически переродиться, начать поэтапный цикл заново... этот циклический алгоритм, если ваша проводка изначально в норме, на удивление неплохо помогает в подростковый период, а иногда даже хорошо лет за двадцать, пока не начнет накрывать.

Короче говоря, некоторые эташники – а не только один Хэл Инканденца – употребляют рекреационные вещества, речь об этом. А кто нет, ну, в определенный период жизни, в США и Взаимозависимых регионах, в наши-то времена, по большей-то части. Хотя достойный процент студентов ЭТА вообще ни разу. Т. е. не употребляют. Некоторые умеют целиком посвящать себя стремлению к амбициозной цели и отдают себя делу настолько, насколько надо. Хотя иногда и это меняется, когда игроки взрослеют и становятся менее стрессоустойчивыми. Американская философия, кажется, предполагает, что люди буквально ничем не ограничены в потребности отдать всего себя, на различных уровнях. А некоторые просто предпочитают все делать втайне.

Согласно уставу наказаний ЭТА употребление зачисленным студентом-спортсменом алкоголя или запрещенных веществ карается немедленным исключением. Но у тренерского состава академии, как правило, на повестке куда более важные дела, чем надзор за детишками, которые и так целиком отдают себя стремлению к амбициозной спортивной цели. Административное отношение к этому явлению и при Джеймсе Инканденце, а потом и при Чарльзе Тэвисе однозначное: зачем вообще тому, кто подвергает химической угрозе свои способности, поступать сюда, в ЭТА, где весь смысл учебы – доводить свои способности до предела по множеству векторов [10]. А так как прямой руководящий контакт с детьми поддерживают в основном выпускники-проректоры, а они по большей части и сами в депрессии или с психологической травмой из-за того, что не попали в Шоу, вернулись несолоно хлебавши в ЭТА и живут в достойных, но подземных комнатах в туннелях, работают помощниками тренеров и ведут смехотворные факультативы, – а именно этим занимаются восемь проректоров ЭТА, когда не играют на турнирах-сателлитах или не пытаются прорваться через раунды квалификации на соревнования с серьезными деньгами, – и потому они угрюмы, пессимистичны, как правило, неважного о себе мнения и, что неудивительно, время от времени склонны кайфануть, хотя и с меньшей степенью секретности и буйства, чем хардкорное химическое ядро студентов, – в общем, учитывая все это, нетрудно понять, почему к внутренним запретам на наркотики обычно относятся халатно.

Еще одно достоинство насосной – она соединена туннелем с рядами жилищ проректоров, а там есть мужские туалеты, а значит, Хэл может проползти, пробрести и прокрасться в незанятый туалет и почистить зубы своей портативной «Орал-Би», умыться, воспользоваться глазными каплями, «Олд Спайсом» и щепоткой табака «Кадьяк» со вкусом зимолюбки, а затем прогулочным шагом вернуться в сауну и подняться на наземный уровень, и выглядеть и пахнуть при этом как надо, потому что под кайфом у него появляется сильная навязчивая идея, что никто – даже нейрехимическое ядро – не должен знать, что он под кайфом. Эта навязчивая идея почти непреодолима. Другие бы содрогнулись, узнав о затраченных трудах на организацию и подготовку туалетных принадлежностей, на которые ему приходилось идти, чтобы втайне покурить у подземного вытяжного вентилятора в перерыве перед ужином. Хэл понятия не имеет, почему или каким образом она у него возникла, эта навязчивая идея о секретности. Иногда, под кайфом, он абстрактно размышляет на этот счет – насчет «Никто-не-должен-знать». Это не столько страх, страх разоблачения. Но дальше все становится слишком абстрактно, заплетено и никуда не приводит, размышляет Хэл. Как и большинство североамериканцев его поколения, он имеет тенденцию знать куда меньше о том, почему относится так, а не иначе к некоторым объектам или целям, которым себя посвятил, нежели о самих объектах и целях. Но даже трудно сказать, исключительно ли плоха эта тенденция.

В 00:15, 2 апреля, жена атташе по медицине только выходит из фитнес-центра «Маунт Оберн Тотал», она сыграла пять про-сетов по шесть геймов в еженедельной круговой системе теннисного кружка жен ближневосточных дипломатов, затем поболтала в особом салоне для обладателей серебряной карты с другими дамами, где они обнажали лицо и волосы, играли в нарджи[11], курили коноплю и чрезвычайно деликатно и тонко подшучивали над сексуальными идиосинкразиями супругов, мягко хихикая в ладошки. Атташе по медицине в их квартире все еще смотрит неподписанный картридж, который он несколько раз перематывал на начало, а затем установил на рекурсивный повтор. В 00:20 он сидит с пристегнутым остывшим ужином, смотрит, уже обмочив и штаны, и особое кресло.

В мае Марио Инканденце исполнится восемнадцать, и в Энфилдской теннисной академии задача у него кинематографическая: иногда во время дневных тренировок или вечерних матчей тренер Штитт и компания поручают ему поставить старый камкордер или любую видеокамеру, которая попадется, на треногу и снимать определенную зону корта, фиксируя удары, работу ног, определенные тики и заминки в подаче или приеме мяча на лету, чтобы преподаватели показывали записи во время инструктажей, наглядно демонстрируя ребятам, о чем конкретно говорит тренер или проректор. Ведь исправить что-то намного легче, если видишь, в чем дело.

Осень – Год Молочных Продуктов из Сердца Америки

Наркоманы, если зависимость толкает их на преступления, обычно не склонны к насилию. Оно требует энергии, а большинство наркоманов предпочитают тратить ее не на профессиональные преступления, а на то, ради чего совершаются профессиональные преступления. Потому чаще всего промышляют воровством. Одна из причин, почему хозяева после ограбления дома чувствуют себя грязными и оскверненными, в том, что почти наверняка у них побывали наркоманы. Дон Гейтли, двадцатисемилетний оральный наркоман (приверженец Демерола и Талвина [12]) и более-менее профессиональный вор был как раз грязным и скверным. Однако воров он был даровитым: несмотря на комплекцию молодого динозавра, с массивной и почти идеально квадратной головой, которой развлекал по пьяни друзей, когда совал ее между закрывающимися створками лифта, он был – на профессиональном поприще – умным, быстрым, тихим, ловким, обладал хорошим вкусом и надежным транспортом, каким-то свирепым весельем по отношению к своему образу жизни.

Как активный наркоман Дон Гейтли тоже отличался свирепым и веселым пылом. Большую квадратную голову он держал высоко, широкую улыбку не гасил и ни перед кем не кланялся, ни от кого не уклонялся. Не был мальчиком для битья, а, скорее, добродушным, но непримиримым представителем школы «Не-будь-злопамятным-записывай». Например, однажды, после реально неприятного трехмесячного заключения в ревирском обезьяннике из-за не более чем косвенных подозрений безжалостного помощника прокурора Северного побережья, когда ГэЗэ добился снятия обвинений по нарушению права на быстрое разбирательство, а сам Гейтли откинулся через 92 дня, он вместе со своим доверенным сообщником [13] нанес полупрофессиональный визит в частный дом помощника прокурора, чье рвение и ордер обернулись для Гейтли веселенькой импровизированной детоксикацией на полу крошечной камеры. Будучи также апологетом максимы «мечь подается холодной», сперва Гейтли терпеливо дождался, пока светская рубрика «Глоуб» не упомянула об участии помпрокурора и его супруги в какой-то благотворительной регате со знаменитостями где-то у берегов Марблхеда. Той же ночью Гейтли и его сообщник отправились в частный дом помпрокурора в Вандерлэнд Вэлли, элитном районе Ревира, вырубили там электричество, закоротив счетчик, потом срезами одно только заземление дешевой НВТ-сигнализации¹³ так, чтобы она включилась минут через десять и создала впечатление, будто преступники не разобрались в сигнализации и, испугавшись, ретировались, не докончив дела. Позже той ночью, когда органы Ревира и Марблхеда вызвали помпрокурора и его жену домой, те обнаружили, что остались без коллекции монет и двух старинных ружей, но не более того. Немало других ценностей было сложено на полу гостиной у прихожей, словно преступники не успели их вынести. В остальном подвергшийся ограблению дом казался непотревоженным. Помпрокурора был закаленным профи: он обошел дом, касаясь пальцем края шляпы [14], и реконструировал вероятную картину преступления: преступники не разобрались в сигнализации и, испугавшись, ретировались, когда запасное заземление дешевой НВТ-сигнализации вдарило на 300 В. Помпрокурора как мог избавил жену от ощущения грязи и осквернения. Он уверенно настаивал на том, что надо ночевать дома; никаких отелей: в подобных случаях критически важно немедленно вернуться в эмоциональную колею, настаивал он. А потом, на следующий день, помпрокурора разобрался со страховкой и сообщил о пропаже ружей приятелю в АТФ [15], его супруга успокоилась и жизнь пошла своим чередом.

Где-то месяц спустя в изысканный кованный почтовый ящик помпрокурора прибыл конверт. В конверте находилась стандартная глянцевая брошюра Американской стоматологиче-

¹³ НВТ – биполярный транзистор.

ской ассоциации о важности ежедневной оральной гигиены – такие есть чуть ли не везде, в любом кабинете стоматолога – и два полароидных снимка высокой четкости, один с Доном Гейтли и один с его сообщником, каждый стоял в хэллоуинских масках, излучавших профессиональное клоунское веселье, каждый стоял со спущенными штанами, согнувшись, с ручками зубных щеток помпрокурорской четы, торчащими из задниц прямо по центру кадра.

После этого Дону Гейтли хватило ума никогда больше не работать на Северном побережье. Но все равно он попал в крупные неприятности, в том же, помпрокурорском духе. Сказалось либо невезение, либо карма, либо что-то еще. А все из-за простуды, обычного человеческого риновируса. И причем даже простуды не самого Дона Гейтли, вот почему он наконец взялся за ум и задумался о карме.

Начиналось все безоблачно. Чудесный неогеогианский дом в дико дорогой части Бруклайна с грабительской точки зрения лежал как на блюдечке с голубой каемочкой, в уютном отдалении от неосвещенного псевдодеревенского проселка, с низкопробной системой сигнализации «СентриКо», которая запитывалась, как это ни тупо, от целого отдельного кабеля переменного тока на 330 В и 90 Гц с отдельным счетчиком; казалось, дом не был включен ни в один вечерний маршрут патрульных машин, а с черного хода его изящные, но хлипкие французские двери окружали густые кусты без единого шипа, к тому же от света галогеновых ламп гаража их загораживал частный мусорный контейнер ЭВД для дорогих районов. Вкратце – просто песня, а не дом, с точки зрения грабителя-наркомана. И Дон Гейтли закоротил счетчик сигнализации и с сообщником [16] вломился внутрь и принялся, словно на больших кошачьих лапах, рыскать по коридорам.

Вот только, к несчастью, оказалось, что хозяин был дома, хотя обе машины и остальные члены семьи отсутствовали. Бедолага, больной, спал на втором этаже в пижаме из ацетатного шелка с грелкой на груди, рядом с ним на прикроватном столике стояли полстакана апельсинового сока, пузырек Найквилла [17], лежали очки с толстыми стеклами, иностранная книжка, номера «Международных отношений» и «Взаимозависимых отношений», коробка салфеток «Клинекс» промышленного размера, у изножья кровати еле слышно гудел пустой напольный увлажнитель, и хозяин дома был по меньшей мере в замешательстве, когда проснулся и увидел, как на неосвещенных стенах спальни, бюро и тиковом шифоньере скрещиваются тонкие лучи фонарей, пока Гейтли с сообщником выискивали стенной сейф, который, как ни удивительно, около 90 % людей со стенными сейфами прячут в главной спальне за какой-нибудь картиной с морским или сухопутным пейзажем. Люди в некоторых домашних привычках оказывались столь идентичными, что Гейтли иногда чувствовал себя странно, словно обладал какими-то непомерными знаниями о личной жизни, не предназначенными для простых смертных. Совесть куда больше мучила Гейтли из-за этих конкретных непомерных знаний, нежели из-за своевольного обращения с чужим имуществом. Но вот внезапно посреди бесшумного поиска сейфа в спальне оказывается богатый домовладелец с жутким насморком, пока его семья колесит на двух машинах в экотуре по остаткам природы Беркшира, он бессонно ворочается в кровати, найквиллизуется, издает гнусавые аденоидные звуки и вопрошает, какого черта это все значит – только произносит это на квебекском французском, что для туповатых американских наркоманов в хэллоуинских масках клоунов не значит ровным счетом ничего, – и вот этот крошечный пожилой домовладелец с головой круглой, как футбольный мяч, серым ван дайком и глазами, явно привыкшими к корректирующим линзам, садится и включает яркую прикроватную лампу. Гейтли легко мог бы смыться и забыть дорогу назад; но только, разумеется, в свете лампы рядом с шифоньером вырисовывается морской пейзаж, и сообщник заглядывает и кратко рапортует, что сейф за ним смехотворный, открывается едва ли не крепким словом; а оральные наркоманы обычно работают в крайне жестком физическом графике потребности и удовлетворения, и Гейтли сейчас определенно на стадии потребности; так что Д. У. Гейтли принимает губительное решение превратить кражу со взломом в полноценное ограбление – по

уголовному кодексу разница между ними заключается в насилии или принуждающей угрозе оным – и распрямляется во весь устрашающий рост, и светит фонариком в слезящиеся глаза крошечного домовладельца, и обращается к нему на манер страшных преступников в популярной культуре – «че» вместо «что», различные апокопы и т. д., – и берет за ухо, и сопровождает на кухню, и сажает на стул, и связывает по рукам и ногам электрическими проводами, умело срезанными с холодильника, электрооткрывалки и автоматической кофеварки «Кафе-о-лэ-Мейкер» от «М. Кафе», связывает хорошо, но не гангренозно туго, потому что надеется, что беркширская природа в цвету и хозяин проскучает в одиночестве на протяжении достаточно долгого отрезка времени, и начинает шарить по кухонным шкафчикам в поисках столового серебра – не столового серебра «для дорогих гостей»; то покоилось в опойковом футляре под старой аккуратно сложенной рождественской оберточной бумагой в великолепном комод из красного дерева с инкрустацией слоновой костью в гостиной, где 90 % богатых людей всегда и прячут хорошее серебро, оно уже было найдено и сложено [18] прямо в прихожей, – но старого доброго повседневного столового серебра, потому что основная часть домовладельцев держит кухонные полотенца двумя ящиками ниже ящика с приборами, а бог не придумал лучшего кляпа, чем старое доброе пропахшее маслом кухонное полотенце из искусственного льна; и привязанный проводами к стулу хозяин вдруг соображает, что именно разыскивает Гейтли, и дергается и говорит: «Не затыкайте мой рот, я обладаю ужасной простудой, мой нос, он кирпич соплей, я не в силах дышать в нос, ради господина бога не затыкайте мой рот»; и в знак доброй воли называет копающемуся Гейтли комбинацию сейфа за Мариной в спальне, вот только французскими цифрами, что вкупе с гнусавым аденоидным гриппозным прононом Гейтли даже не напоминает человеческую речь, и еще хозяин сообщает Гейтли про добританские квебекские золотые монеты в опойковом кошельке, приклеенном на обороте неизвестного импрессионистского пейзажа в гостиной. Но все, что говорит канадский домовладелец, значит для бедняги Дона Гейтли, что насвистывает веселую мелодию и старается выглядеть угрожающе в клоунской маске, не больше, чем, скажем, крики чаек Северного побережья или американских граклов; и, естественно, в двух ящиках под ложками находятся полотенца, и вот Гейтли надвигается, словно какой-то Бим-Бом из ада, и рот квебекца становится овальным от ужаса, и в этот рот вставляется скомканное, слегка отдающее жиром кухонное полотенце, а поверх торчащего кома льна и щек накладывается качественная волокнистая обвязочная лента из первого ящика столика с древним телефоном – ну почему все держат серьезные почтовые принадлежности в ближайшем к кухонному телефону ящике? – и Дон Гейтли с сообщником заканчивают ловкое и полное благих намерений ненасильственное обдиранье бруклайнского дома догола, словно постхозяинный лужок, и запирают переднюю дверь и растворяются в бруклайнской мгле в надежном внедорожнике Гейтли с двойным глушителем. А связанный, хрипящий, облаченный в ацетатный шелк канадец – правая рука, возможно, самого одиозного антиноановского активиста к северу от Великой Впадины, его адъютант и доверенный специалист по улаживанию конфликтов, самоотверженно согласившийся переехать с семьей в варварски американскую метрополию Бостона, чтобы служить связным и укротителем полудюжины или около того злопыхательных и ненавидящих друг друга группировок квебекских сепаратистов и альбертских ультраправых, единых лишь в фанатичном убеждении, что экспералистский «дар», или «возвращение», США так называемой Реконфигурированной Великой Выпуклости своему северному соседу и союзнику по ОНАН нанес тяжелейший удар по канадским суверенитету, чести и гигиене, – этот домовладелец, безусловно VIP, хотя, конечно, довольно засекреченный VIP, или, точнее, РИТ [19] на французском, этот робкий на вид координатор канадских террористов – привязанный к стулу, с кляпом во рту, одинокий, пораженный риновирусом человек под холодным флуоресцентным кухонным светом [20], с кляпом умелым и из качественных материалов, – этот домохозяин, так тяжело боровшийся, чтобы частично прочистить один забитый назальный проход, что порвал межреберные связки, скоро обнаружил, что даже эта шелка

заблокирована неумолимым лавиноподобным потоком слизи, и потому ему снова приходится рвать связки, чтобы пробить вторую ноздрю, и так далее; и через час борьбы, жжения в груди, крови на губах и белом кухонном полотенце от отчаянных попыток вытолкать его языком сквозь ленту, которая все же неспроста высшего качества, и после взлета надежды до небес из-за звонка в дверь и ее же черного падения, когда гость у двери, юная девушка с планшетом и жвачкой, разносившая промо-купоны на акцию «Счастливые выходные» со скидками на полугодовое и больше членство в сети бостонских безвредных для кожи соляриев, пожимает плечами в парке, делает пометку в планшете и беззаботно удаляется по длинному выезду к псевдопроселку, через час подобных мучений или больше квебекский РИТ после невыразимой агонии – медленное удушение, даже соплями, это вам не прогулка в погожий денек на монреальском фестивале тюльпанов, – на пике этой агонии, слушая в голове затихающий гром пульса и наблюдая, как уменьшается видимое пространство, пока неуклонно сужается красная апертура зрения, на пике всего этого он мог думать, несмотря на боль и панику, только о том, какая это поистине дурацкая и глупая, после всего пережитого, смерть, – но даже этой мысли полотенце и лента не позволили выразиться в виде горестной ухмылки, с которой лучшим из нас подобает встречать свой наиглупейший конец, – и на этом Гийом Дюплесси, посинев, ушел из жизни, и просидел там, на кухонном стуле, в 250 км к востоку от действительно впечатляющей осенней природы, почти два дня и две ночи, с выправкой все более и более армейской, пока его охватывало трупное окоченение, с голыми ногами, из-за синюшности похожими на лиловые ломти хлеба; и когда бруклайнские органы наконец прибыли и отвязали его от залитого холодным светом стула, тело пришлось переносить в сидячем положении, настолько конечности и хребет отвердели в армейском комильфо. А для старого бедного Дона Гейтли, чья профессиональная привычка отрубать энергию коротким замыканием счетчика стала более-менее визитным модусом операнди, конечно же, было зарезервировано особое место в сердце и мыслях безжалостного помпрокурора Ревира с немалым весом в юридических сферах трех бостонских округов и не только, того самого помпрокурора, чья безжалостность в последнее время только усилилась, после того, как его жена на зубную нить без Валиума даже взглянуть не могла, а потому он терпеливо выжидал своего шанса, считая дни, будучи, так же как Дон, последовательным приверженцем принципов «Записывать» и «Подавать-холодным», и именно так Гейтли без всякого энергозатратного насилия со своей стороны оказался в дерьме на такой адской глубине, на которой меняются жизни.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»: «ИнтерЛейс ТелИнтертейнмент», Power TP RISC 932/1864 с консолью или без, Pink2, пост-«Праймстар»¹⁴ DSS-распространение¹⁵, менюшки и иконки, интернет-факс без ограничений на пиксели, tri— и quad-модемы с настраиваемым бодом, Сетки распространения, экраны настолько высокой четкости, как будто сам там находишься, видеофонная конференц-связь по разумным тарифам, встроенный Froxx CD-ROM, электроника от кутюр, консоли все-в-одном, нанопроцессоры «Юситю», лазерная хроматография, виртуально-совместимые медиакарты, оптоволоконный сигнал, цифровое шифрование, революционные приложения; кистевая невралгия, фосфенная мигрень, ежегодное гиперожирение, поясничные стрессы.

¹⁴ Primestar – американская спутниковая вещательная компания.

¹⁵ Digital Satellite Service – стандарт спутникового телевидения в США.

3 Ноября – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Ком. 204, общежитие Б: Джим Трельч, семнадцать лет, место рождения: Нарберт, Пенсильвания, № 8 в текущем рейтинге юношеского разряда Энфилдской теннисной академии в возрастной категории до 18 лет – а значит, № 2 в одиночном разряде команды Б 18-летних, заболел. Опять. Накатило, когда он одевался потеплее для тренировок команды Б в 07:45. На экране ТП комнатки шел, как обычно, с выключенным звуком картридж круга из 16 матчей с сентябрьского Открытого чемпионата США, и Трельч поправлял резинки ракушки, лениво комментируя действия игроков в кулак, когда накатило. Болезнь. Как гром среди ясного неба. От дыхания вдруг стало больно в горле. Затем переполняющий жар в различных черепных проходах. Затем он чихнул, и то, что вычихнулось, было плотным и мясистым. Болезнь накатила ультрабыстро, как гром среди предтренировочного ясного неба. Теперь он снова в постели, в лежачем положении, смотрит четвертый сет матча, но не комментирует. Экран прямо под пемулисовским постером с королем паранойи [21], на который нельзя не бросить взгляд, когда смотришь ТП. По полу у кровати, рядом с мусорной корзиной разбросаны мятые «Клинексы». На прикроватном столике лежат как безрецептурные, так и выписанные врачом отхаркивающие и противокашлевые, анальгетики и мегаспансулы с витамином С, флакон Бенадрила и флакон Селдана [22] – хотя на самом деле во флаконе Селдана лежат несколько 75-мг капсул Тенуата, которые Трельч постепенно стрелял на пемулисовской части комнаты и, по его мнению, на редкость гениально прятал на самом виду в прикроватном флаконе с таблетками, где Пемстер в жизни не догадается искать. Трельч из тех, кто умеет пощупать свой лоб и определить жар. Определенно риновирус, внезапный и свирепый. Он размышлял: когда вчера Грэм Рэйдер притворился, что чихнул на поднос с обедом Д. Трельча у диспенсера с молоком, возможно, он чихнул на самом деле и только притворился, что притворился, передав заразный риновирус на нежную слизистую Трельча. В жаре он мысленно призывает на голову Рэйдера различные кары небесные. Никого из соседей Трельча нет. Тед Шахт отмачивает колено в первой на сегодня вихревой ванне. Пемулис вооружился и ушел на тренировку в 07:45. Трельч предложил Пемулису свой завтрак, а взамен попросил залить напольный увлажнитель и позвать медсестру первой смены, чтобы та принесла «еще» ядерного антигистамина Селдан, небулайзер с декстрометорфаном и записку с освобождением от утренних тренировок. Он лежит и обильно потеет, смотрит цифровую запись профессионального тенниса, слишком опасаясь за горло, чтобы комментировать. От Селдана не должно клонить в сон, но он чувствует слабость и неприятную сонливость. Едва ли может сжать руку в кулак. Он вспотел. Не уходит угроза тошноты/рвоты. Он поверить не может, как быстро она накатила, болезнь. Увлажнитель кипит и булькает, а все четыре окна комнаты плачут из-за холода снаружи. С Восточных кортов доносятся тихие, грустные, далекие, как пробки из шампанского, десятки ударов по мячам. Трельч дрейфует всего на одном уровне выше сна. Гигантские вентиляторы АТНСМЕ у стены далеко на севере, отдаленный приграничный вой, голоса снаружи и стук холодных мячей сплетаются в какую-то звуковую подстилку под утробным урчанием увлажнителя и скрипом пружин в кровати, а Трельч ворочается и мечется во влажной полудреме. У него тяжелые немецкие брови и кулаки с большими костяшками. Он в таком неприятном опиоидном лихорадочном состоянии полудремы, скорее фуги, чем сна, не плывет, а скорее брошен на произвол судьбы в суровых морях, где его могуче швыряет то в полудрему, то из нее, – полудрему, когда разум еще бодрствует и можно спросить себя, спишь ты или нет, даже во сне. И любые сны рваные по краям, пожеванные, неполноценные.

Это буквально грезы наяву, хвоя, какая-то неполноценная fuga, из которой пробуждаешься с каким-то психическим лязгом, пытаешься сесть прямо, уверенный, что в комнате общежития рядом с тобой есть кто-то непрощенный. Изможденный, откидываешься на мокрое пятно подушки, таращишься на сложносочиненные складки турецкого ковра, присуперклеенного Пемулисом и Шахтом к углам потолка, который волнуется, свисая, так что его складки напоминают рельефный ландшафт, какую-то долину с тенями.

Я прихожу к выводу, что ощущение самых худших кошмаров – ощущение, которое можно почувствовать как во сне, так и наяву – идентично самой форме этих худших кошмаров: внезапное внутрисонное осознание, что сами суть и центр кошмара всегда были с тобой, даже наяву: просто ты их... не замечал; и потом – тот ужасающий промежуток между осознанием, что именно ты не замечал, и тем, как оборачиваешься посмотреть, что же было рядом с тобой, все это время... Твой первый кошмар вдали от дома и родителей, твоя первая ночь в академии – уже тогда оно было с тобой: сон о том, как просыпаешься от глубокого сна, вдруг вскакиваешь в поту и панике, ошеломленный внезапным чувством, что рядом с тобой, в этой самой темной незнакомой комнате общежития, находится квинтэссенция абсолютного зла, суть и центр зла прямо здесь, в этой комнате, прямо сейчас. И оно пришло только за тобой. Больше никто из мальчиков не проснулся; койка над тобой провисает тупо, неподвижно; никто не пошевелится; никто в комнате не чувствует присутствие чего-то максимально злого; никто не ворочается и не вскакивает весь в поту; больше никто не вскрикивает – что бы это ни было, они ему не нужны. Фонарик, мама приклеила на него кусочек малярного скотча с твоим именем и уложила в чемодан специально для тебя, скользит по комнате в академии: подвесной потолок, серый полосатый матрас и продавленная сетка пружин над тобой, две других двухъярусных кровати такого матово-серого цвета, что не отражает свет, кучи книг, компакт-дисков, кассет и теннисной экипировки; твой круг белого света колеблется, как луна на воде, перекачивается по неотличимым друг от друга бюро, нишам чулана и двери в комнату, выпуклым обломам косяка; плывет по мебели, куче-мале теней спящих мальчиков на табачно-белых стенах, двум овалам половичков на паркете, черным очертаниям поясков плинтуса, щелям жалюзи, сквозь которые просачивается фиолетовый несвет снежной ночи с тонким серпиком луны; фонарик с твоим именем, выписанным материнским курсивом, скользит по каждому сантиметру этих стен, реостатам, CD, постеру Тауни Кондо от «ИнтерЛейс», телефонной консоли, настольным ТП, лицу в полу, плакатам с теннисистами, луково-желтым абажурам настольных ламп, узорам дырочек в потолочных панелях, сетке пружин верхней кровати, нише туалета и двери, мальчикам в одеялах, уже различимой черной трещинке на восточной части потолка, напоминающей русло ручья, кленовому пояску на стыке между потолком, южной и северной стеной нет фонарик осветил лицо в полу но ведь нет нет не может быть ты не видел узкие как у кошки и раскосые зрачки брови в виде V и жуткую зубастую улыбку что щерилась все время пока ты светил по углам ой мамочка лицо в полу мамочка ой и луч фонарика рвано втыкается назад промазывает исправляется центрируется на том что ты чувствовал и видел, но не увидел, вот только что, когда так внимательно водил фонарем и искал, лицо в полу было все это время, и его не ощущали другие и не видел ты, пока вдруг не осознал, как до этого чувствовал, что ему здесь не место и что это зло: Зло.

Ты светишь, и вдруг оно открывает пасть.

А потом ты миг просыпаешься, дрожишь как цимбала, сна ни в одном глазу, ты дрожишь, набираешься смелости и духу, переворачиваешься направо, прямо как в своем сне, за именным фонариком на полу у кровати просто на всякий случай, лежишь на локте и боку, освещая комнату, как во сне. Лежишь, поводя фонарем, смотришь, весь обратился в ребра, локти и широко раскрытые глаза. На полу наяву – экипировка и грязная одежда, светлый паркет с заделанными швами, два половичка, голый лак блестит под снежным светом из окна, пол

нейтральный, безлиций, ты не видишь на полу никаких лиц, сна ни в одном глазу, лежишь, безлиций, пустой, с широко раскрытыми глазами, все поводя и поводя лучом по полу, не уверенный до конца всю ночь напролет – и впредь вечно сомневаясь, что ничего не пропустил: лежишь, без сна и почти двенадцатилетний, веришь изо всех сил.

По состоянию на Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Энфилдская теннисная академия работает по аккредитации три года до эры спонсирования и восемь лет с начала эры спонсирования, сперва под руководством доктора Джеймса Инканденцы, затем под управлением его сводного шурина Чарльза Тэвиса, д-ра пед. наук. Джеймс Орин Инканденца – единственный отпрыск когда-то лучшего американского теннисиста среди юниоров, а потом многообещающего юного актера, который играл по методу до системы Станиславского, но в течение ранних формирующих лет Д. О. Инканденцы лишился актерской репутации и работы и бежал в родной Тусон, штат Аризона, где посвятил оставшуюся жизнь работе профессиональным теннисистом на ранчо-курортах и недолго протянувшим постановкам в некоем Битническом Театральном проекте «Пустыня», – отца, склонного к возлияниям трагика, искалеченного навязчивой мыслью о смерти от паучьего укуса, страхом сцены и ненавистью неизвестного происхождения, но пожирающей интенсивности к школе актерского мастерства по методу Станиславского и ее более многообещающим представителям, отца, который где-то у надира своего профессионального успеха решил удалиться в опрысканную «Рейдом» подвальную мастерскую и взрастить там многообещающего спортсмена-юниора, примерно как другие отцы ремонтируют винтажные автомобили или собирают кораблики в бутылках, или там реставрируют мебель и т. п., – Джеймс Инканденца был замкнутым, но усердным и впоследствии одаренным теннисистом-юниором – высоким, очкастым, доминирующим у сетки, – который по своему почину потратил теннисную стипендию на среднее и дальнейшие образования так далеко от Юго-запада США, насколько возможно зайти, не утонув. Американское правительственное престижное ОНР[23] финансировало его докторат по оптической физике, тем самым исполнив что-то вроде детской мечты. Его стратегическая ценность во время федерального периода Д. Форд – ранний Д. Буш как более-менее лучшего спеца по прикладной геометрической оптике в ОНР и САК¹⁶ сперва на производстве рассеивающих нейтроны отражателей для термостратегических оружейных систем, а затем в Комиссии по атомной энергетике, – где, по общепринятому мнению, выведенные им показатели преломления гамма-лучей для литиевого анодирования линз и панелей среди полудюжины других крупных научных прорывов сделали возможным холодный кольцевой синтез и, следовательно, относительную энергонезависимость США и их различных союзников и протекторов, – так вот, его компетенция в оптике вылилась после недолгой работы в частном секторе и выхода на пенсию в целое состояние в патентах на зеркала заднего вида, светочувствительные очки, поздравительные голографические картриджи на дни рождения и Рождество, видеофонные Заставки, гомолосинуоидально-картографическое ПО, нефлуоресцентные системы освещения в общественных местах и кинооборудование; а затем, во время оптимативной отставки от строгой науки – которую для него, видимо, представляли возведение и открытие аккредитованной ТАСШ¹⁷ педагогически экспериментальной теннисной академии, – в апрегардное¹⁸ экспериментальное и концептуальное кинотворчество, видимо, слишком опередившее свое время либо отставшее от него, чтобы принести признание Инканденце до его кончины в Год Шоколадного Батончика «Дав», – хотя многое из него (экспериментального и концептуального кинотворчества) по общему признанию было просто претенциозным, неувлекательным и так себе и

---

¹⁶ Стратегическое командование ВВС США (Strategic Air Command).

¹⁷ Теннисная Ассоциация Соединенных Штатов.

¹⁸ Apres-garde – букв. «после-гард».

вряд ли помогло отсрочить довольно плавную спираль Инканденцы в дипсоманию его покойного отца[24].

Брак высокого, нескладного, социально неприспособленного и пьющего с мая по декабрь[25] доктора Инканденцы с одной из истинных секс-бомб североамериканских научных кругов, чрезвычайно высокой и нервной, но также чрезвычайно красивой, складной, трезвеннической и солидной доктором Аврил Мондрагон, единственной женщиной-академиком, когда-либо заведовавшей кафедрой прескриптивного словоупотребления и узуса им. Макдональда в Королевском колледже Виктории Университета Макгилл, с которой Инканденца повстречался на конференции по рефлексивным и рефлексивным системам в Университете Торонто, приобрел еще больший романтический флер во время бюрократических злоключений, связанных с получением визы на выезд и затем на въезд, не говоря уже о грин-карте, т. к. даже брак профессора Мондрагон с гражданином США не оттенил ее предыдущее участие еще во времена аспирантуры, хотя и, безусловно, демонстративно мирное, в определенной деятельности левых квебекских сепаратистов, из-за которого ее имя и оказалось в пресловутом списке «Personnes a Qui On Doit Surveiller Attentivement»¹⁹ КККП²⁰. Рождение первого ребенка четы Инканденца, Орина, было как минимум отчасти юридическим маневром.

Известно, что в течение последних пяти лет жизни доктор Джеймс О. Инканденца обналичил все свои активы и патенты, уступил руководство Энфилдской теннисной академией сводному брату жены – бывшему инженеру, до недавнего времени занимавшему должность в администрации любительского спорта Провинциального колледжа Троппингемшира, провинция Нью-Брансуик, Канада, – и посвятил все свободные от пагубных привычек часы исключительно производству документалок, арт-лент с техническими выкрутасами и смутно язвительных драматических картриджей с вкраплениями своих obsessions, оставив после себя значительное (учитывая поздний творческий расцвет) количество законченных лент и картриджей, часть из которых заслужила культовый статус в академической среде за свои техническую затейливость и пафос, одновременно сюрреалистически абстрактный и душе— (а то и ЦНС-) раздрающе мелодраматический.

Безвременная кончина в результате самоубийства профессора Джеймса О. Инканденцы-мл. в пятьдесят четыре года стала тяжелой утратой по меньшей мере для трех миров. Президент Дж. Джентл (С. К.) от имени ОНР МО США и посткольцевой КАЭ ОНАН посвятил ему панегирик и передал соболезнования семье по засекреченной электронной почте ARPANET. Похороны Инканденцы в квебекском округе Л'Иль дважды откладывались из-за кольцевых циклов гиперфлорации. «Корнелл Юниверсити Пресс» объявило о планах издания юбилейного сборника статей. Некоторые ведущие так называемые «апрегардные» и «антиконфлюэнциальные» молодые режиссеры в Год Шоколадного Батончика «Дав» применяли в корпусе своих работ некоторые косвенные визуальные отсылки, – в основном контрастное освещение и съемку заказными объективами, которыми отличалась фирменная глубина резкости Инканденцы, – в качестве своего рода внутрицехового элегического посвящения, которое бы не считал ни один зритель. Интервью с Инканденцой посмертно включили в труд о зарождении кольцевания. А те из игроков-юниоров ЭТА, на чьи гипертрофированные руки налезали черные напульсники, не снимали их на корте почти весь год.

¹⁹ Лица, за которыми следует вести пристальное наблюдение (фр.).

²⁰ Королевская канадская конная полиция.

Денвер, Колорадо, 1 Ноября Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

– Ненавижу! – вопит Орин любому, кто пролетает рядом. Он не крутится и не возвращается по спирали, как полагается; он скорее лавирует – парящий эквивалент снегоочистителя, незрелищный и нацеленный только на то, чтобы закончить срочно, целым и невредимым. Нейлон красных крыльев трепещет в восходящем потоке; плохо приклеенные перья линяют и воспаляются. Восходящий поток – оксиды от тысяч вопящих глоток «Майл-Хай». Это самый громкий стадион, факт. Он чувствует себя прикурком. В клюве трудно дышать и смотреть. Два запасных энда делают что-то вроде совместной бочки. Самое худшее – момент перед тем, как они прыгали с края стадиона. Руки в верхних рядах тянутся и хватают за ноги. Все хохочут. Камеры «ИнтерЛейса» панорамируют и наезжают; Орин отлично знает, что огонек сбоку означает «зум». Как только они взмыли над полем, голоса растаяли и слились с оксидами и восходящим потоком. Левый гард воспаряет вместо того, чтобы опускаться. У кого-то отваливаются пара клювов и лапа, кружат вниз к полю. Орин угрюмо лавирует вперед-назад. Он из тех, кто твердо отказался свистеть или чирикать. Плевать на премию. Громкоговоритель стадиона – словно полощут стальное горло. Ничего не понятно, даже на земле.

Унылый старый экс-квотербек, который в эти дни только придерживает мяч для первого удара, парит недалеко от медленного зигзага Орина, в добрых ста метрах над 40-ярдовой отметкой. Он один из маскотов-самочек – его клюв тупее, а крылья – неброского красного.

– Ненавидь и презирай это всем гребучим сердцем, Клейт!

Квотербек пытается устало махнуть крылом в ответ и чуть не влетает в пенек пера Орина.

– Почти приехали! Наслаждайся полетом! Йо – зацени декольте на 22 G, прямо за... – и теряется в реве, когда первый игрок приземляется и сбрасывает промо-аппарат в красных перьях. Надо кричать, чтобы тебя хотя бы услышали. В какой-то момент начинает казаться, что толпа ревет из-за собственного рева – рев в квадрате, словно что-то сейчас взорвется. В зоне полузащиты один из «Бронко» в костюме маскота спотыкается и шлепается, так что кажется, будто у быка оторвался зад. Орин не рассказывал ни одному «Кардиналу», даже психологу или психотерапевту – специалисту по визуализации команды о своей смертельной боязни высоты и падений.

– Я пантер! Я бью по мячу! Мне платят, чтобы я бил далеко, высоко, хорошо и всегда! Личное интервью о своей личной жизни – это еще ладно! Но вот это переходит все границы! Хватит это терпеть! Я спортсмен! Я не актер фрик-шоу! На переговорах о переходе никто не предупреждал про полеты. В Новом Орлеане были только рясы и нимбы, и цитра раз в сезон. Но только раз в сезон. А это вообще кошмар!

– Могло быть и хуже!

Кружа к линии крестиков на земле и парням в бейсболках, которые помогают снять крылья, наглым пузатым добровольцам из головной администрации, которые умеют хмыкать над тобой так, что даже не выдвинешь потом обвинение.

– Мне платят за то, чтобы я бил!

– В Фили еще хуже!.. в Сиэтле три сезона водой полива...

– Господи Боже, только пощади Ногу, – шепчет Орин каждый раз перед самым приземлением.

– ...а ведь мог быть «Нефтяником»! А то и «Коричневым»²¹.

---

²¹ Названия команд американского футбола разных городов: «Нефтяники» (Oilers) из Теннесси, «Коричневые» (Browns) из Кливленда. В Сиэтле команда «Поморников» (Seahawks), в Новом Орлеане – «Новоорлеанские святые» (New Orleans Saints).

* * *

Органопсиходелический мусцимол, изоксазол-алкалоид, получаемый из *Amanita muscaria*, он же мухомор, – ни в коем случае, подчеркивает Майкл Пемулис, не путать с phalloid'ами, vern'ой или некоторыми другими смертельными представителями североамериканского рода *Amanita*, пока детишки сидят по-турецки с застывшими глазами, подавляя зевки, на полу Комнаты отдыха, – известен под структурным именем 5-аминометил-3-изоксазол, употребляется орально в количестве где-то от 10 до 20 мг за прием, действует в два-три раза мощнее псилоцибина и зачастую приводит к следующим изменениям сознания (вообще не читая и не подсматривая в заметки): некий транс-полусон с видениями, экзальтация, ощущения физической легкости и возросшей силы, повышенное чувственное восприятие, синестезия и комплиментарные для человека искажения в образе тела. Это должна быть полдничная встреча со «Старшим товарищем», где детишки получают от умудренных старшеклассников братскую поддержку и совет. Пемулис же иногда относился к встрече как к какому-то коллоквиуму и делился там собственными находками и интересами. Экран стоит на «Чтении» с кабинетного ноутбука и на нем большими печатными буквами написано «Метоксилированные основания для фенилалкиламиновых манипуляций», а под этим – текст, который для Младших товарищей с таким же успехом мог быть и на греческом. Двое детей сжимают теннисные мячи; двое по-хасидски раскачиваются, чтобы не уснуть; у одного – кепка с двумя антенками из сжатых пружин. Более-менее почитаемый аборигенными племенами нынешних южного Квебека и Великой Впадины, рассказывает им Пемулис, этот пластинчатый гриб любили и ненавидили за могучий, но не всегда приятный психодуховный эффект, особенно при неправильной дозе. Мальчик с живым интересом ковыряется в пупке. Другой делает вид, что упал.

Некоторые низовые игроки начинают – простите за такие новости – не раньше где-то двенадцати, особенно с дринами перед матчем и с энкефалином^[26] после, что может привести к целому порочному кругу в нейрехимии человека; однако лично я, опрометчиво приняв кое-какие обеты по поводу отцов и яблок от яблони, впервые расслабился с Бобом Хоупом^[27] целая куча 16-летних и младше, предложила мне подумать насчет парочки бонгов на ночь в качестве некоего психодислептического Соминекса, который, возможно, мог помочь мне, наконец-то, проспать до самого конца один реально неприятный сон, – тот еженощно повторялся и будил меня *in medias*²² долгие недели, уже начал давить и слегка влиять на игру и показатели. И хоть Боб был второсортный и синтетический, бонги сработали как по волшебству.

В том сне, который я порой вижу и по сей день, я стою у всех на глазах на задней линии гаргантюанского теннисного корта с заполненными трибунами. Очевидно, я на профессиональном матче; есть зрители, судейская бригада. Но корт размером где-то с футбольное поле, наверное, ну так кажется. Трудно сказать. Но главное – корт сложный. Линии, которые определяют игру на этом корте сложные и скрученные, как скульптура из струн. Линии во всех направлениях, и они бегут бесцельно, или встречаются и образуют взаимоотношения и квадраты, реки и их притоки, и системы внутри систем: линии, углы, коридоры и отрезки расплываются у горизонта далекой сетки. Я стою неуверенно. Все это слишком трудно осмыслить сразу. Все такое огромное. И на людях. Вдоль, видимо, периметра корта располагается безмолвная толпа, одетая в летние цитрусовые цвета, недвижимая и вся внимание. Стоит на чеку батальон вежливых линейных судей в блейзерах и шляпах для сафари, сложив руки на ширинках слаксов. Высоко над головой, рядом с тем, что можно назвать стойкой сетки, – арбитр, в синем

²² В середине (лат.).

блейзере, на высоком стуле, подключенный к системе громкого вещания, шепчет: «Играйте». Толпа – живая картина, неподвижная и внимательная. Я кручу палку, стучу новеньким желтым мячиком и пытаюсь понять, в какую же сторону в этой путанице линий подавать. На трибунах слева я различаю белый солнечный зонтик Маман; из-за ее роста тот возвышается над соседними; она сидит в своем маленьком кругу тени, волосы белые, ноги скрещены, хрупкий кулачок поднят и сжат в знак полной и безоговорочной поддержки.

Арбитр шепчет: «Прошу, начинайте».

Мы как бы играем. Но это все как-то гипотетически. Даже «мы» – только теория: я так и не вижу далекого оппонента из-за сложного устройства игры.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Врачи, как правило, входят на арену своего профессионального поприща с бодрой улыбкой, которую приходится немного приглушать, когда в роли этой арены выступает пятый этаж больницы – психиатрическое отделение, где бодрая улыбка приравнивается к какому-то злорадству. Вот почему врачи в психиатрическом отделении, если и когда встретишь их в коридорах пятого этажа, так часто носят смутно фальшивую нахмуренность озадаченной сосредоточенности. И вот почему больничный доктор медицины – обычно лоснящийся, розовощекий и без пор, от которого почти всегда необычно чисто и приятно пахнет, – обращается к психиатрическим пациентам под своим наблюдением в профессиональной манере, одновременно спокойной и проникновенной, с отстраненной, но искренним интересом, заботой, равно относящейся и к субъективному дискомфорту пациента, и к тяжелым особенностям его случая.

Ухоженный доктор, который только что осторожно заглянул в открытую дверь душевой палаты и, пожалуй, даже слишком мягко постучал по металлическому косяку, обнаружил Кейт Гомперт на боку, та лежала на узкой жесткой койке в синих джинсах и блузке-безрукавке, поджав к животу колени и обвив их пальцами. Пафос позы был слишком красноречивым: точная копия меланхоличной картины эры Ватто с фронтисписа «Руководства по клиническим состояниям» Евтушенко. На Кейт Гомперт были темно-синие водонепроницаемые кроссы без носков и шнурков. Половина ее лица была утоплена в то ли зеленой, то ли желтой наволочке синтетической подушки, голову она так давно не мыла, что волосы распались на отдельные блестящие пряди, и черная челка на видимой половине лба напоминала глянцевые прутья решетки. В психиатрическом отделении стоял слабый запах дезинфицирующего средства и сигарет из комнаты отдыха, горький привкус медицинских отходов, ожидающих уборки, а также постоянная легкая аммиачная нотка мочи, а также слышались двойной бип лифта и вечно далекий голос интеркома, перечисляющий имена каких-то врачей, и громкая ругань маниакального пациента из розовой палаты для буйных в противоположном от комнаты отдыха конце отделения. Еще в палате Кейт Гомперт пахло паленой пылью из отопительной вентиляции, а также слащавым парфюмом юного медбрата психиатрического отделения, который сидел в кресле у изножья койки девушки, жевал синюю жвачку и смотрел беззвучный ROM-картридж на больничном ноутбуке. Кейт Гомперт была в Особом списке, то есть за ней следовало Присматривать Присмотр на случай суицида, то есть в какой-то момент девушка выдала и Мышление, и Намерение, то есть девушку двадцать четыре часа в сутки должен стеречь медбрат, пока ее не отзовет из Особого списка наблюдающий врач. Медбрата на таком дежурстве сменялись каждый час, якобы так каждый дежурный всегда был бодр и начеку, но на самом деле потому, что просто сидеть у постели и глядеть на того, кого так мучает психическая боль, что он хотел покончить с собой, невероятно удручающе, скучно и неприятно, так что они сокращали ненавистную обязанность как могли, эти медбрата. Формально им нельзя читать, писать, смотреть CD-ROM'ы, выполнять процедуры личной гигиены или в любой форме отвлекать внимание от пациента из Особого списка. Пациентка мисс Гомперт, казалось, одновременно и не могла вздохнуть, и дышала так часто, что могла спровоцировать гипокапнию; врач также не мог не отметить, что у нее довольно большая грудь, быстро вздымавшаяся и опадающая в круге рук, которыми она обхватила колени. Глаза девушки, тусклые, зафиксировали его появление в дверях, но как будто не следили за тем, как он подходил к койке. Медбрат точил ногти пилочкой. Врач сказал медбрату, что ему нужно побыть пару минут наедине с мисс Гомперт. Такое требование врачи, когда это возможно, адресуют подчиненному, читая или по крайней мере опустив глаза на карту, – так и сейчас врач внимательно изучал карту, показатели и записи о пациентке, собранные по медицинской Сети из травматологических и психиатрических отделений других городских больниц. Гомперт, Кэтрин Э., 21, Ньютон, Массачусетс.

Оператор ввода данных в риелторской конторе в Уэллсли Хиллс. Четвертая госпитализация за три года, каждый раз – клиническая депрессия, униполярная. Курс электросудорожной терапии в госпитале Ньютон-Уэллсли два года назад. Некоторое время Прозак, затем Золофт, последнее – Парнат в комбинации с литием. Две предыдущих попытки суицида, последняя – буквально прошлым летом. Прием Би-Валиума прерван через два года применения, Ксанакса – через год: обнаружены случаи злоупотребления назначенными лекарствами. Униполярная депрессия, вполне классическая, характеризуется крайней дисфорией, тревогой с приступами паники, паттернами дневных вялости/возбуждения, суицидальным Мышлением с Намерением и без. Первая попытка – случай с угарным газом, но автомобиль в гараже заглох раньше, чем был достигнут летальный уровень гемотоксичности. Затем прошлогодняя попытка – сейчас шрамов не видно, сосудистые узлы на запястьях скрыты коленями, которые она обняла. Она продолжала таращиться в дверь, в которую вошел доктор. Последняя попытка – обычная передозировка лекарствами. Поступила в больницу после вызова бригады скорой помощи три дня назад. Два дня на искусственной вентиляции после промывки. Гипертонический криз на второй день от повторного отравления продуктами метаболизма – видимо, закинулась чертовой прорвой таблеток, – дежурная медсестра интенсивной терапии вызывала капеллана – видимо, повторное отравление оказалось совсем тяжелым. Уже два раза подряд побывала на грани жизни и смерти, эта Кэтрин Энн Гомперт. Третий день – во 2-м Западном корпусе для наблюдения, от совершенно безумного кровавого давления, скрепя сердце, выписали Либриум. Теперь она на пятом этаже, нынешней арене врача. Давление по последним четырем показаниям стабильно. Следующее снятие показаний в 13:00.

Попытка была серьезной, полновесной попыткой. Девчонка не шутит. Хрестоматийный клинический случай прямиком из Евтушенко или Дрекке. Больше половины суицидников в психиатрических отделениях – всякие чирлидерши после двух флаконов Мидола из-за несчастной школьной любви или серые асексуальные депрессивные одиночки, безутешные после смерти домашнего любимца. Катарсическая травма от того, что они действительно попали в официальное место для психов, пара понимающих кивков, пара слабых признаков, что кому-то на них не совсем наплевать, – и они снова в норме и готовы к возвращению в мир. Но три серьезных попытки и курс шоковой – совсем другой разговор. Внутреннее состояние врача колебалось между трепетом и возбуждением, что внешне проявлялось в виде спокойно-проникновенной недоуменной заботы.

Врач сказал «Привет» и захотел удостовериться наверняка, что она Кэтрин Гомперт, так как раньше они не встречались.

– Это я, – горьким почти напевом. Ее голос оказался странным образом светлым для человека, лежащего в позе зародыша, с мертвым взглядом и без выражения на лице.

Врач спросил, не могла бы она вкратце рассказать, как очутилась здесь, с ними? Помнит ли, что произошло?

Она вздохнула еще глубже. Этим хотела передать скуку или раздражение.

– Я приняла сто десять таблеток Парната, где-то тридцать капсул Литоната, еще просроченный Золофт. Приняла все, что у меня было на свете.

– Похоже, ты действительно хотела сделать себе больно.

– Внизу сказали, что от Парната я отключилась. Из-за него и фигня с давлением. Мама услышала шум наверху и нашла меня, как она сказала, на боку, я жевала ковер в комнате. У меня в комнате пушистый ковер. Сказала, я лежала на полу, покрасневшая и вся мокрая, будто новорожденная; сказала, сперва подумала, что у нее галлюцинация меня новорожденной. На боку, красная и мокрая.

– Так и бывает при гипертоническом кризе. Это значит, кровавое давление поднялось настолько, что ты могла умереть. От Сертралина в комбинации с ИМАО[28] в достаточном

количестве можно умереть. Да еще с отравлением от такой дозы лития – я бы сказал, тебе повезло, что ты еще с нами.

– Маме иногда кажется, что у нее галлюцинации.

– Сертралин, кстати говоря, – это Золофт, который ты хранила вместо того, чтобы выкинуть, как предписывается при смене курса лекарств.

– Говорит, я большую дыру прожевала. Но кто знает.

Доктор выбрал вторую любимую ручку из ряда в нагрудном кармане белого халата и сделал какую-то пометку на новой карте Кейт Гомперт конкретно этого психиатрического отделения. Среди ручек в кармане торчала резиновая головка диагностического молоточка. Он спросил Кейт, может ли она ему объяснить, почему хотела сделать себе больно. Злилась ли на себя. На кого-то другого. Или ей стало казаться, что в жизни больше нет смысла. Не слышала ли голосов, которые велели сделать себе больно.

Внятного ответа не последовало. Дыхание девушки замедлилось до просто частого. Доктор решил пораньше сделать высокую медицинскую ставку и спросил Кейт, не было бы проще, если бы она перевернулась и села, чтобы они говорили друг с другом более нормально, лицом к лицу.

– Я сижу.

Врач занес ручку. Его медленный кивок был задумчивым, вежливо озадаченным.

– Хочешь сказать, тебе сейчас кажется, будто твое тело уже находится в сидячем положении?

Она надолго закатила глаза, многозначительно вздохнула, затем перевернулась и села. Кэтрин Энн Гомперт, вероятно, решила, что перед ней очередной психиатр с нулевым чувством юмора. Видимо, она не понимала строгих методологических пределов, которые диктовали, насколько ему, врачу, нужно быть буквальным с поступившими в психиатрическое отделение. Или что шутки и сарказм здесь обычно чересчур содержательны и обладают клиническим подтекстом, чтобы не принимать их всерьез: сарказм и шутки часто были бутылкой, в которой пациенты с клинической депрессией отправляли самые безысходные крики о помощи и сочувствии. Врач – который, кстати, был еще не доктором медицины, а ординатором, на двенадцатинедельной практике в психиатрическом – поделился этим медицинским фактом, пока пациентка деланно сложно достала из-под себя тонкую подушку, положила к голой стене на короткую сторону и опала на нее, скрестив руки на груди. Врач решил, что ее открытая демонстрация раздражения могла либо нести позитивный посыл, либо вообще ничего не значить.

Кейт Гомперт уставилась в точку за левым плечом доктора.

– Я не хотела сделать себе больно. Я хотела себя убить. Большая разница.

Тот спросил, не могла бы она объяснить, в чем конкретно, по ее мнению, здесь разница.

Задержка, предшествовавшая ответу, была всего на миг дольше, чем пауза в среднестатистическом разговоре. Врач не представлял, на что указывает это наблюдение.

– А у вас тут много разных видов суицидников?

Ординатор не стал уточнять, что Кейт Гомперт имеет в виду. Она удалила одним пальцем какое-то вещество из уголка рта.

– По-моему, должны быть разные виды суицидников. Я не из тех, у которых ненависть к себе. Тип, который вроде такой «Я дерьмо, и миру будет лучше без несчастного меня», который так говорит, а сам представляет, что все скажут на его похоронах. Встречала я такой тип в отделениях. Несчастный-я-ненавижу-себя-накажите-меня-приходите-ко-мне-на-похороны. А потом показывают фотки 20 x 25 своей дохлой кошки. Это все хрень, сплошная жалость к себе. Это хрень. У меня нет особых проблем. Меня не завалили на экзамене, не бросили. Эти типы. Вот они делают себе больно. – сочетание пустой маски лица и обыденно оживленного разговорного тона Кейт интриговало и сбивало с толку. Легкие кивки врача были задуманы не как ответы, но как поощрение продолжать: Дрекке называл их Моментумизерами.

– Мне не особенно хочется делать себе больно. Или, типа, наказывать. Я себя не ненавижу. Просто хочу, чтобы меня вытащили отсюда. Больше не хочу играть.

– Играть, – ободряюще кивая, черкая короткие пометки.

– Я хотела просто потерять самосознание. Я совсем другой тип. Я хотела перестать себя так чувствовать. Если бы я могла просто впасть в реально длинную кому, так бы и сделала. Или самой себе устроить шоковую, тоже так бы и сделала. Взамен.

Врач записывал с великим усердием.

– Последнее, чего я хочу, – это боль. Я просто больше не хотела так себя чувствовать. Я не верю... не верила, что это ощущение когда-нибудь уйдет. Не верю. До сих пор. Лучше ничего не чувствовать, чем это.

В глазах врача читался живой, но абстрактный интерес. Они казались многократно увеличенными за привлекательными, но толстыми линзами, оправа которых была стальной. Пациенты на других этажах во время его практики иногда жаловались, что им кажется, будто они в банке, а он пристально изучает их из-за толстого стекла. Он сказал:

– А ощущение желания прекратить чувствовать с помощью смерти, оно, таким образом?..

Кейт вдруг затрясла головой – неистово, раздраженно.

– Ощущение – это почему я хочу. Ощущение – причина, по которой мне хочется умереть. Я здесь потому, что хочу умереть. Вот почему я в палате без окон с решетками на лампочках и без замка на туалете. Вот почему у меня забрали шнурки и ремень. Но вот я заметила, что ощущение-то они не забрали, да.

– Ощущение, о котором ты говоришь, то же самое, что ты чувствовала и при других приступах депрессии, Кэтрин?

Пациент ответила не сразу. Она вытянула одну ногу из кроссовки и коснулась голой ноги носком другого кроссовка. Внимательно следила за каждым своим действием. Беседа, кажется, помогала ей сосредоточиться. Как и большинство пациентов с депрессией, она лучше функционировала во время сосредоточенной деятельности, чем в стазисе. При обычном парализованном стазисе пациентов пожирал их собственный разум. Но чтобы найти занятия, способные дать им сконцентрироваться, всегда требовались титанические усилия. Большинство ординаторов находили пятый этаж депрессивным местом для практики.

– Я, наверное, пытаюсь понять: то ощущение, о котором ты говоришь, ассоциируется у тебя с депрессией?

Ее взгляд переместился.

– Вы его так называете, да.

Врач несколько раз медленно шелкнул ручкой и объяснил, что ему сейчас интересней узнать, как она сама предпочитает его называть, ведь это все же ее ощущение.

Продолжилось изучение движений ног.

– Меня бесит, когда люди так его называют, потому что я всегда думала, что депрессия – это когда очень грустно, становишься тихий и меланхоличный и просто сидишь у окна и вздыхаешь, или лежишь, в потолок смотришь. Состояние, в котором на все наплевать. Такой унылый вариант состояния покоя, – теперь она казалась врачу решительно оживленной, хотя все еще, казалось, не могла ответить на его взгляд. Респирация снова участилась. Ординатор вспомнил, что классические случаи гипервентиляции характеризуются карпопедальными спазмами, и решил внимательно наблюдать за руками и ногами пациентки во время беседы на предмет признаков тонического сокращения, в случае которого следует назначить кальций внутривенно с процентным содержанием соли, которое нужно быстро уточнить по конспектам.

– Ну а это, – она указала на себя, – не состояние. Это ощущение. И я ощущаю его везде. В руках и ногах.

– Значит, оно включает карпопе... твои руки и ноги?

– Везде. Голова, горло, задница. В животе. Оно везде. Не знаю, как его назвать. Я как будто не могу из него выглянуть, не могу понять, что это такое. Это скорее ужас, а не печаль. Как будто вот-вот случится что-то ужасное, самое ужасное, что можно представить, – нет, даже хуже, чем можно представить, ведь еще есть ощущение, что надо что-то немедленно сделать, чтобы остановить ужасное, но не знаешь, что, и вдруг оно случается, все время, вот-вот случится и уже случается, и все одновременно.

– То есть, ты говоришь, что важной чертой твоей депрессии является тревога.

Теперь было неясно, врачу она отвечает или нет.

– Все становится ужасным. Все, что видишь, – уродливое. Есть слово «аляповатое». Доктор Гартон как-то раз сказал «аляповатое». Подходит. И звуки все резкие, колючие и резкие, как будто у каждого звука вдруг выросли зубы. И пахнет гадко, даже если только из душа. И какой смысл мыться, если все равно несет так, будто опять надо в душ.

Врач, пока все это записывал, казался скорее заинтригованным, чем озабоченным. Он предпочитал рукописные записи ноутбуку, ему казалось, будто врачи, которые печатают во время беседы на клавиатуре, производят безучастное впечатление.

Пока ординатор писал, лицо Кейт Гомперт на миг исказилось.

– Блин, я боюсь этого ощущения больше всего на свете. Больше боли или больше смерти мамы, или загрязнения окружающей среды. Чего угодно.

– Важная черта тревоги – страх, – подтвердил врач.

Кэтрин Гомперт на миг как будто спустилась со своих мрачных небес на землю. На несколько секунд откровенно уставилась на врача, и врач, из которого выдрессировали весь дискомфорт из-за прямого взгляда пациентов еще во время дежурства в отделении паралича/-плегии этажом выше, сумел ответить на ее взгляд с вежливым сочувствием, выражением человека, который сочувствует, но, конечно же, не переживает того же, что переживает она, и который уважает ее субъективные чувства, даже не пытаясь притвориться, что переживает. То же, что она. Выражение молодой девушки, в свою очередь, показало, что она решила сделать ставку, на такой ранней стадии терапевтических отношений, и принять все, что ей уготовано. Отрешенная решимость на ее лице теперь дублировала то, что отразилось на лице врача, когда ранее он сделал ставку и попросил ее сесть прямо.

– Слушай, – сказала она, – тебя когда-нибудь тошнило? Я имею в виду – когда мутит и знаешь, что тебя вот-вот вырвет?

Врач сделал жест «ну естественно».

– Но это только в животе, – сказала Кейт Гомперт. – Это ужасное ощущение, но оно только в животе. Потому в таких случаях и говорят – «живот болит», – она снова пристально всматривалась в нижние карпопеды. – Как я говорила доктору Гартону, ладно, а теперь представь, что ты это чувствуешь по всему телу, внутри. Везде. Как будто каждую клетку, и каждый атом, или серую клеточку, и вообще все мутит так, что им хочется стошнить, но они не могут, и так себя чувствуешь все время, и ты уверен, ты точно знаешь, что это ощущение никогда не пройдет, всю оставшуюся естественную жизнь ты проведешь с этим ощущением.

Врач что-то черкнул в блокноте, слишком быстро, чтобы записать все слова пациентки. Он кивал и когда писал, и когда поднял взгляд.

– И все же в прошлом это чувство тошноты приходило и уходило, и в конце концов исчезало после предыдущих депрессий, Кэтрин, разве нет?

– Но когда это ощущение приходит, ты о нем забываешь. Кажется, будто оно было всегда и будет всегда, и ты забываешь. Как будто на то, как ты в целом обо всем думаешь, опускается какой-то огромный фильтр, через пару недель после...

Они сидели и глядели друг на друга. Врач чувствовал некую комбинацию интенсивного клинического возбуждения и тревоги из-за того, что может сказать в этот критический момент

не те слова и все испортить. Его фамилия была вышита желтой нитью слева на груди белого халата, который требовалось носить по больничным правилам.

– Прости? Пару недель после?.. Он выждал семь вдохов.

– Давайте шоковую, – сказала она наконец. – Разве ты, весь такой добрый и озабоченный, не должен спросить, чем можешь мне помочь? Потому что я это все уже проходила. Ты не спросил, чего я хочу. Да? Ну так как насчет снова прописать мне ЭСТ[29], или хотя бы вернуть ремень. Потому что я больше не могу терпеть это ощущение ни секунды, а секунды все идут и идут.

– Что ж, – медленно ответил врач и кивнул, давая знать, что услышал, какие чувства выражает девушка, – что ж, я с радостью обсужу с тобой варианты лечения, Кэтрин. Но должен сказать, меня заинтересовало, как то, что ты начала говорить, как мне показалось, начало обозначать, что же могло случиться две недели назад, из-за чего теперь у тебя эти ощущения. Тебе не сложно рассказать подробнее?

– Или ЭСТ, или пропиши успокоительных на месяц. Ты же можешь. Все, что мне, по моему, нужно, – месяц вне ощущения. Типа контролируемая кома. Ты бы мог это устроить, если б правда хотел помочь.

Врач смотрел на нее с терпением, которое она должна была заметить.

И она ответила испуганной улыбкой, улыбкой без всякого смысла, как будто кто-то коснулся ее околоротовых мышц тигмотактическим электродом. Ее зубы свидетельствовали о классическом невнимании человека в депрессии к оральной гигиене.

– Кажется, я чуть не сказала, что ты решишь, будто я чокнутая, если я все расскажу, – сказала она. – А потом вспомнила, где я, – она издала звук, который должен был быть смешком; прозвучал он рвано, зазубрено. – Я собиралась сказать, что иногда мне кажется, будто это ощущение, наверное, связано с Хоупом.

– Хоуп.

Все это время ее руки были скрещены на груди, и, хотя в палате было слишком жарко, пациентка постоянно потирала ладонями предплечья – такое поведение ассоциируется с холодом. Позиция и движения закрывали внутренние стороны запястий от взгляда. Брови врача без его ведома стали синклиальными от озадаченности.

– Боб.

– Боб. – врачу было страшно, что он выдаст непонимание слов девушки и углубит чувства одиночества и психической боли. Классических униполярников обычно терзало убеждение, что, когда они пытаются общаться, их никто не слышит или не понимает. Отсюда шутки, сарказм, психопатология бессознательного потирания рук.

Голова Кейт Гомперт закатилась, как у слепого.

– Боже, что я здесь делаю. Боб Хоуп. Дурь. Шмаль. План. Дуст. Стафф, – она быстро обозначила жестом дюбуа²³, поднеся большой и указательный пальцы к губам. – Дилеры там, где я закупаюсь, – некоторые говорят, надо звать это Бобом Хоупом, когда звонишь, на случай, если линию прослушивают. Надо спрашивать, не приехал ли Боб. И если у них есть товар, они отвечают: «Надежда умирает последней»²⁴, – обычно. Это как код. А один пацан заставляет уговаривать его «пожалуйста, соверши преступление». Дилеры, которые долго работают, становятся параноиками. Как будто код обманет тех, кто знает, как поставить прослушку, – она становилась решительно оживленной. – А один парень со змеями в аквариуме из Оллстона, он вообще...

– То есть, по твоим словам, фактором могут быть наркотики, – перебил врач.

---

²³ «Дюбуа» – искаженное doobie, сленговое название сигареты с марихуаной.

²⁴ «Хоуп» переводится как надежда.

Лицо девушки в депрессии снова опустело. Она ненадолго предалась тому, что медбратья с дежурства по Особому списку звали «Взглядом на тысячу метров».

– Не «наркотики», – произнесла она медленно. Врач почувствовал в палате стыд, горький и уремический. Теперь ее лицо стало отрешенно страдальческим. Девушка сказала: – Когда бросаешь.

Ординатор счел уместным еще раз повторить, что не уверен, правильно ли понимает, чем конкретно она хочет с ним поделиться.

Теперь ее лицо исказила серия выражений, из-за которых врачу стало клинически невозможно определить, целиком она искренна с ним или нет. То ли она испытывала боль, то ли старалась не расхохотаться в голос. Она сказала:

– Не знаю, поверишь ты мне или нет. Боюсь, подумаешь, что я чокнутая. Есть у меня такая тема со шмальнойю.

– То есть с марихуаной.

Врач был странным образом уверен, что Кейт Гомперт притворилась, что шмыгнула, вместо того, чтобы произвести настоящее шмыгание.

– С марихуаной. Большинство думает, марихуана – просто какой-то незначительный наркотик, знаю, просто обычное растение – от крапивы чешешься, от марихуаны – кайфуешь, и если скажешь, что у тебя проблемы с Хоупом, – все только посмеются. Потому что ведь есть столько наркотиков куда хуже. Поверь, я знаю.

– Я не буду смеяться, Кэтрин, – сказал врач, и сказал серьезно.

– Но я так ее обожаю. Иногда она как центр моей жизни. Она делает со мной, знаю, что-то нехорошее, и мне уже прямо запрещали курить, когда выписали Парнат, о доктор Гартон говорил, что еще никто не знает, какие последствия бывают от конкретных комбинаций, это как рулетка. Но через какое-то время я всегда про себя думаю, что уже прошло какое-то время, и теперь, если дуну, все будет по-другому, даже на Парнате, и я дую, начинаю по новой. Начинаю всего с пары затяжек дьюба после работы, чтобы пережить ужин, потому что ужин с мамой у меня... в общем, но да, очень скоро я уже у себя в комнате с вентилятором, направленным в окно, всю ночь забиваю трубки и выдыхаю на вентилятор, чтобы убить вонь, и прошу ее говорить, что меня нет, если позвонят, и вру про то, что делаю всю ночь, даже если она не спрашивает – когда спрашивает, когда нет. А потом через какое-то время я дую косяки на работе, в перерывах, иду в туалет, встаю на унитаз и курю в окно – там есть такое маленькое окошко, высоко, с матовым стеклом, все в пыли и паутине, и к нему противно придвигаться лицом, но если его помыть, боюсь, миссис Диггс или еще кто догадается, что кто-то что-то делает у окошка, – и я стою на каблуках на краю унитаза, чищу зубы, и заливаюсь Коллириумом[30] флаконами, и переключаю консоль на аудиорежим, и всегда хочу пить перед тем, как ответить, потому что во рту сухо, особенно на Парнате, от Парната во рту и так сухо. И очень скоро я абсолютно паранойя, типа все знают, что я накуренная, на работе, прямо в офисе, под кайфом, от меня несет и я единственная, кто не чувствует, что от меня несет, я как бы так одержима этим «Они знают, они видят?», что через какое-то время прошу маму позвонить и сказать, будто я заболела, а потом сижу дома, когда она уходит на работу, и совсем одна и не волнуюсь про «Они знают», и курю на вентилятор, и обрызгиваю дом Лизолом, и рассыпаю везде из лотка Рыжика, чтобы весь дом пропах Рыжиком, и курю, и затягиваюсь, и смотрю ужасную дневную фигню по ТП, так как не хочу, чтобы мама видела заказы на картриджи в дни, когда я типа болею, и вот я уже становлюсь одержима «А она знает?» Становлюсь все никчемней и никчемней, и вот уже саму задолбал, сколько можно курить, – это всего через пару недель, – и вот я накуриваюсь, а сама не могу думать ни о чем, кроме того, что надо бросить Боба, надо вернуться на работу и начать отвечать, когда звонят люди, надо жить хоть какой-то жизнью, а не валяться в пижаме, прикидываться, что болею, как третьеклассница, и курить, и без конца смотреть ТП, и, в общем, после того, как я докуриваю все, что было, то всегда говорю – «Все,

хватит», и выкидываю всю бумагу и трубку – наверное, уже пятьдесят трубок выкинула, это включая некоторые отличные деревянные и латунные, и включая парочку из Бразилии, мусорщики, небось, каждый день копаются в нашей районной помойке, чтобы найти еще годную трубку. Короче, бросаю. Прекращаю. Она меня задолбала, мне не нравится, что она со мной делает. И возвращаюсь на работу, и пашу как проклятая, чтобы возместить за пару последних недель и накопить энергию для нового начала, понимаешь? Лицо и глаза девушки примеряли различные эмоциональные конфигурации, но все они на уровне чутья необъяснимо казались какими-то пустыми и, может, не до конца искренними.

– В общем, – сказала она, – короче, бросаю. А через пару недель после того, как я много курила и наконец бросила, и вернулась к настоящей жизни, через пару недель после начинает вползать это самое ощущение, сперва немножко, типа, первая мысль поутру, когда встаешь, или пока ждешь в подземке по дороге домой, после работы, на ужин. И я пытаюсь отрицать, это ощущение, игнорировать, потому что боюсь его больше всего на свете.

– Ощущения, которые ты описываешь, которое начинает вползать. Кейт Гомперт наконец вздохнула по-настоящему.

– А потом – и неважно, что я делаю, – становится хуже и хуже, ощущение растет и растет, и опускается фильтр, и страх перед ощущением становится куда хуже, и через пару недель оно постоянное, ощущение, и я целиком внутри него, я в нем, и все вокруг искажается им, и я уже не хочу курить Боба, и не хочу работать, или гулять, или читать, или смотреть ТП, или гулять, или сидеть дома, или вообще хоть что-нибудь делать или не делать, я не хочу ничего, только чтоб ощущение ушло. А оно не уходит. А еще с ощущением приходит готовность пойти на все, чтобы оно ушло. Пойми. На все. Ты понимаешь? Я не хочу сделать себе больно – я хочу, чтобы мне не было больно.

Врач даже не притворялся, что делает заметки. Он все старался определить, действительно ли та отстраненная пустая неискренность, которую пациентка будто проецировала во время – с медицинской точки зрения – значительной ставки, движения к доверию и самораскрытию, проецировалась самой пациенткой или же каким-то образом передалась, а то и спроецировалась на пациентку от психики самого ординатора из-за неясной тревоги по поводу множества критических терапевтических возможностей, которые давало ее откровение о тревоге из-за злоупотребления наркотиками. Пауза, которую требовали эти размышления, выглядела со стороны как трезвое и продуманное взвешивание слов Кейт Гомперт. Она снова уставилась на взаимодействия своих ног с пустыми водонепроницаемыми кроссами, на ее лице отражались выражения, ассоциировавшиеся со скорбью и страданием. В медицинской литературе, которую читал врач для подготовки к практике в психиатрическом, не было никаких указаний на связь между униполярными эпизодами и отменой каннабиноидов.

– Значит, это все случалось и в прошлом, до других госпитализаций, Кэтрин.

Ее лицо, казавшееся уменьшенным из-за наклона вниз, охватили распространяющиеся, корчащиеся конфигурации плача, но слез не было.

– Просто давай шоковую. Вытащи меня. Я сделаю все, что попросишь.

– Ты обсуждала возможную связь между употреблением каннабиса и депрессиями со своим терапевтом, Кэтрин?

Она не ответила по существу. Врач считал, что по мере того, как на ее лице продолжались сухие корчи, раппорт между собеседниками ослабевал.

– Мне уже делали шоковую, мне помогло. Ремни. Медсестры в кроссовках в зеленых бахилах. Инъекции от слюны. Резиновая штука на язык. Общая. Только голова болит. Я совсем не против. Знаю, все думают, это ужасно. Тот старый картридж, про Николса и большого индейца. Преувеличивают. У вас же тут делают общую, да? Кладут. Не так уж плохо. Я готова на все.

Врач учел выбор пациентки в карте, так как это было ее право. Для врача у него был чрезвычайно разборчивый почерк. Он записал ее «вытащи меня» в кавычках. Когда добавлял свой пост-оценочный вопрос, «А дальше что?», Кейт Гомперт заплакала по-настоящему.

И ровно перед 01:45, 2 апреля ГВНБД, жена вернулась домой, обнажила волосы, вошла и увидела ближневосточного атташе по медицине и его лицо, и поднос, и глаза, и плачевное состояние особого кресла, и бросилась к нему, громко крича, звала по имени, трогала его голову, пытаясь добиться ответа, – тщетно, он все таращился перед собой; и, естественно, она – заметив, что выражение его ротового отверстия тем не менее казалось весьма позитивным, даже, можно сказать, восторженным, – она, естественно, повернулась и проследила за линией его взгляда, посмотрев на экран.

Герхардта Штитта, старшего тренера и спортивного директора Энфилдской теннисной академии, Энфилд, штат Массачусетс, когда только срезали вершину холма на территории академии и учреждение открыло свои двери, директор ЭТА доктор Джеймс Инканденца обхаживал яростно, заклинал взойти на борт едва ли не на коленях. Инканденца твердо решил, что тут или пан – Штитт будет в команде, – или пропал, – и это несмотря на то, что Штитта как раз попросили из тренерского состава лагеря имени Ника Боллетьеры в Сарасоте из-за одного весьма прискорбного случая с хлыстом.

Но сейчас почти всем в ЭТА кажется, что истории о телесных наказаниях в исполнении Штитта раздуты за всеми пределами здравого смысла, хотя Штитт до сих пор привязан к своим высоким и блестящим черным сапогам, и да, эполетам, а теперь еще и к раздвижной указке синоптика – очевидному эрзацу запрещенного здесь старого доброго хлыста, – он, Штитт, в возрасте почти семидесяти лет оттаял до степени старого сенатора, когда в основном раздают абстрактные советы, нежели наказания, – стал философом, а не королем. Его присутствие ощущалось в основном вербально; за все девять лет Штитта в ЭТА указка синоптика ни разу не вошла в дисциплинарный контакт с попой спортсмена.

Но до сих пор, хотя теперь у него хватает *Lebensgefährtin*'ов[31] и проректоров, чтобы назначать обязательные для укрепления характера перегибы, Штитт любит изредка поозорничать и до сих пор.

В общем, когда Штитт облачается в кожаный шлем и очки-консервы, поддает газку на старом мотоцикле BMW эпохи ФРГ и следует за потеющими отрядами ЭТА по холмам Содружества в Восточный Ньютон во время вечерних кондиционных пробежек, без злоупотребления подгоняя отстающих лентяев стрельбой из палочки с сушеным горохом, обычно рядом в коляске восседает восемнадцатилетний Марио Инканденца, безопасно закрепленный и прицепленный, – ветер играет тонкими волосами на огромной голове, пока он улыбается и машет своей клешней знакомым. Возможно, покажется странным, что лептосоматик Марио И., настолько обезображенный, что не может даже взять ракетку в руку, не говоря уже про отбить ею летящий мяч, – единственный мальчик в ЭТА, компании которого ищет Штитт, более того, единственный человек, с которым Штитт говорит откровенно, оставив менторский тон. Он не особенно близок со своими проректорами, Штитт, и общается с Обри Делинтом и Мэри Эстер Тод с почти пародийной формальностью. Но частенько теплым вечером бывает, что Марио и тренер Штитт оказываются наедине у брезентового павильона Восточных кортов или возвышающегося лесного бука к западу от Админки, или у одного из расцарапанных инициалами столиков для пикника из красного дерева на обочине тропинки за Домом Ректора, где живут мама и дядя Марио: Штитт посасывает послеужинную трубочку, Марио наслаждается ароматами кореопсиса у квинкунксовых тропинок, сладковатых сосен и дрожжевым запахом шиповника со склонов холма. И ему нравится даже серный букет загадочной австрийской смеси Штитта. Как правило, Штитт говорит, Марио слушает. Марио, по сути, прирожденный слушатель. Одна из положительных сторон видимой инвалидности – люди порой забывают, что

ты рядом, даже когда взаимодействуют с тобой. Ты практически вынужден подслушивать. Как будто они такие: «Если здесь на самом деле никого нет, то и стесняться нечего». Вот почему рядом со слушателями-инвалидами обычно отбрасывается все наносное, обнажаются глубочайшие убеждения, вслух разглашаются по-дневниковому личные откровения; и, слушая, улыбающийся и брадикинетический мальчик создает межличностную связь, которую, как он прекрасно знает, почувствовать по-настоящему дано лишь ему одному.

Штитт жутковато поджарый, как и все старики, которые не прекращают энергичные тренировки. У него вечно удивленные голубые глаза и ярко-белый ежик, который выглядит зрело и идет мужчинам, которые и так сильно полысели. И кожа такая снежнейше-белая, что чуть не светится; очевидный иммунитет к ультрафиолету солнца; в сумерках сосновой тени он чуть ли не сверкающе-белый, словно вырезанный из луны. Есть у него привычка сосредотачиваться на одной точке, пошире расставив ноги из-за варикоцеле, свернув одну руку поверх другой и как бы целиком собравшись у трубки, которую он вкушает. Марио умеет реально долго сидеть неподвижно. Когда Штитт выпускает дым в виде разных геометрических фигур, оба пристально их изучают; когда Штитт выпускает дым, он издает звуки, варьирующиеся по плозивности между «П» и «Б».

– Йа обдумывать миф эффективность и беззатратность, который пестуется на континент стран, где мы жить, – выпускает дым, – Знаешь мифы?

– Это как сказка?

– Акх. Придуманная сказка. Для некоторых киндер. Что только Евклид эффективен: плоско. Для плоских киндер. Прямо! Гребь прямо! Вперед! Этот миф.

– На самом деле плоских детей не бывает.

– Этот миф соревновательность и лутшест, который мы здесь опровергать: этот миф: полагают, всегда есть эффективен способ грести прямо, вперед! Сказка, что между цвай точками кратчайше маршрут – всегда прямая линия, да?

– Да?

Штитт может ткнуть мундштуком трубки, подчеркнуть:

– Но что, когда что-то встает на пути между цвай точками, нет? Гребь прямо: вперед: столкнись: бу-бум.

– Ой-ой-ой!

– И где теперь их кратчайше прямая, да? Где тогда эффективная быстрая евклидова прямая, а? А сколько вообще ест цвай точек без тшего-нибудь на пути между, когда грести?

Порой увлекательно наблюдать, как комары с вечерних сосен планируют и глубоко впи-ваются в люминесцентного Штитта, который к ним слеп. Дым их не отпугивает.

– Когда я был мальтшик, и тренировался бороться за победу, на учебный центр иметься знак, отшень большими буквами: «Мы то, что проходим между».

– Божечки.

Это традиция, которой, возможно, положил начало тимпан раздевалки Всеанглийского Уимблдона: у каждой большой теннисной академии на стене в раздевалке есть собственный особый традиционный девиз, какой-то золотой афоризм, который должен описать и сообщить, в чем в целом заключается философия академии. После кончины отца Марио, доктора Инканденцы, новый директор, доктор Чарльз Тэвис – гражданин Канады, в зависимости от версии то ли сводный, то ли приемный брат миссис Инканденцы, – Ч. Т. снял девиз основателя Инканденцы – «Te occidere possunt sed te edere non possunt nefas est»^[32] – и заменил более жизнеутверждающим «Кто знает свои пределы – не имеет пределов».

Марио – крупнейший фанат Герхардта Штитта, которого большинство других ребят ЭТА считают поехавшим и, без всяких сомнений, витиеватым до головной боли, и проявляют к ученому мужу хоть йоту уважения в основном только потому, что Штитт лично надзирает

за ежедневным распорядком тренировок и в гневе может через Тод и Делинта более-менее из каприза чрезвычайно насолить на утренних занятиях.

Одна из причин, по которой покойный Джеймс Инканденца был такого ужасно высокого мнения о Штитте, заключалась в том, что Штитт, как и сам основатель (вернувшийся к теннису, а позже пришедший к кино, из лона точно-математической оптики), подходил к соревновательному теннису скорее как чистый математик, нежели техник. Большинство тренеров юниоров – в основном техники, приземленные практичные прямые последовательные зубрилы-статистики, может, с какой-никакой сноровкой в простенькой психологии и мотивационных спичах. А смысл в том, чтобы забыть о расчетах серьезной статистики, как Штитт просветил Инканденцу еще в 1989 году до э.с.[33] на конвенции ТАСШ по фотоэлектрическому судейству на линии; в том, что он, Штитт, знал: настоящий теннис – не смесь статистического порядка и экспансивного потенциала, которые так почитают техники от игры, но совершенно противоположное – беспорядок, предел, точки, где все ломается, фрагментируется в красоту. Настоящий теннис сводим к определенным факторам или кривым вероятностей не более, чем шахматы или бокс, две игры, гибридом которых он и является. Вкратце, Штитт и высокий оптик из КАЭ (т. е. Инканденца), свирепый плоский подход к игре которого в стиле подаешь-и-тащишь-задницу-к-сетке обеспечил ему учебу в МТИ с фулл райдом и стипендией, чей консультирующий доклад по высокоскоростному фотоэлектрическому отслеживанию дурни дурнями из ТАСШ нашли дремучим и за пределами всякого понимания, обнаружили полное единодушие в освобождении тенниса от регресса к статистике. Будь доктор Инканденца среди живых, он бы описывал теннис в парадоксальных терминах науки, которая сейчас зовется экстралинейной динамикой[34]. А Штитт, чье знание формальной математики эквивалентно знаниям тайваньского детсадовца, тем не менее, казалось, знал то, чего не знали Хопман, ван дер Меер и Боллетьеры: что поиск красоты, искусства, волшебства, совершенства и ключей к превосходству в сложносочиненном потоке матча – вопрос вовсе не сведения хаоса к паттерну. Как будто он на уровне интуиции чувствовал, что дело не в редукции, но, напротив, в экспансии, алеаторном трепете бесконтрольного, метастатического роста: каждый посланный мяч допускает n возможных реакций, $2n$ возможных реакций на эти реакции и далее, до того, что Инканденца представил бы любому с равным образованием как канторовский[35] континуум бесконечностей возможных действий и реакций, канторовский и прекрасный – такой наслаивающийся, но и такой локализованный, ди-агнатическая²⁵ бесконечность бесконечностей выбора и исполнения, математически бесконтрольная, но человечески локализованная, скованная талантом и воображением «Я» и оппонента, зацикленная на самое себя сдерживающими границами мастерства и воображения, которые всегда преодолевают одного из игроков, которые не дают выиграть обоим, которые, в конце концов, и делают игру игрой, – эти границы «Я».

– Границы – это как задние линии? – пытается спросить Марио.

– *Lieber Gott, nein*, – с плозивным согласным в отвращении. Штитт из всех дымовых фигур больше всего любит выдувать кольца, но не очень умеет, и впадает в дрянное настроение, когда выходят в основном вихляющие лавандовые хот-доги, которые зато обожает Марио.

Вот еще о Штитте: как и многие европейцы его поколения, кому с юности привили определенные вечные ценности, у которых может быть, признаться, – ну ладно, с оговорами, – душок протофашистского потенциала, но которые (ценности) тем не менее успешно помогают юстировать курс жизни – патриархальные фишки Старого Света вроде чести, дисциплины и преданности какому-либо крупному образованию, – Герхардт Штитт не столько не любит современные онанские Соединенные Штаты Америки, сколько находит их одновременно смешными и пугающими. Возможно, просто чуждыми. И, наверное, в данной экспози-

²⁵ Агнат – наследник по мужской линии; здесь – происходящая от двух игроков.

ции это не к месту, но у Марио Инканденцы крайне ограниченная дословная память. Штитт получил образование в доунификационной гимназии, где царила на редкость канто-гегельянская идея, что юниорская атлетика – по сути, воспитание гражданина, что юниорская атлетика заключается в научении человека жертвовать душевными жмущими императивами «Я» – нуждами, страстями, страхами, мультиформенными жаждами индивидуальных воли и аппетита – во имя широких императивов команды (ну ладно, Государства) и совокупности разграничивающих правил (ну ладно, Закона). Звучит это почти пугающе примитивно – хоть и не для Марио, слушающего за столом для пикника. Усвоив в палестре добродетели, которые прямо окупаются в соревновательных играх, дисциплинированный юноша начинает усваивать и более абстрактные, не гарантирующие немедленного одобрения навыки, необходимые, чтобы стать «командным игроком» на большей арене – еще сложнее дифрагированном моральном хаосе полноценного гражданства в Государстве. Только Штитт замечает: «Ахх, но разве можно представить, что такое воспитание сослужит службу в экспериалистской и экспортирующей отходы нации, что позабыла трудности, лишения и дисциплину, необходимости которой и учат лишения? В Соединенных Штатах современной Америки, где Государство – не команда и не кодекс, а какое-то неряшливое слияние страстей и страхов, где единственный общественный консенсус, которому обязан покориться юноша, – общепризнанный примат достижения по прямой линии этой плоской и близорукой идеи личного счастья:

– Удовольствий и счастья одного человек, да?»

– А только чего вы тогда разрешаете Делинту привязывать кроссовки Пемулиса и Шоу к линиям, если линии – не границы?

– Когда нет нешто большего извне. Ништо не сдерживать, не дарить смысл. Одиночество. *Verstiegenheit*^[36].

– Будьте здоровы.

– Хоть што угодно. Само што: оно более неважно, чем то, што хоть што-то есть.

Однажды Штитт рассказывал Марио, пока они соответственно фланировали и ковыляли вниз по Содружке на восток в Оллстон, чтобы поискать где-нибудь по дороге первосортного мороженого, что, когда он был возраста Марио – а скорее, где-то возраста Хэла, да неважно, – он (Штитт) однажды влюбился в дерево, иву, которая с определенной туманной сумеречной точки зрения напоминала таинственную женщину, обвитую газом, одно дерево на общественной Плац какого-то западногерманского городка, название которого напоминало Марио звук, будто кого-то душат. Штитт сообщил, что был до глубины души сражен деревом:

– Кажден день ходил туда, штобы побыйт с дерево.

Они соответственно фланировали и ковыляли, устремленные мыслями к мороженому, – Марио двигался так, будто из них двоих на самом деле стариком был он, но о походе не думал, так как изо всех сил пытался понять убеждения Штитта. Тяжелые размышления Марио отражались на лице выражением, которое любому бы напомнило комически скорченную рожицу, такими еще детей смешат. Он пытался понять, как артикулировать какую-то разумную форму вопроса типа: «Как же эта штука с подчинением – личных – индивидуальных – хотений – широкому – Государству – или – любимому-дереву-или-чему-там, в общем, как все это работает в подчеркнутом индивидуальном спорте, вроде юниорского тенниса, где есть только ты против еще одного парня?

И потом еще, опять же, ну все-таки что это за границы такие, если не задние линии, которые сдерживают и направляют бесконечную экспансию игры внутрь, которые превращают теннис в какие-то шахматы на бегу, прекрасные и бесконечно сложные?»

Соль слов Штитта и его великая неотразимо привлекательная черта в глазах покойного отца Марио: истинный оппонент, облегающая граница – сам игрок. Там, на корте, тебя всегда ждет только одно «Я», чтобы ты встретился с ним, сразился, закалил. Юноша-противник на другой стороне сетки: он не враг: он скорее партнер в танце. Он – как это правильно ска-

зять – «повод» или «случай» для встречи с «Я». Как и ты – его повод. Бесконечные корни красоты тенниса – в самосоревновательности. Ты соревнуешься с собственными пределами, чтобы превзойти «Я» в воображении и исполнении. Исчезни в игре: проломи пределы: превзойди: совершенствуйся: победи. Вот почему теннис в сути своей трагическое предприятие для серьезного юниора с амбициями, который хочет совершенствоваться и расти. Ты всегда стремишься одолеть и превзойти ограниченное «Я», пределы которого, собственно, и делают эту игру возможной. Это трагично, печально, хаотично и прекрасно. Да и вся жизнь для нас как граждан человеческого Государства заключается именно в этом: живительные пределы – внутри, а их надо убить и оплакать, и снова, и снова.

Марио задумывается о стальном флагштоке, поднятом, чтобы удвоить свою задуманную высоту, и задевает плечом зеленый стальной край мусорного контейнера, делает пируэт к асфальту, но Штитт тут же бросается вперед, чтобы его поймать, и выглядит это почти как глубокая поддержка в танце, а Штитт не прекращает рассказывать, что эта игра, которой учатся игроки в ЭТА, эта бесконечная система решений, ракурсов и линий, которой кровью и потом старались овладеть братья Марио: юношеский спорт – лишь одна грань истинного алмаза: бесконечной войны жизни против «Я», без которой нельзя жить.

Затем Штитт замолкает, словно с наслаждением мысленно перематывает и проигрывает то, что сейчас говорил. Марио снова тяжело размышляет. Он пытается понять, как артикулировать что-то вроде: «Но значит, сражаться и преодолевать „Я“ – то же самое, что уничтожать себя? Это как сказать, что жизнь по своим убеждениям – за смерть?» Три прохожих оллстонских подростка передразнивают лицо Марио за спинами парочки. Некоторые из выражений Марио во время размышлений едва ли не оргазмические: трепещущие и дряблые. «И тогда ну и в чем, получается, разница между теннисом и самоубийством, жизнью и смертью, игрой и ее окончанием?»

И в итоге, когда они добираются до места, экспериментирует с экзотическими вкусами мороженого всегда только Штитт. А Марио, как приходит момент решения у стойки, всегда трусит и выбирает старое доброе обычное шоколадное. Рассуждая в духе: «Самый лучший вкус – тот, который и так уже любишь».

– И в общем. Может, и нет разниц, – уступает Штитт, садясь навывтяжку на алюминиевые перфорированные стулья с Марио на тротуаре под кривым зонтиком, из-за которого столик, в который тот вставлен, трясется и дребезжит от ветерка. – Может, и нет разниц, в общем, – вгрызаясь в трехцветный конус. Щупает сбоку белый подбородок, на котором, кажется, есть какая-то красная царапина. – Без разниц, – глядя на приподнятую среднюю линию авеню, где вниз по склону гремит поезд зеленой ветки, – не считая шанса сыграть. – он сияет и готовится захохотать своим страшным немецким ревом, повторяя: «Нет? Да? Шанс сыграть, да?» И Марио капает солидной порцией шоколада на подбородок, потому что по произвольной привычке всегда смеется, когда смеется кто-то еще, и тогда Штитт находит, что сказанное им и в самом деле чрезвычайно забавно.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

В прозвище Крошки Юэлла нет никакой забавной иронии. Это крошечный американец размером с эльфа. Его ножки едва достают до пола такси. Его усадили и везут на восток в мрачные трехэтажные районы Восточного Уотертауна, к западу от Бостона. Подле Крошки Юэлла в белой форме под бомбером сидит медбрат из реабилитации, здоровые руки скрещены, взгляд, безмятежный, как у коровы, сосредоточен на морщинистой шее водителя такси. На окне рядом с Крошкой стикер, который заранее благодарит его за то, что он не курит. На Крошке Юэлле поверх пиджака и галстука, которые не очень идут друг к другу, нет зимней одежды. Он всматривается в окно на тот самый район, где вырос, с небезмятежной интенсивностью. Обычно он готов на любые крюки, лишь бы избежать Уотертауна. Его пиджак 42-го размера, слаксы – 26/24, рубашка – одна из тех, которые жена предусмотрительно уложила ему с собой в больничное отделение для детоксификации, чтобы повесить на такую вешалку, которую нельзя снять с перекладки. Как и у всех деловых рубашек Крошки Юэлла, у этой выглажены только перед и рукава. На нем кожаные туфли «Флоршейм» 23-го размера, они славно блестят, не считая одного большого неуместного протерто-белого пятна на мыске из-за того, что Юэлл пнул по входной двери, когда вернулся домой ни свет ни заря после чрезвычайно важной встречи с потенциальными клиентами и обнаружил, что жена сменила все замки, получила на него запретительный приказ и будет общаться только посредством записок через почтовую щель под черным латунным (латунь окрашена в черный) дверным молотком. Когда Крошка наклоняется и трет пятно тонким большим пальчиком, оно только бледнеет и размазывается. Впервые со второго дня в клинике у Крошки на ногах не тапочки-лапочки. «Флоршеймы» забрали после 24 часов абстиненции, когда у него, пожалуй, немножко разыгралась белая горячка. Он все видел мышей, шныряющих по палате, мышей в смысле грызунов, вредителей, и когда подал жалобу и потребовал немедленно окурить палату, и затем начал сгорбленно носиться по кругу и колотить каблуком «Флоршейма» по мышам, которые без конца просачивались сквозь электрические розетки и омерзительно шныряли вокруг, в конце концов медсестра с добрым лицом при поддержке огромных мужчин в белой форме уговорила его обменять туфли на Либриум, предсказав, что легкое успокоительное окурит то, что действительно нужно окурить. Взамен ему выдали тапочки из зеленого поролона с вытисненными смайликами. Пациентам клиники предлагалось называть их тапочками-лапочками. Персонал между собой именовал обувь «мочепоглотители». Впервые за две недели Крошка Юэлл одет не в поролоновые тапочки, обнажающую зад пижаму и полосатый хлопковый халат. Ранний ноябрьский день, туманный и бесцветный. Небо и улица – одного цвета. Деревья выглядят схематично. У стыков улицы и тротуара – яркие влажные комки мусора. Дома – тощие трехэтажки, слеplенные вместе, верфно-серые с солено-белой отделкой, мадонны во дворах, колченогие псы бросаются на заборы. На асфальтовом дворе проносящейся мимо школы в уличный хоккей играет кучка школьников в наколенниках и плоских кепках. Хотя кажется, что ни один из мальчиков не движется. Пока они едут, костлявые пальцы деревьев делают колдовские пассы на ветру. Восточный Уотертаун – на очевидном кратчайшем пути между клиникой для лечения алкоголизма Святого Мэла и Энфилдом «дома на полпути», и такси оплачено с медстраховки Юэлла. При маленькой круглой комплекции, клочке белой эспаньолки и ярком румянце, из-за которого он может сойти за пышущего здоровьем, Крошка Юэлл похож на миниатюрную копию Берла Айвса – покойного Берла Айвса в виде невообразимого бородатого ребенка. Крошка смотрит в окно на розовый витраж церкви рядом со школьной площадкой, где играют / не играют мальчишки. Розовый витраж не освещен ни с одной стороны.

Человек, который последние три дня был соседом Крошки Юэлла по палате в отделении детоксификации больницы Святого Мэла, сидит на синем пластиковом стуле с прямой спин-

кой напротив оконного кондиционера, не спуская с него глаз. Кондиционер гудит и взрывает, и человек напряженно и пристально рассматривает горизонтальные отверстия. Провод кондиционера толстый и белый, ведет в трехконтактную розетку с черными следами от ботинок вокруг. В ноябрьской палате около 120 °С. Человек поворачивает ручку кондиционера с настройки № 4 на настройку № 5. Шторы у окна над аппаратом трясутся и волнуются. На лице человека, наблюдающего за кондиционером, время от времени появляется увлеченный интерес. Он сидит на синем стуле с дрожащей одноразовой чашкой кофе и бумажной тарелкой с брауни, куда стряхивает пепел с сигарет, дым которых кондиционер сдувает у него над головой. Позади него начинает скапливаться дым сигарет и, остывая, сочится и стекает по стенке, образуя облако у плинтуса. Увлеченный профиль человека отражается в зеркале, висящем на стене у гардероба на двух пациентов. У человека, как и у Крошки Юэлла, вид нарумяненного трупа, который обычно сопровождает детокс от алкоголизма поздней стадии. Вдобавок под румянцем просвечивает обожжено-желтый оттенок хронического гепатита. Зеркало, в котором человек отражается, сделано с добавлением небьющихся люцитовых полимеров. Он осторожно наклоняется с тарелкой брауни на коленях и меняет настройку кондиционера с 5 на 3, потом на 7, потом 8, следя за обдуваемыми отверстиями. Наконец он выворачивает ручку до упора на 9. Кондиционер ревет и сдувает его волосы назад, бороду бросает через плечо, летит и кружится пепел с тарелки, плюс крошки, кончик сигареты пышет малиновым и искрит. Человек глубоко увлечен тем, что наблюдает при девятой позиции. Юэлл жаловался, что от соседа у него мурашки носятся табунами. На пациенте мочепоглотители, полосатый хлопковый халат Святого Мэла и очки без одной линзы. Он наблюдал за кондиционером весь день. На его лице сменяются улыбки и гримасы человека, получающего бескрайнее удовольствие от качественного развлечения.

Когда большой черный медбрат из реабилитации посадил Крошку Юэлла в такси, впихнулся сам и сказал таксисту, что им нужен блок № 6 в Энфилдском Военно-морском больничном комплексе Управления по делам ветеранов на авеню Содружества в Энфилде, таксист – фото которого на массачусетских водительских правах с разрешением на вождение лимузина было приклеено к бардачку, – таксист, оглянувшись и смерив взглядом ухоженную белую бородку, румяный цвет лица и дорогой прикид маленького Крошки Юэлла, почесал под плоской кепкой и спросил, он что, болеет, что ли.

– По-видимому, – ответил Крошка Юэлл.

К полудню 2 апреля ГВБВД: ближневосточный атташе по медицине; его преданная жена; личный ассистент личного врача саудовского принца К–, которого послали проверить, почему атташе по медицине с утра не появился в «Бэк-Бэй Хилтон» и не отвечает на пейджер; сам личный врач, который приехал проверить, почему не вернулся его личный ассистент; два охранника с табельным оружием из посольства, которых отрядил кандидозный и откровенно взбешенный принц К–; и два опрятных Адвентиста седьмого дня с памфлетами, которые заметили головы в окне гостиной и обнаружили, что передняя дверь не заперта, и вошли с благими духовными намерениями, – все они смотрели рекурсивную петлю на экране телепьютера, которую атташе по медицине установил прошлым вечером, смотрели сидя и стоя, глядя неподвижно и внимательно, не проявляя ни малейших признаков тревоги или недовольства, хотя в комнате, разумеется, очень дурно пахло.

30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Он сидел в одиночестве поверх пустыни, подсвеченный красным и обрамленный сланцем, глядя, как по проторенной грязи какой-то американовой стройплощадки в нескольких километрах к юго-востоку ползают очень желтые ковшовые машины. Высота выхода породы позволяла ему, Марату, увидеть большую часть почтового индекса 6026 США. Его тень еще не достигла окраин города Тусона; не вполне. Из звуков в засушливой тиши были лишь порывы жаркого ветра, иногда нечеткий стрекот крыльев насекомого, неуверенное журчание стронутых песка и камешков, которые струились по склону за спиной Марата.

Также за его спиной находился закат над предгорьями и горами: как же он разнился с водянистыми и отчего-то печальными весенними закатами региона Папино юго-западного Квебека, где требовало сложного лечения здоровье его жены. Он (закат) больше напоминал взрыв. Он находился поверх и позади Марата, и тот иногда оборачивал голову, чтобы оценить его: он (закат) был расплывшимся и идеально круглым, и огромным, и излучал кинжалы света, если прищуриться. Он висел и слабо дрожал, как вязкая капля перед падением. Висел позади него (Марата) ровно над пиками предгорий Тортолиты и медленно тонул.

Марат сидел одиноким, в пледу на своей специальной *fauteuil de rollent*^[37], на каком-то выходе породы, или утесе, где-то на середине его высоты, ждал, развлекаясь со своей тенью. Чем острее становился угол заходящего света позади, тем больше известный гетевский феномен *Brockengespenst*^[38] увеличивал и растягивал его сидячую тень поверх земли, так что спицы задних колес коляски покрывали сразу два округа гигантскими тенями-астерисками – он задавал движение их четким черным радиальным линиям, легко поигрывая прорезиненными ободами; а тень его головы опустила ранние сумерки на целый пригород Западного Тусона.

Казалось, он не отвлекся от своей игры огромных теней, даже когда с крутого склона позади спины донесся стук посыпавшегося гравия, а затем послышалось также дыхание, песок и грязные камешки посыпались каскадом на утес, хлынули мимо коляски и с края, а затем где-то позади раздался безошибочный вскрик от контакта человека с кактусом. Но Марат, он все время без оборота наблюдал за исполинской тенью неуклюжего скользящего спуска иного человека, которая пролегла на восток до самого Ринконского хребта вплотную к городу Тусону, и видел, как тень летит на запад, навстречу его собственной, – так спускался мсье Хью Стипли из Неопределенных служб, дважды упав и бранившись на американовом английском, – до того как наконец тень почти не столкнулась с чудовищной оной Марата. Имел место очередной вскрик, когда падение и скольжение на последних метрах вынесло полевого оперативника Неопределенных служб попой на утес, а затем почти вон с него, и Марату пришлось выпустить пистолет-пулемет под пледом, чтобы ухватить нагую руку Стипли и обречь это падение на остановку. Стипливская юбка нецензурно задралась, а чулки наполнились затяжками и репьем. Оперативник сел подле ног Марата, светясь красноватым со спины, свесив ноги с края утеса, предавшись одышке.

Марат улыбнулся и выпустил руку оперативника.

– Одно из твоих имен – невидимость, – сказал он.

– Иди в шапо себе насри, – прохрипел Стипли, поднимая ноги, чтобы исследовать ущерб, причиненный чулкам.

На встречах, подобных этой, – тайных, в поле, – они общались по большей части на американовом английском. Хотя мсье Фортье^[39] пожелал, чтобы Марат требовал переговоров всегда на квебекском французском, в знак малой символической уступки AFR со стороны

Департамента неопределенных служб, коий левые квебекские сепаратисты перекрестили BSS – «Bureau des Services sans Specificite».

Марат наблюдал, как поверх пустынной земли на восток снова растелился столб тени, когда Стипли оперся о свою руку и возвысился с камня – дебилая и откормленная фигура на каблуках. Двое мужчин отбрасывали к городу Тусону странное тенеобразование Brockengespenst, круглое и радиальное у основания и зазубренное на вершине, по причине парика Стипли, что стал при спуске неприглаженным. Гигантские грудные протезы Стипли теперь указывали в различных направлениях, один – едва не в пустое небо. По Ринкону и пустыне Соноре к востоку от города Тусона медленно передвигался матовый занавес настоящей сумеречной тени заката, но он все еще находился во многих километрах от того, чтобы поглотить их собственную.

Но с тех пор, как Марат возымел намерение не просто притворяться, что он предал Assassins des Fauteuils Rollents во имя передового медицинского ухода за медицинскими потребностями его жены, но сделать это воистину – предать, вероломно: впредь притворяясь лишь перед мсье Фортье и руководителями AFR, что он только притворялся, что сливает предательскую информацию BSS[40], – с поры этого решения Марат стал бессилен, предстал перед Хью Стипли и стипливским BSS на правах птиц: и теперь они говорили в основном на американовом английском, следуя предпочтениям Стипли.

На самом деле квебекский Стипли был более беглым, нежели английский Марата, но, как говорится людьми, c'etait la guerre²⁶.

Марат чуть шмыгнул.

– Таким в итоге образом, мы теперь оба здесь, – он был облачен в ветровку и не потел.

Глаза Стипли имели аляповатую подводку. Задняя область его платья налипла грязью. Некоторая доля макияжа стала течь. Он сложил рукой салют, чтобы прикрыть глаза и поглядеть ввысь на остатки взрывного и дрожащего солнца позади них.

– Господи, ты-то как сюда влез?

Марат медленно пожал плечи. Как обычно, он казал себя Стипли полусонным. Пропустив вопрос мимо, он сказал только лишь, пожимая плечи:

– Мое время finite²⁷.

Стипли также имел на руках женскую сумочку, или же кошелек.

– А жена? – спросил он, не отпуская глаз от выси. – Как женушка поживает?

– Не подает жалоб, спасибо, – сказал Марат. Интонация его голоса ничего не выдала. – И, в итоге, таким образом, что твой Департамент полагает от меня узнать?

Стипли заскакал на одной из ног, разув одну из туфель и вытряхивая из нее песок.

– А ничего такого удивительного. Про некий вот сыр-бор на северо-востоке от вашего так называемого штаба, да ты и сам наверняка слышал.

Марат шмыгнул. Пышный запах недорогого и спиртосодержащего парфюма нахлынул не от личности Стипли, но от его сумочки, не шедшей к его туфлям. Марат спросил:

– Сыр?..

– А именно один гражданский получил некий предмет. Только не говори, что для вас это новости. И вовсе не по сигналу «ИнтерЛейса», предмет-то этот. По обычной физической почте. Мы уверены, что ты знаешь, Реми. Копия-картридж некоего – давай между нами звать его «Развлечением». А именно по почте, без предупреждений или мотива. Как гром среди ясного неба.

– Из неба?..

---

²⁶ Как на войне (фр.).

²⁷ Ограничено (фр.).

Также оперативник BSS потел сквозь румяна, и макияж размазался до впечатления легкого поведения.

– Человек без всякой политической значимости – ни для кого, если не считать саудовского министра развлечений, который жутко развонялся.

– Медицинский атташе, специалист пищеварения, имеешь ты в своем виду, – Марат снова пожал плечами на раздражающий франкофонный манер, который может означать разные вещи одним временем. – Твое руководство желает осведомляться, не был ли картридж Развлечения распространен сквозь наши механизмы?

– Не трать-ка свое финитное время, амі старый друг, – сказал Стипли. – Все это случилось в метрополии Бостона. Мы проследили отправку по почтовым индексам до юго-запада пустыни, а нам известно, что ваш распределительный центр для операций по распространению расположен где-то между Фениксом и границей, – Стипли потратил немалый труд на феминизацию лицевых выражений и ручных жестикуляций. – Со стороны ДНС было бы легкомысленно не вспомнить о вашей выдающейся ячейке, не?

Под ветровкой Марата была рубашка, нагрудный карман которой обладал многими ручками. Он сказал:

– Мы, у нас нет информации даже о пострадавших. Из-за ясного сыра, о котором ты ведешь свою речь.

Стипли предпринимал попытки извлечь что-то упрямое из внутренней полости иной туфли.

– До двадцати человек, Реми. Вышли из строя к чертовой матери. Атташе и его жена, жена – гражданин Саудовской Аравии. Еще четыре чурки, все с документами посольства. Пара соседей, кажется. Остальные – в основном полицейские, пока до них не дошло отрубить энергию перед тем, как заходить.

– Местные полицейские силы. Жандармерия.

– Местные правоохранители.

– Констебли порядка сего края.

– Местные правоохранители, скажем так, оказались не готовы к такому Развлечению, – Стипли даже обувь снимал и надевал вновь на женственный манер американовых женщин «стоя-на-одной-ноге-подворачивая-вторую-под-попу». Но как женщина он был дебелим и раздутым, не только лишь непривлекательным, но и ввергающим в некое сексуальное отчаяние. Он сказал:

– У атташе был дипломатический статус, Реми. Ближний Восток. Аравия. Говорят, он – друг восторостепенных членов королевской семьи.

Марат с силами шмыгнул, словно преодолевая запор носа.

– Озадачивает, – сказал он.

– Но еще он ваш компатриот. Гражданство канадское. Родился в Оттаве, в семье арабских эмигрантов. В визе местом жительства указан Монреаль.

– И Службы Без Определенности желают, возможно, осведомляться, не имели ли место связи под ковром, которые бы сделали его личность не столь невинной гражданской. Осведомляться у нас, не желало ли AFR выставить его примером для иных.

Стипли удалял грязь с попы, хлопая себя по ней. Он более или менее высился над Маратом. Марат шмыгнул.

– В наших списках на устранение нет ни пищеварительных врачей, ни дипломатического антуража. Ты лично видел список членов AFR. Как нет и особых гражданских Монреаля. Мы, как говорится людьми, рыбачим на морепродукт побольше.

Стипли также смотрел по-над пустыней и городом, похлопывая себя. Кажется, он заметил gespenst-феномен своей тени. Марат по какой-то причине вновь притворился, что шмыгнул носом. Ветер был умеренный, постоянный и приблизительно температуры американо-

вой сушилки, поставленной на «Низко». Он производил пронзительный посвист. А также звуки сдувания песка. Далеко внизу огромными комками шерсти поперек межштатного шоссе 1-10 часто летели перекались-по-полю. Их перспектива обзора, багровеющий свет на просторе коричневых скал и надвигающийся занавес сумерек, дальнейшее удлинение их чудовищных слившихся теней: все это почти сковало взгляд. Ни тот, ни иной были не в силах отрывать глаз от пейзажа. Марат умел сразу говорить на английском и думать на французском. Пустыня была бурого цвета шкуры льва. Они говорили, не взирая друг на друга, обращаясь в одном направлении, – это придавало беседе дух беспечной близости, словно у старых приятелей за просмотром картриджа или пары в долголетнем браке. Марат думал так, сжимая и разжимая поднятую руку, благодаря чему над городом Тусоном распускался и увядал большой и черный бутон.

Поднял нагие руки и Стипли, поднял и скрестил, как будто бы подавая сигнал далекой подмоге; от этого много города Тусона перечеркнули Х и пандативная V.

– И все же, Реми, но родился он в ненавистной тебе Оттаве, этот гражданский атташе, и связан с важным межсеточным байером развлекательных программ. А дополнительная информация из бостонского отделения говорит о возможных признаках предыдущей возможной связи с вдовой автора, который, как мы оба знаем, и несет ответственность за Развлечение. Samizdat.

– Предыдущей?..

Стипли извлек из сумочки бельгийские сигареты многих миллиметров и привычного женственного типа.

– Жена кинорежиссера преподавала в Брандейсе, где проходила медицинскую практику жертва. Муж тогда был с КАЭ, а проверка различных агентств показала, что жена трахалась почти со всем, у чего есть пульс, – после легкой паузы Стипли изощрился: – Особенно канадский пульс.

– Связь сексуальностью, вот что ты имеешь, значит, в своем виду, не политикой.

Стипли отвечал:

– А сама жена – квебечка, Реми, из округа Л'Иль – директор Тан говорит, что она три года значилась в списке Оттавы «Personnes Qui On Doit». Бывает такая штука, как политический секс.

– Я говорил тебе все, что нами известно. Гражданские как индивидуальные предупреждения для ОНАН – не в наших желаниях. Это тобой известно, – глаза Марата едва не смыкались. – А твои сиськи – они стали косоглазыми, говорю тебе. Службы Без Определенности, они выдали тебе нелепые сиськи, которые теперь глядят в разные стороны.

Стипли окинул себя глазами. Одна из ненастоящих грудей (наверняка ненастоящая: наверняка они не решились бы на гормональную, подумал Марат) чуть не касалась стипливских подбородков, когда его голова произвела движением двойные подбородки.

– Меня только просили обеспечить личное подтверждение, вот и все, – сказал он. – В целом, кажется, боссы в Департаменте считают весь инцидент всяком. Уже пошли теории и контртеории. Есть даже антитеории, предполагающие ошибку, перепутанную цель, злой розыгрыш, – его пожатие плеч с руками на протезе не напоминало галльское. – И все же: двадцать три человека потеряны для мира навсегда: ничего себе розыгрыш, а?

Марат шмыгнул.

– Просил обеспечить наш взаимный мсье Тан? Как ты его именуешь: «Мой Бог Род»?

(Родни Тан-ст., директор Неопределенных служб, признанный архитектор ОНАН и континентальной Реконфигурации, к которому прислушивался Белый дом США и чья стенографистка долгое время служила также стенографисткой/jeune-fille-de-Vendredi²⁸ мсье Дюплесси, экс-помощника координатора панканадского сопротивления, и страстная шитая белыми нит-

---

²⁸ Букв, «девушка Пятница», идиома, применяется в значении «верная помощница» (фр.).

ками привязанность которого (Тана) к этой двуличной секретарше – а именно мадемуазель Лурии Перек из Ламартена, округ Л'Иль, Квебек, – породила сомнения в итоговой преданности Тана: не квебекский ли он «двойник»^[41] из любви к Лурии, или же «тройник», который только притворяется, что разглашает гостайны, втайне сохраняя верность США, несмотря на непреодолимую любовь).

– Без «мой», Реми, – становилось ясно, что Стипли не в силах исправить направление груди, не стянув декольте ниже, чего он смущался. Он извлек из сумочки темные очки и водрузил их. Они были приукрашены стразами и смотрелись абсурдно. – Бог Род.

Марат вынудил себя промолчать об их внешности. Стипли перевел несколько спичек, чтобы закурить сигарету на ветру. На хаотическую тень его парика начали наползать настоящие сумерки. В предгорьях Ринкона к востоку от города стали мерцать электрические огоньки. Стипли предпринял усилие как-то сгрудиться вокруг спички, чтобы послужить укрытием для пламени.

По желтым равнинам южных оконечностей Великой Впадины там, где раньше был Вермонт, поднимая облако пыли уремических оттенков с соматическими формами, которое можно разобрать от самых Бостона и Монреаля, несется стая, настоящий табун, диких хомяков. Стая произошла от двух домашних хомячков, которых в начале Экспериментальной миграции в спонсируемом Году Воппера выпустил на волю мальчик из Уотертауна, штат Нью-Йорк. Мальчик теперь учится в колледже Шампани, Иллинойс, и уже позабыл, что его хомячков звали Уорд и Джун.

Грохот стаи торнадный, локомотивный. Выражение на усатых мордочках деловитое и неумолимое – выражение неумолимой стаи. Они грохочут на восток по алюмо-железистой земле, сейчас невозделанной, обнаженной. На востоке – затуманенные рыже-бурой тучей, поднятой хомяками, ярко-зеленые очертания переудобренных из-за кольцевого синтеза буйных джунглей на том месте, где раньше находился центральный Мэн.

Все эти территории теперь находятся в собственности Канады.

Что касается стаи такого размера, прошу, напрягите здравый смысл, который, если вдуматься, так и так должен подсказывать неглупому человеку держаться от юго-запада Впадины подальше. Дикие хомяки – уже не домашние зверушки. Они шуток не шутят. Рекомендуется обходить стороной. Если окажетесь на пути дикой стаи, рекомендуется не иметь при себе ничего даже отдаленно овощного. Если все же оказались – двигайтесь быстро и спокойно в перпендикулярном направлении. Если вы американец – север не рекомендуется. Двигайтесь на юг, спокойно, но не мешкая, к какой-нибудь пограничной метрополии – скажем, к Риму, штат Новая Новая Англия, или Гленс-Фоллс, Новая Новая Англия, или Беверли, Массачусетс, или к пограничным КПП между ними, где гигантские защитные вентиляторы ATHSCME на огромной выпуклой защитной стене из анодированного люцита сдерживают ползучий вал тератогенных облаков Впадины цвета мочи и отбрасывают его далеко назад, на север, прочь, рвано, над вашей предусмотрительно защищенной головой.

Акцентированный английский Стипли становился еще труднее для понятия, когда с сигаретой во рту. Он сказал:

– И ты, конечно, доложишь об этой нашей свиданке Фортъе. Марат пожал плечи.

– 'n sûr.²⁹

Стипли наконец закурил. Он был дородный и мягкий человек, вида располневшего спортсмена какого-либо brutального американового контактного спорта. Марату он казался не столько женщиной, сколько извращенной пародией на женственность. Электролиз придал его

²⁹ Конечно (фр.).

толстым щекам и верхней губе пятна с красными пупырышками. Также он отставлял локоть руки со спичкой, а никто из женщин не закуривает так, будучи привыкши к грудям и прижимающая зажигающий локоть. Также Стипли неграциозно пошатывался на каблуках на неровной поверхности камня. Стоя на краю выхода породы, он ни однажды не обернулся в полноте спины к Марату. А Марат накрепко зафиксировал запоры колес коляски и цепко держал рифленую рукоятку пистолета-пулемета. Сумочка Стипли была маленькой и глянцево-черной, а очки на его лице были с женственной оправой и фальшивыми драгоценностями у висков. Марат был убежден, что в какой-то части Стипли наслаждается собственным гротескным видом и жаждет унижения полевых маскировок, которые предписывало BSS.

Теперь Стипли, по вероятности, посмотрел на него из-за темных очков.

– И даже о том, как я спросил, доложишь ли ты, а ты в ответ сказал «*bien sûr*»?

Смех Марата имел несчастье звучать фальшиво и слишком, вне зависимости от искренности. Он изобразил одним из пальцев усы, по какой-то причине притворяясь, что подавляет чих.

– Ты уточняешь потому что из-за чего?

Стипли почесал под гранью светлого парика (глупо, опасно) большим пальцем руки с сигаретой.

– Ну, ты и так уже тройник, Реми, верно? Или это уже четверник. Мы знаем, что Фортье и AFR знают, что ты здесь, со мной.

– Но знают ли мои братья по колесам, что вы знаете, что меня прислали притвориться двойником?

Орудие Марата, девятимиллиметровый пистолет-пулемет «Стерлинг UL35» с глушителем Mag Na Port, не мог похвастать предохранителем. Его толстая рукоятка с рифленой текстурой стала жаркой в ладони Марата и, в свою очередь, вызывала пот на ладони под пледом. Стипливским ответом служило только лишь молчание.

Марат сказал:

– ...вдруг я только лишь притворяюсь, что притворяюсь, что притворяюсь предателем[42].

И свет американовой пустыни погрузнел, когда больше чем половина круглого солнца скрылась за Тортолитами. Теперь только колеса коляски и толстые ноги Стипли бросали тень ниже границы сумерек, и тень та становилась коренастей и приближалась к обоим двум мужчинам.

Стипли исполнил краткий чарльстон, играя тенью ног.

– Ничего личного. Сам понимаешь. Одержимость осторожностью. Кто это был, кто однажды сказал, что нам платят за то, чтобы мы сводили себя с ума, про осторожность? Взять вас и Тана – ваш Дюплесси всегда подозревал, что Тан был не до конца откровенным, когда сексуально сливал Лурии инфу.

Марат с силами пожал плечи.

– И как внезапно мсье Дюплесси теперь без времени ушел из жизни. При обстоятельствах почти нелепой подозрительности, – снова с фальшивым на слух смехом. – Некомпетентное ограбление и грипп, ну конечно.

Оба двое мужчин молчали. Марат заметил, что на левой руке Стипли имелись скверные царапины от мескита.

Наконец Марат окинул глазами свои часы, циферблат которых иллюминировался в тени его тела. Тени обоих двух мужчин теперь карабкались по крутому склону, возвращаясь к ним.

– Что до я – мне кажется, что мы решаем свои аферы в более простой манере, чем ваш офис BSS. Если бы предательство мсье Тана было неполным, мы из Квебека знали бы.

– От Лурии.

Марат притворился, что хлопчет о пледе, оправляет.

– Но да. Осторожность. Лурия знала бы.

Стипли сторожко подступил к краю и вышвырнул быка сигареты. Ветер поймал быка, и он взлетел из руки слегка ввысь, на восток. Оба двое мужчины молчали, пока бык не упал внизу на гору, став оранжевым всплеском. Вслед их молчание стало созерцательным. Какая-то натянутость между ними ослабла. Марат больше не чувствовал солнца на черепе. Вокруг смерклося. Стипли обнаружил царапину на трицепсе и выворачивал мясо руки, чтобы изучить ее, округлив алые губки в знак озабоченности.

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Вторник, 3 ноября, Энфилдская теннисная академия: утренние тренировки, душ, еда, лекция, семинар, лекция, лекция, еда, экзамен по прескриптивной грамматике, семинар/лекция, кондиционная пробежка, дневные тренировки, матч, матч, упражнения на верхнюю часть тела в качалке, сауна, душ, рухнуть на пол раздевалки с другими игроками.

– ...хотя бы понимают, что то, что они там себе чувствуют, – это несчастье? Или хотя бы, для начала, чувствуют ли они его вообще?

16:40. Мужская раздевалка в корп. Админки заполнена чистыми старшеклассниками в полотенцах после дневных матчей, волосы игроков мокрые, расчесанные и блестят от «Барбицида». Пемулис редким концом расчески делает широкие проборы, которые в фаворе у молодежи Оллстона. Волосы Хэла выглядят мокрыми, даже когда сухие.

– Ну, – говорит Джим Трельч, оглядываясь. – Ну, что думаете? Пемулис опускается на пол у раковин, прислонившись к шкафчику с дезинфицирующими средствами. У него есть привычка с опаской посмотреть в обе стороны перед тем, как заговорить.

– В том, что ты наговорил, был хоть какой-то смысл, а, Трельч?

– На экзамене в основном говорили о синтаксисе предложения Толстого, а не о самих несчастных семьях, – тихо замечает Хэл.

Джон Уэйн стоит у своего шкафчика и хочет надеть носки, но ждет, когда ноги просохнут; как и многие канадцы, он слегка поднимает одну ногу, чтобы перднуть, будто пердеж – ответственная задача.

Наступает молчание. С головок душа капает на плитку. Висит пар. Далекие жуткие звуки Т. Шахта в одной из кабинок у душевой. Все уставились перед собой, ошеломленные усталостью. Майкл Пемулис, который не выдерживает больше десяти секунд общественного молчания, могуче прочищает горло и харкает вверх и назад в раковину за спиной. Хэл замечает, что полет частично отражается в полированных зеркалах. Хэл закрывает глаза.

– Устал, – выдыхает кто-то.

Орто Стайс и Джон («Н. Р.») Уэйн кажутся не столько утомленными, сколько отрешенными; они умеют, как настоящие топовые игроки, вырубать на короткое время всю нейронную сеть, пляясь в пространство, окутавшись молчанием, на миг отключившись от связности мира.

– Ну ладно, – говорит Трельч, – тогда блиц-опрос. Блиц-тест. Самое критическое отличие – для Литы завтра – между историческим эфирным телевизором и картриджным ТП.

Дисней Р. Лит преподает в ЭТА «Историю интертейнмента» I и II, а также определенные темы из эзотерической оптики высшего уровня, но для этих курсов сперва нужно получить его допуск.

– Католюминесцентная панель. А не электронно-лучевая трубка. И не фосфорный экран. Вдвое больше диагональ в твл/см³⁰, всего.

– А ты про экран высокого разрешения в общем или экран с ТП-компонентой в частности?

– Не аналоговый, – говорит Сбит.

– Нет помех, не бывает слабых странных как бы двойников у УВЧ-изображений, кадры не прыгают вертикально, когда взлетают самолеты.

– Аналог против цифры.

– Ты спрашиваешь об эфирном телевидении в смысле телесети по сравнению с ТП или телесети-плюс-кабельное по сравнению с ТП?

– А кабельное ТВ было аналоговым? Что, как дооптоволоконные телефоны?

---

³⁰ Разрешающая способность аналогового телевидения измеряется в вертикальных телевизионных линиях.

– Дело в цифре. У Лита есть какое-то слово, которым он называет переход от аналога к цифре. Слово, которое он употребляет по одиннадцать раз в час.

– А как, кстати, работали дооптоволоконные телефоны?

– Старый добрый принцип банок на нитке.

– «Прорыв». Он все время это твердит. «Прорыв, прорыв».

– Говорит, самое важное достижение в бытовых коммуникациях со времен телефона.

– В домашнем интертейнменте – со времен самого ТВ.

– Лит может сказать, что это перезаписываемый CD, в интертейнменте.

– А от него вообще трудно добиться конкретики, если прижать по интертейнменту как интертейнменту.

– Диз скажет – сами думайте, – говорит Пемулис. – Аксфорд сдавал в прошлом году. Дизу нужны рассуждения. Он будет валить, если отнесетесь к вопросу так, будто есть очевидный ответ.

– Плюс декодировщик «ИнтерЛейса» вместо антенны, у ТП, – говорит Джим Сбит, выдавливая что-то за ухом. Грэм («Отрава») Рэйдера смотрит, сколько под мышкой волос. Фрир и Шоу, кажется, спят.

Стайс чуть стянул полотенце и ковыряет глубокую красную полосу, оставшуюся на талии от ракушки.

– Ребзя, коли стану президентом – первым делом отменю резинки. Трельч делает вид, что тасует карты.

– Следующий вопрос. Как билеты. Определение четкости. Кто?

– Мера разрешения, прямо пропорциональная обработанному соотношению цифрового кода данного сигнала, – говорит Хэл.

– И снова последнее слово за Инкстером, – говорит Сбит. Это приглашение хоруг:

– Хэлстер.

– Галорама.

– Галация.

– Галация, – говорит Рэйдера, – проявочный артефакт в форме гало вокруг источников света, видимый на химической пленке при низкой скорости.

– Самое ангельское из искажений.

– Завтра просто все будем бороться за места вокруг Инка, – говорит Сбит.

Хэл закрывает глаза: он видит страницу с текстом прямо перед собой, все нужное подчеркнуто, выделено желтым маркером.

– Он может просканировать страницу, повернуть ее, загнуть уголок и почистить им под ногтем, и все мысленно.

– Отстаньте вы от него, – говорит Пемулис.

Фрир открывает глаза:

– Зачитай-ка нам словарь, чувак, Инк.

Сбит говорит:

– Отвяжитесь.

Это все только в шутку. Хэл безмятежен, когда ему трахают мозг; как и любой из них. Он и сам не против докопаться. Рядом болтаются и слушают некоторые ребята помладше, принимающие душ после старшекласников. Хэл сидит на полу, в покое, подбородок на груди, просто думает, как здорово наконец надышаться вволю.

Температура опустилась с солнцем. Марат слушал, как прохладный вечерний ветер скачивается по склону на дно пустыни. Марат чувствовал или ощущал, как начинают медленно открываться многие миллионы цветочных пор в надежде на росу. Американский Стипли выпускал сквозь зубы чуть пара, исследуя царапину руки. Только один-два кончика пальчатых

шипов радиальных кинжалов солнца отыскивали расщелины меж пиками Тортолиты и ощупывали крышу неба. Вокруг царствовал легкий и сухой вездесущий шорох маленьких животных, что желают выходить во время ночи, пробудившись. Небо было фиолетовое.

У всех в раздевалке на талии килтом полотенце. У всех, кроме Стайса, – белое полотенце ЭТА; у Стайса собственные полотенца, черного цвета. После паузы Стайс выстреливает воздухом из носа. Джим Сбит всюду ковыряет лицо и шею. Один или два вдоха. Питер Бик, Эван Ингерсол и Кент Блотт, двенадцать, одиннадцать, десять, сидят на светлых деревянных скамьях вдоль рядов шкафчиков – в полотенцах, локти на коленях, не принимая участия. Как и Золтан Чиксентмихайи, которому шестнадцать, но он плохо говорит по-английски. Идрис Арсланян, новенький этого года, этнически неопределенный, четырнадцать, сплошные ноги и зубы, – мрачно маячит за дверями раздевалки, изредка засовывает неевропеоидный шнобель и тут же удаляется, ужасно стесняясь.

У каждого теннисиста ЭТА из 18-и-младше есть где-то от четырех до шести ребят из 14-и-младше, якобы находящихся под его более опытным крылом, за которыми он приглядывает. Чем больше администрация ЭТА тебе доверяет, тем моложе и в целом беспомощней дети под твоим началом. Эту практику ввел Чарльз Тэвис, он зовет ее в литературе, которую рассылает родителям детей, системой «Старшего товарища». Чтобы родители знали, что их ребенок не потеряется в институционной суете. Бик, Блотт и Арсланян на ГВБВД – в группе Старшего товарища Хэла. Также в итоге он получил Ингерсолла, неформально обменяв его с Аксфордом на Тодда («Полтергейста») Потлергетса, так как Тревор Аксфорд обнаружил, что по каким-то не поддающимся анализу причинам так ненавидит этого самого Ингерсолла, что борется с ужасным непреодолимым желанием засунуть маленькие пальчики Ингерсолла в щель у петель двери и затем очень медленно закрыть дверь, и пришел к Хэлу едва ли не в слезах, этот самый Аксфорд. Но технически Ингерсолл еще аксфордовский, а Потлергетс – все еще хэлов. У Потлергетса, мастера свечей, странное старо-молодое лицо и маленькие влажные губешки, которые при стрессе поддаются рефлексу сосания. В теории Старший товарищ – где-то между старостой в общежитии и проректором. Он отвечает на вопросы, подстилает соломку, обрисовывает картину, играет роль связного с Тони Нванги, Тексом Уотсоном и другими проректорами, которые специализируются на маленьких детях. Человек, к которому можно прийти неофициально. Жилетка, чтобы поплакаться, взобравшись на подставку. Если Старшим товарищем назначается 16-и-младше – это почетно; значит, считается, ты далеко пойдешь. Когда нет турнира или поездок и т. д., Старшие товарищи собираются со своими квар-/секстетами дважды в неделю на маленьких закрытых свечках, в интервале между дневными матчами и ужином, обычно после сауны, душа и пары минут бездыханного валяния в раздевалке. Иногда Хэл садится на ужине с Младшими товарищами и ест с ними. Но нечасто. Старшие товарищи похитрее не слишком сближаются с МТ-эфебами, чтобы те не забывали о непроходимой пропасти опыта, умений и общего статуса, которая разделяет эфэбов и старшекласников, тянущих лямку в ЭТА уже годами. Чтобы не теряли уважения. Старший похитрее не торопится и не давит: не суется в каждую бочку затычкой и дает просителям осознать, когда им действительно нужна его помощь. Надо знать, когда давить и участвовать активно, а когда отойти и дать мелким поучиться на собственном опыте, на котором неизбежно учиться надо, если они хотят дотянуть лямку живыми. Каждый год самый крупный отсев в академии, не считая выпуска 18-летних, идет среди 13-15-летних, которые не выдержали и просто не в силах тянуть лямку. Бывает; администрация понимает; учеба здесь – не для всех. Впрочем, Ч. Т. все же просит помощницу по административным вопросам Латеральную Алису Мур доводить проректоров требованиями выведывать инфу о психическом состоянии детей, чтобы предугадать возможные потери и дезертирский процент и заранее понять, сколько мест он с приемной комиссией сможет предложить поступающим в следующем семестре. Старшие

товарищи в непростой позиции: с одной стороны, их просят держать проректоров в курсе, кто среди подшефных шаток в плане решимости, сопротивления страданиям и стрессу, физических мучений, ностальгии по дому, глубокой усталости, но, с другой стороны, хочется оставаться конфиденциальной жилеткой и надежным крылом для самых личных и деликатных проблем Младших товарищей.

Но – хотя Хэлу тоже приходится бороться со странным позывом к насилию при виде Ингерсолла, который напоминает ему кого-то, кого он сильно не любит, но не может вспомнить, кого, – в целом ему нравится быть Старшим. Нравится быть тем, к кому подходят мелкие, и нравится читать небольшие непретенциозные минилекции по теории тенниса, педагогике и традициям ЭТА, и быть добрым, но чтобы ему это ничего не стоило. Иногда он обнаруживает, что верит во что-то, во что даже сам не знал, что верит, пока не произносит это вслух перед пятью зашуганными безволосыми круглыми доверчивыми растерянными рожицами. Собрания с группой дважды в неделю (вернее, обычно выходит так, что раз в неделю) не доставляют удовольствия только после особенно неудачной дневной сессии на корте, когда он уставший, на взводе и лучше бы побыл один и занимался кое-чем тайным в подземном проветриваемом безлюдном помещении.

Джим Трельч щупает гланды. Джон Уэйн следует максима́м философской школы «носок-ботинок на одну ногу, носок-ботинок на вторую».

– Устал, – снова вздыхает Орто Стайс. Из-за акцента получается «Уста». Все до единого старшекласники теперь свалились на вытоптанный синий палас раздевалки, вытянув ноги, пальцы торчат под характерным для морга углом, спины прижаты к синей стали шкафчиков, все старательно избегают шести острых противоплесенных вентиляционных щелей у основания каждого шкафчика. Голыми все выглядят смешно из-за теннисного загара: ноги и руки – цвета глубокой сиены перчатки кэтчера, еще с лета, и загар начал блекнуть только сейчас, но при этом ступни и лодыжки – белого цвета лягушачьего брюшка, моги́льно-белого, а груди, плечи и предплечья – скорее белесого: на турнирах игрокам, когда они не играют, можно сидеть на трибунах без рубашек, чтобы поймать хоть немного солнца грудью. Лица, наверное, хуже всего – в основном красные и блестящие, некоторые еще шелушатся после трех недель кряду турниров на открытом воздухе в августе-сентябре. Не считая Хэла – который и так атавистически темной комплекции, – игроки с наименее пегой расцветкой – те, кто может вытерпеть и обрызгаться перед игрой полиролью «Лемон Пледж». Оказывается, полироль, если наложить ее в предыгровом стазисе и подождать, пока она высохнет до тонкой корочки, – феноменальная защита от солнца, с ультрафиолетовым рейтингом где-то под 40+, и только она одна-единственная в мире выдерживает трехсетовый пот. Никто не знает, какой юниор и в какой академии в далеком прошлом впервые обнаружил это свойство полироли, или как: в воображении рисовались на редкость причудливые обстоятельства. Но некоторых ребят с тонкой конституцией от запаха влажной от пота полироли на корте тошнит. А кое-кому кажется, что любая защита от солнца подсознательно феминизируется другими игроками, как белые козырьки или темные очки на корте. Так что у большинства старшекласников ЭТА яркий загар на руках и ногах, от чего они приобретают классический вид кадавров, наспех слеplенных из разных кусков тел, особенно если добавить к этому перекачанные ноги, обычно впалые груди и руки разных размеров.

– Уста-уста-уста, – говорит Стайс.

Эмпатия группы выражается во вздохах, еще большем съезжании к полу, слабых судорожных жестах изнеможения, мягких стуках затылков по тонкой стали дверец.

– У меня кости звенят, как, бывает, уши звенят, вот как я устал.

– Я даже до последнего терплю перед вдохом. Не собираюсь расширять грудную клетку, пока не вынудит потребность в воздухе.

– Так устал, что слова «устал» не хватает, – говорит Пемулис, – «Устал» – не то слово.

– Выдохся, измучился, умаялся, – говорит Джим Сбит, потирая закрытый глаз основанием ладони. – Замумукался. Ухайдакался.

– Смотрите, – Пемулис тыкает пальцем в Сбита. – Оно пытается думать.

– Как это трогательно.

– Упарился. Задолбался.

– Скорее где-то «заебался».

– Выжат. Разбит. Вывернут наизнанку. Скорее мертв, чем жив.

– И все это даже не близко, слова.

– Инфляция слов, – говорит Стайс, приглаживая ежик так, что на лбу появляются и разглаживаются морщинки. – Больше и лучше. Хорошо – лучше – лучшей – ваще великолепно. Гиперболично и гиперболичней. Эт как инфляция оценок³¹.

– Если бы, – говорит Сбит, который на академическом испытательном сроке где-то с пятнадцати.

Стайс из той части юго-западного Канзаса, что почти уже Оклахома. Он просит компании, которые обеспечивают его одеждой и экипировкой, обеспечивать только черными одеждой и экипировкой, отсюда его прозвище в ЭТА— «Тьма».

Хэл поднимает брови при словах Стайса и улыбается:

– Гиперболичней?

– Мой папка в детстве – ему бы и «вывернут наизнанку» хватило.

– Тогда как мы сидим тут с дефицитом новых слов и терминов.

– Фраз и оборотов, шаблонов и структур, – говорит Трельч, снова ссылаясь на экзамен по прескриптивной грамматике, о котором все, кроме Хэла, хотят уже забыть. – Нам нужна порождающая инфляцию грамматика.

Кейт Фрир изображает, как достает из-под полотенца свой Блок и протягивает Трельчу:

– Породи вот это.

– В такие дни нужен целый новый синтаксис для усталости, – говорит Сбит. – Над проблемой бьются лучшие умы ЭТА. Перевариваются и анализируются целые тезаурусы, – с широким саркастичным жестом. – Хэл?

Та частица тела, которая до сих пор работает нормально, позволяет поднять кулак и выкрутить второй рукой средний палец, как подъемный мост. Хотя, конечно, при этом Хэл прикалывается и над собой. Все согласны, что этот жест красноречивей тысячи слов. В парном тумане у двери снова мелькают кроссовки и резцы Идриса Арсланяна, затем быстро исчезают. Отражение в блестящем кафеле стены у всех какое-то кубистское. Фамилия Хэла происходит из Умбрии, ее носили пять поколений по отцовской линии, а теперь итальянская кровь так разбавлена новоанглийскими янки, юго-западной индейской примесью от прапрабабушки из племени пима и канадским кровосмешением, что Хэл – единственный живой Инканденца, который выглядит хоть как-то этнически. Его покойный отец в молодости был смугло-высоким, с приподнятыми плоскими скулами пима и очень черными волосами, зализанными назад «Брилкримом» так, что образовывался мыс вдовы. Сам тоже выглядел этнически, но он уже не живой. Хэл – лоснящийся, какой-то лучезарно темный, почти как выдра, ростом чуть выше среднего, глаза голубые, но темные, и несгораемый даже без защиты от солнца: его незагорелые ноги – цвета разбавленного чая, нос не шелушится, а только слегка блестит. Лоснится он не столько маслянисто, сколько влажно, молочно; Хэл втайне переживает, что выглядит женственно. Связь его родителей, наверное, оказалась полномасштабной хромосоматической войной: старший брат Хэла унаследовал мамин англо-нордо-канадский фенотип, глубоко посаженные и светло-голубые глаза, безупречную осанку и невероятную гибкость (в ЭТА никто

---

³¹ Явление в некоторых образовательных учреждениях: за одинаковый объем работы постепенно ставятся оценки все выше.

больше не мог вспомнить другого мужчину, который мог бы так сесть на чирлидерский шпагат до упора), более округлая и более выдающаяся зигоматика.

Средний брат, Марио, не похож ни на кого, кого они знали.

Часто в невыездные дни, когда он не старшинствует над подшефными, Хэл дожидается, пока все уйдут в сауну и душ, укладывает ракетки в шкафчик и непринужденно прогуливается по цементным ступеням в систему туннелей и залов ЭТА. Он умеет непринужденно сплыть и долго не возвращаться, прежде чем кто-нибудь заметит его отсутствие. Часто он непринужденно возвращается в раздевалку со спортивной сумкой и в существенно измененном настроении как раз тогда, когда все валяется на пол в полотенцах, обсуждая изнеможение, и заходит, уже когда приходит черед мелких оттирать от конечностей полирольную шелуху и принимать душ, и сам принимает душ с шампунем мелких из бутылки в форме мультяшного персонажа, затем в свободной от Шахта кабинке закидывает голову и закапывает Визин, полощет рот, чистит зубы щеткой, потом нитью, и одевается, – обычно ему даже причесываться не надо. В кармане спортивной сумки «Данлоп» всегда лежат Визин АС, зубная нить со вкусом мяты и зубная щетка для путешествий. Тед Шахт, фанат оральной гигиены, всегда ставит нить и щетку из сумки Хэла всем в пример.

– Так устал, что почти под кайфом.

– Но под кайфом без кайфа, – говорит Трельч.

– Эт даж был бы кайфовый кайф, если б в 19:00 не надо было еще учиться, – говорит Стайс.

– Штитт мог бы и не напрягать нас так за неделю до сессии.

– Тренеры и учителя могли бы сами как-то напрячься и согласовать расписания.

– Это была бы кайфовая усталость, если б после ужина можно было пойти, залечь, поставить мозг на нейтралку и посмотреть что-нибудь несложное.

– Не волноваться насчет прескриптивных форм или четкости.

– Откинуться.

– Посмотреть что-нибудь с погонями и где все взрывается.

– Расслабиться, покурить бонг, откинуться, полистать каталоги чулок, пожевать гранолы большой деревянной ложкой, – мечтательно говорит Сбит.

– Переспать.

– Свалить на вечерок в самоволку.

– Натянуть старый скафандр и послушать атональный джаз.

– Заняться сексом. Переспать.

– Пежиться. Погрешить. Перепихнуться.

– Найти се официантку из-за стойки с бургерами в драйв-ине в северо-восточной Оклахоме с большими сиськами.

– Такие огромные розово-белые сиськи, как с французских картин, которые сами вываливаются.

– Такой здоровой деревянной ложкой, что в рот не вломишь.

– Просто свободный вечерок, чтобы расслабиться вволю.

Пемулис отыгивает два куплета из «Chances Are» Джонни Мэтиса, недорыганных в душе, затем углубляется в изучение чего-то на левом бедре. Шоу надул пузырь из слюны, выросший до такого исключительного размера, что за ним наблюдает полкомнаты, пока он наконец не лопається в тот же момент, когда Пемулис поднимает взгляд.

Эван Ингерсолл говорит:

– В деканате сказали, что хотя бы в субботу на канун Дня Взаимозависимости у нас выходной.

Несколько голов старших поднимаются взглянуть на Ингерсолла. Пемулис надувает щеку языком и двигает им.

– Флабба-флабба, – трясет своими брылями Стайс.

– Отпустят только с уроков. А тренировки и матчи, как сказал Делинт, славно идут по плану, – поправляет Фрир.

– Но в воскресенье никаких тренировок, до банкета.

– Но все равно матчи.

Все юниоры, присутствующие в комнате, входят в континентальный топ-64, кроме Пемулиса, Ярдли и Блотта.

Всегда еще издалека понятно, сидит ли Шахт по-прежнему в туалетной кабинке у душевой, даже если Хэлу не видно носков шахтовых гигантских сиреневых вьетнамок под дверцей кабинки, как только в его поле зрения попадает широкий проход в душевую. Есть что-то смиренное, даже безмятежное в недвижных ногах под дверью. Ему приходит в голову мысль, что поза дефекации – поза покорности. Голова опущена, локти на коленях, пальцы сплетены между коленей. Какое-то скрюченное вечное тысячелетнее ожидание, почти религиозное. Башмаки Лютера на полу у ночного горшка, безмятежные, наверное, деревянные, лютеровские башмаки 16-го века, в ожидании откровения. Немые безропотные муки многих поколений коммивояжеров на привокзальных толчках – головы опущены, пальцы сплетены, начищенные штиблеты недвижны, в ожидании едкого потока. Женские тапочки, пыльные сандалии центурионов, подкованные сапоги портовых грузчиков, тапочки Папы Римского. Все в ожидании, носки смотрят вперед, слегка притопывают. Здоровые мужики с кустистыми бровями в шкурах, скрюченные у круга света костра со скомканными листьями в руке, в ожидании. У Шахта болезнь Крона^[43] – наследие от отца с язвенным колитом, – и во время каждого приема пищи ему приходится принимать ветрогонные, и терпеть кучу подколов насчет проблем с пищеварением, и плюс ко всему он заработал подагрический артрит, каким-то образом, из-за болезни Крона, который засел в правом колене и вызывает на короте жуткие боли.

Ракетки Фрира и Шпалы Пола Шоу с грохотом падают со скамьи, Бик и Блотт бросаются поднять и сложить их обратно, Бик – одной рукой, потому что второй придерживает полотенце.

– Потому что что у нас было, так, посмотрим, – говорит Сбит. Пемулис любит петь в акустике кафеля.

Сбит тычет пальцем в ладонь, то ли чтобы подчеркнуть важность, то ли для подсчета.

– Примерно, скажем, часовая пробежка у команд А, тренировка на час пятнадцать, два матча подряд.

– Я сыграл только один, – вставляет Трельч. – Утром была ощутимая температура, Делинт разрешил на сегодня сбавить обороты.

– У народа, который играл три сета, был тока один матч, вот у Сподек и Кента точно, – говорит Стайс.

– Забавно, как Трельч – как у него начинает скакать температура, стоит начаться утренним тренировкам, – говорит Фрир.

– ...положим, с округлением два часа на матчи. С округлением. Затем полчаса на тренажерах под надзором гребаных бусинок Лоуча с его планшетиком. В общем, скажем, пять часов энергичных телодвижений.

– Поступательных и напряженных усилий.

– Штитт решительно настроен, шоб в этом году мы не пели в Порт-Вашингтоне глупых песенок.

Джон Уэйн за все время не произнес ни единого слова. Содержимое его шкафчика аккуратно и организовано. Он всегда застегивает рубашку снизу-вверх до последней пуговицы, словно собирается надеть галстук, которого у него даже нет. Ингерсолл тоже одевается у маленького квадратного шкафчика для старшеклассников.

– Вот тока, кажется, они забыли, что у нас еще пубертатный период, – говорит Стайс.

Ингерсолл, как кажется Хэлу, полностью лишен бровей.

– Говори за себя, Тьма.

– Я грю, что утомлять наш пубертирующий скелет – оченно недалновидно, – повышает голос Стайс. – От че делать, когда мне бует двадцать и попаду в Шоу, а я играю нон-стоп, скелетно переутомленный и весь в травмах?

– Темный прав.

Завитый клочок мутной полирольной шелухи и зеленая нитка спортивной ленты «Гоз-Текс» сложно переплелись с синими волокнами ковра у левой лодыжки Хэла, которая слегка раздута и синего оттенка. Он всегда напрягает лодыжку, когда вспоминает, что надо. Сбит и Трельч недолго спарингуются с открытыми ладонями, делая ложные выпады и дергая головами, не вставая с пола. Хэл, Стайс, Трельч, Сбит, Рэйдер и Бик согласно предписанию академии ритмически сжимают игровыми руками теннисные мячики. На плечах и шее Сбита яркие сиреневые воспаления; Хэл также заметил фурункул на внутренней стороне бедра Шахта, когда Тед сажился. Отражение лица Хэла уместается ровно в одну из плиток на стене напротив, и, если он медленно двигает головой, лицо искажается и с оптическим звоном возвращается к норме в следующей плитке. Особое постдушевое ощущение общности развеивается. Даже Эван Ингерсолл бросает быстрый взгляд на наручные часы и откашливается. Уэйн и Шоу оделись и ушли; Фрир, главный приверженец полироли, ковыряется в волосах у зеркала, Пемулис теперь тоже встает, чтобы отодвинуться от ног Фрира. Глаза у того выпученные и широкие, из-за чего, как говорит Аксанутый, кажется, будто Фрира то ли быют током, то ли душат.

А время в дневной раздевалке кажется безграничной глубины; все они были здесь раньше, точно так же, и снова будут завтра. Свет снаружи становится печальней, в костях отдается грусть, края удлиняющихся теней все четче.

– По-моему, это Тэвис, – говорит им всем в зеркало Фрир. – Всюду, где царят бесконечные труд и страдания, торчат уши долбаного Тэвиса.

– Не, это Штитт, – говорит Хэл.

– У Штитта не хватало калиток на крокетной площадке уже задолго до того, как ему попались мы, – говорит Пемулис.

– Пемстер и Хэл.

– Галация и Пемарама.

Фрир складывает крошечные губки и выдыхает, словно задувает спичку, сдувая со стекла большого зеркала какой-то крошечный остаток после откалупывания.

– Штитт только делает, что ему говорят, как славный послушный фашист.

– Че за хайль ты несешь? – спрашивает Стайс, – который хорошо известен тем, что спрашивает только «Как-высоко-сэр!», когда Штитт говорит «Прыгать», – шупая вокруг, чем бы кинуть во Фрира. Ингерсолл подбрасывает Стайсу взбученное полотенце, чтобы быть полезным, но Стайс не отрывает взгляд от глаз Фрира в зеркале, и полотенце падает ему на голову, и остается там висеть. Эмоции в комнате, кажется, меняют знак каждые пару секунд. Над Стайсом полуиздевательски смеются, пока Хэл вскарабкивается на ноги, аккуратно, поэтапно, перенося большую часть веса на здоровую лодыжку. Во время этой комбинации полотенце Хэла спадает. Сбит говорит что-то, но все тонет в реве смыва.

Феминизированный американец стоял поверх утеса под небольшим ракурсом к Марату. Он всматривался в тень сумерек, которая теперь накрыла их, и во все более сложное мерцание американового города Тусона, как замороженный, на манер того, как слишком большие для глаза виды заворачивают людей до оцепеневшего очевидения.

Марат, казалось, был на волоске от сна.

Внутри тени даже у голоса Стипли имелся иной тембр.

– Говорят, это великая и, может, даже вечная любовь – у Рода Тана к вашей этой Лурии. Марат хекнул, слегка повозившись в кресле.

Стипли сказал:

– Такая, о которой слагают песни, за которую люди умирают, а потом увековечиваются в стихах. Получаются баллады, оперы. Тристан и Изольда. Ланселот и как ее там. Агамемнон и Елена, Данте и Беатриче.

Дремотная улыбка Марата росла, пока не стала гримасой.

– Нарцисс и Эхо. Кьеркегор и Регина. Кафка и бедная девчушка, что боялась получить у ящика почту.

– Интересный выбор примера – почта, – притворно хихикнул Стипли.

Марат стал начеку.

– Сними свой парик и посри в него, Хью Стипли BSS. И меня уstraшает твое невежество. Агамемнон не имел сношений с этой царицей. Муж был Менелай, что спартанский. А ты хотел говорить Парис. Елена и Парис. Что тройский.

Стипли словно придурочно веселился.

– Парис и Елена, лик, что тысячи судов гнал в путь. И конь: дар, который вовсе не дар. Анонимный подарок с доставкой на дом. Гибель Трои изнутри.

Марат слегка приподнялся в кресле на култях, проявляя эмоции по отношению к этому Стипли.

– Я усаженный здесь, ужаснутый naïveté³² истории твоей нации. Парис и Елена были лишь казус белли. Все греческие государства в дополнение к Спарте Менелая атаквали Троя потому, что Троя владела Дарданеллы и требовала разорительные дани за проплыв, которые греки, дорого желавшие простой морской проплыв к азиатскому востоку, гневно отвергали. Все из-за торговли, война. Цитирующий «любовь» не цитирует оную Париса к Елене, потому что они только лишь казус.

Стипли, гений допросов, иногда при Марате разыгрывал более чем обычную дурость, потому что знал, что она провоцировала Марата.

– Все-то у вас сплошная политика, ребят. Разве эта война существовала не только в песнях? Она вообще была на самом деле?

– Суть такова, что в путь тысячи судов погнали государство, общество и их интересы, – сказал Марат без горячки, утомленный. – Ты только желаешь притвориться себе, что любовь одной женщины способна погнать столько судов альянсом.

Стипли оглаживал периметры мескитовых царапин, отчего его пожатие плеч было неуклюжим.

– Я бы не был так уверен. Приближенные к Богу Роду говорят, что он готов хоть дважды умереть за Лурию. Говорят, даже не задумался бы. Не то что дал бы рухнуть всей ОНАН к чертовой матери, если до такого дойдет. Но и умер бы.

Марат шмыгнул.

– Дважды.

– Даже не взяв времени на размышления, – сказал Стипли, поглаживая электролитическую сыпь на губе на задумчивый манер. – Многие у нас считают, что именно поэтому он еще на своем месте, а президент Джентл к нему до сих пор прислушивается. Конфликт интересов – это одно. Но если он делает все это из любви – что ж, тогда есть трагический элемент, который даже затмевает политический, что скажешь? – Стипли широко улыбнулся на Марата.

Собственное предательство AFR Маратом: во имя медицинского ухода за состоянием его жены; во имя (наверное, думает себе Стипли) любви к человеку, женщине.

– «Трагично» – значит, что Родни Тан из Неопределенности не отвечал за свой выбор, как не отвечают сумасшедшие, – тихо сказал Марат.

Стипли улыбался на порядок шире:

---

³² Наивность (фр.).

– Трагическая черта, вечная, музыкальная, ну как тут Джентлу было не поплыть?

Интонация Марата теперь стала насмешлива, вопреки его легендарной стылой крови перед лицом технических собеседований:

– И это сантименты человека, который позволяет посылать его в поле в форме огромной девушки с сиськами под косоглазым углом, который теперь рассуждает о трагической любви.

Стипли, невозмутимый и замороженно задумчивый, взирая с утеса гор, поковырял помаду уголка губы рта самым маленьким пальчиком на руке, удалил какую-то гранулу песчинки.

– Ну конечно. Фанатично патриотичные Убийцы-колясочники из южного Квебека смеются над межличностными сантиментами между людьми, – теперь глядя на Марата. – Нет? Даже несмотря на то, что именно благодаря им Тан подался к вам, под каблук к Лурии, если уж говорить начистоту?

Марат осел на зад в кресле.

– Твое американское слово для фанатичного – «фанатичный», – вас учат, что оно произошло из слова латыни «святыня»? Оно значит, буквально, «поклоняющийся святыне».

– Ох ты господи, понесло, – сказал Стипли.

– Как, если дашь мне позволение сказать, любовь, о которой ты говоришь, – великая любовь мсье Тана. Она значит именно привязанность. Тан привязан, фанатично. Наши привязанности – это наши святыни, чему мы поклоняемся, нет? Чему мы себя отдаем, во что вкладываем веру.

Стипли сделал жест усталой привычности.

– И понесло-о-о.

Марат проигнорировал это.

– Разве все мы из нас не фанатики? Я говорю только лишь то, что ты, из США, только лишь притворяешься, будто не знаешь. Привязанности имеют великую серьезность. Выбирай привязанность умно. Выбирай святыню фанатичизма с большим умом. То, что ты желаешь воспеть трагической любовью, есть привязанность, выбранная без ума. Умереть за одного человека? Это сумасшествие. Люди меняются, уходят, умирают, болеют. Они уходят, лгут, безумеют, заболевают, предают, умирают. А народ – переживет тебя. Дело – переживет тебя.

– Как там, кстати, твои жена и дети?

– Вы, американцы, будто не верите, что каждый из вас может выбрать, за что умирать. Любовь женщины, сексуальная, она заикливает себя на себя, делает тебя узким, может, сумасшедшим. Выбирай с умом. Любовь к нации, стране и народу – она ширит сердце. Что-то большее, чем «Я».

Стипли возложил ладонь среди разнонаправленных грудей:

– О... Канада...

Марат вновь приподнялся и прильнул вперед на культах.

– Фырчи в насмешке, сколько желаешь. Но выбирай с умом. Ты – то, что ты любишь. Нет? Ты, целиком и единственно, то, за что умрешь, как ты говоришь, не думая дважды. Ты, мсье Хью Стипли: ты умрешь, не думая, за что?

Пространное досье AFR на Стипли включало упоминание о его недавнем разводе. Марат уже информировал Стипли о существовании этого досье. Он не знал, насколько Стипли сомневался в рапортах его, Марата, или же просто принимал их как чистые деньги. Хотя легенда Стипли часто менялась, его машина во всех полевых заданиях оставалась прежним зеленым седаном, спонсированным болезненной рекламой для аспирина на крыле – досье было осведомлено этой глупостью, – Марат и сейчас был уверен, что седан с рекламой для аспирина стоит где-то внизу, незримый ими. Фанатично любимая машина мсье Хью Стипли. Стипли наблюдал или взирал в темноту пустынной земли. Он не отвечал. Его выражение скуки могло являться как настоящим, так и тактическим.

Марат сказал:

– Это – разве это не выбор самой первой из всех важностей? Кто учит ваших американских детей выбирать святыню? Что им любить так, чтобы не думать два раза?

– И это говорит человек, который...

Марат предпринял усилия, чтобы его голос не приподнимался.

– Ибо этот выбор определяет все иное. Нет? Все из наших, как ты говоришь, свободных выборов исходят из одного: что есть наша святыня. Что есть святыня, таким в итоге образом, американов? Что это есть, если ты боишься, что должен защищать американов от самих себя, когда злые квебекуа замыслили кознями привнести Развлечение в их уютные дома с очагом?

Лицо Стипли приобрело выражение открытой усмешки, которое, знал он, квебекцы находили в американцах отталкивающим.

– Но ты говоришь, что все начинается с выбора, осознания, решения. Это ли не наивняк, Реми? Ты что, садишься за грессбух и трезво высчитываешь, что любить? Всегда?

– Альтернативой является...

– А если иногда нет выбора, что любить? А если святыня сама приходит к Магомету? А если просто берешь и любишь? без решений? Берешь и: вот видишь ее, и в тот же миг забываешь свой трезвый бухучет, и не можешь выбрать ничего, кроме любви?

Шмыг Марата выдавал презрение.

– Тогда в случае такого твоя святыня – «Я» и сантименты. Тогда в примере такого ты фанатик страсти, раб индивидуальных субъективных узких сантиментов «Я»; гражданин пустоты. Ты становишься гражданином пустоты. Ты сам по себе и одинокий, на коленях пред тобой.

Засим последовало молчание.

Марат повозился в кресле.

– В случае такого ты становишься раб, который верит, что он свободный. Самые жалкие оковы. Ни трагедий. Ни песен. Ты веришь, что умрешь дважды за иного, но в правде умрешь только за одно «Я», его сантименты.

Последовало еще молчание. Стипли, который рано поднялся на высоту в Неопределенных службах благодаря техническим собеседованиям [44], применял паузы молчания как неотъемлемую часть техники допроса. Сейчас пауза разрядила Марата. Марат почувствовал иронию своей позиции. Бретелька бра протеза Стипли выскользнула с плеча на обозрение, где глубоко врезалась в мясо верхней доли руки. Воздух слабо пах креозотом, но куда не так сильно, как шпалы железной дороги, которые Марат нюхал не понаслышке. Спина Стипли была дебелий и мягкой. Наконец Марат изрек:

– Ты, в случае такого, имеешь ничто. Опираешься на ничто. Ничто из камня или земли нет под твоими ногами. Ты падаешь; тебя носит туда и этак. Как принято сказать: «трагически, невольно, потерян».

Последовало еще молчание. Стипли мягко пукнул. Марат пожал плечи. Полевой оперативник BSS Стипли мог усмехаться не вправду. Люм города Тусона в невлажном воздухе казался выбеленным и призрачно-белым. Сумеречные звери шуршали и, вероятно, шмыгали туда и этак. Под утесом и другими выходами породы склона висели густые и непрекрасные паутины ядовитого вида американового паука черная вдова. И когда ветер бил по горе под определенным углом, гора стонала. Марат подумал о своей победе над поездом, который отнял его ноги [45]. Он предпринял попытку англоговоряще спеть:

– О скажи, страна свободных.

И они оба двое почувствовали особую, странную, сухую пустынно-ночную прохладу, спустившуюся с горбатым подъемом луны, – мучнистый ветер внизу кружил пылью и свистел иголками кактусов, звезды в небе настроились на цвет слабого пламени, – но им еще не было прохладно, даже Стипли в его платье без рукавов: они с Маратом стояли в облегающем аст-

ральном скафандре тепла их тел. Вот как бывает в сухих краях по ночам, узнавал Марат. Его умирающая жена ни разу не покидала юго-восточный Квебек. Отдаленная зачаточная база распространения Les Assassins des Fauteuils Roulents здесь, на юго-западе США казалась ему поселением на поверхности луны: четыре рифленых куонсетских ангара, запеченная до корочки земля, воздух, который плыл и волнился, как под реактивными двигателями. Пустые комнаты о грязных окнах, обжигающие дверные ручки и адская вонь в этих пустых комнатах.

Стипли продолжал не говорить, выстукав себе иную из длинных бельгийских сигарет. Марат продолжал мычать песню американов так, словно ему по уху ступал медведь.

3 ноября ГВБВД

– Потому что они на самом деле несерьезно, – говорит Хэл Кенту Блотту. – Ненависть-в-конце-рабочего-дня – это просто часть процесса. Думаешь, Штитт и Делинт не знают, что мы будем сидеть там вместе после душа и ныть? Все продумано. Ворчуны и нытики всего лишь делают то, что от них ждут.

– Но я смотрю на парней, которые здесь уже шесть, семь лет, восемь лет, а они до сих пор страдают, мучаются, выматываются, такие уставшие, так же как я устаю и страдаю, и я чувствую этот, как его, ужас, этот ужас, я вижу семь, восемь лет несчастья каждый день, и день за днем вижу впереди только усталость, стресс и нескончаемое страдание, и ради чего, ради, типа, шанса стать профессионалом, а у меня уже ужасные предчувствия, что карьера в Шоу значит только еще больше страданий, и если я туда доберусь, то уже буду скелетно переутомлен.

Блотт лежит на паласе – как лежат все пятеро, вытянувшись на спине, раскинув ноги и руки, положив головы на широкие велюровые диванные подушки, на полу в КОБ – одной из трех маленьких Комнат отдыха на втором этаже Админки, на два этажа выше раздевалок и на три – входа в главный туннель. Новый экран в комнате огромен, с таким высоким разрешением, что глазам больно; он висит на северной стене, как большая картина; работает на охлажденных микросхемах; в комнате нет ни ТП, ни телефонной консоли; это специализированное помещение – только экран, плеер и фильмы; плеер для картриджей расположен на второй полке маленькой тумбочки под экраном; другие полки и несколько шкафов полны картриджами с записями матчей, картриджами мотивационных и для визуализации – «ИнтерЛейс», «Тацуока», «Юситю», «СайберВижн». Трехсотдорожечный кабель, идущий от плеера к нижнему правому углу висящего на стене экрана, настолько тонкий, что похож на трещину в белой краске на стене. В Комнатах отдыха нет окон, а воздух из вентиляции несвежий. Хотя, когда экран включен, кажется, что окно в комнате есть.

Как обычно для собрания со Старшим товарищем, когда все устали, Хэл вставляет в проигрыватель негрузящий картридж для психологической визуализации. Он убрал звук, так что мантры для уверенности в себе не слышно, но картинка яркая и чистая, как колокольный звон. Так и бросается на тебя с экрана. Седеющий и какой-то потрепанный Стэн Смит³³ в анахронически белом стоит на задней линии корта и делает образцовые форхенды, снова и снова, один и тот же удар, его спина как-то остеопорозно сгорблена, но он в безукоризненной форме, работа ног правильная и естественная – гладкий поворот и возвращение назад, анахроническая деревянная палка «Уилсон» заносится в замахе и указывает прямо на забор за его спиной, текущий перенос веса на переднюю ногу при входе в удар, контакт на уровне талии прямо перед собой, мускулы передней ноги вздуваются, а задней – расслабляются, глаза прикованы к желтому мячу в центре напыленной по трафарету на струнах W – учеников из ЭТА учат следить не только за мячом, но и его крутящимися швами, читать его вращение, – переднее колено слегка опускается под вздувшимися квадрицепсами, когда вес тела переносится дальше вперед, задняя нога поднимается на нерасцарапанном носке блестящей кроссовки, как на пуанте, деловая проводка без выкрутасов, после которой ракетка замирает прямо перед исхудавшим лицом игрока – щеки Смита с возрастом впали, его лицо словно ввалилось по бокам, глаза будто выпучиваются над скулами, которые выдаются при каждом вдохе после удара, он выглядит иссушенным, состарившимся на жарком свете, где отрабатывает одно и то же движение снова и снова, десятилетиями, вторая рука плавно поднимается и хватает шейку палки перед лицом, и после заключительной фазы удара он снова возвращается в исходную стойку. Ни одного лишнего движения, безличные удары, никаких загогулин, тиков или перенапряжений

---

³³ Стэн Смит (род. 1946 г.) – великий американский теннисист, член Международного зала теннисной славы.

запястья. Снова и снова, каждый удар вливается в следующий, замкнутый круг, и это гипнотизирует, но так и должно быть. Саундтреком, если его включить, звучит мантра «Не надо думать – надо видеть; не надо знать – надо быть», снова и снова. Надо представлять, что это ты на ярком экране исполняешь текущие и безличные удары. Надо раствориться в замкнутом круге и затем перенести это растворение с собой, в игру. Ребята раскинулись в самых разных позах, рты полуоткрыты, взгляд потускневший, глаза широкие и тусклые, лежат в расслабленном, томном тепле – пол под паласом с легким подогревом. Питер Бик спит с открытыми глазами – странный талант, который ЭТА прививает молодым. Орин тоже умел спать с открытыми глазами за обеденным столом, дома.

Пальцы Хэла, длинные, светло-коричневые и до сих пор слегка липкие от бензоина^[46], сплетены за головой на подушке, поддерживают череп, – он смотрит на Стэна Смита из-под тяжелых век.

– Тебе кажется, что в семнадцать ты будешь страдать так же, как здесь и сейчас, да, Кент?

У Кента Блотта в кроссовках цветные шнурки с игрушками-насадками от передачи «Мистер Попрыгайчик», что кажется Хэлу крайне простодушным и инфантильным.

Питер Бик тихо храпит, на губах поднимается и опускается пузырек слюны.

– Но, Блотт, ты же наверняка думал вот о чем: почему они до сих пор здесь, если их жизнь – ежедневный кошмар?

– Не ежедневный, – говорит Блотт. – Но довольно стабильный.

– Они здесь, потому что хотят в Шоу после выпуска, – говорит Ингерсолл и шмыгает носом. «Шоу» – это тур АТР³⁴, путешествия и денежные призы, контракты и плата за участие, лучшие моменты матчей в видеожурналах, фотографии – в глянцевах печатных журналах.

– Но и они, и мы знаем, что только один самый лучший юниор из двадцати доберется до Шоу. А там выживают куда меньше. Остальные влачат жалкое существование в сателлитных турах, или региональных турах, или тухнут тренерами в клубах. Или становятся юристами, или идут в науку, как все нормальные люди, – говорит Хэл.

– Значит, они терпят и страдают ради стипендии. Райды университетов. Белый кардиган с буквой. Студенткам нравятся парни с буквой.

– Кент, кроме Уэйна и Пемулиса, никому здесь не нужна никакая стипендия. Пемулис и так получит фулл райд везде, где захочет, за одни только оценки. Тетушки Стайса и так отправят его куда угодно, даже если он не захочет играть. А Уэйн обречен на Шоу, больше года в ОНАНАССе он не проторчит, – отец Блотта, гениальный лор-онколог, удалял опухоли с богатеньких слизистых оболочек по всему миру; у Блотта есть трастовый фонд. – Все это неважно, и вы сами это знаете.

– Сейчас скажешь, они любят саму игру.

Стэн Смит теперь отрабатывает бэкхенды.

– Что-то они да любят, Ингерсолл, но давайте пока вернемся к тому, что говорил Кент. Кент говорил о страдании в данной комнате, прямо сейчас. Кей Би, я сотни раз принимал участие в точно таких же сеансах обиженного нытья с одними и теми же ребятами после тяжелых дней, в душе, в сауне, в столовой.

– Много нытье также иметься в уборных, – говорит Арсланян. Хэл отлепляет волосы от пальцев. От Арсланяна всегда как-то странно и неуловимо пахнет хот-догами.

– Вся штука в том, что в этом есть что-то от ритуала. Бесильня и нытье. Даже если допустить, что все чувствуют себя именно так, как говорят, когда собираются вместе, вся штука в том, чтобы подчеркнуть, что мы переживаем одни и те же чувства вместе.

– То есть дело в единстве?

– Сейчас должны вступить альты, Хэл, чтоб подчеркнуть важность единства, не?

---

³⁴ Ассоциация теннисистов-профессионалов.

– Ингерсолл, я...

Бика периодически будят аденоиды, – из-за холодной погоды у него обострение, – и он булькает, его глаза закатываются, потом возвращаются в норму и он снова замирает, как будто уставившись в пространство.

Хэл творчески визуализирует, что бархатный бэкхенд Смита на экране – это он в слоу-мо ударом отправляет Эвана Ингерсолла в стену. Родители Ингерсолла основали на Род-Айленде сервис, по которому можно заказывать продукты через ТП, а не ходить за ними в супермаркет, и потом их развозит эскадра подростков на «универсалах».

– Вся штука в том, что мы только что три часа играли друг против друга на яйцаподжимающем холоде, лезли по головам друг друга, чтобы вытеснить других с места в команде. И защищали свое место от вытеснений других. В этой системе неравенство – аксиома. Мы все знаем, что из себя представляем, только по отношению друг к другу. Джон Уэйн надо мной, я – над Сбитом и Шоу, которые два года назад были надо мной, но под Трельчем и Шахтом, а теперь над Трельчем, который сегодня над Фриром, а тот просто-таки высится над Шахтом, который не может победить никого, кроме разве что Пемулиса, с тех пор как усугубились колено и болезнь Крона, и едва держится в рейтинге, и уже одним этим демонстрирует невероятное мужество. Фирр два лета назад победил меня со счетом 4 и 2 в четвертьфинале Чемпионата США на грунте, а теперь он в команде Б и на пять позиций ниже меня – на шесть, если его победит Трельч, когда они наконец сыграют еще раз после технического поражения Трельча по болезни.

– Я возвышаться над Блотт. И над Ингерсолл, – кивает Идрис Арсланян.

– Ну, Блотту всего десять, Идрис. И ты под Чу, который сейчас с нечетным возрастом и под Потлергетсом. А Блотт под Биком и Ингерсоллом просто в силу возрастной категории.

– Я лишь знаю, что из себя представляю, – нараспев изрекает Ингерсолл.

«СайберВижн» монтирует картриджи для визуализации, применяя фильтр с эффектом «подтаивания», поэтому кажется, что проводка Стэна Смита бесшовно переходит в замах одного и того же удара; переходы прозрачные и призрачные. Хэл с трудом приподнимается на локтях:

– Мы все в пищевых цепочках друг друга. Все. Это спорт одиночек. Добро пожаловать в значение слова «одиночка». Мы все здесь беспредельно одиноки. И это то, что нас объединяет, – одиночество.

– E Unibus Pluram³⁵, – нараспев изрекает Ингерсолл.

Хэл переводит взгляд с одного лица на другое. Лицо Ингерсолла лишено бровей, оно круглое и словно обсыпано веснушками, похоже на блины миссис Кларк.

– Так как же мы при этом можем быть вместе? Как мы можем оставаться друзьями? Как Ингерсолл может болеть за Арсланяна в матче одиночек в Порт-Вашингтоне при том, что если Идрис проигрывает, то Ингерсолл снова получит возможность занять его место?

– Я не требую, чтобы он переживать болезнь за меня, ибо я есть готовый, – Арсланян обнажает клыки.

– Ну, в этом и вся штука. Как мы можем быть друзьями? Даже если мы все живем, едим, моемся и играем вместе, как нам не стать 136 одиночками в одной банке?

– Ты говоришь о чувстве общности. Спич в пользу чувства общности.

– Я думать – отчуждение, – говорит Арсланян и поворачивает голову, подчеркивая, что обращается к Ингерсоллу. – Экзистенциальная индивидуальность, которая часто упоминается на Западе. Солипсизм, – его верхняя губа обнажает и прячет зубы.

– Если кратко, мы говорим об одиночестве, – говорит Хэл.

---

³⁵ Из единого – многие (лат.) Также название известного эссе Уоллеса о массовой культуре и телевидении.

Блотт чуть не плачет. Судя по бегающим зрачкам и небольшим мышечным спазмам, Бик видит неприятный сон. Он яростно трет нос основанием ладони.

– Я скучаю по своей собаке, – признается Ингерсолл.

– А! – Хэл перекачивается на локоть, чтобы поднять палец в воздух. – А! Но тогда, значит, прошу обратить внимание на мгновенную групповую сплоченность, которая формируется сама по себе вокруг тех, кто скулит и бесится. Блотт. И ты, Кент. Это ты спрашивал. То, что кажется садизмом, скелетное переутомление, усталость. Страдание объединяет нас. Они хотят, чтобы мы сидели и ныли. Вместе. После тяжелого дня у всех, пусть и ненадолго, появляется ощущение, что у нас есть общий враг. Это их подарок нам. Их лекарство. Ничто не спланирует лучше, чем общий враг.

– Мистер Делинт.

– Доктор Тэвис. Штитт.

– Делинт. Уотсон. Нванги. Тод. Все прихвостни и прихвостницы Штитта.

– Я их ненавижу! – восклицает Блотт.

– И ты столько здесь проучился и до сих пор думаешь, что твоя ненависть – случайна?

– Вари котелок, Кент Блотт! – говорит Арсланян.

– Раскочегарь до кипения, – мычит Ингерсолл.

Бик вскакивает и говорит: «Господи, нет, только не плоскогубцами!» – и снова валится назад, снова с пузырем слюней на губах.

Хэл изображает удивление.

– Вы, ребята, до сих пор не заметили, что чем ближе недели важных соревнований, тем более злобным и склонным к садизму становится персонал Штитта?

Ингерсолл приподнимается на одном локте, чтобы взглянуть на Блотта.

– Встреча с Порт-Вашингтоном. День Взаимозависимости. Еще через неделю – тусонский «Вотабургер». Они хотят, чтобы мы были в идеальной форме, Блотт.

Хэл откидывается и расслабляет лицевые мышцы, глядя на *ballet de se*³⁶ Смита.

– Блин, Ингерсолл, да мы и так в идеальной форме. Не в этом дело. Точнее – это не главное. Мы и так в плане формы олимпийские боги.

Ингерсолл:

– Если верить Нванги, среднестатистический североамериканский пацан не сможет подтянуться даже один раз.

Арсланян тычет себе в грудь.

– Двадцать восемь.

– Вся штука, – мягко говорит Хэл, – в том, что речь уже давно идет не о физических кондициях, народ. Физика – только проформа. Они работают с нашими головами, парни. День за днем, год за годом. Целая программа. Теперь вам будет проще находить доказательства высшего замысла. Стоит наметиться серьезной теме, как нам подкидывают что ненавидеть, ненавидеть всей душой и всей компанией. Ужасные майские тренировки во время экзаменов перед летним туром. Послерожественские репрессии – перед Австралией. Ноябрьский морозофон, фестиваль соплей, задержка перед тем, как поставить для нас Легкое. Общий враг. Может, я и презираю Кей Би Фрира, или, – (не мог удержаться), – Эвана Ингерсолла, или Дженни Бэш. Но мы все вместе презираем людей Штитта, парные матчи после пробежек, их безразличие к экзаменам, постоянные повторы, стресс. Одиночество. Но мы собираемся вместе и ноим, и внезапно у нас появляется ощущение, что мы команда. Общий голос. Чувство общности, Эван. О, как они коварны. Они подставляются под нашу неприязнь, выявляют наши слабые места и бьют именно по ним, а потом отправляют в раздевалку на нераспланированные сорок пять минут перед свечками со Старшими товарищами. Совпадение? Случайное стечение обстоятельств?

---

³⁶ Букв. Балет себя (лат.).

Вы, ребят, хоть раз видели здесь хоть что-то, что не было бы хладнокровно просчитано и рас-
планировано?

– Планирование – вот что я ненавижу больше всего, – говорит Ингерсолл.

– Они все знают, – говорит Блотт, даже подпрыгивая на копчике. – Они специально задумали, чтобы мы собирались вместе и жаловались!

– О, как они коварны, – говорит Ингерсолл.

Хэл изгибается на локте, чтобы сунуть под губу щепотку «Кадьяка». Он не понимает, передразнивает Ингерсолл или нет. Он разваливается на полу, визуализируя, как Смит бьет смэши Ингерсоллу прямо в лобешник. Неделю назад Хэл неохотно согласился с диагнозом Лайла, что находит Ингерсолла – этого наглого изнеженного ехидного паренька, с большим изнеженным безбровым лицом и гладкими суставами на больших пальцах, с тепличным избалованным видом маменькиного сыночка, который тратит все остроумие на ненасытную потребность произвести впечатление, – что этот парень вызывал у Хэла такую неприязнь потому, что Хэл видел в нем те черты, которые не хотел или не мог принять в себе. Если он находился с Ингерсоллом в одной комнате, то об этом всем даже не вспоминал. Только желал ему зла.

Блотт и Арсланиян смотрят на Хэла.

– Ты в порядке?

– Он устать, – говорит Арсланиян.

Ингерсолл рассеянно барабанит пальцами по грудной клетке.

В последнее время Хэл накуривается тайком так часто, что, если к ужину еще не курил, его рот начинает наполняться слюной – какой-то феномен отдачи от осушающего эффекта Б. Хоупа, – а глаза – слезами, будто он зевнул. Жевательный табак начался почти как оправдание, чтобы сплюнуть, иногда. Хэл сам удивлен, что по большей части действительно верит в свои слова об одиночестве и распланированной необходимости в «Мы»; и из-за этого, вкупе с неприязнью к Ингерсоллу и слюной во рту, ему снова неуютно, он на миг возвращается к мыслям о том, почему секретность пристрастия к травке возбуждает его гораздо больше, чем травка *per se*, если это действительно так. У него всегда ощущение, что ответ вертится на языке, где-то в немой и недоступной зоне коры головного мозга, но стоит об этом задуматься, как отчего-то мутит. Еще одна проблема, если не покурить перед ужином, в том, что его слегка мутит, и за ужином он не наедается, а потом, когда все же добирается до травки, его пробивает на хавчик, и он идет за конфетами в магазин «Отец & Сын», или заливает глаза Мурином и направляется в Дом ректора на очередной поздний ужин с Ч. Т. и Маман, и ест как дикий зверь – довольная Маман даже признается, что такой аппетит задевает некие инстинктивные струны ее материнства, – но потом просыпается на рассвете с жутким несварением.

– Так что страдание становится не таким одиноким, – подсказывает ему Блотт.

В двух изгибах дальше по коридору, в КО5, где экран – на южной стене и не включен, канадец Джон Уэйн сидит с Ламонтом Чу, «Соней ТиПи» Питерсоном, Кираном Маккенной и Брайаном ван Влекум.

– Он говорит о развитии в понимании концепта теннисного мастерства, – объясняет Чу остальным трем. Они сидят на полу по-турецки, Уэйн стоит, прислонившись спиной к двери, вращает головой, чтобы размять шею. – Он хочет сказать, что путь к подлинному мастерству, нужного Шоу, – медленный, разочаровывающий. Требуется скромности. Это вопрос скорее темперамента, чем таланта.

– Вы правда это говорите, мистер Уэйн?

Чу отвечает:

– ...это потому, что путь к мастерству пролегает через серию плат, так что сперва как бы идет радикальный прогресс, пока не доберешься до определенного плато, а потом вроде как

застрєваешь, на плато, и единственный способ слезть с него и подняться к следующему – годы разочаровывающей бездумной повторяющейся тренировки, терпения и выдержки.

– Плато, – поправляет Уэйн, глядя в потолок и для упражнения прижимаясь затылком к двери. – Во множественном числе тоже плато. Не изменяется.

Цвет неактивного экрана напоминает цвет неба над Атлантическим океаном в пасмурный день. Чу образцово скрестил ноги.

– Джон говорит, что типов, которые не выдерживают и не вкалывают на терпеливом пути к мастерству, по сути, три. Типа. Есть, как он говорит, «Отчаянный» тип, у которого все отлично, но только на стадии быстрого прогресса перед плато, а когда он достигает плато, обнаруживает, что застрял, уже не становится лучше, а то и наоборот, становится немного хуже, и этот тип поддается отчаянию и разочарованию, потому что ему не хватает скромности и терпения, чтобы держаться и вкалывать дальше, и каждая лишняя секунда на этих плато для него пытка, и что же происходит дальше?

– Джеронимо! – кричат мальчишки, не совсем в унисон.

– Верно, он сливается, – говорит Чу. Он подсматривает в карточках. Дверь чуть дребезжит, когда Уэйн водит по ней головой. Чу продолжает:

– Следующий тип, как говорит Джей У, «Одержимый», он так стремится скакать по плато, что, кажется, слово «терпение» ему неведомо, куда уж там слова «скромность» или «вкалывать», и когда он застрєвает на плато, тут же старается вырваться на чистой работоспособности и тренировках, воле и усилиях, пашет как одержимый и тренируется все больше и больше, практически панически, и у него случается передозировка, и он получает травму, и очень скоро он уже весь в хронических травмах, но все ковыляет по корту с той же одержимостью, до тех пор пока уже руку для замаха поднять не может, и его рейтинг рушится, пока однажды не раздастся вкрадчивый стук в дверь, и это Делинт, пришел поболтать немного о твоём будущем в ЭТА.

– Банзай! Эль Слив! Покедова!

– И последний тип, худший по мнению Джона, потому что ловко умеет изображать терпение и скромное разочарование. «Удовлетворенный» тип, который разительно прогрессирует до тех пор, пока не попадает на плато, и этот достигнутый разительный прогресс его вполне удовлетворяет, и он не против задержаться на плато, потому что ему там комфортно, и он совсем не беспокоится по поводу того, куда двигаться дальше, и очень скоро глядь – а он весь стиль игры построил на компенсации тех слабостей и брешей в броне, которые олицетворяет данное плато, – вся его игра теперь основана на этом плато. И мало-помалу ребята, которых он раньше легко побеждал, начинают побеждать его, замечая бреши его плато, и рейтинг начинает скатываться, но он говорит, что пофиг, говорит, что он здесь ради самой игры, и всегда улыбается, но улыбка уже какая-то натянутая и пристыженная, и он всегда улыбается и очень мил к окружающим, и рубаха-парень, но при этом он не прогрессирует, пока остальные прыгают на следующие плато, и терпит все больше и больше поражений, но по-прежнему доволен. Пока в один прекрасный день в его комнате не раздастся вкрадчивый стук.

– Это Делинт!

– На пару слов!

– Джеронзай!

Ван Влек смотрит на Уэйна, который теперь отвернулся, уперся руками в косяки, одну ногу выставил назад, тянет правую икру.

– Это действительно ваш совет, мистер Уэйн, сэр? Или это Чу опять пытается что-то нам впарить под вашим именем?

Им всем хочется знать, как у Уэйна получилось, что он 2-й на континенте среди 18-летних уже в семнадцать, и, весьма вероятно, 1-й после «Вотабургера», и что ему уже звонят

агенты из «ПроСерв»³⁷, которым Тэвис велел Латеральной Алисе Мур давать от ворот поворот. Уэйн – самый востребованный Старший товарищ в ЭТА. Чтобы попасть к Уэйну, надо тянуть жребий.

Ламонт Чу и ТиПи Петерсон мечут в Ван Влека оптические молнии, пока Уэйн разворачивается, чтобы потянуть флексор бедра, и говорит, что сказал все, что хотел.

– Меня восхищает твоя смекалка, Тоддер, меня восхищает умудренный скептицизм этого пацана, хоть он здесь и не к месту. Короче, хоть у меня и сто пудов без шансов, так что мне уже со штанами по-любому отсюда не уйти, – говорит М. Пемулис в КО2, общежитие В, сидя на самом краю дивана над бежевым паласом, на котором на подушках, скрестив ноги, уселись его четыре мальчика; он продолжает: – В этот раз я могу вознаградить твой умудренный скептицизм, попробуем всего с двумя – смотри, короче, у меня только две карты, вот я их держу, по одной в каждой руке... – он осекается, хлопает себя по виску рукой с валетом. – Ой, о чем я думаю. Сначала же мы скинемся по пятюне.

Отис П. Господ прочищает горло:

– Анте.

– Или еще это называется «банк», – говорит Тодд Потлергетс, выкладывая свою пятерку на маленькую кучку.

– Хосподи-боже, хосподи-боже-мой, во что я тут влез с детьми, которые ботают, как крупные-ветераны из Джерси. Головой я, наверно, ушибся. А вообще че бы и нет, точняк? Ну че, Тодд, чувак, выбери одну из карт – у нас тут крестовый валет и дамочка пик, – и выбери... и вот я положу их рубашками вверх, кручу – верчу – запутать хочу, не тасую, а только верчу, так что они все время на виду, и ты с-л-е-е-е-е-е-д-и-и-и-и-и-шь за своей картой, кручу-верчу, и, типа, с тремя картами у меня был бы хоть какой-то шанс, что ты запутаешься, но с двумя-то? Всего лишь с двумя?

В КОЗ Тед Шахт со своим гигантским пластиценовым оральным демонстратором – огромным макетом челюстей, белые пластины зубов и неприлично розовые десны, – и с зубной нитью, натянутой между запястьями:

– Самое важное здесь, господа, это не сила или частота ротаций, с которыми вы удаляете микрочастицы зубной нитью, но сами движения, видите, мягкие пилящие движения, нежно вверх и вниз, по обоим бугоркам эмали, – демонстрируя на переднем коренном зубе размером с головы собравшихся детей – пластиценовая хрень для десен продавливается с мерзким сосущим звуком, глаза пятерых ребят Шахта либо стеклянные, либо приклеены к длинной стрелке их часов, – и вот самое главное, вот что немногие понимают: прямо до так называемой линии десен в базальных спадах с каждой стороны десенных холмов между зубами, вниз, где прячутся и размножаются самые пагубные частицы.

Трельч устроил прием в своей, Пемулиса и Шахта комнате в общежитии В, откинувшись сидя на свою и одну из подушек Шахта, – увлажнитель воздуха урчит, один из мальчишек держит наготове «Клинекс».

– Пацаны, я вам говорю про повторение. В начале, в конце, всегда. То есть слышать одни и те же мотивационные речи снова и снова до тех пор, пока повтор не наберет вес и не осядет в вашей подкорке. Делать одни и те же развороты, выпады и удары снова и снова и снова, в вашем возрасте, пацаны, это повторы ради повторов, забудьте о результатах, вот почему здесь никого не выгоняют до четырнадцати лет за медленный прогресс, это постоянно повторяющиеся движения ради этих самых движений, снова и снова, пока кумулятивный вес повторов не продавит их вглубь, в подсознание, до упора, через повторения они пропитают вашу прошивку, вашу киберфизическую систему. Станут вашим языком программирования. Автономичной системой, благодаря которой вы дышите и потеете. Когда вам говорят, что здесь вы Едите, Спите и

---

³⁷ Одно из первых и уважаемых спортивных агентств.

Дышите теннисом, – это не фигура речи. Автономная система. «Кумулятивный» значит накапливающийся, через чистые, бездумные, повторяющиеся движения. Язык программирования мышц. Пока не сможете играть не думая. Примерно в четырнадцать, плюс-минус, как им тут кажется. Просто делайте. Не думайте о том, есть ли в этом смысл, – конечно же нет. Смысл повторений в том, что в них нет смысла. Дайте срок, они пропитают вашу прошивку и вы сами увидите, как это очистит голову. Полбашки освободится от механик, которые будут уже не нужны, потому что пропитают вас. Теперь механика – ваша прошивка. И это очистит голову самым удивительнейшим образом. Вы только дайте срок. Теперь, играя, вы будете думать по-другому. Корт будет не только снаружи, но и внутри вас. Мяч перестанет быть мячом. Мяч станет тем, о чем вы просто знаете, что он должен быть в полете и вращаться. Вот тогда вас начнут натаскивать по концентрации. Сейчас, конечно же, вам приходится концентрироваться, у вас нет выбора, ведь концентрация еще не прошита в ваш язык программирования, вот вам и приходится думать о концентрации каждый раз. Но подождите до четырнадцати или пятнадцати. Тогда они решат, что вы достигли одного из как бы критических плато. В пятнадцать максимум. И вот тогда начинается хрень с концентрацией и характером. Тогда вас реально начинают гонять. Это критическое плато, где важен характер. Фокус, самосознание, беспокойная башка, кудахтающие голоса, проблемы с дыханием, страх против нестраха, самопрезентация, сомнения, заминки, маленькие вредные нервные человечки в голове, которые кудахтают про страхи и сомнения, бреши в ментальной броне. Все это начинает быть важным. Самое раннее – в тринадцать. Тренеры следят в диапазоне тринадцати-пятнадцати лет. Это также возраст инициации в некоторых культурах. Задумайтесь. Но до тех пор – повторения. До тех пор в их глазах вы – машины. Вы просто доводите игру до автоматизма. Задумайтесь над этой фразой: «доводите до автоматизма». Прошивая движения в свою материнскую плату. Вы, парни, даже не представляете, как вам пока легко.

Джеймс Албрехт Локли Сбит-младший из Оринды, Калифорния, предпочитает длинную встречу в формате вопрос-ответ под эмбиент на экране в КО8: расслабляющие виды приборя, рябь на прудах, поля кивающей пшеницы.

– Давайте еще два и закругляемся, droogi мои.

– Вот, скажем, конец уже близко, а оппонент начинает тебя обламывать. Мячи верные, а он говорит, что нет. И ты просто не можешь поверить в такое безобразие.

– Подразумевается, что играем без линейного судьи, да, Трауб? Вступает жутко голубоглазый Одерн Таллат-Кялпша:

– Это начальные раунды. Где дают только два мяча. Играете на доверии. И ни с того ни с сего он начинает обламывать. Такое бывает.

– Я знаю, что бывает, – говорит Трауб. – Так вот, неважно, обламывает он для того, чтоб победить, или просто чтоб нервы потрепать. Надо обламывать его в ответ? Око за око? Что делать?

– Играем на людях?

– Начальный раунд. Удаленный корт. Без свидетелей. Вы сами по себе. Можно обламывать в ответ?

– Нет, не обламываем в ответ. Веришь ему, не говоришь ни слова, улыбаешься. Если выиграешь, то вырастешь как человек.

– А если проиграешь?

– Если проиграешь, то перед следующим раундом втихаря сделаешь какую-нибудь гадость с его флягой для воды.

Некоторые ребята старательно кивают, записывают в блокноты. Сбит признанный тактик, очень формальный на свечках С. Т., и подопечные часто преклоняются перед его академичностью и отстраненностью.

– Гадости, которые можно провернуть с флягой соперника, мы обсудим в пятницу, – говорит Сбит, глядя на часы.

Руку поднимает Карл Кит, тринадцатилетний мальчишка с жесточайшим косоглазием. Кивок Сбита.

– А что, если надо перднуть?

– Серьезно, Моби?

– Джим, сэр, например, играешь там, и внезапно хочется перднуть. Причем чувствуешь, что это будет горячий мерзкий пердеж. Пердеж под давлением.

– Я представил.

Мальчишки обмениваются понимающим бормотанием и взглядами. Очень энергично кивает Джош Гопник. Сбит стоит навтыжку справа от экрана, руки за спиной – похож на оксфордского знатока.

– В смысле, приперло, аж глаза на лоб лезут, – Кит быстро озирается. – Но вполне возможно, что это так хочется в туалет, а маскируется оно под пердеж.

Теперь в комнате кивают пять голов, страдальчески, умоляюще: явно наболевший вопрос для до-14. Сбит изучает кутикулы.

– То, о чем ты говоришь, Моби, называется дефекация. Просто сходи в туалет.

Гопник поднимает голову.

– Карл имеет в виду такой вид пердежа, когда не знаешь, что делать. Вот если кажется, что хочется просто перднуть, а на самом деле хочется посрать?

– Когда в спортивной обстановке, а не в обстановке, когда можно терпеть и надеяться на лучшее.

– Поэтому из соображений предосторожности этого не делаешь, – говорит Гопник.

– ...не пердишь, – говорит Филип Трауб.

– Но тогда, получается, сдерживаешь срочный пердеж, и бегаешь, и играешь с соперником, пока внутри тебя гуляет горячий вонючий неприятный пердеж.

Двумя этажами ниже – Орто Стайс и его выводок: в библиотечном кружке мягких кресел и ламп в теплом холле перед главным входом в общежитие В:

– И грит он, он грит, что для него эт не прост теннис, майн киндер. «Майн киндер, ну, эт для меня как семья». И смотрит мне прям в глаза и грит, что, дескать, дело в том, чтоб найти в се то, об чем ты и не подозревал, и просто-таки там поселиться. И единственный способ пробраться вглубь ся – эт жертва. Страдания. Аскеза. То, че ты готов отдать. Сами эт будете слухать, если заслужите честь с ним поговорить. Вызвать могут в любую минуту: пришло время поговорить как мущина с мущиной. Сами услышите, как он эт повторяет опеть и опеть. Чем ты должен пожертвовать. С чем готов расстаца. Вижу, ты малец струхнул, Вагенкнехт. Страшно? – да вы сможете уголь в бриллианты своими розовенькими задами сжимать, во как страшно. Дело великая. Прям в лицо все выскажет. Дисциплина, и жертвы, и преданность чему-то большему, чем ваше личное. Он скажет про Америку. Он скажет про патриотизм, даж не удивляйтесь. Он скажет, что патриотическая игра – дорога к эт самому. Он сам не американец, но скажу вам напрямик – из-за него я горжусь, что я американец. Майн киндер. Он скажет, как научиться быть хорошим американцем во времена, ребзя, когда Америка сама на ся не похожа. – Долгая пауза. Входная дверь новее, чем ее облицовка. – Да я за старика стеклопластик жрать буду.

Единственная причина, почему Младшие товарищи в K08 слышат короткую овацию из холла, – Сбит не стесняется пауз и молча размышляет столько, сколько нужно. Для детей паузы означают чувство собственного достоинства, благородство духа и бездонную глубину человека, который провел девять лет в трех разных академиях, и который бреется ежедневно. Он медленно выдыхает, сложив губы трубочкой, глядя на гильошированный край потолка.

– Знаешь, Моби, если б такое случилось со мной, я бы все снес.

– В смысле, перднул бы несмотря ни на что?

– *A la contraire*.³⁸ Я бы снес все неудобства и держал бы пердеж в себе весь день, если надо. У меня есть железное правило: во время игры моя задница – скала. Из нее не сбежит ни ворчун, ни шептун. Если придется играть согнувшись пополам – буду играть согнувшись пополам. Иду на неудобство во имя достойной осторожности, и когда дело становится совсем плохо, я смотрю в небо между розыгрышами и говорю: «Спасибо, Сэр, можно еще немного? Спасибо, Сэр, можно еще?»

Гопник и Таллат-Кялпша записывают за Сбитом. Он заканчивает:

– Это если я хочу продержаться здесь дольше.

– Одна сторона десенного холма, затем через вершину и вниз, на другую сторону десенного холма – нужно выработать определенную сноровку в обращении с зубной нитью.

– Теперь серьезное испытание характера: махнем ли мы гейскими ручонками и бесхарактерно заползем в свои норы зализывать скулящие раны из-за какого-то жалкого случайного пробела во внимании, одного на сотню, или же закусим удила, расправим плечи, сощуримся и скажем: «Пемулис, – скажем мы, – Пемулис, удваиваем – ведь сегодня буквально все шансы почти безумно складываются в нашу пользу!»

– То есть они это специально? – спрашивает Бик. – Заставляют нас их ненавидеть?

Пределы и ритуалы. Почти настало время ужина. Иногда миссис Кларк на кухне разрешает Марио позвенеть в треугольник стальным черпаком, пока сама откатывает двери в столовую. Обслуживающий персонал по правилам носит сеточки для волос и узкие перчатки типа акушерских. Хэл мог бы сплюнуть табак и сбегать в туннели, может, даже не слишком глубоко, не до самой насосной. И опоздать на ужин всего на двадцать минут. Абстрактно, отвлеченно он размышляет о пределах и ритуалах, слушает, как Блотт дает Бику *aperçu*³⁹. Как будто существует четкая линия, поддающаяся измерению разница между потребностью и просто сильным желанием. Чтобы сплюнуть в корзину, нужно сесть. У него ноет зуб с левой стороны.

---

³⁸ Наоборот (искаж. фр.).

³⁹ Краткий обзор или эскиз (фр.).

Первый и пока что единственный хотя бы отдаленно романтический опыт Марио Инканденцы

В середине октября ГВБВД Хэл пригласил Марио на прогулку после ужина, и они гуляли по территории ЭТА между Западными кортами и лесополосой у склона, Хэл – со своей сумкой с экипировкой. Марио чувствовал, что Хэлу хочется побыть одному, поэтому он (Марио) задумал сделать вид, что засмотрелся на какой-то узор из веток и листьев под ногами, и пропустить Хэла чуть дальше по тропе. Вся территория вдоль лесополосы и зарослей каких-то колючих кустарников, ерника и бог знает чего еще была засыпана опавшими листьями, уже высохшими, но еще не совсем потерявшими цвет. Листья под ногами. Марио как бы ковылял от дерева к дереву, останавливаясь у каждого ствола, чтобы передохнуть. Было около 19:00, еще не настоящие сумерки, но от заката осталась только кромка солнца над Ньютоном, и земля под длинными тенями остыла, и с угасающим светом по ЭТА разливалась какая-то меланхолическая грусть. Стоящие в шахматном порядке фонари вдоль дороги, впрочем, еще не зажглись.

Со стороны Восточного Ньютона ветер приносил чудесный запах незаконно сжигаемых листьев, смешанный с ароматами еды из турбин вентиляторов на задней стене столовой. В воздухе над мусорными баками у парковки зависли две чайки. Листья под ногами шуршали. По листьям Марио шел вот так: шурш, шурш, шурш, тишина; шурш, шурш, шурш, тишина.

Над головой просвистел снаряд «Эмпайр Вейст Дисплейсмент»⁴⁰, взмывая ввысь, мерцающая синим сигнальным огоньком.

Марио находился там, где лесополоса грыжей выдавалась к забору Западных кортов. Из чащи на краю холма вдруг донесся жуткий хруст, стон ломаемых кустов и сгибаемых веток ивы, и перед взором ничего не ожидавшего Марио возникла никто иная, как Крейсер Миллисента Кент, шестнадцатилетняя девушка из Монклера, штат Нью-Джерси, № 1 в команде А одиночного разряда среди девушек 16 лет. В ней что-то было, в основном – лишние килограммы. Левша с одноручным бэкхендом, подачу которой Донни Стотт любит замерять радаром-детектором и заносить в график. Марио несколько раз снимал Крейсер Миллисенту Кент для анализа тренерским составом. Они обмениваются сердечными «Привет». Миллисента – одна из немногих девушек в ЭТА, у которых видно вены на предплечьях, она же – причина соревнования на жим штанги лежа с бешеными ставками против Шахта, Фрира и Петрополиса Кана, которое организовал прошлой весной М. Пемулис: тогда она уделала Кана, Фрир даже отказался прийти, а Шахт все-таки победил, но снял перед ней шляпу. Сейчас Кент была на обязательной прогулке после ужина, предписанной тренерским составом для коррекции веса, сжимая теннисные мячи «Пенн 5» обеими руками, в трениках ЭТА и с огромным фиолетовым бантом, то ли примотанным скотчем, то ли приклеенным к пучку волос на макушке. Она сказала Марио, что увидела в чаще зарослей у края холма чертовски странную вещь. Прическа у нее была высокая и закругленная, словно в форме капсулы, похожая на папскую митру или шлем британского констебля. Марио сказал, что ее бант выглядит потрясающе, и какой сюрприз – столкнуться вот так, лицом к лицу, когда смеркается. Бриджет Бун говорила, что волосы Крейсера Миллисенты Кент выглядят, как ракета, поднимающаяся из шахты для запуска. Лучи от кромки закатного солнца прятались за вершиной прически Крейсера Миллисенты, которая (прическа, не Миллисента) казалась остеодно твердой и словно состояла из клубка плетенных гнезд, сетчатых волокон, напоминающих сухую губку из люффы, что она объяснила неудачной попыткой летнего домашнего перманента, из-за которого волосы и превратились в клубок сетчатых гнезд, который только сейчас начал хоть как-то распутываться, чтобы можно было

---

⁴⁰ Компания по перемещению отходов «Империя».

прикрепить хотя бы бант. Марио ответил, что, ну, бант ей очень идет, что тут еще скажешь. (Перед этим он не сказал буквально «когда смеркается»). К. М. К. сказала, что развлекалась, проторяя тропы сквозь колючие заросли миссис Инканденцы, которые та – когда еще выходила на улицу, – высадила, чтобы отвадить поденщиков срезать дорогу к ЭТА по склону, и наткнулась на телескопическую треногу «Хаски VI», новенькую, тускло поблескивающую серебром и торчащую на своих трех ногах посреди чащобы как ни в чем ни бывало. Без всяких видимых причин и без каких бы то ни было следов на земле или видимых доказательств того, что кто-то проторял здесь дорогу до Крейсера Миллисенты. Крейсер Миллисента рассовала теннисные мячи по карманам, взяла Марио за клешню и сказала идти за ней, вот сюда, и она быстро покажет, потому что интересно услышать его мнение и плюс заручиться свидетелем на момент, когда они вернутся и расскажут всем. Марио сказал, что у телескопического треножника «Хаски VI» есть цилиндрическая головка и спусковой тросик. Вслед за девушкой, поддерживающей его за руку одной рукой и прокладывающей путь сквозь кусты другой, он пробивался глубже в чащу, к краю холма. Свет сумерек теперь приобрел такой же оттенок, что и бант К. М. К. Она сказала, что готова поклясться, тренога была где-то здесь. Марио сказал, что его покойный папа брал не такой шикарный «Хаски IV», когда только начинал снимать артхаусные фильмы и все еще пользовался самодельными тележками, мешками с песком и галогеновыми лампами вместо дуговых прожекторов. Чирикали несколько разных видов и типов птиц.

Крейсер Миллисента Кент открыла Марио по секрету, что ей всегда казалось, у него самые длинные, мягкие и симпатичные ресницы из всех мальчиков на двух континентах – трех, если считать Австралию. Марио галантно поблагодарил, назвав ее «мэм» и стараясь симитировать южный акцент.

Крейсер Миллисента Кент сказала, что не может отличить старые следы от первой встречи с треногой в зарослях от их более поздних следов в поисках старых следов, и что она начинает беспокоиться, ведь уже темнеет и они, наверное, ничего не найдут, и значит, Марио не поверит, что она видела что-то настолько долбанутое, как поблескивающую серебром треногу, установленную без всякой причины хрен знает где.

Марио сказал, что Австралия – это континент, в этом он уверен. Ростом он доходил до подберья Крейсера Миллисенты.

Марио слышал в зарослях поблизости хруст, но был уверен, что это не Хэл, потому что Хэл, как правило, передвигался бесшумно, будь то в помещении или нет.

Крейсер Миллисента Кент сказала Марио, что, хоть она и общепризнанно отличный игрок с могучим стилем «срываться-к-сетке-и-нависать-над-ней-как-титан» в традиции силовой игры Бетти Стоув / Винус Уильяме и ее ждет почти безграничное будущее в Шоу, здесь, наедине с ним, ей хочется признаться, что она никогда особенно не любила теннис, что ее настоящая любовь и страсть – это современные ритмопластические танцы, к которым у нее, общепризнанно, не было естественной предрасположенности и талантов, но которые она любила, и в детстве проводила почти что все внетеннисное время, практикуясь в трико перед двойным зеркалом у себя дома в пригородном Монклере, Нью-Джерси, но что именно к теннису у нее был безграничный талант, эмоциональный стиль игры, и что именно благодаря теннису она получала предложения от элитных школ-интернатов, а ей отчаянно хотелось попасть в школу-интернат. Марио попросил ее вспомнить, какую именно треногу она видела: «Хаски VI» модели TL с рифлеными резиновыми наконечниками на ножках и цилиндрической головкой с возможностью поворота на 360° или же модели SL без рифленых резиновых наконечников и с возможностью поворота лишь на 180°, полукруг вместо полного круга. Миллисента призналась, что приняла стипендию ЭТА в возрасте девяти лет с одной лишь целью – сбежать от отца. Отца она называла Старик, и по тому, как звучало это слово, было ясно, что она произносит его с большой буквы. Ее мать ушла из дома, когда Миллисенте было всего пять, внезапно сбежала с мужчиной, присланным какой-то компанией «Кон-Эдисон», чтобы бесплатно

оценить энергоэффективность дома. Прошло уже шесть лет с тех пор, как она в последний раз видела Старика, но в ее памяти он остался трехметровым жирдяем – из-за его габаритов все зеркала и ванна в их доме были двойных размеров. Одна из старших сестер Миллисенты, которая всерьез увлекалась синхронным плаванием, забеременела и вышла замуж еще в школе, вскоре после ухода матери.

Все это время хруст и треск в зарослях выше по склону нарастал. Марио приходится нелегко на любой наклонной поверхности. На самой верхней ветке дерева сидит какая-то птица и молча смотрит на них. Внезапно Марио вспоминает анекдот, который однажды слышал от Майкла Пемулиса:

– Если двое людей поженятся в Западной Вирджинии, потом подкопят и переедут в Массачусетс, а потом решат развестись, какая самая большая проблема будет из-за развода?

К. М. К. говорит, что другая ее старшая сестра уже в пятнадцать ни с того ни с сего присоединилась к ледовому шоу «Айс Капады» и стала кем-то вроде подтанцовки, где главной творческой задачей было не врезаться в остальных, чтобы никто не упал, и не упасть самой.

– Развестись с сестрой, потому что в Западной Вирджинии, говорил Пемулис, много людей женятся на братьях и сестрах.

– Возьми меня за руку.

– Хотя он только шутил, конечно.

Свет к тому моменту был уже цвета пепла и клинкеров в гриле «Уэбер». Крейсер Миллисента Кент водила их сужающимися кругами. Потом, сказала она, где-то лет в восемь она пораньше пришла домой после тренировки в зале юниоров ТАСШ в Пассаике, Нью-Джерси, с нетерпением мечтая влезть в старое трико и заняться у себя в комнате всякими ритмопластическими танцами, но из-за неожиданного возвращения застала в своем трико отца. Которое, надо ли говорить, было ему не очень в пору. А его огромные голые ступни втиснулись в босоножки, которые оставила миссис Кент, когда в спешке покидала дом. Он сдвинул всю мебель в столовой к стене и дурачился перед огромным зеркалом в гротескно-маленьком, натянувшемся лиловом трико. Марио говорит, что лиловый очень к лицу Крейсера Миллисенты. Она говорит, что «дурачился» – самое верное и жуткое слово. Выделявал антраша и выкидывал коленца. И жеманничал. Промежность купальника выглядела как рогатка, так она натянулась. Он не слышал, как она вошла. Крейсер Миллисента спросила Марио, видел ли он когда-нибудь женский «инь-янь». Непристойная пестрая лохматая плоть вздувалась и выплескивалась поверх каждого сантиметра периметра трико, вспоминала она. Уже в свои восемь она была пышной девочкой, говорила она Марио, но Старик был в другой галактике измерений. Марио не знал, что сказать, и лишь повторял «Ешкин кот!» Пока Старик дурачился, его плоть колыхалась и сотрясалась. Отвратительно, сказала она. В подлесе и дебрях не было ни единого намека на «Хаски VI» или треногу любой другой модели. Миллисента буквально сказала «инь-янь». Но ее Старик был не просто трансвеститом-кроссдрессером, сказала она; оказалось, женская одежда обязательно должна принадлежать его родственнице. Ее всегда удивляло, сказала она, что купальники и пачки для фигурного катания ее сестер всегда выглядели такими криво мешковатыми и растянутыми, учитывая, что сестры сами носили далеко не анорексичные размеры. Старик не слышал, как она вошла, и продолжал дурачиться и скакать в жете еще несколько минут прежде, чем она не поймала его жеманный взгляд в зеркале. Вот когда она поняла, что пора оттуда бежать, сказала Миллисента. И именно в этот вечер ни с того ни с сего ей позвонила женщина из приемной комиссии старика Марио, сказала она. Словно это была судьба. Планида. Кисмет.

– Инь-янь, – подсказал Марио, кивая. Рука Крейсера Миллисенты была большой, горячей и по уровню сырости напоминала коврик в ванной, который использовали несколько раз подряд.

Средняя сестра много лет спустя сообщила К. М. К., что впервые подозрения насчет Старика возникли, когда их старшая сестра была еще совсем маленькой, и миссис Кент сшила ей специальный костюм из золотистого ламе с реквизитом в виде лука и стрелы, чтобы изображать Купидона на школьном праздновании Дня святого Валентина, и однажды детей отпустили пораньше с уроков на время срочного удаления асбеста и она неожиданно вернулась домой и застала Старика в подвальной игровой комнате в крылышках и безобразно раздутом подгузнике в позе с известной картины Тициана из крыла Высокого Возрождения музея Метрополитен, и миссис Кент долго не могла поверить увиденному и жила в отрицании до тех пор, пока из-за истерического припадка во время репетиции номера «Айс Капад» для выступления на День святого Валентина воспоминания не встали живо перед глазами и не разрушили отрицание, и психологи из отдела по оказанию помощи работникам «Айс Капад» не помогли ей с ними справиться.

В этот момент Крейсер Миллисента остановилась в неколючих зарослях, как выяснилось позже, токсикодендрона, и повернулась к Марио со странным блеском в том глазу, который не скрывала тень сосны, и ткнула большую голову Марио носом в область чуть ниже своих грудей, и сказала, что, должна признаться, ресницы Марио и его жилет с полицейским замком, на который он опирается, когда долго стоит на одном месте, давно уже сводят ее с ума от накачивающих чувств. Заметное и резкое падение температуры, которое почувствовал Марио, на самом деле произошло из-за того, что сексуальная стимуляция Крейсера Миллисенты Кент высасывала огромное количество энергии из окружающего их воздуха. Лицо Марио так вдавилось в торс Миллисенты, что ему пришлось перекосить рот влево, чтобы не задохнуться. Бант К. М. К. отцепился и спорхнул перед глазами Марио на землю, как спятивший гигантский лиловый мотылек. К. М. К. попыталась расстегнуть его вельветовые штаны, но ее остановила сложная система защелок и карабинов внизу жилета с липучкой и полицейским замком, который частично закрывал липучки штанов, и Марио попытался как-то так передвинуть рот, чтобы не только дышать, но и предупредить К. М. К., что он невероятно боится щекотки в области пупка и ниже. Где-то наверху и на востоке раздался голос Хэла, который звал Марио на средней громкости. Крейсер Миллисента сказала, что ее все происходящее между ними волнует еще сильнее, чем его. Действительно, звуки, с которыми Марио втягивал воздух перекошенным налево ртом, можно было спутать с тяжелым дыханием, вызванным сексуальной стимуляцией. Когда Крейсер Миллисента одной рукой обхватила его за плечо для упора, а вторую сунула под тугую жилет и дальше, в штаны и трусы, в поисках пениса, Марио стало так щекотно, что он не мог устоять на ногах, освободил лицо и засмеялся так громко и в таком высоком регистре, что Хэлу не составило никаких проблем выйти прямо на них, хотя его навигационные системы и барахлили после пятнадцати тайных минут в пахучем сосновом бору.

Позже Марио говорил, что все произошло так, как когда слово вертится на языке, но ты никак не можешь его вспомнить, а стоит тебе перестать пытаться, как оно само возникает в голове: когда они втроем поднимались вверх по склону к лесополосе на краю холма с единственной целью – вернуться в Админку самым прямым путем в темноте, они и наткнулись на кинематографическую треногу, тускло поблескивающий «Хаски» модели TL с рифлеными резиновыми наконечниками на ножках, окруженный, если честно, не такими уж высокими и густыми зарослями.

30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Стипли сказал:

– И сам выбор Бостона в качестве штаба, в конце концов, – который для нас в первую очередь значит место предположительного появления Развлечения.

Марат сделал жест человека, готового потратить время на глупые игры, если таково желание Стипли.

– Но также город Бостон США имеет логику. Ваш близлежащий город Выпуклости. Следует, близлежащий Квебека. На дистанции, как говорится вами, плевка, – когда бы он ни двигался, его кресло испускало скрип. Где-то между городом и ими самими продолжительно протрубил автомобильный клаксон. На дне пустыни становилось холоднее с течением минут; они это чувствовали. Марат возрадовался своей ветровке.

Стипли стряхнул с сигареты несколько пепла грубым жестом большого пальца, который еще не казался женственным.

– Но мы уже как-то не так уверены, что на просторе гуляют другие копии. А еще про это так называемое «анти»-Развлечение, которое режиссер фильма будто бы сделал, чтобы противодействовать смертельному эффекту: существует оно на самом деле оно или нет; вдруг это на самом деле какая-то ваша с FLQ[47] подстава – держите в рукаве козырь с анти-Развлечением, чтобы отыграть себе уступки. В качестве какого-то лекарства или антидота.

– Об антифильме, который антидот искусству Развлечения, мы не имеем доказательств, кроме безумности слухов.

Стипли прибег к приему технических собеседований, в котором притворяешься, будто занят малыми физическими делами личного ухода и гигиены, чтобы молчанием вынудить Марата распространиться подробностями. Огни города Тусон своими движениями и мерцанием образовывали шар света, подобный оным на потолке les salles de danser⁴¹ в Валь-д'Ор, Квебек. Жена Марата неторопливо умирала от рестеноза коронарного стента[48]. Он подумал: «Умирать дважды».

Марат сказал:

– И также почему тебя никогда не посылают в поле собой, Стипли? Это говоря о внешности. В прошедший раз ты был – какое слово я надеюсь сказать? – негром, почти целый год, нет?

Пожимание плеч американовых людей – всегда как будто подъятие тяжести.

– Гаитянцем, – сказал Стипли. – Я был гаитянцем. Наверное, какие-то там негроидные тенденции во внешности, – Марат слушал, как Стипли молчит. Американовый койот воет, скорее, как нервная собака. Клаксон автомобиля длился, казавшись в темноте внизу каким-то покинутым и отчего-то океанским. Женственная манера исследовать ногти – не мужественно загибать пальцы, сложенные поверх ладони, но поднимать весь тыл руки; Марат припомнил, что знал это с самого раннего возраста. Стипли поковыривал уголки уст, затем чередовал это с исследованием ногтей. Его паузы всегда были ловкими и взвешенными. Он был компетентный оперативник. Нашло еще холодного воздуха – странные волны сквозняков на утес со дна пустыни, порывы внезапного воздуха, как от переворота страниц фолианта. Его голые руки под безрукавным гротескным платьем обладали видом очищенной куры из-за озябшей и голой кожи. Марат не имел понятия, когда в ходе наступления ночи Стипли снял абсурдные очки, но решил, что конкретный момент этого не обладал значением для доклада каждого слова и жеста мсье Фортье. И вновь койот, и также иной в отдалении – возможно, в отклик. Вой был как

---

⁴¹ Танцплощадки (фр.).

домашняя собака под воздействием тока низкого напряжения. Мсье Фортье и мсье Брюйим, а также некоторые другие братья по колесам из Les Assassins верили, что Реми Марат – эйдетик, почти идеальный в воспоминании и подробности. Марат, которому были памятли случаи важнейших наблюдений, те, что он позже забыл вспомнить, знал, это неправда.

30 апреля – Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Не единожды также Марат называл в разговоре со Стипли США «Твоей застенной страной» или «Твоей замурованной страной»

* * *

Намасленный гуру в спандексе и топике сидит в позе лотоса. Ему где-то сорок. Он в полной позе лотоса на диспенсере для полотенец над блочным тренажером в качалке Энфилдской теннисной академии, Энфилд, Массачусетс. Его мускулы выпирают и лежат внахлест так, что он выглядит почти как ракообразное. Его голова блестит, волосы черны как смоль и уложены в экстравагантную каскадную стрижку. Его улыбка может продать что угодно. Никто не знает, откуда он взялся или почему ему позволили остаться, но он всегда там, в позе йога примерно в метре от резинового пола качалки. На его топе принт-шелкография «Трансцендентность»; сзади – надпись «Deus providebit»⁴² оранжевым сигнальным светом. Он всегда в одном и том же топе. Иногда меняется цвет леггинсов из спандекса.

Этот гуру живет за счет пота других. Буквально. На телесных выделениях, солях и жирных кислотах. Он всеми любимый блаженный. Один из неотъемлемых атрибутов ЭТА. Делаешь, например, несколько отжиманий, приседаний, наклонов, покрываешься качественным жарким шеллаком пота; затем, если разрешишь ему облизать руки и лоб, он поделится с тобой своей фитнес-гуру-мудростью. Долгое время его хитом было: «И сказал Господь: да не будет вес, что ты тянешь к себе, превышать твоего собственного веса». Этот его совет по поддержанию формы и предотвращению травм очень толковый, в этом солидарны все. Язык у него маленький и шершавый, но приятный, как у котенка. В этом нет ничего такого гейского и сексуального. Некоторые девочки тоже разрешают себя лизнуть. Он и мухи не обидит. Предположительно, он давний друг доктора Инканденцы, основателя академии.

Некоторые из новеньких считают его психом и хотят, чтобы его выгнали. «Что это за гуру такой – носит спандекс и живет за счет чьих-то выделений?» – жалуются они. «Бог знает, что он там делает, когда качалку закрывают на ночь», – говорят они.

Иногда новички, которых передергивает от одной мысли, что он будет их облизывать, приходят к блочному тренажеру и устанавливают на нем вес больше своего собственного. Гуру на диспенсере для полотенец только сидит и молча улыбается. Они садятся на корточки, корчатся и пытаются опустить планку вниз, но, типа, чу: перегруженная планка становится турником. И поднимаются они, их тела, навстречу той планке, которую пытались опустить. Каждый должен хоть раз в жизни заглянуть в глаза человеку, который чувствует, как его тянет к тому, что он сам хотел притянуть к себе. И мне нравится, что гуру в такие моменты не смеется над ними и даже не качает с мудрым видом головой на толстой коричневой шее. Он просто улыбается, помалкивает. Он как ребенок. Все, что он видит, тонет в нем без всплеска. Просто сидит там. Я хочу быть таким же. Тоже хочу молча сидеть и притягивать к себе жизнь, лоб за лбом. Вроде бы его зовут Лайл.

В тот день затусили и все такое ваш покойный слуга, Си и Бедный Тони. Утро аж глаза резало и нас чутка полоскало ну и в общем мы надыбали кэша разговеться с утра – спиздили с лотков уличной распродажи на Гарвардке кой какое барахло, там было тепло снег таял сыпался

---

⁴² Бог подаст (лат.).

с новесов, – и потом Бедный Тони типа такой увидел какого-то пожилого гражданина педрильного типа которого знал еще с Кейпа, и значит Бедный Тони такой подкатил к нему и прикинулся, что по типу предлагает взять за щеку за счет заведения, и мы кароч сели в тачилу этого гражданина и кароч нормуль так отмудохали и отжали у педрильного типа столько кэша, что с дурью будет на весь день нормуль, и кароч значит серьезно так отмудохали и Си хотел растереть карту педрилу прям там, чтоб надежно и все такое, и тачилу отогнать к одному понимающему пиздоглазому из Чайнатауна, с которым он корешился, но Бедный Тони весь такой белеет как говно и грит типа нихера, и начинает возникать, и мы просто бросили пидора в тачке у Мемориалки, ток челюсть поломали чутка чтоб сыра не зажевал, а Си заявил, что полюбэ отрежет ему одно ухо, а с Си хер поспоришь, и кароч отрезал кровищи было капец, и выкинул ухо в мусорку, и ваш покойный такой типа, ну и нахера, какая тут окончатая цель. Мусорка была где мусорки у «Пончиков Стива» на Эндфилдке. Мы метнулись назад в Брайтон Проджектс на точку и Рой Тони всегда сидел на своей лавочке на детской площадке до полудня, но теперь проснулись все нигеры на раене и тоже вышли на площадку, и стремно было, но нам уже надо было позарез и все такое, и всевки мы затарились полпачкой⁴³ у Роя Тони и потопали в библиотеку на Копли, где у нас баяны хранятся кароч, и зашли в мужской сортир, где уже с утра поюзанные баяны на полу валяются, и кароч засели в кабинку, и Си и ваш покойный начали бычить друг на друга кому три дозы, а кому две – у Бедного Тони мы пакет отжали, – и но теперь надо было надывать на ночь, и на завтра, завтра ж Рождесво и надо надывать заранее – это вечный бой, покой нам ток снится, упарываться это тяжкая работа без отпусков на Рождество. Это ебучая сука наркоманская жизнь и шлите на-хер, если вам скажут че другое. И мы кароч метнулись обратно на Гарвардку, однакож по прибытии Бедный Тони решил зависнуть на обед со своими гомиками в красной коже в «Луке & Стреле», и чесн признаться, я еще могу стерпеть педиков по одному, но в куче прям их сука ненавижу, уж блахдарю покойно, и мы с Си сказали нахуй это говно и отчалили на Централку, где уже дубак вдарил, и новесы опять замерзли и все такое, и снегом мело, и спиздили Найквил в аптеке «СиВиЭс Драг», где там пошли мыть проход с шваброй, сдвинули ею зеркало над проходом с Найквиллом наперебекрень и напиздил полную куртку Си Найквила, и упоролось Найквиллом, и отжали рюкзак у пиздоглазого поцыка студента на платформе на красной ветке, но там были ток книги да диски, а футляр для дисков из ебучего дешевого пластика, и все это кароч пака-пака в мусорку, но там же мы наткнулись на Кели Виной, которая работала на углу у мусорки рядом с видеосалоном «Чип-О Рекорде» на площади рядом с телепутерным центром, и она на трясах и тип базарит с Эквосом и еще чуваком, и Эквос такой, он такой, мол Стокли Темная Звезда ток что опять сдал анализы в Фенуэй и у него кароч СПИД нашли, и Лиловый такой, он такой, мол Темная Звезда сказал что если ему подыхать, то и пох, и ему пох если кто заразится от него через ширялово, и кароч фишка в том, чтоб не юзать баяны после Стокли Темной Звезды, не стрелять баяны у Стокли Темной Звезды, как тя ни штырит, даже если подыхаешь – ищи другой баян. А Си сказал, если тя штырит и ты надывал но сидишь без баянов то те ваще до жопы каким баяном ширяться, Темной Звезды или не Темной Звезды. У всей нашей банды есть и мозги, и свои личные баяны ток для нас, это ток у гашеных шлюх тип Кели и Лилового свой Босс, который отбирает у них кэш и выдает дозняк, и кроме него никто не может выдать им дозняк, и кароч он держит Кели на сухом пайке, чтоб ее ломало покруглосуточному, и симулирует ее вкалывать за двоих и все такое – нет ничо хуже сутера, и бостонские сутеры самые худшие, в 10 сука раз хуже чем сутер из Нью-Йорка, хотя в Ньюорке они ваще бисердечевые бя, ваш покойный во времена молодости торговал там жопой на площади Колумба как Темная Звизда Стокли, прежде чем отчалил в поисках луччей доли, и мы кароч постояли попиздели, но тип темнело уже и снег пошел рождесенский, и если б мы не зашибли бабла до 22:00, то нигеры Роя Тони были б уже бухие и

---

⁴³ Пачка героина – это 10 доз.

начали б наезжать и рога нам пообломали б и все такое, если мы пойдем за дозой после 22:00, а кому такое надо, такшто мы двинули по красной ветке до Гарвардки где студики иносранцы в барах, а Бедный Тони курил гаш с пидорами в «О Бон Пэн» и мы ему тип давай защемим студика в баре под Рождесво и надыбаем до 22:00, и мы кароч по льду от замершего расстаявшего снега поскользили в «Лук & Стрелу» на площади, с Бедным Тони и Сеструхой Лолой и Сьюзан Т. Крысой, которую я терпеть блять ненавижу, и там заставили Сьюзан Т. Крысу купить нам пивка и засели, но никто из студиков не уходил один чтоб защемить, зато был индивид престарелого типа, который полюбэ не студик, но кароч на бровях уже ваще от одних шотов, весь чуть не дрыхнул на стойке, собирался отчалить в поисках лучшей доли, и Бедный Тони грит такой Сеструхе Лоле чтоб шла себе – она иногда тусит с Бедным Тони, но когда без мокрухи, а когда в деле Си, без мокрухи никуда, – и Ваш покойный, я инфимирую Сьюзан Т. Крысу, что ей лучше бы тоже вдарить по съемам, и пожилой индивид отбывает из бара на бровях, аж по стеночке, при этом в годном и многовещающем пальто – видно, что при кэше, и тыкается как сраный крот сюда туда и все такое за окном «Лука & стрелы», с которого Си стер пар, и базарит с Сантаклаусом, который звенит колокольчиком и собирает пожертвования, а мы такие: Боже, это вечный бой – ждать и добывать, но потом в общем он потрещал с Сантаклаусом и, глядим, потом наконец намастырился по Массачушке на Центральную площадь на своих двоих, и Бедный Тони кароч обегает квартал по льду на своих шпильках и с этим его питоном из перьев на шее вокруг квартала, чтоб выйти ему навстречу, – Бедный Тони откуда-то всегда знает короткий путь через переулок с мусорками за «Бэй-Банком» на Шермана, а ваш покойный и Си догоняют пожилого индивида и мудохают, и Си раскрыл ему карточку по высшему разряду, и мы бросаем его в мусорном сугробе под мусоркой не в состоянии, чтоб сыр жрать, и Си опять хочет слить бензика из тачки на Массачушке, облить и поджечь старика, но у него на кармане было 400 с хуем баксов и тип пальто с меховым воротником и часы – ваще хороший улов, и Си даже не побрезгал снять с него ботинки, хоть он и не студик, но они не подошли и пака-пака в мусорку. И но в общем мы кароч отчалили в Брайтон Проджектс, но уже за 22:00, слишком поздно и Рой Тони уже забрал свою шпану и прикрыл бизнес, и при этом все равно на площадке как нигерская конвентилиция, с там стеклянными бонгами и вискарем «Краун Ройял» в лиловых мешках, и все такое на площадке, и если б они учуяли запах кэша, они б нас кучей отмудохали, они же сука как ночные зверюги со своими лиловыми мешками, разбодяженным герычем и крэком реди-роком⁴⁴ – одного огромного нигера в кепке «Патриотов» тип прихватило, он херак на освалът у качелей прямо перед нами, и никто из его такскать братков даже усом не пошевелил, так он и лежал, они как зверюги в ночи, и мы кароч дали оттуда по съемам побырому, и затеяли базар че дальше делать. И Бедный Тони хочет прост перейти рельсы до Энфилдки и прост затариться бодяжным герычем у Дельфины, где рогатки «Эмпайра» торчат, или еще, а че еще, а пойти к пидорам в «Пончиках Стива» и разведать, кто тут еще может подогреть братишек в Энфилде или Оллстоне и все такое, но у Дельфины не хмурый, а фуфло беспонтовое, слушок ходит, что это тупо манитол пополам с хинином, тогда уж можно сразу пургена с «Швепсом» купить, и Си въебал Бедному Тони леща – Си грит по красной докатить до Чайнатауна, но Бедный Тони сразу побелел как говно и грит мол в Чайнатауне в копеечку влетит и все такое, даже если типа оптом, доктор Ву берет 200 бачей, хотя канеш продукт чистейший, но у нас ток 400 с хуем, и Си аугментирует мол можем мы сука хоть раз на Рождесво покутить с высокклассной шнягой от Ву или нет, и Бедный Тони петушит, мол у нас бабла хватит и на нас, и на Сеструху Лолу, причем на все Рождесво, и можно будет залечь и забыть про вечный бой за дозу на Рождесво и еще два дня и больше после, если не просрём бабки в Сочейник в Чайнатауне, а потерпим, и план у него годный, но кто ваще помнит чтоб Си терпел, его всегда начинает ломать быстрее всех и все такое, и Си уже намастырился к Ву,

---

⁴⁴ Смесъ героина и кокаина.

у него уже трясы и сопли ручьом и все такое, и с Си хер поспоришь, и мы грим, что отчаливаем в Чайнатаун, и если Бедный Тони не хочет с нами, пусть кароч вдохнет на Гарвардке и не выдыхает, пока мы не вернемся, а мы уж ему подгоним, а Бедный Тони отвечает, что он мож и пидор хуесос, но не лох и не ебанько.

И кароч мы вместе отчаливаем и все такое с 400 бачами на кармане по рыжей ветке, и в общем в поезде какаято ебота началась и ваш покойный и Си чуть не трахнули там медсестру престарелого типа в белом халате и пальто, но не трахнули, а Бедный Тони сидит весь белый и на очке, задроченный, в поезде, играет со своей змеей в перьях и такой, он такой, мол он смутно припинает, что, мож быть, когда-то участвовал в какой-то сделке с доктором Ву, и мог чуть чуть перегнуть, и как бы наебать его, и мож быть в Чайнатауне нам лучше затихариться и поискать у кого б еще затариться кроме как у доктора Ву. Вот ток кроме Ву мы никого не знаем. Си знал Ву еще со времен, когда с пиздоглазыми ходил под Бледным Соркиным еще на Северном побережье, помолодому. С Си хер поспоришь. И в общем кароч мы выходим на рыжей ветке и берем такси с жирным таксистом, и в паре кварталов от «Игрушек Хунга» выскакиваем на светофоре, а самое чумовое в жирных таксистах то, что они за тобой не побегут, а уж смотреть как Бедный Тони летит на всех порах на шпильках и со своим пирнатым шарфом на шее – это ваще нештjak. Бедный Тони пробегает прямо мимо «Игрушек Хунга» – мы уже забились, что он будет ждать нас потихому дальше по улице – и ваш покойный и Си заходим в «Игрушки Хунга», где не открывают до 23:00 и продают чай такскать – типа сорокаградусный чай всю ночь и все такое, – и инспекция к ним не приезжает, потомушта доктор Ву дал на лапу чайнатаунским Органам. В Чайнатауне не празднуют Рождесво. Доктор Ву – что в этом Ву хорошо, так это что он в «Игрушках Хунга» всегда на месте. Здесь и там разношерстяные типы пиздоглазых женщин сидят в кабинках, едят лапшу и пьют такскать чай из белых чашек размером с рюмку и все такое. И еще маленькие пиздоглазые дети носятся на всех порах под ногами, и мужики в типа жидских шапочках и с жидкими бороденками прям из подбородков, но доктор Ву только средних лет и носит железные очки и галстук и по типу такой скорее как банкир у пиздоглазых, но он 100-процентный хладнокровный бизнесмен в плане пиздоглазого бизнеса, плюс у него связи и с ним лучше не выебываться и не наебывать, если мозги есть, и ваш покойный просто поверить не может, что Бедный Тони когда-то даже подумать мог, чтобы наебать Ву, которого он знает через Си, даже если по херне, и если он все же наебал Ву, Си grit что лично он ни сном не духом за такую тему. Канкретно с Ву знаком ток Си. С Бедным Тони мы забились, что он затихарится и ждет нас снаружи. Холод ниже 0, снег и он в своей кожаной весенней куртке с пирнатой херней на шее и в каштановом парике, который за шляпу не прокатит, отморожит себе все затихаренные яйца, а Си тут нацепил улыбку и сказал доктору Ву, что нам нужно три пачки, и доктор Ву улыбнулся в своей пиздоглазой манере и сказал, что жизнь торчка должно быть как никогда прикрасна, и Си заржал и сказал, что ваще великолепна, – Си с пиздоглазыми вот так ходит, он и базар держит, и все такое, – и он grit мы хотим затихариться на рождесенские праздники, и типа не отсвечивать, потомушта молу нас тут был инцидент, я изнасиловал медсестру престарелого типа в метро, и нас чуть Органы в метро не повязали, и добрый доктор Ву кивает в своей обычной услуживой манере подчиненного, как всегда с непиздоглазыми, с намито он вежливый, а со своими пиздоглазыми, мы видели, тот еще диктатер, со своими услуживыми пиздоглазыми, но с нами он типа весь «здрасьте-извольте-по-жалте» и все такое, и это приятно, но у него дорого, но всетки и приятно, но вот кароч Ву допивает свой такскать чай и уходит за шторы в задней части «Игрушек Хунга» – огромные яркакрасные шторы с лиловыми горами или холмами и облаками, и летающими змеями с кожными крыльями, – ваш покойный не прочь притырить себе одну такую шторку для личного пользования, – за которые, если ты не пиздоглазый и не кореш Ву, заходить нельзя, но когда Ву ее открывает нараспашонку и заходит, видно, что там прост еще больше пиздоглазых женщин, сидят на коробках с ерогрифами на пиздоглазом языке, жрут

опять свою лапшу из мисок прям в миллиметре от желтых карт и все такое. Пиздоглазые ток и делают, что лапшу жрут. Темная Звезда Стокли зовет их червееды, и пиздоглазые подчиненные шныряют туда сюда через штору, а Ву чего не видать дольше обыденного, и Си уже на трясках, психует, весь с причусвиями, и грит вашему покойному, мол блять а че если Бедный Тони реал наебал Ву и че если какойнить пиздоглазый засек Бедного Тони снаружи и как раз зашел за шторку доложить Ву, стучит на Бедного Тони и грит что мы с ним знаваемся, и я тоже сажусь на измену изза БТ и где ж там этот Ву за шторкой и все такое, пытаюсь улыбаться базарим так словно все норм, пьем этот их такскать чай, который как шнапс ток херовей и зеленый. И вот мы на измене, и наконец рисуется доктор Ву с услужливой улыбочкой и с восхитительными тремя пачками завернутыми в газету, которую хер прочтешь, но там фотки пиздоглазых випов в костюмах, и Ву садится – а Ву никогда не садится в кабинке с товаром, деловые люди так не делают, – и Ву ложит руки на наши пачки в газете, и улыбается и такой спрашивает Си, не видел ли он старого доброго Бедного Тони или Сьюзан Т. Крысу, ведь мы обычно с ними выходим надыбать, нитакли. Си грит что БТ ебанный голубой пидор хуесос и ваще сыроед, и мы с ним посрались и разбили карту в мясо и карты Сеструхи Лолы и Крысы тоже, и не тусуем с пидорами приблизитно с осеннего периода. Си истекает соплями ручьом и такой не принуждено улыбается, а доктор Ву смеется на сирдечевый манер и грит прикрасно, и наклоняется над нашим товаром и грит, если мы вдруг по случайному счечению обстановки увидим Бедного Тони или их обеих, то пожалста передать Бедному Тони привет и пожелать ему просцветания и тысчу благословений. И все такое. И мы забираем газету с товаром, а Ву – наш кэш, и мы очень вежливо выходим и, чесн признаюсь, ваш покойный хотел уже кинуть Бедного Тони и съебать из Чайнатауна побырому, но всечки мы пошли в сторону «Жемчужины Китая», и Бедный Тони там под фонарем, как бы нахохлился, стучит серыми зубами, жметя в тонком платье и куртке, типа затихарился, такой незаметный в красной куртке и на шпильках в окружении миллиона с хуем пиздоглазых услужливых Ву. И когда мы отчалили оттуда, так и не сказали ему, что Ву присаживался и спрашивал про него с Крысой и желал всяческого счастья, и мы отчаливаем по рыжей ветке к нашей вытяжке с горячим воздухом, где ховаемся по ночам, за библатекой за площадью Копли, и достаем баяны изза кирпичной кладки за кустом рядом с вытяжкой горячего воздуха в земле, где нычем баяны, и с интузиазмом вскрываем первую пачку, и варим, и замечаем, что Бедный Тони даже не ноет, когда ваш покойный и Си первые в очереди перетянули руки, потому как дурь надыбали мы, а Бедному Тони как обычно ждать, ток вот я замечаю, что он ваще не ноет, – обычно Бедный Тони чуток позарывается, и ваш покойный уж приучился его не замечать, но вот он не ноет, когда все на измене, а дозняк на руках, и замечаю, что он не принуждено глядит куда угодно, ток не на дозняк, и это необычайно, а Си уже ломает и на трясках, следит только, чтоб зажигалка не стухла на горячем воздухе и на ночном снегу, и, чесн вам признаться, ваш покойный прям похолодел изнутри, даж несмотря на горячий воздух из вытяжки, который дул изпод ног и трепал волосы и выздымал пирнатую змею Тони, ваш покойный прям весь похолодел изнутри от плохого причусвия, потомушта это вечный бой, и рано или позно устаешь думать и слушаешь уже ток вечную привычку да причусвия, и все такое, но, в общем, я ниче не сказал, но у меня было холодное причусвие изза Бедного Тони, который не ноет, а ток както не принуждено грит что надо поссать, и идет ссать, и от струи идет пар, пока он ссыт на куст спиной к нам, даже не оглядываясь с ынтересом или тип того, – никто не повернется спиной к дозе, особенно если там и на твою долю есть, тоже это все охренеть необычайно, но Си так ломало, что он ниче не видел дальше зажигалки. И в общем, чесн признаться, ваш покойный, чесн признаться, спецом пустил Си ширнуться первым пока сам еще варил, я варил необычайно медленно, чтоб растаявший снег кипятился в ложке подольше и все такое, давал зажигалке потухнуть и долго возился с ватой, а у Си трясы сильнее всех, он и варит быстрее всех, и все равно бы первым ширнулся. Потом, когда Си уже усоп, Бедный Тони потом признался как над душой, что еще осенью со Сьюзен Т.

Крысой помог одному вустерскому гомику набать Ву с подставным товаром. Вот почему все три наших дозы от Ву оказались фуфлом. Бодягой. Все началось насущно, как ток Си развязал ремень на руке и загрузился, и мы тутже все поняли – ваш покойный и БТ теорезировали, что это был «Драно»⁴⁵, из которого синие блески ебучие и все такое подоставали пиздоглазые услуживые, потомушта ифект у Си был как от «Драно» и все такое, – кароч, фуфло с ядом, и Си, как ток снял ремень с руки и загрузился начал орать дурным голосом на страшный манер и упал на землю и зассучил пятками по железной решетке вытяжки и схватился за горло, рвал самого себя руками на пиздецовый манер, и Бедный Тони побежал на шпильках побырому к Си, застегнул ширинку, затолкал в рот Си перьевого питона с шеи, чтобы заглушить дурные вопли на пожарный случай если бостонские Органы чухнут, а из носа и рта Си лезла кровь и кровавая жижа и залила все перья, – полюбэ «Драно» раз кровьюто, – и глаза у Си зверски выпуклись и он заплакал кровью на перья во рту и хотел схватиться за мою руку, но грабли Си ток дрыгались во все стороны и один глаз вдруг как выскочит из глазницы на карте Си, такой «хлоп», как когда пальцем щелкаешь об щеку, и с кровищей, жижей и синей ниткой на заде глаза выпадает на щеку и так и повис глядя на пидора Бедного Тони. И Си вдруг ярко поси-нел, прокусил охапку перьев и подох, и обосрался говном, да так, что горячий воздух изпод решетки задул прям в наши с Бедным Тони карты еще и вонь и капли говна и крови, и Бедный Тони отскочил назад обратно от Си и закрыл покрашенную карточку ладонями и смотрит на Си сквозь растыпыренные пальцы. А ваш покойный – пака-пака ремень с руки, это очивидно, и даже не думаю и не мечтаю, чтобы рискнуть другую дозу, потомушта откуда Ву знать, какую пачку мы сварим первой из трех, такшо он траванул наверняка все три, такшо я даже и не мечтаю, хотя ваш покойный уже на трясах и сопли ручьом, а у Ву теперь остался весь наш кэш на Рождесво. Это мож низмено, но мы бросили усохшее тело Си в мусорку у библиотеки, потомушта Органы с площади Копли знают, что вытяжка – это наше место, и если б мы оставили Си там, нас полюбэ закрыли бы, потому что мы с ним знавались, а потом абстяга в камере, но мусорка была пустая от мусора и голова Си ударилась о пустое донье с ебанутым стуком, и Бедный Тони плакал и ныл и такой, он такой, мол он не знал, что эта зверюга Ву такая залупамятная, и ой бедный усохший Си, и мол все, с него хватит, теперь он на герыч даже не усом не глянет и найдет норм работу, будет танцевать в клубе для педрильных типов в Фенуэе и все такое, слезы-сопли. А я ниче не сказал. В метро по дороге на площадь ваш покойный должен был решить, не растереть ли карту Бедного Тони из мсти за то, как он нарочито подставил Си ширнуться первым и готов был подставить вашего покойного ширнуться хотя все сука знал, или пойти на запах сыра и вернуться по рыжей к Ву и выklinчить с Ву настоящие дозы в обмен на то, на какой хате вписались Бедный Тони, Сьюзан Т. Крыса и Сеструха Лола и Эквос. Или хуле? Ваш покойный чуть не плакал. И ток когда Бедный Тони снял шпильки и попросил вашего покойного подсадить его в мусорку к туше Си, чтоб достать остатки пирнатого шарфа изо рта Си, ваш покойный пришел к окончатому выводу. Но рождесенским утром пиздоглазого Ву даже не было на месте перед шторой в «Игрушках Хунга», а потом Бедный Тони отчалил в поисках луччей доли и нажрался сыра на всех, а вашего покойного два дня ломало в коридоре под дверью квартиры моей мамашки, потомушта она из мсти не пускала, и ток потом, прежде чем ваш покойный отправился через три площади на лечение в Детокс чтоб надыбать хотя бы метродон и чтоб ваш покойный смог начать теоризировать о том, хуле делать дальше когда снова смогу стоять и ходить прямо.

---

⁴⁵ Средство для удаления засоров.

3 ноября ГВБВД

Хэл услышал, как звонит телефонная консоль, когда бросил сумку на пол и снимал с шеи ключ от комнаты. Сам телефон когда-то принадлежал Орину, и сквозь его футляр из прозрачного пластика было видно все телефонные внутренности.

– М-мяулю.

– Почему у меня всегда такое чувство, что я своим звонком отрываю тебя от процесса самоудовлетворения? – это был голос Орина. – Всегда так много гудков. К тому же ты всегда после этого какой-то запыхавшийся.

– После чего.

– В твоём голосе есть какая-то потная торопливость. Ты что же, один из 99 % подростков мужского пола, Хэлли?

Хэл не любил разговаривать по телефону после того, как тайком накурится в насосной. Даже если под рукой была вода или другая жидкость, чтобы смочить горло. Он не знал, почему. Просто ему было не по себе.

– Что-то ты больно бодрый, О.

– Мне ты можешь признаться. В этом нет стыда. Позволь сказать тебе, мальчик, я сам многие годы качал руку на этом холме.

Хэл подсчитал: более 60 % того, что он говорил Орину по телефону с тех пор, как брат с этой весны внезапно снова начал звонить, было ложью. Он не знал, почему ему так нравилось врать Орину по телефону. Он посмотрел на часы.

– Ты где?

– Дома. Прожаренный до хрустящей корочки. За окном +90.

– Речь идет о Фаренгейте, я полагаю.

– Этот город сделан из стекла и света. Окна – всегда как фары дальнего света, которые летят на тебя. В воздухе марево, словно бензин разлили.

– Итак, чем обязан?

– Иногда я ношу темные очки даже в помещении. Иногда на стадионе поднимаю руку, смотрю на нее, и, клянусь тебе, сквозь нее просвечивает. Как этот прикол, знаешь, когда светишь фонариком в ладонь.

– Руки, как я посмотрю, сквозная тема нашего сегодняшнего разговора.

– По дороге с парковки на улице я видел, как пешеход в пробковом шлеме споткнулся, как бы схватился за воздух, а потом рухнул ничком. Еще одного финикийца срубила жара, подумал я.

Хэлу вдруг пришло в голову, что, хотя он врал о незначительных деталях в телефонных разговорах с Орином, ему никогда не приходило в голову, что брат мог поступать так же. Это спровоцировало припадок заикленного мариахуанового мышления, который – опять – быстро привел Хэла к сомнению в том, действительно ли он такой уж умный.

– До SAT⁴⁶ осталось шесть недель, и Пемулис как репетитор по математике все сильнее меня разочаровывает. Это к вопросу о том, чем я тут занимаюсь целыми днями.

– Когда он упал на тротуар, лицо у него зашипело. Как бекон на сковородке. Он там так и лежит, я из окна вижу. Он больше не двигается. Все его избегают, обходят. Кажется, даже если к нему прикоснуться – обожжешься. Мальчишка-латинос удрал с его шлемом. У вас там снег еще не пошел? Умоляю, опиши еще разок снег, Хэлли, для меня.

– Значит, ты проводишь дни, представляя, как я весь день мастурбирую. Ты это хочешь сказать?

---

⁴⁶ Scholastic Assessment Test, экзамен для выпускников школ, поступающих в вуз.

- Вообще-то я даже подумываю открыть в ЭТА целый ларек с «Клинексами».
- Это, конечно же, значит, что тебе придется общаться с Ч. Т. и Маман.
- Я и еще один дальновидный запасной квотербек наводили справки. Прощупывали почву. Оптовые скидки, статус предпочтительного поставщика. Можно заодно создать линию лубрикантов без запаха. Что думаешь?
- О.?
- Я сижу и даже скучаю по Новому Орлеану, малой. Скоро рождественский пост, там в это время лучше всего. Французский квартал в пост такой старомодный и мирный. И еще в пост там почему-то почти никогда не идет дождь. И все обязательно это прокомментируют, этот феномен.
- У тебя какой-то странный голос, О.
- Жара сводит с ума. Может, еще и обезвоживание. Я правильно сказал? И все вокруг бежевое и пыльное. В помойках раздуваются и спонтанно взрываются мешки с мусором. Такие внезапные дожди из кофейного и апельсинового жмыха. Мусорщикам на баржах приходится носить асбестовые перчатки. Еще я кое с кем познакомился. Возможно, с кем-то очень особенным, Хэлли.
- Ой-ой. Ужин. В Западном крыле звонит треугольник.
- Эй, но Хэлли? Погоди. Повиси еще. Шутки в сторону. Что вы все знаете о сепаратизме? Хэл на секунду замер.
- В смысле, в Канаде?
- А есть еще какой-то?

Реабилитационный пансионат пансионатного типа [49] для алкоголиков и наркоманов «Эннет-Хаус» был основан в Год Воппера суровым – настоящим материалом для гвоздей – хроническим наркоманом и алкоголиком, который провел большую часть сознательной жизни под надзором Массачусетского департамента исправительных учреждений, пока не открыл для себя общество Анонимных Алкоголиков в ИУМ-Уолпол и не пережил в тюремном душе на четвертый месяц трезвости неожиданный опыт полного смирения и духовного пробуждения. Этот реабилитировавшийся наркоман/алкоголик – в своей новообретенной скромности так дорожившей традицией анонимности АА, что отказывался пользоваться даже именем и был известен среди бостонских АА просто как Мужик, Который Не Пользуется Даже Именем, – в первый же год условно-досрочного открыл Эннет-Хаус, преисполнившись решимости передать другим хроническим наркоманам и алкоголикам то, что сам так легко обрел в общем душе.

Эннет-Хаус арендует бывшее врачебное общежитие в Энфилдском военно-морском больничном комплексе Управления по делам ветеранов Соединенных Штатов. В Эннет-Хаусе могут разместиться на девятимесячный период проживания и лечения 22 пациента мужского и женского пола.

Эннет-Хаус не только был основан, но и отремонтирован, обставлен и декорирован все тем же безымянным местным экс-мошенником из АА, который – т. к. трезвость автоматически не влечет немедленную святость – возглавлял отборные команды из торчков на ранней стадии реабилитации в полуночных налетах на местные склады мебели и товаров для дома.

Легендарный анонимный основатель был чрезвычайно суровым старым хрычом из бостонских АА, который страстно верил, что любой человек – и неважно, насколько широкий след слизи он за собой оставляет, – заслуживает того же шанса на трезвость через полное смирение, что выпал ему. Эта излишне суровая любовь⁴⁷ почти эксклюзивно присуща суровым старым бостонским хрычам [50]. Иногда он – основатель – в годы становления Хауса даже требовал от новоприбывших жильцов есть камни – т. е. буквально камни с земли, –

---

⁴⁷ Термин в сфере лечения зависимостей, обозначающий строгие меры ради благой цели.

чтобы продемонстрировать готовность пойти на что угодно ради дара трезвости. В конце концов Управление службы лечения наркотической зависимости Массачусетского департамента общественного здравоохранения потребовало искоренить эту практику.

«Эннет», кстати говоря, не было именем или какой-то его частью безымянного основателя Эннет-Хауса.

Каменная диета – ныне мрачная байка из местного мифотворчества, долженствующая иллюстрировать, как легко все достается нынешним жильцам Эннета, – возможно, была не такой уж долбанутой, как посчитали в Управлении СЛНЗ, т. к. многое из того, что деды из АА требуют от новичков терпеть и во что верить, кажется не менее долбанутым, чем лопать полевой шпат. Например, мучиться в трезвости так, что чувствуешь в глазных яблоках пульс; терпеть ломки такие, что пинешь на обоях шедевры в технике разбрызгивания каждый раз, когда берешь в руки чашку кофе; привыкнуть к тому, что отныне только формы жизни в уголках глаз будут отвлекать от голосов в голове, лопочущих со скоростью бензопилы; сидеть молча, пока какая-нибудь старушка в чулках, облепленных кошачьей шерстью, обрушивается на тебя с объятиями и велит составить список вещей, за которые ты сегодня благодарен: тут уж и гальку попросишь, что уж там.

Смерть безымянного основателя от кровоизлияния в мозг в возрасте шестидесяти восьми лет в год Простого-для-установки-Апгрейда для материнской-карты-с-миметичным-качеством-изображения-ТП-систем-«Инфернатрон»/«ИнтерЛейс» для дома, офиса, или мобильного варианта от ЮСИТЮ2007[51] осталась незамеченной за пределами сообщества бостонских АА.

**Из внутреннего имейл-меморандума САН-ННА22-3575634-22 через систему
Интерлейс, штаб оценщиков ущерба, «Страховые компании «Стейт
Фарм Инк.», 26 июня Года Молочных Продуктов из Сердца Америки**

ОТ: мюррейф@clmshqnn22.626INTCOM

КОМУ: пауэллдж/санчесм/пэррик@ clmshqnn22.626INTCOM

СООБЩЕНИЕ: чуваки, зацените. вот это я понимаю неудачный день ок. бостонский регион 22, эта весна, заявка на компенсацию, свидетели от нашего бостонского отдела заявляют, что заявитель был в состоянии алкогольного, а по отчету больницы промиллей в крови на 0.3+, так что выдохните – по 357-5 у нас все норм, но свидетели и представители CYD подтверждают основные факты ниже, вот только первая страница, зацените:

мюррейф@clmshqnn22.626INTCOM 626ГМПА0112317/стр. 1

Дуэйн Р. Глинн
176N 6-р Фанел
Стоунхем, Масс. 021808754/4
21 июня ГМПИСА

Отдел регистрации несчастных случаев на рабочем месте
State Farm Insurance
1 Стейт-фарм плаза
Нормал, Илл., 617062262/6

Добрый день,

Отвечаю на ваш запрос о дополнительной информации. В графе № 3 формы как причину несчастного случая я указал «пытался работать в одиночку». Вы в своем письме написали, чтобы я более подробно изложил происшедшее, и я полагаю, что нижеследующие детали будут исчерпывающими.

Я по профессии каменщик. В день несчастного случая, 27 марта, я работал в одиночку на крыше нового шестиэтажного здания. По завершению работы мною было обнаружено, что у меня осталось порядка 900 кг кирпича. Вместо того чтобы с трудом нести кирпич вниз вручную, я решил спустить его в бочке с помощью блока, который как нельзя кстати был приделан к стене здания на шестом этаже. Закрепив веревку на уровне земли, я поднялся на крышу и загрузил в бочку кирпич. Затем спустился и развязал веревку, держа ее крепко, чтобы обеспечить медленный спуск 900 кг кирпича. В графе № 11 формы отчета о несчастном случае указано, что сам я вешу 75 кг.

Из-за резкого рывка, заставшего меня врасплох и внезапно взнесшего меня в воздух, на меня нашло затмение и я забыл отпустить веревку. Само собой разумеется, меня на большой скорости понесло вверх. Поблизости от третьего этажа я встретился с опускающейся бочкой. Отсюда трещина в черепе и сломанная ключица.

Только слегка замедлившись, я продолжил быстрое вознесение, не останавливаясь, пока пальцы правой руки не попали по вторую фалангу в шкив. К счастью, к этому времени я избавился от затмения и сумел удержаться за веревку, несмотря на нестерпимую боль. Однако приблизительно в это же время бочка с кирпичом ударилась о землю, и от силы удара о землю у нее вылетело дно.

Лишившись веса кирпича, теперь бочка весила приблизительно 30 кг. Я еще раз ссылаюсь на графу № 11, где указан мой вес в 75 кг. Как вы можете себе представить, не выпуская веревки, я начал довольно быстрый спуск вниз. Поблизости от третьего этажа я встретился с поднимающейся бочкой. Так объясняются переломы лодыжек, порезы ног и нижней части тела.

Встреча с бочкой достаточно заметно замедлила мое падение, чтобы смягчить столкновение с землей, усеянной кирпичом. Однако, как ни жаль сообщать, когда я лежал на кирпиче в нестерпимой боли, не в силах подняться или пошевелиться и глядя на пустую бочку в шести этажах надо мной, на меня снова нашло затмение и я, к сожалению, выпустил веревку, вследствие чего бочка

конецпередINTCOM626

Самый ранний сохранившийся письменный комментарий Хэла Инканденцы на какую-либо хотя бы отдаленно кинематографическую тему, написанный в седьмом классе на курсе мистера Огилви «Введение в исследования интертейнмента» (2 семестра, обязательный), Энфилдская теннисная академия, 21 февраля Года Чудесной Курочки «Пердю», четыре года спустя после заката эфирного телевидения, год спустя после ухода из жизни д-ра Джеймса О. Инканденцы, полученная оценка – всего лишь 4/4+, несмотря на в целом положительный отзыв, – в основном в силу того, что заключительный ¶ сочинения, как указал Огилви, не согласовывался с предваряющим его текстом и не подкреплялся ничем, кроме субъективной интуиции и риторических приукрашиваний

Инспектор Стив Макгаррет из «Гавайи Пять-О» и капитан Фрэнк Фурилло из «Блюза Хилл-стрит» демонстрируют, как изменилось наше североамериканское представление о герое с «Гавайи Пять-О» 1970-х до э. с. до «Блюза Хилл-стрит» 1980-х до э. с.

Инспектор Стив Макгаррет – классический модернистский герой действия. Он действует. Такой он персонаж. Камера всегда следует за ним. Он редко оказывается вне кадра. У него одно дело в неделю. Зрители знают, в чем состоит дело, а также к концу первого акта – кто виновен. Поскольку зрители знают истину раньше Стива Макгаррета, в сериале нет интриги, есть только Стив Макгаррет. Драма «Гавайи Пять-О» – видеть героя в действии, видеть, как Стив Макгаррет рассказывает и расследует, уверенно приближаясь к истине. Уверенное приближение – суть того, что делает модернистский герой современного экшена.

Стива Макгаррета не тяготят административные хлопоты инспектора полиции штата, или женщины, или друзья, или эмоции, или любого рода конфликтующие задачи. На его арене деятельности нет отвлекающего мусора. Таким образом, инспектор Стив Макгаррет целеустремленно действует, чтобы сделать истину, которую зрители уже знают, предметом закона, правосудия, современного героизма.

В отличие от него капитан Фрэнк Фурилло – герой, которого было принято называть «пост»-модернистским. Другими словами, героем, чьи ценности отвечают более сложной и корпоративной эре Америки. Иначе говоря, герой реакции. Капитан Фрэнк Фурилло не расследует дела и не приближается целеустремленно к истине. Он управляет участком. Он бюрократ, и его героизм – бюрократический, с гениальным умением лавировать на замусоренных аренах. В каждой серии «Блюза Хилл-стрит» на капитана Фрэнка Фурилло с самого начала первого акта со всех сторон наваливаются мелкие неурядицы. Не одно, а целых одиннадцать сложных дел, каждое с подозреваемыми, стукачами, следователями, разъяренными лидерами общественных групп и семьями жертв, и все требуют удовлетворения их требований. Нужно поручить сотни задач, умаслить сотни эго, дать сотни обещаний, сдержать сотни обещаний из прошлых серий. Бытовые проблемы двух-трех офицеров. Выплата заработной платы. Журналы дежурств. Коррупция, которая искушает и терзает. Начальник полиции – политическая пародия, гиперактивный сын, бывшая жена, которая осаждает кабинку за матовым стеклом, где находится кабинет Фрэнка Фурилло (тогда как кабинет Стива Макгаррета из 1970-х до э. с. больше напоминает библиотеки поместного дворянства, за двумя тяжелыми дверями и отделанные роскошным тропическим дубом), плюс холодно привлекательная государственная защитница, которая хочет поговорить, зачитали ли Миранду такому-то задержанному на испанском и может ли Фрэнк не кончать так быстро, вчера ночью он опять кончил быстро, может, ему стоит обратиться к специалисту по стрессам. Плюс все еженедельные моральные

дилеммы и выборы, которые ставит перед капитаном Фрэнком Фурилло его беспристрастный бюрократический героизм.

Капитан Фрэнк Фурилло из «Блюза Хилл-стрит» – «пост»-модернистский герой, виртуоз приоритезации, компромисса и управления. Фрэнк Фурилло сохраняет здравомыслие, самообладание и превосходный внешний вид перед лицом отвлекающих, негероических задач, от которых бы инспектор Стив Макгаррет обмяк, спал с лица и жевал бы кулак в административном смятении.

Еще более от инспектора Стива Макгаррета капитан Фрэнк Фурилло отличается тем, что его редко снимают в центре мизансцены или с передних ракурсов. Обычно он только часть исступленного панорамирования камеры сериала. Напротив, операторы «Гавайи Пять-0» даже не пользовались тележкой, предпочитая твердые крупные планы лица Макгаррета со штатива, которые в наши дни больше напоминают романтический портрет, чем кинодраму.

Какой герой приходит на смену ирландизированному современному ковбою Макгаррету, одиночке действия, ведущему одинокое стадо в закат? Фурилло представляет совсем другой вид одиночества. «Пост»-модернистский герой был героическим членом стада, ответственным за все, в чем участвует, ответственным перед всеми, и его одинокое лицо безмятежно вопреки давлению, как коровья морда. Герой действия с прищуром («Гавайи Пять-0») становится героем реакции с кротким взглядом («Блюз Хилл-стрит», спустя десятилетие).

И, как мы до сих пор наблюдали на уроках, мы как североамериканский зритель с тех пор отдавали предпочтение стоическому, корпоративному герою реакционной честности – как некоторые утверждают, «запутавшемуся» в реакционной моральной неоднозначности «пост-» и «пост-пост»-модернистской культуры.

Но что нас ждет дальше? Какой североамериканский герой может надеяться превзойти безмятежного Фрэнка? Нас ждет, предсказываю я, герой не-действия, кататонический герой, более чем спокойный, далекий от любых раздражителей, которого таскает туда-сюда мускулистая массовка, чья кровь которой звенит от аминов ретроградства.

**Единственная мнимая статья гигантской «журналистки» «Елены»
Стипли с сыпью после электролиза, опубликованная до начала
мягкого профилирования пантера «Кардиналов» Феникса
Орина Дж. Инканденцы, и ее единственная мнимая статья,
имеющая хоть какое-то отношение к старой доброй метрополии
Бостона, 10 августа Года Впитывающего Белья для Взрослых
«Депенд», четыре года спустя после того, как теоретик от оптики,
предприниматель, академик тенниса и авангардный режиссер Джеймс
О. Инканденца покончил с собой, засунув голову в микроволновую печь**

Журналу «Момент» стало известно, что, увы, от взора североамериканской публики скрывали трагическую кончину второго североамериканского гражданина, ставшего обладателем внешнего искусственного сердца «Джарвик IX». Замена дефектного сердца на внешнее искусственное сердце «Джарвик IX» стала столь чудесным спасением для 46-летней бухгалтерши из Бостона с необратимым рестенозом сердца, что спустя уже несколько недель она была в состоянии вернуться к активному образу жизни, который вела до болезни, и следовать столь активному распорядку дня благодаря удивительному переносному протезу, установленному в стильную сумочку «Этьен Энье». Желудочковые вены вели к шунтам на ее руках и несли воды драгоценной крови между живым и активным телом и удивительным сердцем в сумочке.

Однако ее трагическая, безвременная и, как скажут некоторые, столь насмешливо-жесткая кончина стала жертвой столь знакомого нам заговора молчания, который замалчивает

ненужные трагедии, если те проливают страшный свет общественного мнения на толстокожее равнодушие представителей власти. Лишь неустанный поиск и бесстрашное журналистское упорство, за которые читатели уважают «Момент», и вывели трагические страшные обстоятельства ее кончины на чистую воду.

46-летняя реципиентка внешнего искусственного сердца «Джарвик IX» активно занималась шоппингом в Кембридже на фешенебельной Гарвардской площади Массачусетса, когда вор-трансвестит, наркоман с криминальным прошлым, столь хорошо известным представителям власти, причудливо облаченный в коктейльное платье без бретелек, шпильки, драненькое боа из перьев и рыжий парик, варварски вырвал жизненно необходимую сумочку из рук ничего не подозревающей женщины.

Активная умная женщина, не растерявшись, пустилась в погоню за «женщиной»-похитительницей, слезно умоляя прохожих словами: «Остановите ее! Она украла мое сердце!» – по фешенебельному тротуару, переполненному прохожими, по сообщениям свидетелей, без остановки крича: «Она украла мое сердце, остановите ее!» В ответ на ее слезные мольбы, как это ни трагично, столь неверно истолковавшие ситуацию прохожие отвечали лишь тем, что качали друг другу головой с понимающими улыбками, решив по неведению, что стали свидетелями краха очередных «альтернативных» отношений. Двое патрульных из Кембриджа, Массачусетс, имена которых скрыли от упорных поисков редакции «Момент», как сообщают свидетели, лишь пассивно отшутились: «Обычное дело», – когда жертва, спотыкаясь, бежала за ускользающим трансвеститом с украденным сердцем, тщетно взывая о помощи.

«Жертва преступления без протеза четыре квартала бежала за вором, пока не упала на пустую грудь, – это ли не доказательство тех уникальных возможностей, которые дарует процедура „Джарвик IX“», – прокомментировал анонимный источник в государственной медицинской сфере, к которому обратился за комментарием «Момент».

Даже черствая совесть одурманенного наркотиком похитителя сумочек, пассивно рассуждали осведомленные представители власти, не может не почувствовать укол совести, когда он обнаружит в сумочке «Энье» больной женщины жизнеспасительный протез, который работает на тех же перезаряжаемых батарейках, что и мужская электрическая бритва, и наверняка продолжал биться и истекать кровью еще немалое время после грубого срывания сумочки с шунтов. Однако ответом похитителя сумочек на угрызения совести стало варварское уничтожение внешнего искусственного сердца «Джарвик IX» камнем или тупым предметом вроде молотка, когда его останки были обнаружены спустя несколько часов за исторической Бостонской общественной библиотекой на фешенебельной площади Копли.

Неужели поразительные открытия медицинской науки всегда обречены сопровождаться подобными трагическим инцидентами невежества и толстокожей реакции? Похоже, именно так судят североамериканские представители власти по своему образу и подобию. Если так и есть, кончина жертв будет часто скрываться от света публичного знания.

А чем же окончилось дело? Некогда активный, умный мозг 46-летней скончавшейся женщины был извлечен и вскрыт спустя шесть недель студентом-медиком Женской городской бостонской больницы Бригхэма, которого, по сообщениям, так тронуло сухое сообщение о бессердечной кончине на ярлычке, висящем на пальце ноги жертвы, что он признался «Моменту» во временной потере способности физически работать пилой в ходе операции.

**Алфавитный перечень организаций separatisteur'ского/
антинонатовского толка, чья деятельность против Взаимозависимости/
Реконфигурации классифицирована КККП и ДНССША
как террористическая/вымогательская по своему характеру**

(К = квебекская, Э = экологическая, С = сепаратистская, Ж = жестокая, ЖЖ = крайне жестокая)

- Les Assassins des Fauteuils Rollents (К, С, ЖЖ)
- Le Bloc Quebecois (К, С, Э)
- Калгарийская проканадская фаланга (Э, Ж)
- Les Fils de Montcalm (К, Э)
- Les Fils de Papineau (К, С, Ж)
- Le Front de la Liberation de la Quebec (К, С, ЖЖ)
- Le Parti Quebecois (К, С, Э)

Почему – несмотря на то, что в первые годы существования подключенных к единой сети «ИнтерЛейс» телепьютеров, работавших на той же волоконно-цифровой системе, что и телефонные компании, нововведение видеозвонков (или «видефонии») пользовалось высокой популярностью – пользователи были в восторге от идеи общаться при помощи и аудио, и видео (маленькие видеофонные камеры первого поколения были слишком примитивные и с узкой апертурой, чтобы годиться для чего-то, кроме крупных планов лица) по телепьютерам первого поколения, которые в то время были практически обычными телевизорами, хотя, разумеется, с этой обязательной иконкой крошечного человечка «Искусственного интеллекта», который появлялся в нижнем правом углу во время эфирной/кабельной передачи и сообщал время и температуру на улице, или напоминал, что пора принять таблетки от давления, или предупреждал, что на каком-нибудь там канале, типа 491-го, скоро начнется исключительно интересное развлечение, или, понятно, сообщал о входящем видеозвонке, а затем плясал чечетку с символическими канотье и тросточкой под меню вариантов, – как же пользователи обожали эти иконки человечков, – но так да, почему в течение где-то 16 месяцев, или пяти финкварталов, взлетевший спрос на видеофонию внезапно рухнул, как карточный домик, да так, что к Году Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд» какие-либо видеоволоконные передатчики данных или сопутствующие продукты и услуги использовались при менее 10 % всех частных телефонных коммуникаций, и среднестатистический американский пользователь телефона все-таки предпочел ретроградный старый нетехнологичный голосовой телефонный разговор, как в эпоху Белла, – смена предпочтений, которая стоила немалому числу видеотелефонных предпринимателей последней рубашки, плюс дестабилизировала два крайне уважаемых паевых фонда, опиравшихся на видеофонную технологию, а также едва не стерла с лица земли пенсионный фонд «Фредди Мак» бюджетников Мэриленда – фонд, брат любовницы управляющего которого был предпринимателем, чуть ли не маниакально одержимым видеофонной технологией... И но, в общем, почему же потребители так резко оттекли к старой доброй голосовой телефонии?

Ответ, трехвалетно говоря, таков:

1. эмоциональный стресс,
2. переживания из-за внешнего вида,

3. некая странная саморазрушительная логика микроэкономики бытового хайтека.

1) Оказалось, что визуальные телефонные разговоры отчего-то вызывали ужасный стресс, которого не наблюдалось в голосовых разговорах. Пользователи видеофонии вдруг словно осознавали, что при конвенциональной голосовой телефонии они жили в обманчивой, но в целом чудесной иллюзии. Раньше они ее никогда и не замечали, иллюзию – она была как бы такая эмоционально сложная, что разглядеть ее стало возможно только в контексте утраты. Старые добрые традиционные аудиотелефоны оставляли место для предположений, что человек на другом конце провода слушает тебя с безраздельным вниманием, при этом позволяя не обращать вообще никакого, и тем более предельного, внимания на него. Традиционное акустическое общение – через трубку телефона, в наушнике которой было только 6 маленьких дырочек, а вот в микрофоне (неспроста, как выяснилось позднее) – 6^2 , или 36 маленьких дырочек, – позволяет войти в некую автострадно-гипнотическую фугу полувнимания: во время беседы можно оглядывать комнату, рисовать, прихорашиваться, ковырять заусенцы, сочинять хокку в телефонной книжке, помешивать в кастрюлях на плите; можно даже отдельно общаться с присутствующими в комнате на языке жестов и гримас и при этом якобы внимательно слушать голос в трубке. И все же – и это, ретроспективно, самый чудесный нюанс – хотя сам ты уделял внимание и телефонному звонку, и всяческим праздным фуговым пустякам, тебя никогда не угнетало подозрение, что собеседник на другом конце провода точно так же не уделяет все внимание только тебе. Например, во время традиционного звонка, пока, скажем, ты выполняешь близкий тактильный осмотр кожи подбородка на предмет дефектов, тебя ни разу не посещает мысль, что собеседник, возможно, также уделяет немалый процент внимания тактильному осмотру кожи на подбородке на предмет дефектов. Это была иллюзия, и иллюзия акустическая, и поддерживалась она акустически: голос с другого конца провода был компактным, сжатым и направленным прямо тебе в ухо, и оставлял место для заблуждения, что и внимание владельца голоса схожим образом сжато и сфокусировано... хотя твое-то внимание – нет, вот в чем дело. Эта двусторонняя иллюзия одностороннего внимания с эмоциональной точки зрения вызывала почти детскую радость: человек верил, что завладел чьим-то безраздельным вниманием без необходимости отвечать на него взаимностью. Если взглянуть в прошлое объективно, иллюзия кажется арациональной, почти буквально фантастической: это же как одновременно врать и доверять другим.

Видеотелефония рушила подобную фантазию. Теперь звонящие обнаружили, что им приходится изображать то же искреннее, слегка наигранное выражение внимания к слушателю, что и в личном общении. Те абоненты, кто поддавался бессознательной привычке фугоподобно рисовать или разглаживать складки на штанах, теперь выглядели невежливыми, рассеянными или по-детски заикленными на себе. Абоненты же, в еще большей бессознательности осматривавшие кожу на подбородке на предмет дефектов или исследовавшие носовые полости, видели ужас на видеолицах на другом конце провода. Все это и приводило к видеофонному стрессу.

Еще хуже, понятно, была травма сродни изгнанию из рая, когда очерчиваешь большой палец на странице в ежедневнике или лезешь рукой в штаны, поправляя положение своего старого доброго Блока, а потом поднимаешь взгляд и видишь, как твой видеофонный собеседник с интересом выковыривает шнурок из эглета, и вдруг осознаешь, что вся инфантильная фантазия, будто ты владеешь вниманием партнера, пока сам в состоянии фуги рисуешь и вносишь исправления в положения гениталий, была необоснованной иллюзией, и что ты владеешь чужим вниманием не больше, чем сам его обращаешь. В общем, все эти проблемы со вниманием – сплошной стресс, решили пользователи.

2) И видеофонный стресс был даже сильнее, если речь шла о хоть сколько-нибудь тщеславных людях. Т. е. о тех, кого волнует, как они выглядят. В глазах других. А если серьезно, то

кого не волнует? Старые добрые акустические телефонные звонки можно было совершать без всякого макияжа, парика, хирургических протезов и т. д. Да даже вообще без одежды, если уж у вас такие тараканы. Но те, кто заботится о внешнем виде, понятно, могли забыть о неформальном «отвечай-в-чем-есть» в случае визуальных видеовызовов, которые стали казаться абонентам похожими уже не на старый добрый телефонный звонок, а на звонок в дверь, когда, прежде чем открыть, приходится что-то набросить на себя, нацепить протезы и пригладить волосы перед зеркалом в прихожей.

Но последним гвоздем в гроб видеофонии стало то, как выглядели лица звонящих на ТП-экране во время звонков. Не лица звонящих им, а их собственные, стоило увидеть их на видео. В конце концов, включить функцию видеозаписи ТП, записать оба сигнала в двустороннем видеозвонке, проиграть звонок еще раз и посмотреть, как на самом деле выглядело твое лицо в глазах собеседника – дело трех кнопок. А удержаться от подобной проверки так же трудно, как от того, чтобы заглянуть в случайное зеркало. Но результат был практически универсально ужасающим. Людей ужасало, как выглядят их лица на ТП-экране. И дело не в одном только «ожирении диктора» – известном эффекте лишнего веса у лица на видео. Нет, еще хуже. Даже в передовых экранах ТП высокой четкости абоненты видели свои телефонные лица какими-то размытыми и влажными, видели какую-то блестяще-бледную неопределенность, которая казалась им не просто неприглядной, но и вороватой, коварной, ненадежной, неприятной. В раннем и зловещем опросе фокус-группы от «ИнтерЛейс»/G.T.E., на результаты которого в припадке предпринимательского НФ-технического ажиотажа все закрыли глаза, почти 60 % респондентов, получивших визуальный доступ к собственным лицам во время видеофонных звонков, особенно часто для описания своей внешности использовали слова «ненадежный», «неприятный» или «на любителя», а феноменально зловещие 71 % пожилых граждан конкретно сравнивали свои видеоллица с лицом Ричарда Никсона во время дебатов Никсона и Кеннеди в 1960-м до э. с.

Вариантом решения проблемы, которую психологические консультанты телекоммуникационной индустрии нарекли видеофизиогномической дисфорией (или ВФД), стал, понятно, расцвет Масок высокого разрешения; и, что интересно, именно те предприниматели, которые тяготели к видеофонной обработке изображения в HD, а потом откровенно перешли к производству масок, вышли из кратковременной видеофонной эры и с рубашками, и вдобавок с солидной дополнительной прибылью.

Если говорить о масках, первоначальную опцию Фотографической Обработки Изображения в HD – т. е. взять наиболее льстящие элементы из множества льстящих фотографий данного телефонного абонента с разных ракурсов и – благодаря существовавшим в те времена программам работы с изображениями, уже опробованным первооткрывателями из косметической и правоохранительной областей, – совместить их в крайне привлекательный вещательный лицевой коллаж высокой четкости с искренним, чуть наигранным выражением безраздельного внимания, – быстро вытеснила менее дорогая и экономящая байты опция (на основе все того же косметического и фбровского ПО) отлить улучшенное изображение лица на облегающей полибутиленовой маске, и скоро потребители обнаружили, что высокая цена перманентной маски для ношения благодаря чудодейственному эффекту на стресс и ВФД окупалась более чем, ну а удобные липучки для того, чтобы закреплять маску на затылке, и вовсе стоили копейки; и пару фискальных кварталов телефонные/кабельные компании укрепляли подточенную ВФД уверенность клиентов в себе, договорившись на сделку в формате горизонтальной интеграции, благодаря которой бесплатные услуги коллажа и маски шли в одном пакете с видеофонией. HD-маски обычно висели на маленьком крючке сбоку на телефонной консоли ТП, по общему признанию, с некоторым сюрреалистическим и нервирующим видом: отделенные от тела, пустые и сморщенные, – а в местах коллективного доступа, то есть в больших семьях или компаниях, имели место и потенциально неловкие конфузы из-за путаницы лич-

ностей при поспешном выборе не той пустой висящей маски из длинного ряда, – в целом маски поначалу казались жизнеспособным ответом индустрии на проблему внешнего вида, стресса и никсоновского эффекта.

(2 и, наверное, еще 3) Но теперь сложите естественный предпринимательский инстинкт всецело удовлетворять завышенные требования клиента с одной стороны с почти равно естественным искажением, с которым обычно себя видят люди, и тогда объяснится скорость полного выхода из-под контроля бума видеофонных HD-масок. Дело не только в том, что необычно трудно самостоятельно оценить, как ты выглядишь, хорошо или не ахти, – например, посмотри в зеркало и попробуй определить, где находишься в иерархии привлекательности, хотя бы приблизительно с той же объективной легкостью, с какой распределяешь практически всех остальных, хорошо они выглядят или не ахти, – но вдобавок оказалось, что инстинктивно искаженное самовосприятие потребителей плюс связанный с внешним видом стресс привели к тому, что потребители начали предпочитать, а затем уже открыто требовать видеофонные маски, которые реально выглядели куда лучше, чем они сами лично. Производители HD-масок, с радостью готовые предоставить не только правдоподобие, но и эстетические улучшения – волевые подбородки, мешки под глазами поменьше, замазанные шрамы и морщины, – скоро выбили из ниши рынка производителей изначальных миметичных масок. Во все более откровенной прогрессии всего за пару финкварталов большинство потребителей теперь пользовалось с видеофоном масками, настолько эстетически превосходящими их реальные лица в физическом разговоре, транслировали друг другу настолько ужасающе искаженные и улучшенные изображения себя, что наконец начал сказываться гигантский психосоциальный стресс и огромное количество абонентов вдруг вообще перестали покидать дома и общаться лично с людьми, ведь те, как они боялись, уже привыкли видеть по телефону их куда более красивые версии и при личной встрече испытуют (как диктовала их фобия) то же эстетическое разочарование и крушение иллюзий, какое, например, могут вызвать женщины, которые всегда носят макияж, у людей, которые вдруг увидят их без макияжа.

Социальные страхи, сопровождающие феномен, нареченный психоконсультантами оптимистически нерепрезентативной маскировкой (или ОНМ), верно прогрессировали на фоне того, как крошечные грубые видеофон-камеры первого поколения усовершенствовались и обзавелись апертурой пошире, и теперь крошечные передовые камеры могли отразить и транслировать изображения более-менее в полный рост. Некоторые психологически неразборчивые предприниматели вывели на рынок ростовые полибутиленовые и полиуритановые 20-тантамарески – примерно как безголовые «силач» или «красотка в душе» для дешевых фоток на пляже, за которыми встаешь и кладешь подбородок на картонную подставку, только эти ростовые видеофонные маски были гораздо более продвинутые и достоверные. А стоило добавить различные 20-гардеробы, опции для глаз и волос, различные эстетические добавки, сокращения и т. д., как цены уперлись в потолок рыночных возможностей, хотя именно тогда социальное давление вынуждало покупать лучшие из возможных 20-ростовых образов, чтобы не чувствовать себя по телефону сравнительно уродливым. Тут уж любой скажет, как мало времени пройдет до того, как неугомонный предпринимательский драйв к идеальной мышеловке воплотится в виде Транслируемой Заставки (она же ТЗ), которая, ретроспективно, кажется уже реально острым концом гвоздя в гроб видеофонии. С ТЗ в лицевых и ростовых масках отпала необходимость – их заменило видеотранслируемое изображение, по сути, отретушированной до упора фотографии, с невероятно подтянутым, привлекательным, со вкусом одетым человеком, напоминавшим звонящего только в таких ограниченных отношениях, как, например, раса или количество конечностей, а лицо на фотографии было со вниманием сосредоточено на видеофонной камере из глубины пышно – но не нарочито – обставленной комнаты, которая лучше всего отражавший образ, который тебе хотелось транслировать, и т. д.

Заставки представляли из себя просто готовые к трансляции фотографии с высоким разрешением примерно диаграммных пропорций, расположенные на пластмассовом кронштейне над зрчком видеофонной камеры, примерно как крышка для объектива. Чрезвычайно красивые, но не страшно успешные знаменитости из интертейнмента – те, которые в былые годы пополнили бы каст-листы на социальную рекламу – нашли себя на поприще моделирования для различных передовых Заставок видеофонов.

Поскольку Заставки были обычной и всегда готовой к трансляции фотографией вместо компьютерных обработок и улучшений, их можно было массово производить и назначать соразмерную цену, и, хотя недолго, Заставки помогали снизить напряжение между высокой стоимостью улучшенной ростовой маски и чудовищным эстетическим давлением видеофонии на абонентов, не говоря уже о создании множества рабочих мест для дизайнеров интерьеров, фотографов, ретушеров и знаменитостей уровня социалок, напуганных упадком эфирной теле-рекламы.

3) Но из графика более чем краткосрочной жизнеспособности инноваций в бытовых технологиях можно извлечь какой-то урок. Путь видеофонии идеально вписывается в классическую кольцевую форму этого графика: сперва в бытовых технологиях возникает великолепная, научно-фантастическая инновация – вроде перехода звонков из аудио в видео, – которая всегда, к сожалению, влечет для потребителя непредвиденные недостатки; и но потом ниши рынка, созданные этими недостатками, – вроде стрессового отторжения людей, переживающих из-за внешнего вида, из-за собственного видеофонного изображения, – гениально заполняют предприниматели с живым воображением; и все же именно преимущества этих гениальных компенсаций недостатков, кажется, слишком часто и подрывают изначальную высокотехнологическую инновацию, чем приводят к оттоку потребителей, замыканию графика и массовой потере рубашек опрометчивых инвесторов. В данном случае эволюция компенсаций стресса и проблем с внешним видом вызвала сперва отказ видеозвонящих от собственных лиц, затем от замаскированных и улучшенных до упора физических подобий, а в итоге вообще закрытие видеокамер и передачу с одного ТП на другое привлекательно стилизованной статической Заставки. А за этими диорамными крышками объектива и транслируемыми Заставками абоненты, понятно, обнаружили, что они вновь бесстрессово невидимы, беспроblemно ненакрашены, без париков и с мешками под глазами, за своими диорамами со знаменитостями как за каменной стеной, и снова свободны – т. к. снова незримы – рисовать, осматриваться на предмет дефектов кожи, делать маникюр, разглаживать штаны – пока привлекательное, наигранно внимательное лицо подходящей знаменитости с Заставки на другом конце провода убеждало с экрана, что они объекты концентрированного внимания, которое, в свою очередь, от них самих не требуется.

И но, понятно, все эти преимущества – не что иное, как некогда утраченные и вновь обретенные преимущества старой доброй слепой акустической телефонии эпохи Белла, с ее 6 и 6² дырочками. Разница была лишь в том, что еще по дорогим видеоволоконным линиям между ТП передавалась дурацкая нереальная стилизованная Заставка, влетающая в копеечку. После того как это осознание просочилось в умы потребителей и распространилось повсеместно (самое интересное, что в основном через телефон), тут уж любой микроэкономист сказал бы, как мало времени пройдет до неминуемого забвения передовой визуальной видеофонии, после чего возвращение к старой доброй телефонии последовало не только по указке здравого потребительского смысла, но и даже культурного одобрения в виде какой-то модной принципиальности: не луддизм, а некая ретроградная победа над НФ-хай-теком ради чистоты души, победа над рабством перед внешним видом и перед модой на хай-тек – рабством, которое люди находят друг в друге таким непривлекательным. Другими словами, возвращение к акустической телефонии стало в конце замкнувшейся кривой графика неким статусным символом антицеславия, так что только абоненты с недостатком самоосознания продолжали пользоваться

видеофонией и Заставками, не говоря уже о масках, и эти безвкусные любители факсимиле стали ироническими символами безвкусного тщеславного рабства перед пиаром корпораций и передовыми новинками – стали для эры спонсирования безвкусными эквивалентами людей в ярких костюмах, с картинами на черном бархате, свитерками для пуделей, электрическими циркониевыми браслетами, ЛингваСкрёбками «НоуКоут» и проч. Большинство же абонентов коммуникаций закинули Заставки-диорамы на антресоли и закрыли камеры стандартными черными крышечками для объектива, а на вешалки для масок на телефонных консолях вешали новые модные адресные и телефонные блокнотики со специальными колечками на переплетах для удобного вешания на бывших вешалках для масок. Но даже тогда, разумеется, масса американских потребителей неохотно покидала дом и телепьютер, чтобы общаться лично, – впрочем, стойкость этого феномена нельзя приписывать видеофонному бизику *per se*, да и все равно эта панагорафобия раскрыла предпринимателям новые огромные телепьютерные рынки для домашнего шоппинга и доставки, так что сильно индустрию не озаботила.

* * *

В наши химически смутные времена ведомство юниорского спорта Теннисной Ассоциации Организации Независимых Американских Наций четыре раза в год отправляет молодого токсиколога с пшеничными волосами, носом картошкой и синим блейзером ОНАНТА собирать образцы мочи у всех студентов всех аккредитованных теннисных академий с континентальным рейтингом выше 64 в его или ее возрастной категории. Юниорский теннис – это безобидное и безопасное развлечение, а не что-нибудь. Стоит октябрь Года Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд». Впечатляющий процент ребят из ЭТА – в топ-64 своих категорий. В день сдачи образца мочи юниоры выстраиваются в две длинные очереди, мужскую и женскую, что тянутся из раздевалки вверх по лестнице и раскидываются в вестибюле Админки ЭТА с пушистым ковром королевского синего цвета, деревянными панелями и рядами стеклянных витрин с призами и почетными табличками. Путь из середины очереди до туалета раздевалки нужного пола занимает где-то с час, а там молодой блондин-токсиколог или – на женской территории – медсестра, у которой квадратное лицо с каким-то раздвоенным лбом венчает резкий мысок челки, раздают пластиковые стаканчики с салатовой крышечкой и наклеенной полоской белой медицинской ленты с именем, месячным рейтингом, «15.10.ГВБВД» и «Энф. ТА», аккуратно напечатанными шрифтом в шесть пунктов.

В Энфилдской теннисной академии примерно четверть рейтинговых игроков старше, скажем, пятнадцати не могут пройти стандартное североамериканское сканирование мочи GC/MS[52]. Они, ночные клиенты семнадцатилетнего Майкла Пемулиса, четыре раза в год также становятся клиентами дневными. Чистая моча – десять долларов за куб. см с учетом инфляции, возможен торг.

– Покупайте мочу только у нас! – Пемулис и Тревор Аксфорд ежеквартально становятся монопольными поставщиками мочи; цепляют бумажные овальные пилотки, в каких ходят разносчики еды на стадионах; за три месяца до приезда токсиколога собирают и складывают мочу игроков младше десяти лет – бледную теплую мочу невинных детишек, которая производится тонкими струечками и может завалить сканирование G/M только там на какое-нибудь шоколадное молоко «Овалтин»; затем каждый третий месяц Пемулис и Аксфорд обрабатывают мужскую безнадзорную очередь, которая змеится по синему ковроу вестибюля, продавая визитные пузырьки мочи из старинного лотка для стадионных сосисок, купленного за бесценок у сосисочника из Фенуэй Парка, как-то раз вне сезона оказавшегося на мели: это старая коробка из мятой жести с ремнем цветов «Соке», который накидывается на шею, чтобы руки продавца оставались свободны для мелочи.

– Моча!

- Клинически стерильная моча!
- С пылу с жару!
- Нашу мочу нестыдно познакомить с родителями!

Тревор Аксфор отвечает за денежный поток. Пемулис раздает пузырьки детской мочи из-под «Визина» с коническим наконечником, которые легко спрятать под мышкой, в носке или трусах.

- Проблемы с мочой? Вам повезло!

Квартальные анализы продаж показывают небольшой перевес мужчин на рынке мочи. Завтра утром уборщики ЭТА – Кенкль и Брандт, или Дэйв («Как Низко») Пал, всеми обожаемый старик-уборщик, уволенный из Бостонского колледжа из-за приступов нарколепсии, – или ирландки с толстыми лодыжками из полуспальных районов у подножия холма за Содружкой, или еще угрюмые вороватые жилыцы Эннет-Хауса, «дома-на-полпути», в старом больничном комплексе Управления по делам ветеранов у подножия другой стороны холма, суровые и обычно угрюмые типы, отработывающие девять месяцев 32 часа в неделю разнорабочими по требованию их контракта на лечение, – вытряхнут несметные количества пустых пластмассовых визиновых пузырьков из мусорок общежитий в контейнеры за парковкой для сотрудников ЭТА, откуда Пемулис пошлет Марио Инканденцу или самых наивных из изначальных эфебов – доноров мочи их достать, стерилизовать и перепаковать под прикрытием веселой игры «Кто-сможет-найти-прокипятить-и-запаковать-больше-всего-пузырьков-из-под-Визина-за-три-часа-чтобы-ни-один-старший-не-узнал» – игры, которую Марио, когда Пемулис впервые объяснил правила три года назад, нашел положительно странной, но с тех пор подсел, т. к. обнаружил, что у него настоящее мистическое чутье на визиновые пузырьки в осадочных слоях забитых контейнеров и что он всегда опережает противников на несколько корпусов, а если ты бедный старый Марио Инканденца, то достижениям в зубы не смотришь. Т. Аксфорд затем нычет пузырьки, так что расходы на упаковку – нулевые. Сосисочный лоток они с Пемулисом прячут под старым парусом Ярмутского яхт-клуба в кузове подержанного тягача, на который скинулись с Хэлом, Джимом Сбитом и еще одним парнем, (тот уже выпустился из ЭТА и теперь играет за Пеппердайнский университет), оплатили ремонт и замену ржавой цепи с крюком, свисавших с наклонного крана, на новенькие блестящую цепь и толстый крюк – которыми на самом деле пользуются всего два раза в год, весной и под конец осени, для буксировки на короткие дистанции во время сборки и разборки всепогодного Легкого, плюс изредка чтобы подвезти во время действительно страшных буранов студенческую или преподавательскую машину с парализованным задним приводом вверх или вниз по долгой 70-градусной дороге, идущей по склону холма ЭТА, – и в целом отчистили от ржавчины и разукрасили в гордые красно-серые школьные цвета ЭТА, не забыв и про сложную геральдическую эмблему ОНАН – оскалившегося орла с метлой и банкой дезинфицирующего средства в одной лапе и кленовым листом в другой, с сомбреро на голове и как будто не доевшего усеянный звездами лоскут, – иронически нанеся ее на дверцу со стороны водителя, а старый добрый традиционный дотэвисовский девиз ЭТА «Te occidere possunt...» неиронически нанеся на пассажирскую, и в общем, тягач находится в их общем пользовании, хотя у Пемулиса и Аксфорда имеется небольшой приоритет, потому что регистрация и базовая автогражданка оплачивались из ежеквартальных прибылей с уринобизнеса.

Старший брат Хэла – который по распоряжению заведующего отделом студентов живет в комнате на двоих с Хэлом в общежитии А на третьем этаже Админки несмотря на то, что из-за физических ограничений не может играть даже в рекреационный теннис низкого уровня, зато чрезвычайно интересуется производством видео- и кинокартриджей и вносит посильный вклад в процветание ЭТА, записывал указанные моменты матчей, тренировки и сеансы последовательной отработки ударов для дальнейшего пересмотра и анализа Штиттом и тренерским составом, – в день сдачи мочи снимает собравшуюся в вестибюле очередь, социальные взаимо-

действия и торговые операции при помощи закрепленной ремнями на голове камеры, грудного полицейского замка и ножной педали – видимо, набирает материал для одного из своих странных короткометражных концептуальных картриджей с влиянием Самого, которыми администрация разрешает ему заниматься и развлекаться в помещениях для монтажа и спецэффектов покойного основателя в главном туннеле под Админкой; а Пемулис и Аксфорд не против съемок, и даже не прикрываются, поднося ладонь к виску, когда он поводит наголовным «Болексом» в их сторону, потому как знают, что материал не увидит никто и никогда, кроме самого Марио, и что по их просьбе он замажет или спрячет лица продавцов и покупателей под пестрящей системой квадратиков телесного цвета с помощью реконфигурирующей каше-панели в монтажной его покойного отца, т. к. замазка лиц все равно только усилит какой бы то ни было концептуальный эффект, которого обычно добивается Марио, хотя еще и потому, что Марио, как известно, обожает пестрящие квадраты кожного цвета и хватается за любую возможность примонтировать их на чьи-нибудь лица.

Между тем бизнесмены времени не теряют.

Майкл Пемулис, жилистый, весь острый, феноменально талантливый у сетки, но в игре против игрока со скоростью высокого уровня на два шага не успевающий до нее добежать, – зато в качестве компенсации настоящий мастер атакующих свечей, – стипендиат из Оллстона, что прямо неподалеку, мрачного края типовой застройки и пустых парковок, малоэтажных греческих и ирландских жилых комплексов, бессистемных гравийных сточных вод и нулевого коммунального хозяйства, разоряющейся легкой нефтехимической промышленности вдоль Отшиба, удаленной территории, районированной под расширение; как гласит старая энфилдско-брайтонская шутка: «Она сказала: „Поцелуй меня там, где пахнет“, вот я и повез ее в Оллстон», – где у него обнаружился талант к теннису во время игр в Клубе для мальчиков – в обрезанных шортах, без рубашки и с дешевой палкой с натянутыми в магазине струнами, на запущенных асфальтовых кортах, обдирающих желтые мячи, и с сетками из рабицы, оставшейся после ограждения Фини-парка, от которых мячи пружинили до самого шоссе. Теннисное юное дарование Внутренней городской программы развития в десять лет, принят на холм в одиннадцать, проживал с родителями, которые прежде всего желали знать, сколько ЭТА готова заплатить вперед за права на весь будущий потенциальный доход. Зубр в тренировках, но тугой клубок нервов на турнирах: о Пемулисе говорят, что он куда ниже в рейтинге, чем мог бы подняться, если б хоть чуточку постарался, ведь он не только лучший свечной снайпер в Эсхатоне[53] ЭТА, но и, по словам Штитта, «тот юнош, что действительно имеет бийт с лет». Пемулис, от домашней доэташной жизни которого кровь стынет в жилах, также торгует по мелочи наркотиками выдающегося действия по разумным ритейл-ценам, занимая большую часть общего рынка юниорского тура. Марио Инканденца – один из тех, кто не видел бы смысла в рекреационных наркотиках, даже если бы знал, что с ними делать. Просто не его это. Улыбка Марио под камерой «Болекс», притороченной к большой, но как будто какой-то усохшей голове, неизменно широка, пока он снимает змеистое движение очереди на фоне стеклянных витрин, полных трофеев.

У М. М. Пемулиса, второе имя которого Мэтью (sic), самый высокий показатель по Стенфорду-Бине из всех детей на академическом испытательном сроке за всю историю академии. Только самые доблестные усилия Хэла Инканденцы едва протолкнули Пемулиса через триаду обязательных грамматик[54] миссис И. и заушную «Литературу о дисциплине» Сомы Р. -Л. -О. Чаваф, и все потому, что у Пемулиса – сам он заявляет, что каждое третье слово видит вверх ногами, – обычная конгенитальная неусидчивость прирожденного технаря с сопутствующими загрязненностью и неэлегантностью вербальных систем. Его ранний теннисный дар перегорел и оказался довольно дилетантским, а настоящее призвание Пемулиса – математика и точные науки, и его стипендия – завидный грант по геометрической оптике Джеймса О. Инканденцы, который существует в единственном числе и который Пемулис умудряется каждый семестр

каким-то кортексным по степени своей невероятности чудом не потерять, а потому имеет санкционированный доступ ко всем объективам и оборудованию покойного ректора, кое-что из них оказалось весьма полезным в его предприятиях. Единственный, кто делит с ним оптикомонтажные лаборатории в главном туннеле, – Марио, и между ними наладилась та особая межличностная связь, какую могут вдохновить только общие интересы и взаимная выгода: если не Марио помогает Пемулису фабриковать плоды независимых оптических исследований, к которым М. П. не очень-то тянет, – вы бы видели мальчика с выпуклыми линзами, любит говаривать Аврил в присутствии Марио; он с ними как рыба в воде, – то Пемулис протягивает Марио – тот синефил, но не великий технический ум, – руку помощи в кинематографически-оптических экзерсисах, физике фокусного расстояния и отражающих соединениях – вы бы видели Пемулиса с кривой эмульсии, пресыщенно позевывающего в фуражке задом наперед и почесывающего подмышку, жонглирующего дифференциалами так, что ему бы впору пришлось протектор для кармана, укороченные вельветовые штаны-«потопы» и изоляция на дужках очков в роговой оправе, при этом успевающего походя спрашивать Марио, знает ли он, как назвать трех канадцев, которые сношаются на снегоходе. Марио и его брат Хэл считают Пемулиса добрым другом, хотя дружба в ЭТА не ходовая валюта.

Долгое время Хэл Инканденца позиционировал себя как лексическое дарование, а также – хотя Аврил устала объяснять всем трем детям, что ее нелицеприятные любовь и гордость нисколько не зависят от их достижений, поступков или потенциального таланта, – гордостью матери, плюс реально неплохим теннисистом. Теперь Хэлу Инканденце предлагается позиционировать себя как поздно раскрывшееся дарование и, возможно, гения тенниса, который на грани того, чтобы стать гордостью всех авторитетных фигур этого и прочих миров. На корте или в ежемесячной передовице ОНАНТА он великолепен как никогда. Кипуч. Он совершил, как говорит Штитт, «экспонентен скачок» в постпубертатном возрасте – когда радикальные, платосменные улучшения калибра Дж. – Уэйна-и-Шоу в теннисе необычайно редки. Свой стерильный образец мочи он получает безвозмездно, хотя легко может позволить себе заплатить: Пемулис полагается на него в вербально-академической плоскости и не любит долги, даже перед друзьями.

На 10.ГВБВД спортивно-организационные институты, облеченные властью распределять рейтинги, ex cathedra⁴⁸ считают Хэла, в семнадцать лет, четвертым лучшим игроком младше восемнадцати в Соединенных Штатах Америки и шестым на континенте. Голова Хэла под неусыпным наблюдением Делинта и тренерского состава считается по-прежнему холодной, сосредоточенной и не ослепленной/вскруженной внезапными шумихой и взлетом общих ожиданий. Если его спросить, как он все это выдерживает, Хэл ответит: «Нормально, спасибо, что интересуетесь».

Если Хэл оправдает эти неожиданно возникшие ожидания и попадет в Шоу, Марио останется единственным из детей Инканденц, кто не добился бешеного успеха на спортивном поприще. Никто из знакомых Марио не представляет, замечает он это вообще или нет.

Покойного отца Орина, Марио и Хэла почитали за гения в его изначальной профессии, при этом никто не подозревал, в чем он на самом деле оказался гением, даже он сам, по крайней мере при жизни, что, наверное, поистине трагично, но в то же время, как сказал бы Марио, абсолютно нормально – как сложилось, так сложилось.

Некоторые находят таких, как Марио Инканденца, раздражающими, а иногда откровенно считают психами, в каком-то важном смысле мертвыми внутри.

Отношения с людьми Майкл Пемулис строил на постулате, который гласил: миссис Пемулис простофиль не растила. На корте он носит малярское кепи, а иногда фуражку, развернутую на 180°, из-за недостаточно высокого рейтинга Пемулис не заслужил бесплатных

⁴⁸ Букв, «с кафедры» (лат.) – официальные выступления Папы.

предложений от производителей одежды, а потому играет в футболках с надписями типа «ПАУКИ-ВОЛКИ ОЛСТОНСКАЯ ШК.», «ЗАБОТЛИВЫЕ МАМЫ ВЫБИРАЮТ», «ДЬЯВОЛЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЛИЧЬЕ ТУР ГВБВД» или даже древней «ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ: ВЕРХОВНЫЙ СУД НАДРУГАЛСЯ НАД НАШИМ ФЛАГОМ!» Его лицо – такое колючее фенийское, с преобладающими бровями, какое встречается в ирландских Оллстоне и Брайтоне: подбородок и нос острые, а кожа – натального коричневого цвета зрелого ореха.

Майкл Пемулис – парень не дурак, и потому боится дилерского Брута – потенциального любителя сыра, крысы, прослушки, агента из Органов пубертатного вида, засланного выставить его дураком. Так что когда ему звонят на комнатный телефон, даже по видео, и хотят купить какое-либо вещество, от них требуется сразу выпалить: «Пожалуйста, соверши преступление», а Майкл Пемулис ответит с видом оскорбленной невинности: «Батюшки-светы и – святы, преступление?!», и покупателю надо уговаривать, прямо по телефону, и обещать, что он заплатит Майклу Пемулису, лишь бы тот совершил преступление, или, типа, что он каким-либо образом причинит вред Майклу Пемулису, если тот откажется совершить преступление, и Майкл Пемулис отчетливым, легко идентифицируемым голосом назначит встречу, чтобы встретиться со звонящим лицом к лицу и «вступить за свою честь и личное благополучие», так что если кто потом вкусит сыру или втайне получит доступ к частоте телефона – Пемулиса, чур, заманили в ловушку[55].

Если в очереди спрятать пузырек из-под «Визина» с мочой под мышку, то это также повышает его температуру до достоверной. У входа в мужской туалет токсиколог ОНАНТА эфебного вида редко даже отрывается от своего планшета, но вот квадратноликая медсестра с женской стороны может представлять проблему, потому что время от времени просит во время процедуры оставлять дверь кабинки открытой. Благодаря Джиму Сбиту, разобравшемуся с плагиатом из открытых источников, сжатым пересказом и ксерографией, Пемулис также предлагает – по разумной цене – вадемекумообразный памфлет, расписывающий некоторые методы борьбы с подобными непредвиденными обстоятельствами.

Зима 1960 г. до э. с. – Тусон, Аризона

Джим – не так, Джим. Нельзя так обращаться с дверью в гараж, так неуклюже сгибаться в талии и рвать за ручку, что дверь аж дергается, так дергано и сильно, и бить по своим лодыжкам и моим больным коленям, сынок. Попробуй поработать от своих здоровых коленей. Попробуй взяться мягкой рукой за ручку легонько, почувствуй ее слабую шершавость, потяни на себя настолько нежно, чтобы она раскрылась тебе навстречу. Поэкспериментируй, Джим. Попробуй, сколько силы тебе нужно, чтобы открывать дверь без усилий, чтобы она сама выкатывалась на невидимых намасленных роликах и блоках в паутинных балках потолка. Представь, что двери в гараж – смазанная дверца духовки с жареным мясом, представь, как изнутри пышет жар, горячий. Незачем, да и опасно дергать, рвать, толкать, давить. Вот твоя мама, сынок, – она рвет и давит. К телам вне своего она относится без должных уважения или заботы. Так и не поняла, что использовать предметы в ласковой, самой расслабленной манере – значит, использовать и их, и собственное тело с наибольшей эффективностью. Во всем виноват Марлон Брандо, Джим. В Калифорнии твоя мама, еще задолго до твоего рождения, задолго до того, как стала любящей матерью, многострадальной женой и кормилицей, сынок, твоя мама снималась в фильме с Марлоном Брандо. Ее звездный час. Надо было стоять в туфельках с цветными союзками, коротеньких носочках и с косичкой и зажимать уши, пока мимо всюду режут грохочущие мотоциклы. Пик актерской карьеры, уж поверь. Она была втайне влюблена в Марлона Брандо, сынок. Кто? Кто. Джим, Марлон Брандо – архетипический актер нового типа, который подкосил, похоже, отношения целых двух поколений с собственными телами, повседневными предметами и телами вокруг. Нет? Ну, вот именно из-за Брандо ты открываешь дверь именно так, Джимбо. Неуважение прививается и передается далее. По наследству. Ты узнаешь, кто такой Брандо, когда посмотришь, и научишься его бояться. Брандо, Джим, господи, Б-р-а-н-д-о. Брандо – новый архетипический тип крутого бунтаря и раздолбая, качается на задних ножках стула, задевает косяки, облакачивается на все подряд, доминирует над предметами, не проявляет ни искусного уважения, ни заботы, рвет все на себя, как капризное дитя, использует и грубо отшвыривает, промахивается мимо мусорного ведра, где оно так и валяется, не раскрыв потенциал. Чрезмерно неуклюжие порывистые движения и позы капризного ребенка. Твоя мама – из этого нового поколения, что движется против шерсти жизни, поперек кочек и барьеров. Может, она и любила Марлона Брандо, Джим, но совершенно не понимала, это-то и подкосило ее способности к каждодневным искусствам вроде духовок, дверей в гараж и даже простенького тенниса низкого уровня в парке. Видел когда-нибудь маму за духовкой? Это мясорубка, Джим, без слез не взглянешь, а несчастная дурочка думает, будто это дань расхлябанному раздолбаю, которого она любила, пока он ревел себе мимо. Джим, она так и не постигла в так называемом жестком, небрежном, непринужденном подходе этого человека к предметам ласковой и ловкой экономии. Как он – о, так очевидно – раз за разом репетировал качание на задних ногах стула. Как он изучал предметы наметанным взглядом плотника в поисках сильнейших и главнейших швов, что выдержат даже наироздолбайшее облакачивание. Она так и не... так и не заметила, что Марлон Брандо так ясно чувствовал свое тело, что ему не нужны были манеры. Ни разу не заметила, что в своем так называемом беспечном подходе он вообще-то на самом деле обращался с предметами так, будто они – часть его. Часть его тела. Мир, которым он как будто так просто швырялся, для него был разумным, чувствующим. И никто... и она так этого и не поняла. Вот вроде бы близок локоток, но да. Как ему можно завидовать? Может, уважать. Может, ревнивое уважение, но только слегка. Она так и не заметила, что Брандо на съемочных площадках обоих побережий играл в эквивалент качественного тенниса высокого уровня, Джим, вот в чем правда. Джим, он двигался как беспечный пескаррик, один сплошной мускул, мускульно наивный, но всегда – заметь – пескаррик в центре

чистого течения. Такая животная грация. Засранец не тратил зря ни единого движения, вот настоящее искусство – его брутальная беззаботность. Он как будто знал максиму теннисиста: касайся предметов с разумением, и они станут твоими; будут подчиняться тебе; для тебя они подвинутся, или встанут на месте, или подвинутся; откинутся, и раздвинут ножки, и раскроют самые сокровенные шовчики. Научат всем своим хитростям. Он знал то, что знали битники и что знают великие теннисисты, сынок: научись ничего не делать, и головой, и телом, и тогда за тебя будет работать все вокруг. Знаю, ты не понимаешь. Это пока. Узнаю этот выпученный взгляд. Отлично знаю, что это значит, сынок. Неважно. Поймешь. Джим, я свое знаю.

Джим, даю руку на отсечение, молодой человек. Ты станешь великим теннисистом. Я был почти великим. Ты будешь поистине великим. Будешь настоящей звездой. Знаю, я еще не учил тебя играть, знаю, что это твой первый раз, Джим, господи, расслабься, я все знаю. И все равно это не сбивает с толку мой провидческий дар. Ты затмишь и превзойдешь меня. Сегодня ты начнешь, но спустя совсем немного лет, отлично знаю, ты уже сумеешь меня одолеть, и в день, когда ты меня одолеешь впервые, я наверняка разрыдаюсь. Из бескорыстной гордости, ужасной радости отца, которого превзошел сын. Я чувствую это, Джим, даже сейчас, стоя на горячем гравии и глядя на тебя: в твоих глазах я вижу понимание угла, предвидение спина, в том, как ты удобнее устраиваешь свое крупное и на вид неуклюжее детское тело на стуле, чтобы окатиться на линии наилучшего приложения силы по отношению к тарелке, ложке, оптическому прибору, твердому переплету большой книги. У тебя это подсознательное. Ты сам не понимаешь. Но я наблюдаю, и пристально. Не думай, что не наблюдаю, сынок.

Ты станешь поэзией в движении, Джим, – размер, осанка, все. Пусть проблема с осанкой не скрывает от тебя твой истинный потенциал. Поверь мне на слово для разнообразия. Мастерство пересилит твою огромную голову, сынок. Ты научишься двигаться так же, как уже научился неподвижно сидеть. Жить в своем теле.

Это общественный гараж, сынок. А это наша дверь в гараж. Я знаю, что ты знаешь. Знаю, что ты видел ее уже много раз. А теперь... теперь увидь ее, Джим. Разгляди в ней тело. Тусклая ручка, защелка с косым ригелем, трупики жучков, прилипших, когда краска еще засыхала, и теперь торчащих бугорками. Вот трещины от нашего безжалостного солнца. Первоначальный цвет – тайна, покрытая мраком, мальчик мой. Углубления-квадраты – сколько, как сильно скошены по краям, – что считаются здесь украшением. Посчитай квадраты, что ли... попробуй обращаться с дверью ласково, как с женщиной, сынок. Поверни нажимную ручку по часовой стрелке одной рукой, вот так, и... Видимо, надо тянуть посильнее, Джим. Значит, еще сильнее. Дай-ка... вот как она этого хочет, Джим. Посмотри. Джим, тут мы держим «Меркьюри Монклер» 1956-го, ты его отлично знаешь. Этот «Монклер» весит 3900 фунтов, плюс-минус. У него восемь цилиндров, наклонное ветровое стекло и аэродинамические плавники, Джим, а максимальная скорость по хорошей дороге – 95 миль в час. Когда я впервые увидел этот «Монклер», то назвал его цвет дилеру красным цветом закушенной губы. Джим, это машина. Она исполнит то, для чего создана, и исполнит великолепно, но только когда ее стимулирует тот, кто посвятил себя ее шовчикам и хитростям, познал ее как тело. Стимулятор данного автомобиля обязан знать автомобиль, Джим, чувствовать его, быть внутри не одного только... салона. Это предмет, Джим, тело, но пусть тебя не обманывает то, как оно просто стоит себе, немое. Оно ответит. Если отдать ему должное. С искусной заботой. Это тело, и оно ответит смазанным мурлыканьем, стоит мне залить приличное масло, и размеркуются на целых 95 миль в час только для того водителя, что относится к ее телу как к своему, кто чувствует большое стальное тело, внутри которого он находится, кто, меняя передачу, тихо и неосознанно чувствует шишковатый пластик рукоятки передач у баранки, как чувствует кожу и плоть, мышцы, мускулы и кость, оплетенные серыми паутинами нервов, в своей накачанной кровью руке, как чувствует пластик и металл, диски и зубья, поршни, резину и шатун напоенного янтарным топливом «Монклера», меняя передачу. Телесно-красный цвет закушенной губы, мурчащий

на 80 с чем-то, как по шелку. Джим – за наше знание тел. За теннис высокого уровня на дороге жизни. Ах. Ох.

Сынок, тебе десять, и такие новости тяжело слышать в десять лет, даже если ты ростом почти пять футов одиннадцать дюймов⁴⁹, возможный гипофизный фрик. Сынок, ты тело, сынок. Этот быстрый научно одаренный разум, которым она так гордится и о котором не перестает щебетать: сынок, это просто нейронные спазмы, эти мысли в твоём разуме – лишь рев мотора в голове, а голова – это все то же тело, Джим. Зафиксируй это в памяти. Голова – это тело. Джим, держись-ка за мои плечи, чтобы тебя не ошеломили тяжелые для десяти лет новости: ты машина-тело-предмет, Джим, не меньше чем этот алый «Монклер», эта бухта шланга или вон те грабли для гравия на дворе, или, о господи боже, тот мерзкий жирный паук, висящий над рукояткой граблей, видишь? Видишь его? *Latrodectus mactans*, Джим. Вдова. Хватайте-ка ракетку, подойдите туда грациозной и прочувствованной походкой и прихлопните эту вдову, молодой человек. Вперед. Хрясь и все. Дай сдачи. Вот и молодец. За общественный гараж без пауков. Ах. Тела, тела повсюду. А теннисный мяч – предельное тело, паренек. Мы подходим к сути того, что я пытаюсь тебе передать, прежде чем мы выйдем и начнем воплощать твой ужасающий потенциал. Джим, теннисный мяч – предельное тело. Идеально круглый. Даже распределение массы. Но внутри – пустой, в высшей степени, вакуум. Восприимчивый к капризу, вращению, к силе – его можно использовать хорошо или худо. Он отражает твой характер. Сам он – бесхарактерный. Чистый потенциал. Присмотрись к мячику. Достань его из дешевой зеленой пластмассовой бельевой корзинки для старых мячиков, которые я храню рядом с пропановыми горелками и использую для тренировки подачи, Джимбо. Молодчина. Теперь посмотри на мячик. Взвесь его. Почувствуй вес. Вот, я... разорву мячик... напополам. Ух. Видишь? Ничего, кроме откачанного воздуха, пахнет как резиновый ад. Пустой. Чистый потенциал. Обрати внимание, как я рвал по шву. Это тело. Научись обращаться с ним с разумением, сынок, – можно даже сказать, с какой-то любовью, – и он раскроется для тебя, исполнит все как велено, будет в твоём распоряжении, словно ласковая любовница. Вот что есть у великих игроков со здоровыми телами, которые затмевают других, – они умеют – и не забывай о двери в гараж и духовке, – правильно касаться. Коснись мяча. Вот оно... вот оно, сразу видно, прикосновение игрока. И как было с мячиком, так будет и с вашим нескладным тощим сутулым телом, юный Джимбо. Даю руку на отсечение. Я еще посмотрю, как ты применишь сегодняшние уроки к себе как к физическому телу. Довольно ходить с головой, опущенной до груди под круглыми сутулыми плечами. Довольно спотыкаться. Довольно промахов мимо предметов, разбитых тарелок, снесенных абажуров, сутулых плеч и впалой груди, простейших предметов, что ускользают и сопротивляются твоим длинным тощим ручкам, мальчик. Представь, каково быть этим мячиком, Джим. Предельная телесность. Никакой ревушей головы. Полное присутствие. Абсолютный потенциал, потенциальным абсолютом засевавший в твоей большой бледной стройной девичьей ручке, такой юной, что на суставах больших пальцев еще нет морщин. Мои суставы морщинистые, Джим, можно даже сказать, заскорузлые. Приглядишься-ка к моему большому пальцу. Но я по-прежнему отношусь к нему как к родному. Отдаю должное. Не хочешь глотнуть, сынок? По-моему, ты уже достаточно подрос, чтобы попробовать. Нет? Nein? Урок номер один на сегодня: ты становишься – к лучшему или худшему, Джим, – мужчиной. Игроком. Телом в отношениях с другими телами. Кормчим за рулем твоего собственного судна. Машиной в призраке, как говорится. Ах. Десятилетний, ненормально высокий, в бабочке и очках с толстыми стеклами, гражданин ми... Я выпиваю, иногда, когда ничем не занят, чтобы было легче смириться с теми же болезненными фактами, которые пришло время передать тебе, сынок. Ты готов? Я рассказываю это, потому что тебе нужно знать все, что я хочу рассказать, если когда-нибудь

⁴⁹ Приблизительно 1,8 метра.

ты собираешься стать больше чем почти великим теннисистом высокого уровня, каким, я знаю, рано или поздно ты очень скоро станешь. Крепись. Сынок, приготовься. Это вели... великая печаль. Может, все-таки попробуешь, вот. Эта фляжка из серебра. Обращайся с должным уважением. Прочувствуй ее форму. Почти мягкое ощущение теплого серебра и опойкового чехла, покрывающего только половину ее округлой серебряной длины. Предмет, вознаграждающий обдуманное прикосновение. Чувствуешь скользкое тепло? Это кожное сало с моих пальцев. Моих, Джим, с моего тела. Не мою руку, сынок, ты почувствуй фляжку. Взвесь. Познай. Это предмет. Сосуд. Литровая фляжка, полная янтарной жидкости. Хотя, кажется, скорее наполовину полная. Правильно кажется. С фляжкой обращались с должной заботой. Ни разу не уронили, не били, не запихивали. Ни разу не проливали ни капли – ни единой – зря. Я обращаюсь с ней так, будто у нее есть чувства. Отдаю ей должное как телу. Отверни крышечку. Держи опойковый чехол в правой руке, а своей славной левой рукой почувствуй форму крышечки и, не спеша, ослабь. Сынок... сынок, отложи пока, что это, отложи свое «Руководство Колумбийского университета по коэффициентам преломления, 2-е изд.», сынок. Все равно на вид оно такое тяжеленное. Бумажная гиря. Не успеешь начать, а уже растянешь себе pronator teres и прочие сухожилия. Придется вам отложить книгу, для разнообразия, молодой человек Джимбо, даже не пытайся обращаться сразу с двумя предметами без заботы, без чуть ли не эпохи прилежных тренировок, с брандоподобным неува... и, так, нет, нельзя просто швырнуть книгу, сынок, нельзя просто, просто взять и швырнуть старое доброе «Руководство по коэффициентам» на пыльный пол гаража, чтобы поднялась квадратная туча пыли и перепачкала наши чистенькие белые спортивные носки еще до того, как мы вышли на корт, мальчик, господи, я же пять минут объяснял, что ключ к тому, чтобы стать хотя бы потенциальным игроком – обращаться с вещами так, чтобы... так, дай-ка сюда... нельзя швыряться книжками, как бутылками в мусорку, их располагают, руководят, с ощущениями на максимуме, чувствуя края, давление на подушечки пальцев обеих рук, когда сгибаешь колени, легкий шипящий сдвиг воздуха на пыльном полу... когда воздух с пола перемещается мягким квадратом, не поднимая пыли. Во-о-оттак. А не так. Понял меня? Понял? Ну, тогда больше так не делай. Сынок, больше, теперь, так не делай. Только не надо принимать это близко к сердцу, сынок, я же только хочу тебе помочь. Сынок, Джим, я ненавижу, когда ты так делаешь. Когда у тебя так дрожит старая добрая выпяченная нижняя губа, твой подбородок чуть ли не исчезает у бабочки. Ты как будто вовсе без подбородка, сынок, и толстогубый. А уж эта влажная пленка на верхней губе, как она блестит – не надо, просто не надо, это противно, сынок, ты же не хочешь, чтобы все думали, какой ты противный, надо научиться держать себя в руках перед лицом тяжелой правды, в такие моменты, а ну возьми себя, черт возьми, в руки, я же ради этого и трачу все утро, вместо того, чтобы репетировать, – хотя у меня не одно, а целых два жизненно важных прослушивания на носу, – чтобы показать тебе – планировал разрешить тебе отодвинуть сиденье поудобней и сесть за руль, потрогать рычаг передач и, может, даже... может, даже прокатиться на «Монклере», и уж знает бог, ноги у тебя достают, верно, Джимбо? Джим, эй, а давай покатаемся на «Монклере»? Может, будешь нас возить, начиная с сегодняшнего дня, на корты, где ты сегодня... вот, смотри, видишь, как я откручиваю? крышечку? мягкими, самыми краешками кончиков заскорузлых пальцев, которые могли бы и не трястись, но я держу в руках свой гнев из-за этих подбородка, губы, пленки соплей и как твои глаза стекленеют и выпучиваются, как у какого-то умственно отсталого, когда ты грозишь расплакаться, но только самыми что ни на есть кончиками пальцев, вот так, самыми чувствительными кончиками, омытыми в теплом сале, узорчатыми подушечками, я чувствую, как они поют нервами и кровью, когда я страгиваю ими... с места самую верхушку крышечки теплой серебряной фляжки, чуть ниже ее широкого конуса, туда, где, где скрываются ложбинки вокруг приподнятого кругового отверстия, пока вторая теплая поющая рука – я ласково поддерживаю кожаный футляр, чтобы чувствовать, как себя чувствует

вся фляжка, когда я веду... веду крышечку по ее серебряным ложбинкам, слышишь? прекрати и послушай, слышишь? звук скольжения по смазанной масляной машиной резьбе, смазанной с великой заботой, мягкая филигранная спираль, и всей рукой через подушечки пальцев не столько... не столько откручиваю, вот так, сколько веду, убеждаю, напоминаю телу серебряной крышечки, для чего оно создано, намащено, и серебряная крышечка знает, Джим, я знаю, ты знаешь, мы это уже проходили, положи книжку, мальчик, никуда она не денется, и вот серебряная крышечка покидает теплые резные губы отверстия фляжки с одним только звяком, слышал? этот неслышный звяк? не скрежет, не лязг или жесткий – не жесткий брутальный брандообразный скрежет попытки доминирования, но звяк, но... нюанс, вот, ах, ох, как «понк» хорошо отбитого мяча, который стоит раз услышать, как ни с чем не перепутаешь, Джим, ну давай, бери, что, пыли испугался, Джим, бери свою книжку, если опять собираешься выпучить глаза и спрятать подбородок, Господи Иисусе, в самом деле, и зачем я стараюсь, все стараюсь и стараюсь, только хотел продемонстрировать тебе духовку гаража и дать, может, поводить, почувствовать тело «Монклера», трачу время, чтобы ты отвез нас на корт на «Монклере» на нейтральной передаче, и чтобы слушались гуденье и звяк цилиндров, как здоровое сердце, и колеса идеально ложились на дорогу, и достать свою старую добрую верную корзину... корзину для белья с мячиками, ракетками, полотенцами и фляжкой, и сын мой, плоть моей плоти, бледная сутулая плоть моей плоти, который хотел начать взлет к – руку даю на отсечение – великой теннисной карьере, чтобы показать своему побитому забытому папаше на его место в углу, который хотел, может, хотя бы раз побыть настоящим мальчиком и научиться играть, и развлекаться, и резвиться, и играть на жарящем без устали солнце, которым этот гребаный город так славится, наслаждаться сколько может, потому что мама тебе уже сказала, что мы переезжаем? Что мы наконец возвращаемся этой весной в Калифорнию? Мы переезжаем, сынок, я даю последний шанс этому зову пленочной сирены, последняя попытка мужчины, которую заслуживают остатки его угасающего таланта, Джим, мы снова в деле, наконец-то, впервые с тех пор, как она объявила, что ждет тебя, Джим, мы отправляемся в путь-дорогу навстречу киноплёнке, так что прощайся с этой школой и своим трепетным мотыльком – учителем физики, и своими сутулыми друзьями без подбородков и с логарифмическими, нет, погоди, так, я не в этом смысле, в смысле, я хотел сказать сейчас, загодя, мы с твоей мамой, чтобы дать тебе фору, чтобы на этот раз ты обвыкся, потому что в прошлый раз – о, как ты немногосмысленно дал понять, как тебя расстроил наш последний переезд в этот трейлерный парк, да, в дом на колесах с биотуалетом, запорными болтами, чтобы не укатился, и паутиной черных вдов повсюду, куда ни глянь, и всюду лезущим песком, как пыль, вместо коттеджа обслуживающего персонала Клуба, из которого мы из-за меня переехали, или дома, который мы больше – очевидно, по моей вине – не могли себе позволить. Все я виноват. А кто же еще виноват? Верно? Что мы якобы без предупреждения загодя перевезли твое большое нежное тело от той школы на восточной стороне, из-за которой ты плакал, и той ученой негритянки-библиотекарши с волосами досюда, которая... той дамочки, которая все время ходила с задранной носом как на цыпочках, как есть тебе скажу, такая целиком и полностью по восточно-тусоновски и показушно не от мира сего, все твердила нам лелеять твой так называемый оптический дар в физике, задрал нос, в который можно было практически заглянуть, и на цыпочках, будто какой рыбак зацепил сверху крючком ее широкие пескарьи ноздри и тянул ввысь, в эфир, понемножку, готов спорить, что теперь ее туфли вовсе не касаются пола, сынок, что скажешь, сынок, что думаешь... нет, давай, плачь, не стесняйся, я слова не скажу, только меня это с каждым разом трогает все меньше, просто предупреждаю, на мой взгляд, ты переигрываешь со слезами и... менее эффек... эффективно с каждым разом, хотя мы знаем, оба знаем, да, только между нами – мы с тобой знаем, как это всегда действует на твою маму, да, никогда не подводит, всякий раз она кладет твою большую голову себе на плечо так, что это едва ли не неприлично, ты бы только видел со стороны, хлоп-хлоп по спинке,

будто помогает отрыгнуть какому-то сутулому высоченному неприличному дитятке в бабочке с книжкой, растягивающей pronator teres, в слезах, ты так и взрослым делать будешь? Тоже будут подобные приступы, когда станешь мужчиной за собственным рулем? Гражданином мира, которому не нужны хлоп-хлоп-ну-ну? Твое лицо точно так же перекосится и скукожится, даже когда ты уже будешь больше шести с половиной футов жуткого роста, шесть и шесть с чем-то, весь в деда, гореть ему в резиновом вакууме ада, когда наконец откинется на десятой лунке, и с таким же плоским лицом и без подбородка, прямо как он тогда на хрупком мокром от соплей многострадальном плече той несчастной ангельской долготерпеливой женщины, я тебе рассказывал, что он наделал? Рассказывал, что он наделал? Я был твоего возраста, Джим, вот, возьми фляжку, нет, дай сюда, ох. Ох. Мне было тринадцать, и я начал хорошо играть, серьезно, мне было двенадцать или тринадцать, и я уже играл много лет, но он ни разу не пришел посмотреть, ни разу не заглядывал, когда я играл, посмотреть, и даже ни разу не изменял свое плоское выражение, когда я приносил домой награду, – а я получал награды, – или замечал заметки в газете «Тусонец проходит в нацчемпионат юниоров», он ни разу не признавал, что я даже существую, не то что я с тобой, Джим, не то что я, когда закидываю голову далеко назад, выгибаю и надрываю старую больную спину, даю знать, что я тебя вижу, признаю, помню о тебе как о теле, переживаю о том, что творится за широким плоским лицом, склонившимся над самодельной призмой. Он играет в гольф. Твой дедушка. Твой дедуля. Гольф. Гольфист. Мой тон передает все презрение? Бильярд на гигантском столе, Джим. Бестельная игра размашистых судорог и разлетающегося дерна. Спорт, в кавычках. Ярость анальной стадии и клетчатые береты. Все, почти пусто. Ну вот и все, сынок. Что скажешь, отложим поездку? Что скажешь, если я избавлю фляжку от последних янтарных мучений и мы вернемся, и скажем ей, что тебе опять нехорошо, и мы откладываем твоё первое знакомство с Игрой до выходных, а уж в выходные отправимся и будем играть два дня подряд, оба дня, и устроим тебе настоящее экстенсивное интенсивное введение в, по всем признакам, беспредельное будущее? Интенсивная нежность плюс забота о теле равно великий теннис, Джим. На два дня подряд ты окунешься и хорошенько взмокнешь. Всего пять долларов. Плата за корт. За один паршивый час. Каждый день. Пять долларов каждый день. Но не волнуйся. Всего десять долларов за интенсивные выходные, когда мы живем в великолепном трейлере и вынуждены делить гараж с двумя «десото» и едва ли не «фордом» модели А на кирпичах, а мой «Монклер» не может позволить масло, какого заслуживает. Не смотри так. Что такое деньги или мои репетиции для пленочных прослушиваний, ради которых мы переезжаем на 700 миль, прослушиваний, которые, вполне вероятно, окажутся последним шансом твоего старика в жизни, по сравнению с моим сыном? Правильно? Я прав? Иди сюда, мальчик. Иди-иди-иди. Молодчина. Дай обниму своего Дж. О. И., свою радость, своего героя. Мой мальчик, в своем теле. Он ни разу не пришел, Джим. Ни разу. Посмотреть. Мама, конечно, не пропустила ни одного матча. Мама приходила так часто, что это перестало что-то значить. Она слилась с окружением. Мамы всегда такие, как ты, уверен, и сам отлично знаешь, я прав? Прав? Ни разу, сынишка. Ни разу не приковылял, сутулый и вальяжный, и не омрачил корт, где играл я, своей длинной даже в полдень тенью. Пока однажды не пришел, вдруг. Вдруг, неожиданно, без прецедентов или предупреждений, он... пришел. Ах. Ох. Я слышал его задолго до того, как он вплыл в поле зрения. Он отбрасывал длинную тень, Джим. Шла какая-то местная малозначимая игра. Какая-то местная ерунда начальных раундов с очень малыми последствиями в общей картине. Я играл с каким-то местным денди, из тех, что с дорогим снаряжением, отутюженной белой формой и уроками в загородном клубе, но по-настоящему играть все равно не умеют, несмотря на всю свою поддержку. Сам увидишь, такой тип соперника часто приходится терпеть в первой паре раундов. Лоснящийся незадачливый олух царя небесного оказался каким-то клиентом сына царя моего отца... сыном одного из его клиентов. Так что пришел он ради клиента, разыграть отцовскую заботу. На нем в 95 с чем-то градусов жары были шляпа, пальто

и галстук. На клиенте. Не помню имя. Помню, было в его лице что-то собачье, что унаследовал и его паренек за сеткой. Мой отец даже не потел. Я вырос с ним в этом городе и ни разу не видел, чтобы он вспотел, Джим. Помню, на нем были канотье и какая-то мельтешаще клетчатая шотландка, какие тогда носили по выходным профессиональные гольфисты. Они сидели в колеблющейся тени сухопарой пальмы, такой пальмы, что просто кишит черными вдовами, на листьях, что сыплются без предупреждения, что прячутся в теньке в жаркий полдень. Они сидели на покрывале, которое всегда приносила моя мама, – мама, ныне покойная, и клиент. Отец стоял в стороне, то в полощущейся тени, то нет, курил длинный фильтр-мундштук. Длинный фильтр-мундштук тогда только вошел в моду. Он никогда не сидел на земле. Только не на юго-западе Америки. То был человек со здоровым уважением к паукам. И уж тем более – никогда в тени под пальмой. Он знал, что был слишком гротескно долговязым и нескладным, чтобы спешно вскакивать или откатываться с криками от упавших пауков. Они славились тем, что любили сыпаться прямо с деревьев, на которых прятались, днем, ну знаешь. Сыпались прямо на тебя, если сидишь на земле в их тени. А он был не дурак, старая сволочь. Гольфист. Все смотрели. Я был прямо там, на первом корте. Уж нет того парка, Джим. Там, где раньше лежали жесткие зеленые асфальтовые корты в мареве на жаре, теперь паркуют машины. Они были прямо там, смотрели, головы мотались туда-сюда, как автомобильные дворники, типично для зрителей профессионального тенниса. И нервничал ли я, молодой человек Дж. О. И? На глазах у единственного и неповторимого Самого во всей своей деревянной красе, то на свету, то в тени, без выражения на лице? Нисколько. Я был в своем теле. Мы с телом были едины. Мой деревянный «Уилсон» из стопки деревянных «Уилсонов» в трапециевидных прессах стал разумным выражением моей руки, и я чувствовал, как он поет, и руку, и они были живые, – моя вооруженная рука стала секретарем моего разума, гибкой, послушной и *senza eggori*, ведь я знал себя как тело и был целиком внутри своего детского тела, Джим, я был в правой руке и ногах без шрамов, удобно устроившись, перебежал туда и сюда, голова стучала как сердце, по каждой конечности струился пот, я играл, как зверь из вельда, скакал, резвился, бил с максимальной экономией и минимальным усилием, одновременно видел и мяч, и оба угла, я был на два, три, пару ударов впереди и себя, и незадачливого паренька собачьего клиента, которому я устроил натуральную порку по изнеженной заднице. Мясорубка. Сцена прямиком из природы в ее самом жестоком проявлении, Джим. Это надо было видеть. Паренек сгибался, не мог дышать. Моя плавная и экономная резвость резко контрастировала с тяжелой, дерганой манерой, с которой он топотал и метался по корту. Его белая вязаная рубашка и брендовые шорты вымокли до нитки и было видно, как резинки его ракушки впиваются в мягкую задницу, которую я нещадно порол. Он нацепил легонький беленький козырек, как у пятидесятидвухлетних дам в загородных клубах и на элитных юго-западных курортах. Я был, одним словом, проворен, расчетлив, прозорлив. Он у меня топотал, запинаясь и метался. Я хотел его унижить. Длинное острое лицо клиента вытягивалось. У отца вовсе не было лица – оно то резко затенялось, то освещалось в полощущейся тени пальмовых листьев, в которой он наполовину стоял, но вдобавок было обьято дымом от длинного мундштука, как он любил, – длинные пластмассовые мундштуки с фильтрами, желтоватые, имитация президента, как свита когда-то обезьянничала за королем... то в тени, то в светлом дыму. Клиент не умел держать рот закрытым. Будто на футболе. Голос клиента далеко разносился. Наш первый корт был прямо у пальмы, где они сидели. Ноги клиента торчали перед всеми и выдавались из острой звезды лиственной тени. Из-за узора заграждения, за которым играли мы с его сыном, его брюки накрывала темная сетка. Он попивал лимонад, который мама принесла мне. Она сама его давила. Он сказал, что я хорош. Клиент моего отца. В своей театральной манере, из-за которой его голос так разносился. Понимаешь, сынок? Чтоб меня перевернуло Инканденца старый дьявол а твой малой хорош. Это я цитирую. Я слышал, как он это сказал, пока я бегал, лупил и резвился. И слышал ответ высоченного сукина сына, после долгой паузы, во время

которой весь воздух мира завис, будто его подбросили перед подачей. Клиента я услышал, стоя у задней линии, или отходя к задней линии, чтобы подать или отбить, первый из двух розыгрышей. Его голос разносился. А потом я услышал ответ моего отца, чтоб ему гнить в зеленом и пустом аду. Я услышал, что... что он сказал в ответ, сынок. Но только когда упал. Я настаиваю на этом, Джим. Только когда я начал падать. Джим, я как раз неся, пытался отбить мяч вне досягаемости смертных, редкий мяч слепой удачи с укороченного удара перехоленного олуха из-за сетки. Очко, которое более чем допускалось уступить. Но ведь не так я... не так играет настоящий игрок. С уважением и должными усилием и заботой к каждому очку. Хочешь стать великим, почти великим – отдаешь мячу все. И потом еще чуть-чуть. Ничего не уступай. Даже в игре с олухами. Играешь на пределе, а потом переступаешь предел, и оглядываешься на бывший предел, и машешь ему платочком, с уходящего борта. Входишь в транс. Чувствуешь швы и углы всего вокруг. Корт становится... крайне уникальным местом. Он сделает для тебя все. Ничему не позволит избежать твоего тела. Предметы двигаются, как предназначено, по одному легчайшему простейшему прикосновению. Попадаешь в ясное течение движений туда-обратно, вырисовываешь деликатные «Х» и «L» по жесткой грубой ярко-зеленой асфальтовой поверхности, пот той же температуры, что и кожа, играешь с такой легкостью и полным бездумным ненапряженным напряжением и и и концентрацией транса, что даже не останавливаешься задуматься, надо ли отбивать каждый мяч. Сам едва ли понимаешь, что делаешь. За тебя все делает твое тело, а за твое тело все делает корт, и Игра. Сам ты едва ли участвуешь. Это волшебство, мальчик. Когда все правильно, не чувствуешь ничего. Даю руку на отсечение. Факты и цифры и разные линзы и эти растягивающие руки книги твоих этих беспросветных страниц в сравнении покажутся плоскими. Статичными. Мертвыми и белыми и плоскими. Даже в подметки не... Это как танец, Джим. Главное тут, что меня слишком переполняло уважение к телам, чтобы я поскользнулся и упал по своей вине, тогда, там. И еще главное – я начал падать прежде, чем начал слышать ответ отца, стоящего там: «Да, но ему никогда не стать великим». Я упал вовсе не из-за его слов. Невзрачный оппонент провел мяч едва-едва над слишком низкой сеткой общественного парка – дурацкая неудача, случайный укороченный удар, и кто другой на каком другом корте в каком другом незначительном шапито пропустил бы, уступил допустимое очко, не старался бы помахать платочком с судна своего предела. Не понесся бы на всех восьми здоровых цилиндрах без шрамов отчаянно вперед, к сетке, чтобы поймать чертова гада на первом касании. Джим, но любой может поскользнуться. Не знаю, на чем я поскользнулся, сынок. Хорошо известно, что на пальмовых листьях вдоль заграждений кортов кишели пауки. Ночью они спускались на нитках, каплеобразные, качались. Мне кажется, я наступил и поскользнулся на каплеобразной, полной слизи вдове, Джим, пауке, ненормальном пауке-отщепенце, который свесился на нитке в тень, дряблый и ползучий, или самоубийственно скакнул прямо с нависающего листа на корт, еще и наверняка издав легкий дряблый мерзкий шлеп, когда приземлился, и пополз на своих ползалках, жутко моргая на горячем свету, который он ненавидел, наступил, бросившись вперед, и раздавил, и поскользнулся на мокром месте, которое осталось от большого отвратительного паука. Видишь шрамы? Узловатые и шершавые, будто что-то рвануло кожу с коленей моего тела, как сутулый Брандо рвал зубами письмо и пускал конверт спланировать на пол, влажный, драный и рваный? Все пальмы вдоль корта были больны, их поразила пальмовая гниль, это был год 1933 н. э., год Великой бисбиевской эпидемии пальмовой гнили, по всему штату, и они роняли листья, и листья были больны и цвета совсем старых оливок в таких старых тощих банках в самом дальнем углу холодильника, и сочились какими-то больными гнойными скользкими выделениями, и иногда резко срывались с деревьев, изгибаясь в воздухе, как бумажные мечи пленочных пиратов. Боже, как я ненавижу листья, Джим. Мне кажется, это был либо дневной *latrodectus*, либо какой-нибудь гной с листьев. Ветер сдул застывший гной с опутанных паутиной листьев на корт, наверное, к самой сетке. Так или так. Что-

то ядовитое и болезненное, так или иначе, неожиданное и скользкое. Все занимает не больше секунды, думаешь ты, Джим: тело предает тебя, и вот ты лежишь, на колени, и скользишь по наждаку корта. Так, да не так, сынок. У меня раньше была другая фляжка, как эта, но меньше, серебряная фляжка куда незаметней, в бардачке «Монклера». Твоя любящая мамочка куда-то ее дела. Мы никогда не поднимаем эту тему. Да не так. Тело, или его материя, стало чужим, не моим, и если кто-то в тот день и совершил предательство, то, говорю тебе как есть, малой сынок мальчик, это я, Джимок, это, скорее всего, я предал то славное юное гибкое загорелое несутулое тело, это я, скорее всего, застыл, забывшись, не позаботившись о нем, прислушиваясь, что мой отец, которого я уважал, – а я его уважал, Джим, вот что ужасно, я знал, что он там, я помнил о его плоском лице и длинной тени мундштука, я знал его, Джим. Когда я рос, Джим, все было по-другому. Ненавижу... господи, ненавижу так говорить, все эти дебильные клише «вот-в-дни-моей-молодости-все-было-по-другому», клише, которыми тогда разбрасывались отцы, если он вообще раскрывал рот. Но это правда. По-другому. Наши дети, дети нашего поколения, они... теперь вы, послебрандовский народ, вы, молодежь, не можете нас любить, или не любить, или уважать, или нет, как людей, Джим. Своих родителей. Нет, стой, не надо притворяться, будто ты не согласен, не надо, не надо ничего говорить, Джим. Я просто знаю. Мог бы тогда предвидеть, руку дать на отсечение, когда видел Брандо, Дина и прочих, и я все знаю, так что не обезьянничай. Я не виню никого твоего возраста, мальчик мой. Вы смотрите на родителей, добрых или недобрых, счастливых или убогих, пьяных или трезвых, великих или почти великих, или вовсе неудачников, как смотрите на квадратный стол или «Монклер» цвета закусенной губы. Молодежь нынче... вы, нынешняя молодежь, почему-то не умеете чувствовать, не говоря уж о любви, – об уважении вообще промолчу. Мы для вас просто тела. Мы для вас просто тела и плечи, и колени со шрамами, и большие животы, и пустые кошельки, и фляжки. Я не повторяю те клише, что вы принимаете нас как должное, а скорее говорю, что вы не умеете... представить наше отсутствие. Мы настолько с вами, что перестали что-то значить. Мы окружение. Мебель мира. Джим, я мог представить отсутствие того человека. Джим, говорю тебе как есть, ты не можешь представить мое отсутствие. Это я виноват, Джим, все время дома, хромаю, болезненные колени, толстый, в Состоянии, отрывающийся, нестройный, пропотевший до нитки в этом трейлере-духовке, отрываю, пукаю, разочарованный, убогий, сношу торшеры, промахиваясь мимо вещей. Боюсь дать моему последнему таланту тот единственный шанс, что он заслуживает. Талант сам по себе ожидание, Джим: либо оправдываешь его, либо он машет платочком, исчезая навсегда. Применяй или потеряй, говорил он из-за газеты. Я... я просто боюсь лечь под надгробием, на котором сказано: «Здесь лежит многообещающий старик». Это... с потенциалом бывает куда хуже, чем без него, Джим. Чем без таланта, который растрачивается, пока я лежу, напившись, потому что не хватает духу... Боже, я, мне так жаль. Джим. Ты не заслужил видеть меня таким. Мне так страшно, Джим. Мне так страшно умереть, когда никто так и не увидел меня настоящего. Понимаешь? Ты уже большой, тощий, не по годам согбенный молодой очкастый человек, хоть перед тобой и лежит еще вся жизнь, чтобы такое понимать? Ты видишь, что я отдавал все? Что я был там, там, на жаре, слушал, опутанный паутиной нервов? Помню, как она говорила: «самость, что касается всех своих пределов»⁵⁰. Я чувствовал так, как, боюсь, ты и твое поколение уже не сможете, сынок. Это было не падение, а как будто мной выстрелили, вот что я помню. И не в замедленном – не в замедленном движении. Минута – я самоотверженно и прекрасно бегу навстречу мячу, другая – руки позади, а под ногами ничего, будто столкнули с лестницы. Грубый хлещущий толчок прямо в спину, и мое многообещающее тело со всей паутиной пульсирующих и пылающих нервов зависло в воздухе, и пало на колени, фляжка уже пустая, прямо на колени, со всеми весом и инерцией

⁵⁰ Из стихотворения Уоллеса Стивенса «A Rabbit As King Of The Ghosts» («Кролик как король призраков»).

на шершавую горячую наждачную поверхность, точная пародия на имитацию созерцательной молитвы, и проскользило дальше. Кожа, а затем мышцы и кость оставили двойной след бурокрасно-сери-белого, как двойной след заноса из телесной мякоти, от линии подачи до сетки. Я скользил на горящих коленях, промчался мимо скачущего мяча к сетке, которая и остановила мое скольжение. Наше скольжение. Ракетка закружилась дальше, Джим, и безракетные руки вытянулись передо мной, Джим, как во всепоглощающей молитве грешного монаха. Мне дано было услышать, как мой отец называет мое телесное существование даже потенциально не великим, в миг, когда я навсегда травмировал колени, Джим, так что даже годы спустя в USC⁵¹ я так и не помахал платочком ничему свыше «почти-» и «чуть-чуть-великий», и «стал-бы-великим-если-бы-не», а позже не мог даже надеяться на прослушивания для тех пляжных фильмов про плавки и бриолин, на которых загребают этот гад Авалон⁵². Я не заявляю, что вердикт и жестокое падение как-то... были как-то связаны, Джим. Любoй может поскользнуться. Достаточно всего на секунду позабыть, что именно нужно уважать. Сынoк, разносился не только голос моего отца. Воскликнула моя мать. Религиозный момент. Я познал, что значит быть телом, Джим, просто мясом, завернутым в какие-то хлипкие нейлоновые чулки, сынoк, когда упал на колени и проскользил к растянутой сетке, сам увиденный собой, кадр за кадром, разорванный как конверт. Я, пожалуй, отрыгну, громко, сынoк, сынoк, пока рассказываю, чему я научился, сынoк, мой... «прощай навек, любовь моя», когда я оставил мясо коленей далеко позади, проскользив, оказавшись в позе мольбы на открытых костях коленей с пальцами рук, безракетно вцепившимися в паутину сетки, за которой, за сеткой, тьюфак-денди уронил свой дорожный «Дэвис» со струнами из кишок и бежал ко мне с перекошенным козырьком и руками у лица. Отец и клиент, для которого он пришел разыгрывать заботу, перетащили меня в кишашую тень пальмы, где она стояла на коленях на клетчатом пляжном покрывале, с костяшками в зубах, Джим, и в тот день на меня снизошло понимание религии физического, в возрасте не сильно больше твоего, Джим, пока ботинки наполнялись кровью, я висел на руках двух тел, высоких, как твое, пока меня тащили с общественного корта с двумя дополнительными линиями. Это переломный, это поворотный, религиозный день – когда в один и тот же миг доводится услышать и почувствовать свою судьбу, Джим. Я понял то, что ты наверняка понял уже давно, знаю, знаю, ты видел, как меня время от времени приводили домой, затаскивали в дверь, пока я в так называемом Состоянии, сынoк, таксисты по ночам, я видел твою жутко подсвеченную долговязую тень на верху лестницы в доме, за который я платил, мальчик: что и пьяницу, и калеку волокут с арены, как Христа с переломанными костями, два человека под руки, ноги скребут по земле, глаза устремлены в эфир.

---

⁵¹ Университет Южной Каролины.

⁵² Фрэнки Авалон (г. р. 1940), актер и музыкант в стиле рок-н-ролл.

4 ноября – Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»

С латиноамериканской кембриджской площади Инмана Майкл Пемулис, парень не дурак, едет на нужном автобусе до Центральной площади, а потом на ненужном до площади Дэвиса и поездом обратно до Центральной. Это чтобы сбросить даже малейший намек на хвост. От Центральной он по красной ветке добирается до станции «Парк-стрит», где на подземной парковке, которую он может себе более чем позволить, заранее припарковал тягач. День осенний и погожий, восточный ветер несет запахи городской торговли и слабый замшевый аромат свежесорванных листьев. Небо синее, как газ на конфорке; солнце сложно отражается от матово-стеклянных стен высоких центров торговли вокруг района Парк-стрит. На Пемулисе чиносы с ширинкой на пуговицах и рубашка ЭТА под броским синим пиджаком от Бриони, плюс ярко-белая морская фуражка, которую Марио Инканденца зовет «шляпой мистера Хауэла»⁵³. Фуражка ухарская, даже когда повернута задом наперед, и у нее есть съемная подкладка. В подкладке можно держать портативные количества ну практически чего угодно. Пемулис угостился 150 мг очень легких дринов, после транзакции. Также на нем серо-синие оксфорды без носков – такой уж погожий осенний день. На улицах буквально столпотворение. Торговцы с тележками вместо лотков продают горячие крендельки, газировку и такие недоваренные сосиски, которые Пемулис очень любит со всякими соусами. Видно Капитолий, парк Коммон, Суд и Городской сад, а за ними всеми – прохладные гладкие фасады кирпичных особняков Бэк-Бэй. Эхо в подземном гараже Парк-плейс – «Парк!» – радует слух сложностью. Трафик на запад по авеню Содружества легкий (то есть машины двигаются) до самой площади Кенмор, мимо Бостонского универа и дальше по долгому пологому склону до Оллстона и Энфилда. Когда Тэвис, Штитт, игроки, работники территории академии и команды «ТесТар» и АТНСМЕ надувают над кортами 16–32 всепогодное Легкое на зиму, его куполообразный обтекатель виднеется на горизонте с самого пересечения Брайтон-ав. – ав. Содр. в нижнем Оллстоне.

Невероятно сильнодействующий ДМЗ, оказывается, классифицируется как пара-метоксифенированный амфетамин, но Пемулису после медленных и мучительных экскурсов в монографии MED.COM он кажется скорее схожим с антихолинергическо-делириумным классом, куда мощнее, чем мескалин, или МДА, или ДМА, или ТМА, или МДМА, или ДОМ, или СТП, или употребляемый внутривенно ДМТ (или турбина, или скополамин из дурмана, или флюотан, или буфотенин (он же «Джеки-О»), или анаденантера, или псилоцибин, или Сайлерт[56]; химически ДМЗ напоминает какой-то смешанный брак между лизергиновыми и мусцимолами, но значительно отличается от ЛСД-25 тем, что его воздействие менее визуальное и пространственно-церебральное, но более темпорально-церебральное и почти онтологическое, с некой примесью ускорения в стиле экспериментов с фенилкиламинами, благодаря чему потребитель воспринимает свои отношения с обычным потоком времени как радикально (и эйфорически, вот где голову поднимает схожесть с мусцимолами) измененные[57]. Невероятно сильнодействующий ДМЗ впервые был синтезирован из дериватива фитвиави – малоизвестной плесени, растущей только на других плеснях, – тем же неоднозначно везучим химиком из «Сандоз Фарм.», который впервые набрел на ЛСД, будучи еще относительно эфебным и зеленым органическим химиком, когда возился с эрготическим грибом с пшеницы. Открытие ДМЗ состоялось под занавес 1960-х до э. с, примерно когда Алан Уотте раздумывал над приглашением Т. Лири стать «Резонансным Писателем» в утопичной ЛСД-25-колонии Лири в Миллбруке, Нью-Йорк, на ныне канадской земле. Вещество, даже случайный синтез кото-

⁵³ Персонаж сериала «Остров Гиллигана» (носит не фуражку, а канотье; фуражку носит персонаж Шкипер).

рого отправил химика из «Сандоза» на раннюю пенсию и просмотр ковра не моргая, невероятно сильнодействующий ДМЗ приобрел широкую известность в узких химических кругах как самая жуткая хрень, когда-либо рождавшаяся в пробирке. Также теперь это труднейшее для поисков рекреационное соединение во всей Северной Америке после сырого вьетнамского опиума, с которым вообще безнадега.

ДМЗ в химическом андерграунде Бостона иногда называют «Мадам Психоз», в честь популярной культовой очень раннеутренней радиолитности со студенческой радиостанции МТИ WYYY-109 – «Самое Большое Целое Число на всем диапазоне FM», которую Марио Инканденца и знаток статистики и гейм-мастер Эсхатона Отис П. Господ из ЭТА слушают почти с религиозным фанатизмом.

Пару раз в октябре Пемулису возможную транзакцию предлагал эннет-хаусовец с дневной смены из будки у ворот, который поднимает решетку в академию. У Пемулиса жесткая политика не производить транзакций с работниками ЭТА, которые попали на холм из «дома на полпути», т. к. он знает, что некоторые из них там по распоряжению суда, и точно знает, что там то и дело устраивают случайные анализы мочи, а типы вроде типов из Эннет-Хауса – как раз те люди, от которых теннисные таланты Пемулиса позволяли держаться подальше в плане социальной среды, общения и транзакций; так что его основная позиция по отношению к этим низкооплачиваемым чернорабочим – не быть дураком и типа зачем искушать судьбу.

Когда Пемулис подъезжает к Восточным кортам, они пусты и усеяны мячиками; большинство ребят еще на ланче. Общая комната Пемулиса, Трельча и Шахта – в общежитии Б в северной части второго этажа Западного корпуса, и из нижележащей столовой Пемулис слышит голоса и звон посуды, точно чувствует, что подают. Первым делом он садится за телефон и звонит в комнату Инка и Марио в Админке, где Хэл сидит около окна с риверсайдской версией «Гамлета», которую обещал Марио прочесть, чтобы помочь брату с частично основанным на ней концептуальным кинопроектом, сидит на крутящемся капитанском стуле без подушки под старой репродукцией детали с малоизвестной софтверной александрийской мозаики «Консумация левирата», закусывает энергетическим батончиком «АминоПэл®» в чрезвычайно расслабленном ожидании, на подлокотнике лежит телефон с уже выдвинутой антенной, на линдифарнском ковре у ног Хэла – два тома фолио Барона по подготовке к SAT, «Тилден о спине» 1937-го года до э. с. издания переплетом вверх и ключи на шейной цепочке, – ждет в чрезвычайно расслабленной позе. Хэл специально берет трубку только после третьего звонка, как девчонка в субботу вечером.

– М-м-мяулю.

– Орел в гнезде, пакет при нем, при нем, – на линии ясный и конденсированный голос Пемулиса: – Повторяю. Орел в гнезде, пакет при нем.

– Пожалуйста, соверши преступление, – немедленный ответ Хэла Инканденцы.

– Батюшки-светы, – говорит Пемулис в телефон, подоткнутый под подбородок, аккуратно отклеивая подкладку «шляпы мистера Хауэла».

«Теннис и дикое дарование», текст читает Хэл Инканденца; 11,5-минутный цифровой развлекательный картридж, постановка, запись, монтаж и – согласно заявке – автор – Марио Инканденца; почетное упоминание среди участников из новоновоанглийского региона в ежегодном конкурсе «Новые глаза, новые голоса» «ИнтерЛейсТелИнтертенмент», апрель Года Простого-для-установки-Апгрейда для материнской-карты-с-миметичным-качеством-изображения-ТП-систем – «Инфернатрон»/«ИнтерЛейс» для дома, офиса, или мобильного варианта от ЮСИТЮ2007 (sic), почти ровно три года спустя после скоропостижной кончины доктора Джеймса О. Инканденцы

Вот как надевать большую, как плащпалатка, рубашку с серым лого ЭТА на груди.

Пожалуйста, аккуратно надень суспензорий и поправь эластичные резинки так, чтобы резинки не впивались в попу и не комкались в ней, а то все увидят, когда ты пропотеешь насквозь.

Вот как забинтовать больную лодыжку бинтами «Эйс» цвета кожи так плотно, что левая нога по ощущениям как полено.

Вот как выигрывать, после всего.

Это желтая железная сетчатая теннисная корзина «Болл-хоппер», полная грязно-зеленых старых тухлых мячей. Неси ее на Восточные корты, пока рассвет еще бледен и вокруг ни души, не считая траурных голубей, что кишат на заре в соснах, и воздух такой насыщенный, что видно собственное летнее дыхание. Подавай мяч в никуда. Навали из мячей кучу вдоль основания ограждения напротив, пока солнце взбирается над Бостонской бухтой, выступает легкий пот, а подачи начинают делать бум. Отключи голову, пусть оно само летит и бум, бум. Дрожь мяча об ограждение напротив. Сделай тысячу подач в никуда, пока Сам с фляжкой сидит и дает советы. Ноги старика белые и безволосые от десятилетий в штанах. Вот связка ключей на корте в шаге перед тобой, пока ты посылаешь тухлые мячи в никуда. После каждой подачи чуть не падай вперед и быстро хватай с земли ключи левой рукой. Вот как тренироваться выходить к сетке после подачи. До сих пор, даже годы спустя после смерти отца, ты оставляешь ключи только на полу.

Вот как держать палку.

Приучись звать ракетку палкой. Здесь все так делают. Это традиция: Палка. Продолжение твоей руки заслуживает прозвища.

Пожалуйста, не отвлекайся. Тебе покажут, как ее держать, только один раз. Вот как ее держать. Вот так. Забудь всю эту ерундистику про почти-восточный-бэкхэнд-для-слайса. Просто поздоровайся с ней. Пожми опойковую рукоятку палки. Вот как ее держать. Палка – твой друг. Вы станете очень близки.

Всегда крепко держись за друга. Твердая хватка критически важна и для контроля, и для силы. Вот как ходить с теннисным мячом в бьющей руке, сжимая его снова и снова в течение долгих периодов времени – в классе, за телефоном, в лаборатории, перед ТП, мокрый мяч для душа, в идеале – сжимать его всегда, не считая приемов пищи. Вот столовая академии, где у каждой тарелки лежит теннисный мяч. Ритмично сжимай теннисный мяч месяц за годом, пока не будешь обращать на него внимания не больше, чем на сердце, качающее кровь, а правое предплечье не увеличится в три раза больше левого, и пока с противоположного конца корта рука не будет похожа на лапу гориллы или стивидора, прилепленную к телу ребенка.

Вот как выполнять дополнительные индивидуальные тренировки перед утренними тренировками академии, до завтрака, чтобы после тысячного мяча, который сам Сам со своим

великанским размахом и жуткими икрами забивает за горизонт, одной только улыбкой призывая к большим и великим демонстрациям усилий, чтобы после того, как у тебя открылось уже третье и последнее дыхание и тошнит, тошнить было нечем, и спазмы быстро прошли, и прохладно обдувал восточный ветерок, и ты чувствовал себя свежо и мог дышать.

Вот как влезть в красно-серые свитера ЭТА и выйти всей командой на пробежку 40 км вверх и вниз по авеню Содружества, даже если ты бы лучше сам себе волосы поджег, чем бежать в общей куче. Пробежка мучительная и бессмысленная, но решать не тебе. Твой брат едет на пассажирском месте, пока впадающий в маразм немец стреляет пулями тебе по ногам, и оба они смеются и кричат «Шнель». Энфилд находится к востоку от Холмов Разбитых Сердец⁵⁴ Бостонского марафона, которые прямо по Содружке за водохранилищем в Ньютоне. Пробежка по городу потной кучей утомляет. Пусть Сам положит длинную бледную руку тебе на плечо и скажет то, что ему говорил его отец: что талант – довольно страшный дар, что талант – сам по себе ожидание: он с тобой с самого начала, и ты либо его оправдываешь, либо нет.

У тебя отец, чей родитель не оправдал. У тебя отец, который оправдал, а потом обнаружил новые ожидания, и превзошел их все, вот только что-то не стал намного счастливее или нормальнее, чем его отец-неудачник, отчего ты сам в диком и подвешенном состоянии по отношению к таланту.

Вот как не думать обо всем этом, забывшись в упражнениях и играх, пока не будешь жить на автопилоте и подсознательные тренировки таланта не станут способом сбежать от себя – долгим сном наяву, в котором видишь чистую игру.

Ирония в том, что теперь ты становишься очень хорошим игроком, и к тебе начинают относиться как к дарованию с талантом, который нужно оправдать.

Вот как сжиться с тем, что ты дикое дарование. Вот как переживать посев на турнирах, – посев означает, что комитеты по посеву, состоящие из большеруких стариков, публично выражают ожидание, что ты достигнешь определенного раунда. Добраться хотя бы до этого раунда на турнирах называется «оправдать свой посев». Повторяя этот термин раз за разом, – может, в том же ритме, с каким сжимаешь мяч, – ты сведешь его до пустого набора фонем, одних формант и фрикативов, с хореическим ударением, означающих ровным счетом ничего.

Вот как побеждать непосеянных, перепуганных оппонентов из Айовы или Род-Айленда в ранних раундах турниров, не затрачивая энергии, но и без высокомерия.

Вот как добросовестно играть в ранних раундах турнира, где нет арбитра. Если видишь, что мяч на твоей стороне попал: зови его верным. Вот как не обращать внимания на жульничество. Не расширять апертуру внимания. Вот как учиться, когда оппонент, возможно, жульничает с объявлением мяча, напоминать себе, что всем зачтется. Что плохой спортсмен сам себя наказывает.

Старайся усвоить, что на несправедливости надо учиться.

Вот как спрыснуться лимонной полиролью, лучшим кремом от солнца, ровно раз, а потом узнать, что если в ней пропотеть, то от тебя воняет, как от настоящего скунса.

Вот как принимать ненаркотические мышечные релаксанты от спазмов в спине, которые начинаются после тысячи подач в никуда.

Вот как плакать в постели, пытаясь вспомнить время, когда порванная синяя лодыжка не болела каждую минуту.

Вот вихревая ванна, твой друг.

Вот как на рассвете настраивать электрическую машину для подачи мячей в те дни, пока Сам где-то у себя оправдывает свой последний талант.

---

⁵⁴ Получили свое прозвище в 1933-м, когда бегун Э. Браун в ходе напряженной и непредсказуемой гонки с Д. Келли на этом участке вернул себе первенство и, по выражению журналиста, «разбил сердце» Келли.

Вот как повязать бабочку. Вот как просидеть маленькие премьеры первых артхаусных фильмов твоего отца в угрюмом дыму иностранных сигарет и разговорах таких претенциозных, что ты буквально поверить не можешь, что их слышишь, наверняка просто что-то не понял. Притворись, что тебя увлекают резкие ракурсы и мультиэкспозиция, не притворяясь, что ты хоть чуточку представляешь, в чем смысл происходящего. Перейми выражение своего брата.

Вот как потеть.

Вот как отдавать награду Латеральной Алисе Мур, чтобы она поставила его в витрину в холле ЭТА под сложной системой ламп и надписей.

Несправедливость может быть суровым, но бесценным учителем.

Вот как заворачивать с собой карбогидраты в салфетки на четыре одиночных и два парных матча в июньской Флориде.

Пожалуйста, научись спать с вечным солнечным ожогом.

Готовься к непростым снам. Они идут в комплекте. Постарайся с ними смириться. Пусть они тебя учат.

Держи фонарик рядом с кроватью. Он помогает от снов.

Пожалуйста, не заводи внешкольных друзей. Не поощряй знакомства вне обычного круга общения. Отказывайся от свиданий.

Если будешь точно следовать восстановительному курсу упражнений, который тебе прописали Они, несмотря на то, что он дурацкий и утомительный, лодыжке полегчает быстрее.

Вот такая зарядка помогает не потянуть пах.

Относись к коленям и локтю с разумной заботой: они у тебя одни и надолго.

Вот как отказаться от внешкольного свидания так, чтобы больше не приглашали. Скажи что-нибудь вроде «мне очень жаль, я не могу пойти на „8 1/2” на экране размером со стену на Кембриджском Пленочном фестивале в пятницу, Кимберли, или Дафна, но зато если я поскачу на скакалке два часа, а потом пробежусь через Ньютон задом наперед, пока не стошнит, то Они дадут мне посмотреть картриджи с матчами, а потом мама до отбоя в 22:00 почитает мне вслух Оксфордский словарь», и проч.; так ты будешь уверен, что Дафна/Кимберли/Дженнифер заберет свои ритуалы-социализации-по-типу-подростковых-брачных-танцев куда подальше. Будь настороже. Дорога расширяется, многие объезды соблазнительны. Всегда будь в боевой готовности и начеку: дикий талант – сам по себе набор ожиданий, и в любой момент может покинуть тебя на любом из объездов так называемой нормальной американской жизни, так что будь настороже.

Вот как делать «Шнель».

Вот как пережить нормальную подростковую акселерацию, когда каждая конечность ноет, как от мигрени, потому что отдельные группы мускулов от тренировок после тренировок стали твердыми и напряженными и сопротивляются, когда их растягивает внезапный рост костей, и постоянно ноют. Для такого состояния есть лекарство.

Если ты подросток, вот лайфхак, как быть ни задротом, ни качком: будь никем.

Это легче, чем кажется.

Вот как читать ежемесячные рейтинги ЭТА, ТАСШ и ОНАНТА так, как Сам читает научные рецензии на свои мелодрамы с мультиэкспозициями. Научись переживать и не переживать. Рейтинги задуманы, чтобы помочь определить, где ты, а не кто ты. Зазубри свой ежемесячный рейтинг и забудь. Вот как: никогда никому не говори, где ты.

Это также способ не бояться сна или кошмаров. Никогда никому не говори, где ты. Пожалуйста, заучи прагматику выражения ужаса: иногда слова, которые должны выражать, могут и вызывать.

Это непросто.

Вот как получать бесплатные палки, струны, одежду и снаряжение от «Данлоп Инк.», пока разрешаешь им напылять логотип «Данлоп» на струнах палок и нашивать логотип на плечо и левый карман шорт, и ходить с сумкой «Данлоп», и становишься ходячей бьющей потной рекламой «Данлоп Инк.»; только пока ты оправдываешь ожидания и сохраняешь рейтинг; новоновоанглийский региональный спортивный представитель компании будет звать тебя «наш серый лебедь»; он носит дизайнерские слаксы, душитися вонючим одеколоном и где-то дважды в год лезет помочь тебе одеться, чтобы ты его в итоге шлепнул, как гнуса.

Учись у самой Игры. Как и большинство спортивных клише, это клише глубокое. Тебя либо вылепят, либо сломают. Чего-то третьего не дано. Старайся учиться. Будь послушен. Старайся учиться у всех, особенно у тех, у кого ничего не вышло. Это тяжело. Сверстники переговорают, или надрываются, или срываются, сбегает, исчезают из ежемесячных рейтингов, выпадают из круга общения. Сверстники из ЭТА, которые ждут, когда Делинт тихо постучит в дверь и предложит поговорить. Оппоненты. Все это – образование. То, насколько ты многообещающий как ученик Игры, – производная от того, сколько ты можешь наблюдать, не сломавшись. Сетки и ограждения могут стать зеркалами. А между сеткой и ограждением – оппоненты, тоже зеркала. Вот почему все это так страшно. Вот почему оппоненты страшные, а слабые оппоненты еще страшнее.

Разгляди себя в своих оппонентах. Они помогут тебе понять Игру. Принять, что Игра – это управление страхом. Что ее цель – отправить от себя в далекий полет то, что, как ты надеешься, больше не вернется.

Вот твоё тело. Они хотят, чтобы ты не забывал. Оно с тобой до конца.

По этому вопросу помощников нет; придется жить, как умеешь. Лично я даже уже оставил надежды что-то понять.

Но в перерыве – если выпадает перерыв: вот Мотрин для суставов, Нокзема от ожога, лимонная полироль, если предпочитаешь тошноту ожогу, Контракол для спины, бензоин для рук, соль Эпсому и противовоспалительные для лодыжки и факультативы для родителей, которые просто не хотели, чтобы ты хоть что-то упустил.

Избранные расшифровки общения с жильцами в отведенные часы посещения миссис Патриции Монтесян, магистра психологии, СКН[58], исполнительного директора «Эннет-Хауса», реабилитационного пансионата пансионатного типа (sic) для алкоголиков и наркоманов,

Энфилд, штат Массачусетс,

**13:00–15:00, среда, 4 ноября – Год
впитывающего белья для взрослых «Депенд»**

– Но вот как он всегда барабанит пальцами по столу. Даже не то что барабанит. Скорее что-то среднее между барабанит и как бы царапает, ковыряет, как вот, знаете, царапину ковыряют. И без всякого ритма, понимаете, постоянно и без конца, но без всякого ритма, который можно уловить, держать в уме и следить. Совершенно как бы долбанутый, безумный стук. Как такой, как слышит девочка в голове перед тем, как убить всю семью, потому что кто-то доел все арахисовое масло. Нет, вы меня понимаете? Стук, с которым крыша на хер уезжает. Нет, вы меня понимаете? Так что нуда, да, ладно, короче говоря, – когда он не прекратил барабанить на ужине, я как бы уколола его вилкой. Как бы. Могу понять, с чего кто-то, наверное, решил, что

я как бы воткнула в него вилку. Но я же предложила ее выдернуть. Давайте сойдемся на том, что я в любой момент готова загладить вину. За свою роль. Я сыграла в этом событии важную роль, вот что я хочу сказать. Можно меня за это хотя бы в Ограниченный? А то у меня завтра Ночевка, которую Эухению уже одобрил в Журнале Ночевок. Если хотите, проверьте. Но я не собираюсь уклоняться от своей роли в, как бы, происшествии. Если Высшая сила, которую я предпочитаю называть Богом, решит через вас предписать мне какое-то заслуженное наказание – я не буду уклоняться от наказания. Если правда заслужила. Просто хотела спросить. Я, кстати, уже говорила, как благодарна, что меня сюда приняли?

– Я вовсе не отрицаю. Просто прошу определить слово «алкоголик». Как вы можете просить меня применить к себе данный термин, если отказываетесь дать его определение? Вот уже шестнадцать лет я вполне успешный адвокат по травмам, и, не считая одного нелепого так называемого припадка на ужине Ассоциации юристов этой весной и этого никчемного судьишки, не допускающего меня до зала суда, – и позвольте уж добавить, что я могу подкрепить свое обвинение тем, что он мастурбирует под мантией за кафедрой, что подтвердят подробнейшие показания и коллег, и персонала прачечной федерального окружного суда, – за исключением менее чем пригоршни случаев я свою меру знал, и держал голову повыше многих адвокатов повыше моего. Уж поверьте. Сколько вам лет, юная леди? Я не в «отрицании», так сказать, если речь идет об эмпирическом и объективном. Есть ли у меня проблемы с панкреатитом? Да. Трудно ли мне вспомнить некоторые периоды при администрациях Кемпа и Лимбо⁵⁵? Не оспариваю. Сопровождает ли мое употребление семейный раздор? Что ж, и здесь да. Испытывал ли я, да, формикацию во время реабилитации? Испытывал. Мне не сложно прямо признать то, что я понимаю. Формикация, через «м», да. Но что вы сейчас требуете от меня признать? Разве это отрицание – откладывать подписание, пока лексикон контракта не станет предельно ясен обеим заинтересованным сторонам? Да, да, вы не понимаете, о чем я, именно! И потому отказываетесь продолжать без прояснений. Что и требовалось доказать. Я не могу отрицать того, чего не понимаю. Вот моя позиция.

– В общем, сижу, жду такой, пока мясной рулет остынет, и вдруг просто кирпичевысирательный вопль такой, и Нелл в воздухе с вилкой для стейка, без шуток левитирует, над столом, в полете, горизонтально, в смысле, Пэт, ее тело – буквально параллельно поверхности стола, летит на меня, с вилкой наголо, вопя что-то про звук арахисового масла. В смысле – боже ты мой. Гейтли и Дилю пришлось выдергивать вилку и из меня, и из стола. Чтоб вы представляли. Дикость. Даже не спрашивайте, как больно. Давайте об этом даже не будем, я вас уверяю. Мне в травмпункте предложили перкоцет[59] – вот все, что вам надо знать об уровне боли. Я их там предупредил, что я в реабилитации и уязвим к любым наркотикам. Прошу, даже не спрашивайте, как их тронула моя смелость, а то расплачусь. Весь этот опыт довел меня почти до полной истерики. Но в общем да, виновен, я вполне мог барабанить по столу.

Прошу прощения, что занимаю место в мире. А потом она мне так великодушно говорит, что, мол, простит меня, если я прошу ее. Ну, я такой, извините? Извините? В смысле – боже ты мой. Сижу, прибитый к столу зубцами. Я знаю, что такое унижение, Пэт, и это было нижайшее унижение в самом фашистском виде. Я со всем уважением прошу, чтобы ей дали отсюда пенделя под ее внушительный зад. Пусть возвращается в свой район, где поножовщина вилками – это нормально, и пакует свои тряпки в «Хефти». Серьезно. Я знаю, важная часть этого процесса – научиться жить в обществе. Брать и давать, забыть о личном, перевернуть страницу. И тэ дэ. Но разве тут еще не должно быть – и тут я цитирую проспект – здорового и безопасного окружения? Я мало где чувствовал себя так же небезопасно, как прибитый вилкой

⁵⁵ Джек Кемп (1935–2009) – американский политик, республиканец, бывший футболист. Раш Лимбо (1951) – популярный радиоведущий, ярый консерватор, известный горячим нравом. В реальности ни тот, ни другой президентами не были.

к столу, должен вам сказать. Жалкие наезды Минти и Макдэйда – это ладно. Я могу стерпеть унижение в Фенуэе. Но сюда я пришел не для того, чтобы меня унижали под предлогом какого-то стука по столу. Я опасно близок к тому, чтобы сказать... либо это существо, либо я.

– Ужасно извиняюсь за беспокойство. Я могу заглянуть попозже. Просто хотел спросить, может, в Программе есть какая-нибудь особая молитва на случай, когда хочется повеситься.

– Я хотеть, чтобы вы понять, что я не в отрицании, что я наркозависимый. Я – я знаю, что зависимый, уже после времени перед Майами. Мне нет трудность вставать в собрание и говорить: «Я Альфонсо, наркозависимый, бессильный». Я знакомый с бессилие со времени Кастро. Но я не могу прекратить, хотя и знать. Потому я бояться. Я бояться, что не прекратить, когда признаться «Я Альфонсо, бессильный». Как признание «Я бессильный» прекратить то, что я бессильный прекратить? Мой голова сходить с ума от боязни после бессилия. Я есть надеяться на силу, миссис Пэт. Я хотеть совет. Надеяться на силу – плохо для наркозависимый Альфонсо?

– Простите, что врываюсь, тут опять из санэпидема звонили насчет проблемы с вредителями. Теперь говорят что-то про ультиматум.

– Простите, что беспокою насчет того, что не связано с собеседованием для лечения. Я там наверху работаю по своему Дежурству. Мне достался мужской туалет наверху. Там что-то... Пэт, там что-то в туалете. Не смывается. Это что-то. Никак. Все всплывает. Смыв за смывом. Я только за указаниями. Возможно – за защитным снаряжением. Я даже не могу описать, что это в туалете. Могу только сказать, что если это произвел на свет человек, то, должен сказать, мне страшно. Даже не просите описать. Если хотите, поднимитесь сами и взгляните, на 100 % уверен, что оно еще там. Оно вполне ясно заявило, что никуда не торопится.

– Кароч, я положил ст-т-таканчик с пудингом «Хант» в холодильник жильцов в 13:00, как и полагается, и в 14:30 спускаюсь весь настроенный на пудинг, за который сам платил, и его там нет, и выходит Макдэйд, весь тоже озабочен, и предлагает поискать, вот т-т-только я смотрю, да, смотрю, и у этого сукина сына вся рожа в пудинге.

– Ага, но только вот, в общем, как, собственно, просто сказать «да» или «нет» коксу? Уверен ли я, что хочу сказать, – абсолютно уверен, что хочу. У меня не осталось носовой перегородки. Перегородку на хер растворило коксом. Видите? Видите хоть какую-нибудь перегородку, когда я вот так поднимаю?.. Я абсолютно, всем сердцем был уверен, что хочу бросить и все такое. Вот как только перегородка, так и сразу. Но, в общем, но раз я все это время хотел бросить, почему не бросил? Улавливаете? Разве все дело не в хотении и так далее? И все такое? Как жизнь здесь, ваши собрания и все такое прочее помогут мне, кроме того, что я захочу бросить? Но я-то уверен, что уже хочу. Как бы я вообще здесь оказался, если бы не хотел бросить? Разве это уже не доказательство, что я хочу бросить? Но главное, в общем, почему это я не могу бросить, если хочу, вот в чем вопрос.

– У этого чувака была заячья губа. Когда, ну знаете, губы фот фак. Но его была еще больше. Выше. Он продавал плохие спиды, но хорошую травку. Говорил, будет платить квартплату за нас, если мы будем кормить его змей мышами. Мы скуривали весь свой налик, так что какие варианты. Они ели мышей. Пришлось ходить в зоомагазины и притворяться, что мы обожаем мышей. Змеи. Он держал змей. Дуси. От них воняло. Он ни разу не чистил аквариумы. Его губа закрывала нос. Заячья губа. Мне кажется, он и не чуял, как от них воняет. А то

что-то бы сделал. Ему нравилась Милдред. Моя девушка. Не знаю. Наверное, у нее тоже такая проблема. Не знаю. Она ему нравилась. Все что-то говорил, ну, через «ф», говорил: «Хочеф фо мной трахнуться, Милдред, или фто? Мы фе друг друга не ненавидим, ниче». Говорил прямо при мне, пока я бросал мышей в аквариумы, заткнув нос. Мыши должны были быть живыми. И все этим ужасным голосом, будто кто-то зажал нос и не выговаривает некоторые буквы. Он не мыл голову два года. У нас была своя шутка, сколько он не моет голову, и каждую неделю мы ставили крестик на календаре. У нас вообще было много таких своих шуток, чтобы не сломаться. Мы были упоротые, наверное, 90 % времени. Девять и ноль. Но за все время, что мы там жили, он ни разу. Не мылся, в смысле. Она объявила, что нам надо уезжать, иначе она сбежит и заберет Харриет, когда, сказала она, я был на работе, а он начал ей рассказывать, как заниматься сексом с курицей. Он сказал, что занимался сексом с курицами. Мы жили в трейлере за свалкой на Отшибе, и он держал под трейлером пару цыплят. Неудивительно, что они так разбегались от людей. Он, как бы, совершал сексуальное надругательство над пернатыми. Он все говорил и говорил ей об этом, через «ф», типа: «Их надо как бы навинчивать, но когда кончаеф, они так ф тебя фами и флетают». Она сказала, это последняя капля. Мы уехали и поселились в ночлежке на Пайн-стрит, там и жили, пока тот мужик в шляпе не сказал, что у него ранчо в Нью-Джерси, и раз – ее уже нет, причем вместе с Харриет. Харриет – наша дочь. Ей будет три. Но она говорит «фри». Сомневаюсь, что девочка теперь за всю жизнь научится выговаривать буквы. И я даже не знаю, где в Нью-Джерси. В Нью-Джерси вообще бывают ранчо? Я с ней учился с начальной школы. С Милдред. У нас как бы любовь с детства. А потом – тот мужик, которому досталась ее старая койка в ночлежке, от которого у меня завелись вши. Он переехал на ее койку, а потом у меня начались вши. Я тогда еще развозил лед для автоматов на заправках. Как тут вообще выживать без кайфа?

– Итак, это, предположительно, болезнь, алкоголизм? Болезнь вроде простуды? Или рака? Должен заметить, ни разу не слышал, чтобы кому-то велели молиться ради спасения от рака. Исключая, возможно, самые глухие районы американского Юга. Так что это значит? Вы велите мне молиться? Потому что у меня якобы болезнь? Я отказался от жизни и карьеры и пришел на девять месяцев лечения, должен работать за низкую оплату, а мне выписывают молитву? Вам что-нибудь говорит слово «ретроградство»? Я оказался в социоисторической эпохе, о которой что-то не знаю? Как это все понимать?

– Хорошо, хорошо. Хорошо. Просто-таки зашибись как хорошо. Никаких проблем. Жизнь здесь сплошная радость. Лучше себя чувствую. Сплю лучше. Здешнюю жрачку обожаю. Одним словом – лучше быть не может. Скриплю? Зубами скриплю? Тик. Качаю челюсть. Выражаю хорошесть со всех сторон. Аналогично и эта тема с веком.

– Но я же старался. Весь месяц стараюсь. Ходил на четыре собеседования. И они там, ни одно не начиналось до 11, и я такой – смысл рано вставать и высиживать, если там все равно нечего ловить до 11? Я каждый день пишу заявки. Куда мне деваться-то? Вы же меня не выгоните только из-за еб... да они мне не перезванивают. Я тут причем? Давайте, спросите Кленетт. Спросите ту девчонку Трейл, кого там, стараюсь я или нет. Вы же не можете так просто. Охренеть не встать. Я вас спрашиваю, куда мне деваться-то?

– Месяц Полного домашнего ареста только за жидкость для полоскания рта? Ого, интересный факт, из мира интересных фактов: жидкость для рта надо выплевывать! В ней, типа, 2 процента спирта!

– Насчет пердежа одного человека, я вот к вам зачем.

– Я с радостью идентифицирую себя, если вы сперва просто объясните, как кого я себя идентифицирую. Вот моя позиция. Вы требуете от меня засвидетельствовать то, чего я не знаю. К вашему сведению, это называется «давление».

– Ну так меня обвиняют в чем, в полоскании со злым умыслом?

– Я зайду, когда вы освободитесь.

– Оно вернулось. Какую-то долю секунды я еще надеялся. Проблеск надежды. И тут оно опять.

– Сперва дайте сказать только одно.

Конец октября Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»

«Всквой-ка, сына, еще попивасу, и я тебе васскажу пво гвоздь пвогваммы маиво абонемента: ето как мне довелось вживую повидать, как етот невевоятный сукин сын ставит вековд. Эт было на походе скаутского отъяда твоего оватца, на котовый ты не пошел, пушта, помню, боялси, что лишний часок певед ТП не посидишь. Помнишь? Ну, я-то етот день никада не забуду, сына. Игъали пвотив Сивакуз, че там, восемь сезонов назад. Мевзавец в тот день выбил семьсят тви, а съедний у нево был в шиссят, ек-макарек, девять. Семьсят тви, ну ты пъикинь. Всквойка, сына, еще попивасу, не засиживайси. Помню, было пасмувно. Когда он бил, мы до-олго на небо засматывались. Мячи пъямо зависали. В тот день он выбил въема зависания в восемь точка тви секунды. Вот ето, я те скаву, мячи зависали так зависали, сына. Я-то в свои дни и до пяти не добивал. Хоспода. Весь отъяд гововил, шта в жизни не слышали ничего вводе семьсити твех этого мевзавца. Вон Вичавдсон – помнишь Вонни, вожатого или хто он там, пводавец вазелина из Бвуклайна, Вонни – пилот в отставке, с бомбавдивовщика, – Вонни – мы тем вечевком завалились в паб, а Вонни такой, такой: ети семьсят тви гвемели, как гвеванные бомбы, с таким васкатным ВУ-УМ, как когда мужички из бомбавдивовщика их сбвасывали».

Радиопередача сразу перед полуночной передачей Мадам Психоз на полуподпольной WYYY МТИ называется «Вот в наше время было время», один из издевательских форматов технарских колледжей, где любой желающий американский студент может сбежать из лаборатории суперколлайдера или факультатива по преобразованиям Фурье минут на пятнадцать и почитать в прямом эфире пародийный текстик, где прикидывается собственным батей, обожествляющим какую-либо толстошею спортивную персоналию, которую батя уважал и с горькой жалостью сравнивал с тонкошеим головастым астматичным ребенком, не отрывающим своих бутылочных линз от цифровой клавиатуры. Единственное правило передачи – читать текстик надо голосом какой-нибудь дурацкой мультяшки. В отдельные вечера выходных есть и другие патрицидальные форматы, поэкзотичнее, для азиатов, латиноамериканцев, арабов и европейцев. По общему мнению, самые дурацкие голоса у азиатских мультяшек.

Хотя это и буквально детский лепет, «Вот в наше время...» все же полезное катарсическое вскрытие в стиле драматерапии – как правило, нет студента МТИ без своего особенного психологического абсцесса: ботан, задрот, зубрила, педик, дистрофик, четырехглазый, очкарик, чмошник, заморыш, чепушило, шибзденыш; разбитые толстошеими хулиганами во дворе о большую голову скрипка, ТП-лаптоп или энтомологическая морилка, – и передача может похвастаться солидными FM-рейтингами, хотя и во многом благодаря обратной инерции – отдачи в духе второго закона Ньютона от бешено популярного «Часа Мадам Психоз», пн-пт 00:00–01:00, которому она предшествует.

Студент-инженер с ночной смены на WYYY в ГВБВД, не самый большой фанат лифтов, которые двигаются по змеевидной или сосудистой траектории, избегает лифта Студенческого союза МТИ. У него свой маршрут прибытия: в обход главного входа через южный наружный слуховой проход, прихватить «Миллениал Физзи®» из автомата в клиновидной пазухе, затем от читальни в Межталамической спайке спуститься по скрипучей деревянной черной лестнице где-то до Углубления воронки, мимо этажа издательства студенческой CD-газеты «Тех-Ток» и химической вони станка для печати картриджей «только для чтения», ниже надгортанниковой темной штаб-квартиры клуба «Гилель» со звездой на дверях, минуя тяжелую дверь в кафельную сетку коридоров к кортам для сквоша и бадминтона, одному полю для волейбола и просторному Мозолистому телу с 24 высокими залами для тенниса, когда-то преподнесенными в дар выпускниками МТИ и теперь так редко используемыми, что мало кто помнит,

где хранятся сетки, еще на три этажа вниз в залитые литиевыми лампами призрачно-чистые студии FM 109 – WYYY FM, транслирующие сообществу МТИ и в избранные точки вовне. Стены студии розовые и покрыты ларингиальными складками. Здесь его астме полегче: воздух разреженный и чистый, прямо под полом – трахеальные воздушные фильтры, а воздух от вентиляторов свежайший во всем Союзе.

Инженер, аспирант-практикант с больными легкими и закупоренными порами, усаживается в одиночестве за свою панель в будке звукача, настраивает пару игл и проводит саундчек единственного оплачиваемого ведущего в ночном реестре – мрачно почитаемой Мадам Психоз, чья слабая тень, а также ряд студийных эфирных телефонов едва виднеются за ширмой снаружи толстого стекла будки, – проверяя аппаратуру и передачу для четвергового выпуска. Она скрыта от чужих глаз ширмой-триптихом из кремового шифона, который подсвечен красноватыми и зеленоватыми диодами ряда телефонов, шкалами панели радиоведущей и обрамляет ее силуэт. Силуэт четко очерчен на ширме – она сидит по-турецки в своем насекомом головном микрофоне, курит. Инженеру вечно приходится поправлять микрофонную мантоньерку после великанской теменной шири инженера «Вот в наше время...». Он активирует интерком и предлагает проверить громкость микрофона Мадам Психоз. Просит звук. Любой. Он еще не открыл свою банку шипучки. Долгая пауза, в течение которой силуэт Мадам Психоз не отрывается от чего-то, что она как будто складывает в стопку на своем столике.

Через некоторое время она издает парочку взрывных звуков для настройки, чтобы при выдохе не било по ушам, – вечная проблема малобюджетного FM.

Она издает долгий «с».

Студент-инженер вдыхает из ингалятора.

– Ему нравилась некая сонная музыка снов с ритмом длинных качающихся маятников, – говорит она.

Инженер за шкалами панели напоминает человека, который одновременно настраивает обогреватель и магнитолау в машине на ходу.

– Доу, который можно предсказать, не вечный Доу, – говорит она. Инженеру двадцать три и у него крайне проблемная кожа.

– Привлекательная женщина-параплегик ищет такого же; цель отношений:

В беззаконной ларингеальной студии ужасно ярко. Ничто не отбрасывает тени. Это флуоресцент в нишах на потолке с литиезированным коронным свечением двойного спектра, изобретенный в двух корпусах отсюда и стоящий в очереди на патент ОНАН. Холодный бестеневой свет анатомических театров, продуктовых в 04:00. Розовые сморщенные стены более всего наводят на мысли о гинекологии.

– Как и большинство браков, их брак строился на соглашениях и компромиссах.

Инженера из-за прохлады пробивает дрожь, он закуривает свою сигарету и говорит Мадам Психоз по интеркому, что весь диапазон громкости в порядке. Мадам Психоз – единственный ведущий на WYYY, который приходит с собственным микрофоном и Джеками, а также ширмой-триптихом. Над левой секцией ширмы – четыре циферблата, которые показывают время из разных зон, плюс диск без цифр, повешенный кем-то шутки ради, чтобы обозначить Невремя кольцезированной Великой Впадины. Стрелка часов с североамериканским восточным временем отсекает последние секунды от пяти минут молчания в эфире, которое по контракту Мадам Психоз должно предшествовать передаче. Видно, как ее силуэт очень методично тушит сигарету. Она включает сегодняшнюю синтезированную заставку и музыкальную тему; инженер поднимает переключатель и увеличивает громкость в коаксиальной сердцевине и через усилки, спрятанные над высоким навесным потолком простаивающих теннисных кортов Мозолистого тела, в антенне, торчащей на серой бороздчатой поверхности крыши Союза. Дизайн здания в чем-то почерпнут у Бэй Юймина. Почти новенький Студенческий союз МТИ, у угла Амес и Мемориал-др.,^[60] Восточный Кембридж, – это гигантский головной мозг из

железобетона и полимерных соединений. Мадам Психоз опять курит, слушает, склонив голову. Ее высокая ширма будет сочиться дымом весь час передачи. Студент-инженер отсчитывает пять на вытянутой руке, не зная наверняка, видит ли она его. Стоит мизинцу прильнуть к ладони, как она говорит то, что говорила каждую полночь последние три года, – открывающую реплику, которую Марио Инканденца, наименее циничный человек в истории Энфилда, Мас-сачусетс, за рекой, преданно вслушиваясь, находит, несмотря на весь ее черный цинизм, до ужаса чарующей:

Ее силуэт склоняется и молвит:

Чу: земля была безвидна и пуста.
И Тьма была над Бездною.
И сказали Мы:
«Гляньте, как Пляшет эта срань».

Затем включается невыразительный мужской голос, объявляющий «Более-менее шестьдесят минут с Мадам Психоз на YYY-109, самом большом целом числе в FM-диапазоне». Звуки кодируются и прокачиваются студентом-инженером через корпус здания и в антенну на крыше. Эту антенну, низковаттную, техзадроты со станции настроили наклоняться и крутиться, примерно как карусель-центрифугу из парка аттракционов, разбрызгивая сигнал во всех направлениях. С Акта Хунда 1966 года до э. с. низковаттные края диапазона FM – единственный участок беспроводного спектра, лицензированный для общественного вещания. Глубоководно-зеленый цвет FM-приемников по всем лабораториям и общагам кампуса и облепившим его ульям аспирантских квартир медленно тянется к центру гейзера сигнала, движется на шкалах настройки направо, – жутковато, как растения к свету, который даже не видят. Рейтинги передачи – детский лепет по сравнению с былыми вещательными стандартами доинтерлейсовской эпохи, но солидно постоянные. Спрос аудитории на Мадам Психоз был с самого начала неэластичным. Антенна, наклоненная под углом трехкилометровой пушки, вращается в размытом эллипсе – ее поворотное основание эллиптическое, потому что только такую форму смогли надумать техзадроты. Но из-за того, что со всех сторон стеной стоят высокие здания Восточного Кембриджа, Коммершл-драйв и серьезного Центра, из долины МТИ просачивается только пара тонких ломтиков сигнала, например сквозь спортивный провал заброшенных полей лакросса и футбола между комплексами филологии и физики низких температур на Мемориалке, потом через румяно-фиолетовый просвет ночного неба над рекой Чарльз и далее через загруженный трафик на Сторроу-др. с другого берега Чак, так что к моменту, когда сигнал захлестывает верхний Брайтон и Энфилд, нужна антенная едва ли не разведуровня, чтобы отфильтровать электромагнитные миазмы сотовых и межконсольных телефонных передач и электромагнитные ауры ТП, что теснят кромки FM со всех сторон. Если только, понятно, тебе не повезло иметь приемник на пике более-менее обнаженного холма в Энфилде – в данном случае ты окажешься ровнехонько на линии радиоогня YYY.

Мадам Психоз избегает многословных начал и контекстуальных филлеров. Ее час – компактный и без фигни.

Когда музыка стихает, тень поднимает сложенные листы и слегка ими шуршит, чтобы шорох бумаги отдался в эфире.

– Ожирение, – произносит она. – Ожирение с гипогонадизмом. А также патологическое ожирение. Лепроматозная лепра с львиным лицом, – инженер видит, как ее силуэт поднимает чашку, когда она делает паузу, и вспоминает о «Миллениал Физзи» в рюкзаке.

– Акромегалики и гиперкератозики. Энуретики – с этого года. Спастические кривошейки, – говорит она.

Студент-инженер, идущий на докторскую трансуреновый металлург, отрабатывающий огромный гарантированный кредит на обучение, фиксирует громкость, заполняет левую сторону своего табеля учета отработанных часов и поднимается с рюкзаком на плече через трельяжную решетку межнейронных пролетов с семитскими идеограммами и вонью станка, мимо буфета, зала с бильярдом, рядов модемов и множества кабинетов по консультации студентов вокруг ростральной стороны концевой пластинки, по многоступенчатому полузаброшенному нейропути до артериально-красной пожарной двери на крыше Союза, оставив Мадам Психоз, как и предписывает стандартная рабочая процедура, наедине с ее передачей и ширмой в бестеновом холоде. Когда она в эфире, то в студии сидит в основном одна. Время от времени бывает гость, но гость обычно представляется, а потом молчит. Монологи кажутся ассоциативной импровизацией, но при этом со сложной структурой, – похоже на кошмары. Невозможно предугадать, о чем пойдет речь в конкретную ночь. Если и есть хоть какая-то отдаленно постоянная тема – это, наверное, кино и кинокартриджи. Раннее, (в основном итальянское) неореалистическое и (в основном немецкое) экспрессионистское кино пленочных времен. Новая волна – ни разу. Ура Питерсону/Брютону и Дали/Бунюэлю, но агу Дерен/Хаммида. Со страстью о самых медленных вещах Антониони и каком-то русском парне по фамилии Тарковский. Иногда Озу и Брессон. Странная привязанность к замшелой драматургии сэра Герберта Три. Эксцентричное кейловское восхищение живописцами жестокости Пекин-пой, Де Пальмой, Тарантино. Решительно ядовито на тему «8½» Феллини. Исключительно сведуще на тему авангардных пленок и аван- и апрегардных цифровых картриджей, антиконфлюэнциальном кино[61], брутализме, Найденной драме и т. д. Также весьма эрудированно об американском спорте, в частности футболе, что студенту-инженеру кажется диссонансом. Мадам принимает по одному телефонному звонку в передачу, случайно. В основном – солирует. Передача так и пролетает. Она могла бы вести и во сне, за ширмой. Иногда она кажется очень грустной. Инженеру нравится мониторить эфир на высоте, на крыше Союза, под летним солнцем и зимним ветром. Более корректное название для астматического ингалятора астматиков – «небулайзер». Специальность инженера в аспирантуре – карбонизированные транслитиевые частицы, в ядре кольца холодного синтеза они рождаются и гибнут по несколько миллиардов в секунду. Большинство литиоидов невозможно столкнуть или изучить, и существуют они, только чтобы объяснить пробелы и несообразности в уравнениях кольцевания. Однажды в прошлом году Мадам Психоз попросила студента-инженера расписать процесс преобразования порошка оксида урана в старый добрый распадающийся U-235 в домашних условиях. Затем зачитала в эфире между стихами Бараки и критикой защиты Стилера на линии секундарии по схеме дабл-слот. По такой формуле мог бы сварить любой школьник, и заняла она в эфире не больше трех минут, и не включала ни одной засекреченной процедуры или прибора, который не нашелся бы в любом приличном магазине с химикатами в Бостоне, но администрацию МТИ это все равно более чем не обрадовало, т. к. хорошо известно, что МТИ с Минобороны одним миром мазаны. Ядерный рецептик стал единственным примером вербального общения студента и Мадам Психоз, не затрагивавшим настройку громкости да отмашки.

Мягкая латексно-полимерная крыша Союза церебрально вспученная и облачно-розовая, как сосудистая оболочка, не считая мест, где ее разъело до бледно-серого, и повсюду украшена – вздымающаяся крыша – бороздами и шишкообразными наростами. С высоты птичьего полета она выглядит сморщенной; от пожарной же двери – это почти тошнотворная система змеящихся траншей, как водные горки в аду. Сам Союз – summum opus покойного А. И. («В. П.») Рикки – огромная полая оправа для мозга, дар-мемориал североамериканскому царству Полного Хай-Тека, и вовсе не такой уж жуткий, как предполагают иногородцы, хотя к витреально надутым шарам-глазам, что висят на витых синих тросах со зрительных нервов второго этажа перед глазницами, обрамляя главный вход с пандусом для инвалидов, надо еще притерпеться, и некоторые, как инженер, так и не привыкают и пользуются менее маркированными слуховыми

боковыми дверями; и из-за обильных трещин-извилин и окопов-борозд на скользкой латексной крыше дренаж дождевой воды очень сложный, а шансы устоять стремятся к нулю, так что мало кто занимается наверху рекреационными прогулками, здесь напоминающими скорее спортивное ориентирование на сильно пересеченной местности, хотя балкон безопасности из полибутиленовой смолы цвета черепной коробки, обвивающий средний мозг от нижней лобной извилины до теменно-затылочной борозды, – такое нимбовое кольцо на уровне примерно свесов крыши, установленное по требованию пождепа Кембриджа вопреки горячим про-миметичным протестам топологических риккиитов в архдепе (и по решению администрации МТИ в попытке умиротворить и риккиитов, и начальника КПД в затвердевшую смолу которого ввели краски, чтобы придать особенно гадкий коричневато-недобелый цвет настоящего черепа, так что балкон одновременно напоминает и телесную кость, и нуминозную ауру), – наличие этого балкона означает, что если кто и поскользнется на латексе, рухнув с крутого церебрального края, то упадет только на пару метров на широкую бутиленовую платформу, с которой можно спустить мимо верхней височной извилины, варолиева моста и отводящего нерва венозносинюю аварийную лестницу, зацепить ее о полиуретановую базилярно-стволовую артерию и весело скатиться на старый добрый продолговатый мозг прямо у прорезиненного слухового прохода на первом этаже.

Наверху, на промозглом речном ветру, в парке цвета хаки с капюшоном из искусственного меха студент-инженер бредет до первой теменной борозды, на которую падает его взор, сооружает в мягкой траншее что-то вроде гнездышка, – извилистый латекс заполнен такими маленькими фторуглеродонесодержащими орешками пенопласта, которым забито все промышленно-мягкое, так что в оболочке мозга можно устроиться не хуже, чем на тех старых креслах-мешках из более невинных времен, – усаживается и возвращается к «Миллениал Физзи», ингалятору, сигарете и карманному цифровому FM-приемнику «Хиткит» под богатым монооксидом углерода ночным небом, на котором лучи звезд кажутся особенно острыми. Температура в Бостоне 10 °С. Зацентральная борозда, в которой примостился студент, лежит прямо у окружности скоростного вращения антенны YYY, так что в 5 м над головой сигнальный огонь на ее конце описывает размытый овал сосудистого оттенка. Батарейки FM-приемника, ежедневно проверяемые на ртутных резисторах лаборатории низких температур, заряжены до краев, звук приемника из динамиков без НЧ звенящий и четкий, так что Мадам говорит как верная оригиналу, но кардинально уменьшенная копия студийной себя.

– Вы, с седловидными носами. Вы, с атрофированными конечностями. И да, химики и чистые математики, – вы, с атрофированными шеями. Склередема Бушке. Те, что сочатся, – склеродермики. Придите же, придите все, говорит циркуляр. Гидроцефалы. Дистрофики, кахектики и анорексики. Вы, с болезнью Брэга, в тяжелых красных складках кожи. С дермальными винными пятнами, или карбункулами, или стеатоцистомы, или, не дай бог, всем сразу. Говорите, синдром Марин-Амата? Приидите. Псориастики. Затворники с экземами. И скролуфодермики. Грушевидные стеатопигики, в своих специальных слаксах. Жертвы розового лишая. Тут сказано – приидите все, о ненавистные, и мал и велик. Блаженны нищие телом. Ибо.

Пульсирующий свет антенны для воздушных судов – пурпур, резкая и такая близкая звезда, теперь, когда он сплел пальцы за затылком, откинулся и блуждает взглядом по небу, слушает, а огонек с наконечника истекает хвостом цвета из-за скорости вихря центрифуги. Овал света – кровавым гало над самой непокрытой из всех возможных голов. Мадам Психоз уже читала про УРОТ, раз или два. Он слушает, как она читает четырьмя этажами ниже, под Углублением воронки, которое переходит в хребет отопительной шахты, импровизирует по одному из PR-циркуляров Унии Радикально Обезображенных и Травмированных – агностической группы поддержки 12 шагов для тех, кого там называют «эстетически неполноценными» [62]. Иногда она читает циркуляры, каталоги и прочие PR-штуки, но не регулярно. Для некоторых вещей требуется несколько передач подряд. Рейтинги всегда солидны, как скала;

слушатели держатся. Сам инженер почти уверен, что слушал бы, даже если бы ему не платили. Нравится ему приютиться в извилине, неспешно курить и пускать дым в размазанный красный эллипс антенны, мониторить эфир. Темы Мадам одновременно и непредсказуемы, и в чем-то ритмичны – больше всего напоминают волны вероятности для субадронов [63]. Студент-инженер ни разу не видел, как Мадам Психоз входит или покидает WYUY; наверное, пользуется лифтом. Сейчас 22 октября онанского года Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд».

Как и большинство браков, брак Аврил и покойного Джеймса Инканденцы строился на эволюции соглашений и компромиссов, а учебный план в ЭТА – на переговорах и компромиссах между академическим упертым рогом Аврил и острым чувством спортивной прагматики Джеймса и Штитта. Именно стараниями Аврил – которая в первый год существования академии бросила МТИ, перешла на полставки в Брандейс и даже отказалась от крайне завидной и высокооплачиваемой должности научного сотрудника в Институте Бантинга Рэдклифского университета, чтобы создать и взять на себя управление учебной программой ЭТА, – Энфилдская теннисная академия – единственное спортивное учебное заведение в Северной Америке, что еще придерживается тривиума и квадривиума твердолобой классической традиции гуманитарных и естественных наук [64], и, т. о., одна из очень немногих вымирающих спортивных академий, что претендует на звание настоящей доколледжной школы, а не просто фабрики качков за железным занавесом. Но Штитт никогда не позволял Инканденце забыть, зачем на самом деле создано это место, так что твердокаменная педагогика *mens sana* Аврил была не столько разбавлена, сколько подвергнута ад валорему⁵⁶, прагматично сфокусирована на со *groge rotis*⁵⁷ – чему дети, собственно, и приезжали на холм посвятить свое детство. Некоторые из эташных примесей, которые, среди прочего, Аврил допустила в классический путь гуманитарных и естественных наук, – например, что семь предметов Т-и-К смешаны, а не разделены в Квадриумную вышку и Тривиумную подгоговишку; что уроки геометрии в ЭТА практически игнорируют изучение замкнутых фигур (кроме прямоугольников), чтобы сконцентрироваться (а еще кроме «Кубической тригонометрии» Торпа – курс факультативный и по большей части для красоты) в формате двух экспоненциально брутальных семестров на инволюции и расширении одних только углов; что обязательная по Квадривиуму астрономия в ЭТА стала годичным исследованием элементарной оптики, т. к. вопросы видимости имеют к Игре куда большее отношение и т. к. все оборудование, необходимое для любой работы с линзами, от афотических до апохроматических, было и остается доступным прямо в лаборатории, расположенной в туннеле Админки. Вот музыку просто выкинули. Плюс тривиумоидный фетиш на классическое ораторское мастерство к настоящему моменту преобразовался в ЭТА в широкий диапазон исторических лекций и студийных семинаров о различных типах развлечения, в основном кино, – опять же, слишком много роскошной аппаратуры Инканденцы простаивало без дела, плюс играло свою роль законно завещанное и гарантированное на неограниченный срок наличие в академической платежной ведомости миссис Прикет, мистера Огилви, мистера Диснея Р. Лита и мисс Сомы Ричардсон-Леви-О'Бирн-Чаваф – верного звукорежиссера, помощника гаффера, помощника продюсера и третьей любимой актрисы покойного основателя/режиссера соответственно.

Плюс также шесть семестров «Требований индустрии развлечений», поскольку студенты, которые надеются на карьеры профессиональных спортсменов, должны также усердно готовиться быть шоуменами, хотя и узкого и специфического вида, как говорил Инканденца, – один из немногих философских нюансов, которые ему пришлось едва ли не вбивать в головы и Аврил, и Штитта, усиленно ратовавшего за какую-то смесь теологии и очень мрачной кантовской этики.

⁵⁶ *Ad valorem* – пошлина в виде процента с товара (лат.).

⁵⁷ Отсылка к выражению «*Mens sana in corpore sano*» – «В здоровом теле здоровый дух» (лат.).

Марио Инканденца сидел на галерке каждой лекции факультета интертейнмента ЭТА с тех пор, как три года назад, в декабре, наконец был исключен из спецшколы Уинтер-Хилл в Кембриджпорте за веселый отказ даже хотя бы попытаться поучиться по-настоящему читать, который Марио аргументировал тем, что лучше он будет слушать и смотреть. И он фанатичный слушатель/зритель. Он относится к мощному FM-приемнику «Тацуока» в гостиной дома ректора с пиететом детей на три поколения старше, слушая так же, как другие дети смотрят ТП, предпочитая моно и сидя вплотную к одному из динамиков, по-собачьи склонив голову, слушая, таращась в особое близко-среднее место, существующее только для серьезных слушателей. Близко к динамику нужно сидеть особенно тогда, когда он в ДР[65] с Ч. Т. и иногда Хэлом на позднем ужине мамы, потому что у Аврил какая-то аудиоаллергия на радиовещание и ее бьет нервный озноб от любого голоса, не исходящего из живой человеческой головы, и, хотя Аврил дала понять, что Марио может включать и настраивать призрачно-зеленую шкалу «Тацуока» когда и на что захочет, он выкручивает звук так низко, что приходится ложиться на низкий кофейный столик, чуть ли не прижиматься ухом к трепету Буфера и концентрироваться, чтобы расслышать сигнал УУУ поверх разговора в столовой, который имеет тенденцию к концу трапезы становиться маниакально пронзительным. Аврил никогда не просила Марио сделать потише; он делает потише из негласного уважения к ее аудиоаллергии. Другая ее негласная, но стрессовая проблема касается замкнутых пространств, и в ДР между комнатами нет внутренних дверей, да и стен особо тоже, гостиная и столовая разделены только многоэтажной путаницей домашних растений в горшках и на тощих стульчиках разной высоты, расставленных под висящими ультрафиолетовыми лампами такой мощности, что трапезничавшие приобретают небольшой загар, разнящийся в зависимости от того, где кто обычно сидит за столом. Хэл иногда украдкой жалуется Марио, что, мол, благодарю покорно, но мне так-то и днем хватает ультрафиолета более чем. Растения невероятно зеленые и буйные, и порою грозят перекрыть весь переход из столовой в гостиную, и бразильское мачете с намоткой из пенки на рукоятке, которое Ч. Т. повесил на стену у дрожащего китайского сервиза, уже не похоже на шутку. Маман зовет растения своими «Зелеными детками», и у нее на редкость выдающийся садоводческий талант, для канадки.

– Лейкодерматики. Ксантодерматики. Вы, с челюстным вздутием. Вы, с разнообразными поражениями глазниц. Сказано, выходите из-под отраженного солнечного освещения. Выходите из-под спектрального дождя, – вещательный диалект Мадам Психоз – не бостонский. Прежде всего, слышны «р» и нет выпестованного кембриджского заикания. Это акцент человека, который либо долго избавлялся от южной напевности, либо долго ей учился. Он не глухой и звенящий, как у Стайса, но и не говор врястяжку, как у выпускников Гейнсвилльской академии. Ее голос свободно модулированный и странно гулкий, будто она говорит из маленькой коробочки. Он не скучающий, не лаконичный, не ироничный, не с фигой в кармане. – Вы, с дыханием василиска, и пиореики. – Задумчивый, но и какой-то неосуждающий. Ее голос кажется Марио глубоко знакомым, как, бывает, кажутся знакомыми и отчего-то печальными некоторые запахи детства. – И стар, и млад, и пейроники, и тератомики. Френологически искаженные. Гноеточиво пораженные. Эндокринологически зловонные всех видов и сортов. Мчитесь, а не приидите, к нам. Псаммомно-носые. Радикально эктомированные. Патологически потливые с платочком в каждом кармане. Хронически гранулематозные. Вы, кого, как тут сказано, жестоко зовут Двухпакетниками – один пакет на вашу голову, второй – на голову наблюдателя на случай, если первый пакет спадет. Нелюбимые и нецелованные и нелюдимые, кто кроется в тени. Вы, кто раздевается только в присутствии домашних питомцев. Вы, так называемые эстетически неполноценные. Оставьте свои лазареты и ублиеты, читаю я, свои шкафы, чуланы и ТП-Заставки, обретите Заботу, Поддержку и Внутренние Ресурсы, дабы примириться со своим холодящим кровь видом, гласит этот текст, пожалуй, немного хватая через край. Но нам ли судить. Тут сказано: «Объятыя, а не Проклятыя». Тут сказано: «Приидите и накиньте

вуаль знака и характера». Пришедшие научатся любить то, что скрыто внутри. Холить и лелеять. Вы, с почти невероятно раздутыми лодыжками. Кифотики и лордотики. Неизлечимые целлюлиты. Тут сказано: «Прогресс, а не Идеал». Тут сказано: «Идеальных Не Бывает». Смертельно благовидные: добро пожаловать. Актеонизирующие, бок о бок с Медузоидами. Папулики, макулярики, альбики. Как медузы, так и одалиски: приидите и обретите общий язык. Все залы для встреч – без окон. Это курсивом: все залы для встреч без окон», – плюс музыка, которую она выбрала для аккомпанемента этой бесстрастной читке, странно завораживает. Никогда не угадаешь, что прозвучит дальше, но через некоторое время возникает какой-то паттерн – мотив или ритм. Сегодняшний фон каким-то образом согласуется с тем, как она читает. Не чувствуется движения. Не чувствуется, что музыка к чему-то рвется. А что представляешь, когда она читает, – как что-то очень тяжелое раскачивается на конце длинной веревки. Достаточно минорно, чтобы казаться жутковатым на фоне гулко-го напева голоса и позвякивания зубцов и фарфора, с которым родные Марио ужинают салатом с индейкой, пареными крозье и запивают лагером, молоком и *vin blanc*⁵⁸ из «Халла» за растениями, омытыми фиолетовым светом. Марио видит затылок Маман высоко над столом, за ним левее – большую правую руку Хэла, дальше профиль Хэла, когда он наклоняется укунуть. У его тарелки лежит мяч. Игрокам ЭТА, кажется, приходится есть шесть-семь раз в день. Хэл и Марио пришли на ужин в ДР в 21:00 после того, как Хэл что-то учил для пары мистера Лита, а потом куда-то пропал на полчаса, пока Марио ждал, опершись на свой полицейский замок. Марио трет нос основанием ладони. У Мадам Психоз неироничное, но в целом мрачное мировоззрение. Одна из причин, почему Марио так одержим ее передачей, – он отчего-то уверен, что Мадам Психоз сама не чувствует завораживающие красоту и свет, которые излучает в эфир. Он представляет, как встречается с ней и говорит, что ей самой стало бы лучше, если бы она послушала собственную передачу, правда-правда. Мадам Психоз – одна из всего двух людей, с которыми Марио хотел бы поговорить, но побоялся бы. В его голове всплывает слово «периодический».

– Эй, Хэл? – зовет он из-за растений.

Например, где-то несколько месяцев в весенний семестр ГМПСА она звала свою программу «Час унылой литры Мадам» и читала одну за другой депрессивные книжки: «Доброе утро, полночь» и «Мэгги, девушка у улицы», «Комнату Джованни» и «У подножия вулкана», плюс во время поста тот действительно жуткий период Брета Эллиса, – монотонно, очень медленно, ночь за ночью. Марио сидит на низкой кофейной подделке под ван дер Роэ с выгнутыми ножками (выгнутые ножки – у столика), склонив голову вправо к динамику и со своими клешнями на коленях. Когда он сидит, носки обычно смотрят внутрь. Фоновая музыка одновременно предсказуемая и в пределах этой предсказуемости неожиданная: она периодическая. Она предполагает разрастание, но не разрастается. Она ведет к той самой неизбежности, которой не разрешалась. Она цифровая, но с чем-то от хорового букета. Но нечеловеческая. Марио вспоминает слово «призрачный», как, например, «призрачное эхо того-то и сего-то». Музыка Мадам Психоз – которую выбирает не студент-инженер, даже ни разу не видевший, чтобы она ее приносила, – всегда ужасно малоизвестная [66], но часто столь же необычно мощная и завораживающая, как ее голос и сама передача, считает сообщество МТИ. Слушаешь с ощущением, будто есть какая-то шутка, которую понимаешь только ты и она. Мало кто из преданных слушателей WYYY высыпается в пн-пт. У Марио иногда бывают проблемы с дыханием в горизонтальном положении, но, не считая этого, спит он как младенец. Аврил Инканденца до сих пор не отказалась от старой л'ильской привычки в американское время ужина только попить чаю и легко перекусить, а серьезно ужинать прямо перед сном. Коренные канадцы полагают, что вертикальное пищеварение вредно для ума. Некоторые из первых воспоминаний Ориана, Марио и Хэла – как они задремывали за столом, и их мягко переносил в кровать очень высо-

⁵⁸ Белое вино (фр.).

кий человек. То было в другом доме. Треки Мадам Психоз ворошат самые первые воспоминания Марио об отце. Аврил сама первая по-доброму посмеется над своей неспособностью есть до где-то 22:30. У Хэла музыка за едой не вызывает интереса или ассоциаций – он, как большинство детей с двойными ежедневными тренировками, хватается за столовые приборы в кулаки и набрасывается на еду как волк.

– Не забыты ни крайне безносые, ни расходящиеся и сходящиеся косоглазые, ни эрготики святого Антония, прокаженные, рябые от ветрянки, ни даже больные саркомой Капоши.

Хэл и Марио едят/слушают поздно вечером в ДР где-то дважды в неделю. Аврил нравится общаться с ними вне сковывающих формальностей ее должности в ЭТА. Ч. Т. одинаковый что дома, что в кабинете. Спальни Аврил и Тэвиса на втором этаже, более того – соседствуют друг с другом. Последняя комната наверху – личная студия Аврил, с большой цветной распечаткой М. Гамильтон в роли Западной ведьмы из «Волшебника страны Оз» и заказным волоконным кабелем для ТП-консоли с tri-модемом. Из ее студии в дальней части ДР, на севере, вниз идет лестница, в туннель, вливающийся в главный туннель к Админке, так что Аврил может передвигаться по ЭТА под землей. Туннель ДР сходится с главным между насосной и Админкой, т. е. Аврил не приходится пробираться на карачках мимо насосной, что Хэл, очевидно, не может не одобрять. Лимит на ужин в ДР по два раза в неделю максимум поставил для Хэла Делинт, потому что из-за этого он пропускает утренние тренировки, вдобавок возможны ночные хулиганства. Иногда они приводят с собой Джона («Не родственник») Уэйна из Канады, который нравится миссис И. и с которым она ведет оживленные беседы, хотя тот редко отвечает и тоже накидывается на еду, как волк, иногда вовсе игнорируя столовые приборы. Еще Аврил нравится, когда приходит Аксфорд; по некоторым причинам Аксфорду трудно есть, и ест он мало, а ей нравится его уличивать. И теперь Хэл очень редко зовет Пемулуса или Джима Сбита, с которыми Аврил так безукоризненно, высокопарно учтивая, что от заряда напряжения в помещении волосы встают дыбом.

Когда бы Аврил не раздвигала листья фикуса, Марио по-прежнему сидит на своем насесте в позе собачки с логотипа «RCA-Виктор», с горизонтальной морщинкой на лбу, обозначающей, что он изо всех сил либо слушает, либо думает.

– Множественные ампутанты. Протезически негармонизирующие. Кривоzubые, дряблокожие, зобошеие и моржецкие. Вольчьепастные. Действительно большепорые. Чрезмерные, хотя и не только ликантропичные гирсутики. Микрокефалы. Туреттики с конвульсиями. Паркинсоновцы с треморами. Низкорослые и шишковатые. Всем обликом патологические. Заскорузные, горбатые, кистастые и галитотичные. Всех видов асимметричные. С крысиными, змеиными и лошадиными лицами.

– Эй, Хэл?

– Троеноздрые. С заворотами уст и очей. Вы, с темными мешками под глазами, что свисают на пол-лица. Вы, с болезнью Кушинга. Вы, с видом, будто у вас синдром Дауна, хотя у вас нет синдрома Дауна. Решайте. Судите сами. Тут сказано: вас ждут, несмотря на степень. Степень – в глазах страждущего, сказано тут. Боль есть боль. Гусиные лапки. Родимые пятна. Неприжившаяся ринопластика. Невус. Прикус. Жизнь в черной полосе Мебиуса.

Студент-инженер WYUY в своей извилине созерцает луну, которая отчего-то выглядит, будто кто-то взял полную луну и слегка треснул по ней молотком. Мадам Психоз риторически спрашивает, не пропустил ли кого циркуляр. Инженер допивает «Физзи» и готовится снова спуститься к завершению часа, его тело покрывается гусиной кожей со стороны ужасной церебральной прохлады Чарльз – беспокойной и синей. Иногда в начале «60 +/-» Мадам Психоз принимает случайный звонок. Сегодня позвонивший, на котором она заканчивает, с выпестованным заиканием предлагает М. П. и YYY-сообществу принять к рассмотрению факт, что луна, которая, конечно, как известно любому дураку, вращается вокруг Земли, не вращается

сама по себе. Правда? Он говорит, что да. Просто висит себе, прячась в ритмах нашей круглой тени, но никогда не возвращается. Никогда не отворачивает лика.

Маленький «Хиткит» не ловит сигнал в субдуральных лестничных колодцах Головной коры во время спуска, но студент-инженер уверен, что она не ответит прямо. Ее концовка – снова молчание в эфире. Инженеру она почти напоминает некоторых типов из средней школы, которых все обожают, так как чувствуют, что им все равно, обожают их или нет. Хотя инженеру, которого ни разу не приглашали на вечеринки по случаю выпускных, с его-то ингалятором и проблемной кожей, вовсе не было все равно.

Десерт, который подает Аврил, когда в гостях Хэл, – печально известные протеиновые желатиновые кубики от миссис Кларк, ярко-красные или ярко-зеленые в ассортименте, – почти как «Джелл-О» на стероидах. Марио готов только ими и питаться. Ч. Т. убирает со стола и загружает посуду в посудомойку, потому что готовил не он, и Хэл собирается на выход где-то в 01:01. Марио все еще слушает ночное завершение эфира WYYY, что требует времени, ведь там не только перечисляют киловаттные характеристики станции, но и приводят доказательства формул, по которым эти характеристики вычисляются. Ч. Т. на кухне всегда роняет минимум одну тарелку и потом рычит. Аврил всегда приносит парочку адских желеинок Марио и с шутливо сухим тоном говорит Хэлу, что была умеренно рада видеть его вне les bâtiments sanctifiés⁵⁹. Хэлу это все иногда кажется ритуальной и почти галлюцинаторной прощальной пляской. Хэл стоит под большим постером «Метрополиса» в рамке, небрежно хлопает перчатками друг о друга и говорит Марио, что ему уходить необязательно; Хэл еще собирается ненадолго сбежать с холма. Аврил и Марио всегда улыбаются, и Аврил небрежно интересуется его планами.

Хэл всегда хлопает перчатками, улыбается ей и говорит: «Делать глупости».

А Аврил всегда с шутливо строгим лицом отвечает: «Ни за что, ни при каких обстоятельствах не веселись», – что Марио по-прежнему находит смешным до надрыва животика, каждый раз, неделя за неделей.

Реабилитационный пансионат пансионатного типа для алкоголиков и наркоманов «Эннет-Хаус» – шестой из семи блоков на территории комплекса Энфилдского военно-морского госпиталя, которые с высоты промышленного вентилятора ATHSCME 2100 или вершины Энфилдской теннисной академии напоминают семь лун на орбите мертвой планеты. Само здание госпиталя – учреждение Управления по делам ветеранов из кирпича цвета железа и с крутыми шиферными крышами – закрыто и оцеплено, все возможные входы и отверстия забиты яркими сосновыми досками с очень строгим правительственными воспрещениями. Энфилдский военно-морской построили то ли во время Второй мировой, то ли Корейской, когда был всплеск ранений и количества пациентов. Теперь же практически единственные ветераны, кто пользуется построенным специально для них Энфилдским военно-морским комплексом, – старые ветераны Вьетнама с бешеными глазами в выцветших обезрукавленных армейских куртках или дряхлая гвардия времен Кореи, сейчас уже с маразмом и алкоголизмом в последних стадиях или и тем, и другим одновременно.

Само здание госпиталя давно лишилось оборудования и медных проводов, не работает, и Энфилдский военно-морской остается на кредитном плаву благодаря нескольким строениям поменьше на территории комплекса – зданиям размером где-то с зажиточные особняки, где ранее квартировали врачи и медперсонал Управления по делам ветеранов, – которые сдает в аренду различным окологосударственным здравоохранительным организациям и службам. У каждого здания-блока есть номер, который увеличивается по мере удаления блока от нерабочего госпиталя вдоль разъезженной бетонной дорожки от парковки госпиталя и по мере бли-

⁵⁹ Культовые сооружения (фр.).

зости к крутому оврагу, выходящему на особенно неприятную брайтоновскую часть авеню Содружества и рельсы зеленой ветки.

Блок № 1, сразу у парковки в полуденной тени госпиталя, сдается какой-то организации, которая, похоже, принимает на работу только мужчин в водолазках; здесь консультируют ветеранов Вьетнама с бешеными глазами по поводу некоторых сильно отложенных стрессовых расстройств и отпускают различные успокоительные средства. Блок № 2, тут же по соседству, – метадоновая клиника под эгидой того же Управления службы лечения наркотической зависимости, что выдало лицензию и Эннет-Хаусу. Клиенты блоков № 1 и № 2 прибывают на заре и выстраиваются в длинные очереди. Клиенты блока № 1 сбиваются в группки как бы единомышленников по три или четыре, бурно жестикулируют, зыркают бешеными глазами и в целом выглядят разъяренными по какой-то расплывчатой геополитической причине. Клиенты метадоновой клиники, как правило, прибывают еще злее, и их глаза с раннего утра пучатся и дрожат, как у задушенных, но они не сбиваются в группки, а стоят или прислоняются вдоль перил длинной дорожки № 2, скрестив руки, по одному, задумчиво, соло, обособленно – 50–60 человек, которые умудряются выстроиться в очередь на узкой дорожке в ожидании, когда всего одно зданье откроет свои узкие двери, и при этом выглядеть одиноко и обособленно, – странное зрелище, и если бы Дон Гейтли хоть раз был на балете, он бы – как жилец Эннет-Хауса со своего заревого караула-перекура у пожарного выхода снаружи мужской пятиместной спальни на втором этаже, – сравнил движения и позы, необходимые для подобного одиночества-в-толпе, с балетом.

Еще большая разница между блоками № 1 и № 2 – клиенты № 2 покидают здание, фундаментально изменившись, их глаза уже не только не лезут из глазниц, но и светятся покоем, пусть даже и чуть стекленеют, но в любом случае они находятся в куда лучшем состоянии, чем по прибытии, тогда как завсегдатаи № 1 с бешеными глазами покидают № 1 еще более потрясенными и обозленными на историю, чем когда заходили.

В самом начале пребывания в Эннет-Хаусе Дона Гейтли едва не выселили за стговор с бедовой метедриновой наркоманкой из Нью-Бедфорда и прогулку в комендантский час через комплекс ЭВМГ посреди ночи, чтобы присобачить большую табличку на узкую дверь метадоновой клиники в блоке № 2. Табличка гласила: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ ПО ПРИКАЗУ СОДРУЖЕСТВА МАССАЧУСЕТСА». Первый работник метадоновой клиники не приезжает открывать до 08:00, но выше было упомянуто, что клиенты № 2 всегда появляются, заламывая руки и пуча глаза, где-то на заре, чтобы ждать; и Гейтли, и любительница спидов из Нью-Бедфорда в жизни не видели таких психических кризисов и почти-бунта среди полубывших торчков: бледные, тощие как смерть, вечно курящие гомосексуалисты и бородатые головорезы в кожаных беретах, женщины с ирокезами и множеством жвачек в них, растратчики трастовых фондов из высшего общества с блестящими машинами и компьютеризированными украшениями, которые прибыли – как прибывали, словно гипер-активные крысы, уже годами, ну, многие из них, – прибыли на заре с выпученными глазами, «Клинексами» у носа, почесывая руки, переминаясь с ноги на ногу, делая практически что угодно, только не сбиваясь в группки, жаждущие химического облегчения, готовые ради него простоять на холоде, выдыхая пар, часами, прибыли спозаранку и теперь узнали, что Содружество штата МА неожиданно лишило их перспективы подобного облегчения до (и как будто именно это там, на парковке, стало последней каплей) до, значит, «Дальнейшего Уведомления». Редко когда оборот «рвать и метать» стремился к такому буквальному воплощению. При звуках первой разбитой форточкой и при виде усохшей старой шлюхи, набросившейся с дометрической табличкой «ТРАВА РАСТЕТ ДЮЙМАМИ, А УМИРАЕТ ФУТАМИ» с дохлого газона перед клиникой в N2 на байкера в косухе, метедриновая наркоманка расхохоталась так, что выронила бинокль с пожарного выхода Эннет-Хауса, откуда они наблюдали за сценой где-то в 06:30, и бинокль упал, со звенящим лязгом, на крышу машины одного из консультан-

тов Эннет-Хауса в маленькой улочке, как раз когда он парковался – консультанта по имени Кельвин Болт, бывшего нью-йоркского порноактера с четырехлетним стажем трезвости, который сам прошел через Хаус и теперь готов был не только давать себя в обиду, но и, напротив, пропорционально выдавать сдачи любому жильцу, гордостью и радостью Болта был как раз кастомизированный «Корвет», а бинокль оставил на редкость неудачную вмятину, и плюс то был бинокль для любительской орнитологии управдома, одолженный из заднего кабинета без ее ведома или устного разрешения, и затыжное падение и приземление не пошли, мягко говоря, биноклю на пользу, и Гейтли с метедриновой наркоманкой взяли за задницу, поместили под Полный домашний арест и едва-едва не выгнали взащей. Хотя наркоманка из Нью-Бедфорда все равно спустя пару недель попала с аминирующей иглой ночному дежурному, когда одновременно играла на воображаемой гитаре и полировала крышки пожертвованных консервов в кладовке Хауса после отбоя, раздетая догола и мокрая с ног до головы от метамфетаминового пота, и после формальной сдачи мочи получила старого доброго административного пенделя – больше четверти поступающих в Эннет-Хаус жильцов выселяют в течении первых же тридцати дней за грязный анализ мочи, и это верно для любого бостонского «дома на полпути», – и так опять вернулась в Нью-Бедфорд, а спустя где-то три часа ее по старому ордеру замели нью-бедфордские Органы и отправили на от одного до двух во Фремингемскую женскую, и уже там однажды утром ее нашли на койке с самодельными заточками из ложек, торчащими из интимных органов и горла, и с в целом бесповоротно стертой картой, и личный консультант Гейтли Эухенио М., сообщив Гейтли эту новость, предложил ему увидеть в кончине метедриновой наркоманки явный случай поговорки «Кабы не милость божья, быть на ее месте Д. У. Гейтли».

Блок № 3, через улочку от № 2, не занят, но ремонтируется к сдаче; он не заколочен, и строители Энфилдского военно-морского пару дней в неделю заходят туда с инструментами и кабелями и производят безбожный грохот. Пэт Монтесян еще не разузнала, для какой группы страждущих будет отведен № 3.

Блок № 4, более-менее равноудаленный от парковки госпиталя и крутого оврага, – вместилище пациентов с Альцгеймером и ветеранскими пенсиями. Обитатели № 4 ходят в пижаме 24/7, а памперсы придают их виду пухлый и младенческий нюанс. Пациенты часто виднеются в окнах № 4, в пижамах, распластавшиеся и раскрывшие рот, – иногда крича, иногда просто немо раскрыв рот, распластавшись у окон. От них у всех в Эннет-Хаусе нервный озноб. Одна древняя медсестра ВВС только и делает, что часы напролет кричит «Помогите!» из окна второго этажа. Т. к. жильцы Эннет-Хауса надрессированы по реабилитационной программе бостонских АА, которая делает особый акцент на необходимости «Просить о помощи», пожилая вопящая сестра ВВС зачастую становится объектом мрачных шуток, иногда. Не далее как шесть недель назад прямо под окном пожилой вопящей медсестры была найдена прибитой к сайдингу № 4 огромная табличка с надписью «ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ», и директор № 4 этому не то чтобы обрадовался и потребовал, чтобы Пэт Монтесян вычислила и наказала ответственных жильцов Эннет-Хауса, и Пэт делегировала расследование Дону Гейтли, и хотя Гейтли неплохо представлял, кто был злоумышленником, ему не хватило духу по-настоящему надавить и надрать задницу за то, что он и сам был не прочь выкинуть, будучи новеньким и циничным, и потому все происшествие по большей части замяли.

Блок № 5, наискосок через улочку от Эннет-Хауса, – для кататоников и овощных, свернувшихся в вечный калачик психических больных, переданных по субдоговору аутрич-агентству Содружества переполненными УДУ. Блок № 5 по причинам, которые Гейтли так и не просек, называют Сараем^[67]. Это, понятно, довольно тихое местечко. Но в хорошую погоду, когда наиболее портативных пациентов выносят и расставляют на лужайке подышать воздухом, они – торчащие, подпертые и тарашающиеся – представляют картину, к которой Гейтли привык не сразу. Пару новеньких жильцов под конец лечения Гейтли выселили за то, что они бросались петардами в толпу кататоников на лужайке, проверить, не забегают ли они или не

выразят ли каким-либо образом неудовольствие. В теплые ночи одна женщина в очках и с длинными конечностями, которая кажется скорее аутичной, чем кататоничной, иногда выбредает из Сарая, завернувшись в простыню, и кладет руки на тонкую блестящую кору серебристого клена на лужайке № 5, и стоит, шупая дерево, пока ее отсутствие не замечают на обходе; и с тех пор как Гейтли закончил лечение и принял предложение стать сотрудником с проживанием в Эннет-Хаусе, иногда он просыпается в служебной подвальной спальне у таксофона и автомата с газировкой, выглядывает в чумазое окошко на уровне земли у кровати и наблюдает за кататоничкой в очках и простыне, которая шупает дерево, подсвеченная неонами с Содружки или странным натриевым светом, что льется из снобской теннисной школы на холме, наблюдает, как она стоит, и чувствует какую-то странную холодящую эмпатию, которую старается не ассоциировать с тем, как наблюдал, как его мать отключалась на ситцевом диване в гостиной.

Блок № 6, прямо над оврагом в конце разъезженной дороги с восточной стороны, – реабилитационный пансионат пансионатного типа для алкоголиков и наркоманов «Эннет-Хаус»: три этажа побеленного новоанглийского кирпича, который местами проглядывает сквозь побелку, мансардная крыша, роняющая зеленый гонт, облезлые пожарные выходы у каждого окна и черный ход, которым жильцам запрещено пользоваться, и передний кабинет на южной стороне с большим выдающимся эркером, открывающим вид на сорняки оврага и неприятный отрезок авеню Содружества. В переднем кабинете заседает директор, а безупречную чистоту окон в эркере – единственном, что есть привлекательного в Хаусе, – поддерживают те жильцы, которым в еженедельном Дежурстве выпали «Окна переднего кабинета». Под скатом мансарды находятся чердаки, на женской и мужской половинах дома. На чердаки можно попасть через люки в потолке второго этажа, они под балки забиты мешками и коробками – невостребованными пожитками жильцов, которые во время лечения исчезли в неизвестном направлении. Кустарник вокруг первого этажа Эннет-Хауса выглядит взрывным, раздуваясь в некоторых особенно неухоженных местах, и в его зеленых переплетениях мелькают фантики и одноразовые стаканчики, а на втором этаже женской половины в окнах, которые, кажется, не закрываются круглый год, развеваются безвкусные домотканые шторы.

Блок № 7 – в конце улицы с западной стороны тонет в тени холма и балансирует на краю подверженного эрозии оврага, ведущего к авеню. № 7 в плохом состоянии, забит, забыт и стоит с глубоко просевшей в середине красной крышей, будто пожимает плечами в ответ на какое-то бессмысленное оскорбление. Для жильца Эннет-Хауса посещение блока № 7 (в который легко попасть, сняв сосновую доску в старом кухонном окне) карается немедленным административным выселением, т. к. блок № 7 печально известен как место, где жильцы Эннет-Хауса, которых тянет на секретный рецидив с Веществами, прячутся, употребляют Вещества, маскируют преступление Визином и Клоретсом, а потом возвращаются назад через улицу к отбою в 23:30, не попавшись.

За блоком № 7 начинается самый высокий и большой холм в окрестностях Энфилда, Массачусетс. Склон огорожен, недоступен, плотно зарос и без разрешенных тропинок. Поскольку авторизованный маршрут – это прогулка на север по разъезженной дороге за парковку, за госпиталь, вниз по крутому изгибающемуся шоссе до Уоррен-стрит и столько же в обратную сторону, на юг по Уоррен до Содружества, каждое утро почти половина жильцов Эннет-Хауса предпочитает перелезть через задний забор № 7 и взбираться по холму, срезая путь до своих временных работ по МРОТу где-нибудь типа дома престарелых «Провидент» или «Систем измерения давления „Шуко-Мист“» и т. д., на Содружке, за холмом, или работ на кухне или по уборке в дорогой теннисной школе для светловолосых холеных теннисных детишек там, где раньше была вершина холма. Дону Гейтли рассказывали, что школьный лабиринт теннисных кортов лежит там, где раньше была вершина холма, пока ражие застройщики теннисных кортов с сигарами в зубах эту вершину не срезали и не закатали в асфальт, во время шумного процесса вызывая лавиноподобные опасные оползни мусора на блок № 7 Энфилда.

дского военно-морского, – из-за чего, понятное дело, администрация госпиталя когда-то давным-давно вела бурные тяжбы; и но Гейтли не знает, что именно из-за облысения холма № 7 до сих пор и стоит невостребованный и невосстановленный: Энфилдская теннисная академия до сих пор платит полную аренду, каждый месяц, за то, что чуть не похоронила.

6 ноября

Год Впитывающего белья для взрослых «Депенд»

16:10. Качалка ЭТА. Тренировка в свободном стиле. Звон и лязг многочисленных противовесов. Лайл на диспенсере для полотенец беседует с чрезвычайно мокрым Грэмом Рэйдером. Шахт качает пресс, на почти вертикальной скамье, его лицо багровое, а лоб пульсирует. Трельч у стойки для приседаний, сморкается в полотенце. Койл делает армейские жимы с голой штангой. Кэрол Сподек поднимает штангу на бицепс, вся в зеркале. Лайл сгибается и наклоняется к Рэйдеру, тот кивает. Хэл на месте для страховки в конце скамьи для жима лежа в тени чудовищного медного бука из западного окна поднимает пальцы ноги, для разработки лодыжки. Ингерсолл на блочном тренажере, нагружает вес, вопреки советам Лайла. Кейт («Викинг») Фрир[68] и стероидный пятнадцатилетний Элиот Корнспан страхуют друг друга в подъеме массивной штанги на бицепс у скамейки рядом с кулером, по очереди подбадривая друг друга криками. Хэл время от времени прерывается, чтобы наклониться и сплюнуть в старый стакан с надписью НАСА на полу у скамьи. Тренер ЭТА Барри Лоуч прохаживается с планшетом, ничего не записывая, только внимательно наблюдая и часто кивая. В углу Аксфорд в одном кроссовке, колдует над босой ногой. Майкл Пемулис сидит по-турецки на скамье у кулера прямо возле левого бедра Корнспана, качает мышцы лица, пытается подслушивать Лайла и Рэйдера, морщась всякий раз, когда рычат друг на друга Корнспан и Фрир.

– Еще три! Поднимай!

– У-а-а-а-а.

– А ну поднял эту херню, мужик!

– Г-в-в-у-у-у-а-а-а!

– Она изнасиловала твою сестру! Убила на хер твою мать, мужик!

– Хух-хух-хух-хух-гв-в-в.

– Сделай это!

Лицо у Пемулиса сперва вытягивается, затем, напротив, расширяется, затем как-то пустеет и искажается, как у бэконовских Римских Пап.

– Предположим, – с трудом слышит Лайла Пемулис. – Предположим, я дам тебе связку из десяти ключей. Из, нет, сотни ключей, и скажу тебе, что один из ключей ее откроет – эту дверь, за которой, как мы представляем, все, чем ты хочешь стать, как игрок. Сколько ключей ты готов перепробовать?

Трельч кликает Пемулиса:

– Изобрази еще разок Делинта, когда он дрожит! – у Пемулиса на секунду вяло отваливается челюсть, глаза закатываются, веки трепещут, он двигает кулаком.

– Ну, черт, все до единого переберу, – говорит Рэйдер Лайлу.

– Хухл. Хухл. Гв-в-в-в-в.

– Ебанарот! Ебать!

Когда Пемулис морщится, кажется, что это тоже упражнение для мышц лица.

– Изобрази истерику Бриджет! Изобрази Шахта в тубзадроне!

Пемулис прижимает палец к губам.

Лайл никогда не шепчет, но все равно ни фи́га не слышно.

– Значит, ты готов совершать ошибки, понимаешь. Ты говоришь, что готов на 99 % ошибок. Парализованный перфекционист, как ты себя зовешь, просто стоял бы перед дверью. Звеня ключами. Боясь вставить в скважину первый.

Пемулис опускает нижнюю губу, насколько может, и сокращает щечные мышцы. Когда Фрир рычит на Корнспана, на его шее дыбятся жилы. Между ними висит туман слюны и пота.

У Корнспана такой вид, будто его сейчас удар хватит. На штанге, которая сама по себе 20 кг, 90 кг.

– Еще разок, гондон. Взял, сука, и поднял.

– Иди в жопу. Жопа, в жопу. Гв-в-в-в.

– Прими эту боль!

Фрир поддерживает штангу одним пальцем, толку от этого ноль. Красная рожа Корнспана мечется по черепу.

Более легкая штанга Кэрл Сподек бесшумно ходит вверх и вниз.

Трельч подходит, садится и пилит шею сзади полотенцем, глядя на Корнспана.

– Не уверен, что все мои жимы в жизни вместе взятые были под 110, – говорит он.

Корнспан издает звуки, которые как будто исходят не из его глотки.

– Да! ДЫ-Ы-А-А-А! – рычит Фрир. Штанга рушится на резиновый пол, Пемулис морщится. Все вены на Корнспане вздыбились и пульсируют. Живот как у беременной. Он опирается руками бедра и сгибается, изо рта свисает нитка чего-то.

– Охренительно, детка, – говорит Фрир, отходя к коробке на диспенсере, чтобы намазать руки канифолью, по дороге любит сам на себя в зеркало.

Пемулис очень медленно крестится в сторону Корнспана, заговорщицки озираясь. Он приближается в упор к мезоморфной голове Корнспана и шепчет:

– Эй. Элиот. Эй.

Корнспан, согнувшись, тяжело дыша, чуть перекачивает голову в его сторону. Пемулис шепчет:

– Слабак.

Если в силу отчаянных обстоятельств или во имя благотворительности тебе доведется посетить реабилитационное учреждение по типу «дома на полпути», как субсидируемый Эннет-Хаус в Энфилде, Массачусетс, ты откроешь для себя много новых экзотических фактов. Ты узнаешь, что если Массачусетский департамент социальных служб однажды забрал у матери детей на любой период времени, он всегда может забрать их опять, этот ДСС, просто потому что, уполномоченный не более чем формой со штемпелем и росписью. Т. е. раз признанная неблагополучной – неважно, почему и когда, или что изменилось за прошедшее время – мать больше ничего поделать не может.

Или, например, что люди, зависимые от Веществ, после того как резко прекратят употребление, часто страдают от дикой папулезной сыпи, часто целыми месяцами напролет, пока Вещество медленно выводится из тела. Сотрудники сообщат тебе, это потому, что кожа – самый большой экскреторный орган в теле. Или что сердце хронических алкоголиков – по причинам, которые не в силах объяснить ни один врач, – раздувается в размерах почти вдвое больше сердец обычных граждан и к нормальным размерам никогда не возвращается. Что существует определенный тип людей, который носит фотографию своего терапевта с собой в бумажнике. Что (одновременно и облегчение, но и даже какое-то разочарование) черные пенисы, как правило, в общем того же размера, что и белые пенисы, в целом. Что не все американские мужчины обрезаны.

Что тонкое звенящее амфетаминовое жужжание можно заглушить, если быстро последовательно употребить три «Миллениал Физзи» и целую пачку печений «Орео» натошак (однако при этом важно с непривычки не стошнить, о чем бывалые жильцы обычно забывают сообщить новеньким).

Что устрашающий латиноамериканский термин для внутреннего расстройства, из-за которого наркоман без конца возвращается к поработившему его Веществу, – «tecato gusano», который, оказывается, можно также перевести как какого-то внутреннего психического червя, которого нельзя насытить или убить.

Что черные и латиноамериканцы могут быть такими же или большими расистами, чем белые, и что они становятся еще более враждебно настроенными, если тебя эта новость удивляет.

Что во сне возможно – для некоторых жильцов – извлечь сигарету из пачки с тумбочки, зажечь, выкурить до фильтра, а затем затушить в пепельнице на тумбочке – ни разу не проснувшись и не устроив пожар. Тебе сообщат, что этот навык обычно приобретается в пенитенциарных учреждениях, после чего твое желание жаловаться утихнет. Или что даже промышленной мощности беруши «Флентс» из расширяющейся пены не разрешают проблему храпящего соседа по комнате, если данный сосед такой огромный и с настолько заложенным носом, что храп также производит дозвуковые вибрации, которые арпеджируют по твоему телу взад-вперед и от которых койка трясется, как такие массажные кровати в мотеле, куда надо забрасывать четвертаки.

Что женщины могут быть не менее вульгарными в плане сексуальных и выделительных функций, чем мужчины. Что больше 60 % всех арестованных по обвинениям, связанным с наркотиками и алкоголем, заявляют, что в детстве пережили растление, а две трети оставшихся 40 процентов отмечают, что не могут вспомнить свое детство достаточно подробно и ответственно заявить, было растление или нет. Что в реминорный вопль дешевого пылесоса можно вплетать мадамопсихозные гармонии, когда мычишь про себя, если на сегодня твое Дежурство – уборка. Что некоторые люди буквально похожи на крыс. Что некоторым наркозависимым проституткам труднее бросить проституцию, чем наркотики, и объясняют они это противоположными направлениями денежного потока в случаях этих двух занятий. Что существует не меньше сленговых наименований женских половых органов, чем мужских.

Что малоизвестный парадокс зависимости от Веществ заключается в следующем: как только ты поработан Веществом настолько, что его нужно бросить, чтобы спасти жизнь, поработавшее Вещество становится для тебя таким важным, что ты просто потеряешь разум, когда его у тебя отнимут. Или что через некоторое время после того, как у тебя отнимут любимое Вещество, спасая твою жизнь, во время обязательных утренних и вечерних молитв ты обнаружишь, что молишься о том, чтобы буквально потерять разум – чтобы можно было вернуть разум в какую-нибудь там старую газету и оставить в переулке, и он там дальше вертелся сам по себе, без тебя.

Что в метрополии Бостона любимое сленговое наименование мужских половых органов – «Блок», поэтому обозначения госпиталем ЭВМ зданий на его территории и служат поводом для кривых усмешек многих жильцов Эннет-Хауса.

Что некоторым людям ты не понравишься, как бы ни старался. И что большинство взрослых граждан без зависимостей уже уяснили и смирились с этим фактом, часто довольно рано.

Что каким бы умным ты себя не считал, ты все равно куда глупее.

Что «Бог» АА, АН и АК[69], оказывается, не требует веры в Него/Нее/ Это – Он/Она/ Оно все равно тебе поможет. Что, несмотря на мачистский выпендрей, мужской плач на публике не только довольно маскулинный, но и даже приятный (как говорят). Что «делиться» значит «разговаривать», а «разбирать» человека значит «критиковать» его, плюс есть еще много реабилитационного новояза. Что важная часть иммунновиральной профилактики «домов на полпути» – не оставлять бритву в общей ванной. Что, оказывается, опытная проститутка может (как говорят) надеть презерватив на Блок клиента так ловко, что он даже не заметит, пока не будет, так сказать, поздно.

Что переносной сейф из двухслойной стали с тройной комбинацией для бритвы и зубной щетки можно получить за 35.00 долларов США / 38.50 долларов ОНАН через «Сеть товаров для дома», и что Пэт М. или управдом позволят воспользоваться для заказа одним из старых ТП в заднем кабинете, если ты заработал достаточно, чтобы вообще вякать.

Что больше 50 % людей с зависимостью от Веществ страдают и от других известных форм психиатрических расстройств. Что некоторые проститутки-мужчины так привыкают к клизмам, что неспособны без них нормально испражняться. Что у большинства жильцов Эннет-Хауса есть хотя бы одно тату. Что значимость этой информации не поддается анализу. Что в метрополии Бостона уличный термин для отсутствия денег – «нищесбродить». А то, что в других местах известно как «информировать», «стучать», «стукануть», «крысятничать» или «доносить», на улицах метрополии Бостона известно как «жрать сыр» – предположительно, некое производное от ассоциативного облака «крысы».

Что кольца в нос, язык, губы и веки редко требуют настоящей пенетрации. Поскольку существует широкий выбор клипс. Что кольца в соски требуют пирсинга, что кольца в клитор или пенис – не то, о чем, по мнению окружающих, тебе действительно хочется знать. Что сон может быть формой эмоционального эскапизма и им при должных усилиях тоже можно злоупотреблять. Что женщина-чиканос – не «чиканас». Что получить водительские права с твоей фотографией, но чужим именем в Массачусетсе стоит 225 долларов США. Что намеренная депривация сна тоже может стать злоупотребляемым эскапизмом. Что злоупотребляемым эскапизмом может стать и игра, и работа, и шоппинг, и воровство, и секс, и воздержание, и мастурбация, и еда, и тренировка, и медитация/молитва, и сидеть так близко к ТП DEC Эннет-Хауса с картриджным видаком, что экран заслоняет все поле зрения, а статический заряд экрана щекочет нос, как варевка[70].

Что человек может и не нравиться, но у него/нее/этого есть чему научиться. Что одиночество – не производная уединения. Что возможно разозлиться так, что на глаза по-настоящему опускается красная пелена. Что такое «техасский катетер». Что некоторые действительно воруют – и украдут что-нибудь твое. Что многие взрослые американцы по-настоящему не умеют читать, даже аудиогипертекст на картриджах с функцией Help для каждого слова. Что альянсовые клики, отшельничество и сплетни могут быть формами эскапизма. Что логика – не гарантия истинности. Что злые люди никогда не считают себя злыми, а скорее, что все вокруг злые. Что возможно получить ценные уроки от дурака. Что трудно сосредоточить внимание на любом раздражителе больше чем на несколько секунд. Что можно внезапно, как гром среди ясного неба, так сильно захотеть кайфануть от любимого Вещества, что кажется, будто умрешь, если не кайфанешь, но при этом можно просто сидеть с дрожащими руками и мокрым от желания лицом – можно хотеть кайфануть, но вместо этого просто сидеть, хотеть, но не хотеть, если это понятно звучит, и если вытерпишь и не вернешься к Веществу, то в конце концов желание само затихнет, уйдет – по крайней мере, пока. Что людям с низким IQ, по статистике, проще вылечиться от зависимости, чем людям с высоким IQ. Что уличный термин в метрополии Бостона для «попрошайничать» – «чистить», и что некоторые считают это ремеслом или искусством; и что у профессиональных мастеров «чистки» даже бывают профессиональные коллоквиумы, как конвенты, в парках или на станциях общественного транспорта, по ночам, где они собираются, множат знакомства и обмениваются отзывами о трендах, техниках, связях с общественностью и т. д. Что можно злоупотреблять и стать зависимым от безрецептурных средств от простуды и аллергии. Что в «Найквиле» больше 50 процентов содержания спирта. Что скучные занятия, как ни парадоксально, становятся менее скучными, если на них сильно сосредоточиться. Что если в комнате достаточно людей пьют кофе молча, то можно расслышать звук пара, поднимающегося от чашек. Что иногда людям надо просто посидеть где-нибудь и, типа, пострадать. Что тебя станет меньше волновать, что о тебе думают другие, когда осознаешь, как редко они о тебе думают. Что на свете бывает чистая, без примесей, без подтекстов доброта. Что возможно уснуть во время панической атаки.

Что сильно сосредоточиться на чем угодно – очень тяжелый труд.

Что зависимость – физическая болезнь, или психическое заболевание, или духовное состояние (см. «бедные духом»), или расстройство типа обсессивно-компульсивного, или

аффективного, или личности, и что больше 75 % ветеранов бостонских АА, которые хотят тебя убедить, что это болезнь, усадят тебя, напишут на бумаге слово DISEASE⁶⁰, а потом разделят и добавят дефис, чтобы получилось DIS-EASE⁶¹, а потом уставятся на тебя так, будто тебя должно осенить ослепительное прозрение, когда на самом деле (как неустанно указывает своим наставникам Дж. Дэй) разделение слова только сужает определение и объяснение до одного простого описания ощущения, причем какого-то плаксиво пресного.

Что самые зависимые от Веществ люди также зависимы от мышления, т. е. у них компульсивные и нездоровые отношения со своим мышлением. Что милый термин бостонских АА для аддиктивного мышления – «парализ-анализ». Что на самом деле если кормить кошек молоком, у них начинается дикая диарея, – противоположно популярному образу кошек за молочком. Что просто приятней быть счастливым, чем обижаться на весь мир. Что 99 % мышления компульсивных мыслителей – о них самих; что в ходе 99 % этого направленного на себя мышления они воображают, а затем морально готовятся к тому, что с ними случится; и что, как ни странно, – если бы они перестали об этом думать, то заметили бы, – 100 % того, что они представляют, к последствиям чего готовятся, на что тратят 99 % своих времени и энергии, – это всегда что-то плохое. Что любопытно связано с желанием на раннем этапе трезвости молиться о буквальной потере разума. Вкратце – что 99 % мыслительной активности состоит из попыток запугать себя до усрачки. Что в микроволновой печи можно приготовить довольно вкусные яйца-пашот. Что уличный термин метрополии для «действительно прекрасный» – «ништяк». Что все чихают по-разному. Что некоторых людей мамы никогда не учили прикрываться или отворачиваться, когда чихаешь. Что все, кто побывал в тюрьме, не остались прежними. Что необязательно заниматься сексом с человеком, чтобы подхватить от него мандавошек. Что в чистоте жить приятней, чем в хлеву. Что больше всего надо бояться тех, кто больше всего боится. Что требуется огромная смелость, чтобы позволить себе казаться слабым. Что необязательно кого-нибудь бить, даже если очень хочется. Что не бывает отдельных, единичных моментов, которые действительно невыносимы.

Что никто, кого до зависимости поработило Вещество настолько, что ему приходилось бросать, и кто успешно бросил на какое-то время и был чист, и но потом по какой-либо причине вернулся и снова подсел на Вещество, ни разу не сообщал, что рад своему выбору снова употреблять Вещество и перепоработиться; ни разу. Что «мотать срок» – метрополитенский бостонский термин для «тюремного заключения», например: «Дон Г. мотал в Биллерике шестимесячный срок». Что невозможно убить блоху рукой. Что возможно выкурить столько сигарет, что язык покрывают белые язвы. Что общий эффект, когда выпьешь слишком много чашек кофе, ни в коем случае не приятный и не пьянящий.

Что мастурбируют практически все.

И довольно часто, как выясняется.

Что клише «Я не знаю, кто я», к сожалению, оказывается чем-то большим, чем клише. Что паспорт на фальшивое имя стоит 330 долларов США. Что другие часто видят в тебе то, чего не видишь ты сам, даже если эти другие – дураки. Что можно приобрести кредитную карту на фальшивое имя за 1500 долларов США, но никто не объяснит внятно, включены ли в цену проверяемая кредитная история и кредитная линия на случай, когда кассир проводит фальшивой картой по маленькому модему на кассе для верификации, пока позади торчит здоровый охранник. Что много денег не дают иммунитета от страдания или страха. Что танцевать трезвым – совсем другой коленкор. Что термин «отъем» – уличное аргю для комиссии букмекера при нелегальной ставке, обычно 10 %, которые либо вычитываются из выигрыша, либо прибавляются к долгу. Что некоторые искренне набожные и духовно развитые люди верят, что

⁶⁰ Болезнь (англ.).

⁶¹ Букв. Бес-покойство (англ.).

Бог в их понимании помогает им находить места для парковок и дает советы по Массачусетской лотерее.

Что с тараканами, до определенной степени, можно ужиться.

Что «принятие», скорее, вопрос усталости. Что у разных людей могут радикально разниться представления об основах личной гигиены.

Что, как ни парадоксально, чаще прикольной чего-то хотеть, чем это получить. Что если сделаешь кому-нибудь что-нибудь приятное втайне, анонимно, и не дать этому кому-то знать, что это был ты, – и вообще никому, что это был ты, или не брать на себя ответственность в любой форме или любым способом, – то в этом есть какой-то свой пьянящий кайф.

Что анонимной щедростью тоже можно злоупотреблять.

Что если заниматься сексом с тем, кому на тебя плевать, то чувствуешь себя в итоге более одиноким, чем вообще не занимаясь сексом.

Что хотеть – это нормально.

Что все похожи друг друга в своей тайной негласной уверенности, будто бы глубоко внутри они отличаются от остальных. Что это не обязательно парадоксально.

Что, может, ангелов не бывает, но бывают люди, которые вполне могли бы быть ангелами.

Что бог – если только ты не Чарльтон Хестон, ненормальный или и то, и другое – говорит и действует целиком через людей, если бог вообще есть.

Что вопрос того, веришь ты в бога или нет, в списке вещей, которые ему/ей в тебе интересны, он/а/о может располагать довольно невысоко.

Что запах стопы атлета тошнотворно-слащавый, а ортопедической сухой гнили – тошнотворно-кислый.

Что человек – у которого разлагаемая дефисом Болезнь – под воздействием Веществ делает такое, чего бы никогда не сделал трезвым, и что некоторые последствия от этого нельзя ни изгладить, ни простить[71].

Уголовка тому пример.

Как и татуировки. Почти всегда набитые под влиянием импульса татуировки ярко, до ужаса перманентны. Затертое «На скорую руку да на долгую муку» едва ли не специально придумано на случай татуировок. На какое-то время новый жилец Крошка Юэлл развил сперва острый интерес, а потом странную одержимость татуировками, и начал приставать к жильцам и людям с улицы, приходящим в Эннет-Хаус помогать, с расспросами об их татуировках и всех подробностях, окружающих появление каждой из них. Такие спазмы одержимости – как сперва с точным определением «алкоголика», потом с особыми овсяными печеньками Морриса Х. до вспышки панкреатита и, наконец, с точными способами о том, как местные жильцы застилают кровать, – говорили о том, что Крошка Ю. временно потерял разум, оставшись без порабоощающего Вещества. Увлечение татуировками началось с беловоротничкового восхищения Крошки тем, у скольких людей в Эннет-Хаусе есть татуировки. Причем татуировки эти казались яркими символами не только того, что собственно изображали, но и ужасающей необратимости пьяных импульсов.

Потому что главное в татуировках, конечно, что они перманентные, их набиваешь необратимо – а, конечно, именно необратимость татуировок и заряжает адреналином пьяное решение усесться в кресло и собственно набить (татуировку), – но самое страшное в опьянении то, что из-за него думаешь только об адреналине момента, а не (ни в коей степени) о необратимости, которая и вызывает адреналин. Как будто опьянение не дает человеку татуировочного типа заглянуть в будущее дальше адреналинового импульса и рассмотреть перманентные последствия, которые и вызывают кайф возбуждения.

Эту свою абстрактную, хотя не самую глубокую мысль Крошка Юэлл объясняет неоднократно и разнообразными способами, снова и снова, едва ли не одержимо, но так и не может заинтересовать татуированных жильцов, хотя Брюс Грин всегда вежливо выслушивает, а Кейт

Гомперт с клинической депрессией обычно не хватает сил встать и уйти, когда Крошка снова заводит шарманку, вследствие чего Юэлл чаще всего выпытывает подробности о татуировках у нее, хотя у Кейт их нет вообще.

Но зато им несложно показать Юэллу татушки, жильцам то есть, если только они не женщины, и речь не идет о какой-то части тела, которая находится под Запретом.

Насколько понимает Крошка Юэлл, люди с татуировками делятся на две примерных категории. Первые – молодые гнилые туповатые типы с черными футболками да шипастыми браслетами, у которых не хватает мозгов сожалеть об импульсивной перманентности своих татушек и которые продемонстрируют их тебе с той же фальшиво-затаенной гордостью, с какой обитатели социальной страты Юэллы и ее предместий продемонстрируют свои коллекции династийного фаянса или хорошего «Совиньона». Затем второй тип, помногочисленней (и постарше), кто показывает татуировки с тем стоическим раскаянием (хотя и проникнутым подсознательной гордостью из-за стоицизма), с каким ветераны с «Пурпурными сердцами» относятся к своим боевым ранам. У жильца Уэйда Макдэйда по внутренним поверхностям рук сбегает сложные узлы из синих и красных змей, и ему для халтуры в круглосуточном магазине приходится обязательно носить рубашки с длинными рукавами, даже несмотря на то, что жара в лабазе зашкаливает уже с утра и там всегда гребаная парилка, потому что пакистанцу-управляющему кажется, что клиенты не станут приобретать «Мальборо Лайте» и лотерейные билеты «Массачусетский Гигабакс» у человека с заплетающимися змеями васкулярных расцветок на руках [72]. Еще у Макдэйда пылающий череп на левой лопатке. Дуни Глинн может похвастаться слабыми следами черного пунктира вокруг шеи на уровне кадыка, с вытатуированными на скальпе мануалоподобными указаниями, как удалить голову и впоследствии ее хранить, еще со времен скинхедской юности, каковые инструкции Крошка сумел разглядеть только благодаря терпению, расческе и трем заколкам Эйприл Кортелю.

Вообще-то после пары недель одержимости Юэлл расширил свою дермотаксономию до трех категорий и включил в нее байкеров, которых пока в Эннет-Хаусе нет, зато их много в окрестностях встреч АА: бородатых, в косухах и, видимо, с каким-то требованием по весу – не меньше 200 кило. Байкеры – уличный термин метрополии Бостона, хотя сами себя они обычно предпочитают величать Щенятки на колесиках – термин, употребление которого (на горьком опыте узнал Юэлл) небайкерами они не жалуют. Эти парни – настоящий ходячий тату-фестиваль, но при этом они весьма обескураживают, когда показывают татушки, потому что обнажают их с полным отсутствием эмоций, как у человека, который показывает палец или ухо, не совсем понимая, зачем тебе это надо и на что тут вообще смотреть.

Что-то вроде NB, который присовокупляет Юэлл к категории Байкеров: любой профессиональный татуировщик, который набивал татушки тем, кто может вспомнить, кто набивал им татушки, по общим описаниям – байкер.

В отношении Стоически-Кающейся группы в Эннет-Хаусе выяснилось, что мужские татуировки женских имен в своей необратимости особенно катастрофичны и провоцируют раскаяние, учитывая временную природу отношений большинства наркоманов. У брошенного Брюса Грина на правом трицепсе навечно отпечатано «Милдред Трах». Как и «Дорис» жирным красным готическим шрифтом на левой груди Эмиля Минти, который да, оказывается, когда-то тоже любил. Еще у Минти есть выцветшая любительская свастика с надписью «Нахер нигеров» на левом бицепсе, которую ему как жильцу от всей души советуют прикрывать. У Чандлера Фосса – неразвевающийся стяг с начертанным алым «Мария» на предплечье: упомянутый стяг ныне рваный и некротичный, т. к. Фосс, однажды ночью после разлуки и под коком, пытался аннигилировать романтические коннотации татушки, начертав бритвой и красным фломастером «Дева» над «Марией» с предсказуемо кошмарным результатом. Настоящий тату-художник (это Юэлл знает наверняка от байкера, с ним Крошка говорил после встречи группы «Белый флаг» и татуировка которого, занимающая весь трицепс и изображающая чью-

то огромную женскую грудь, болезненно стиснутую в чьей-то руке, на которой тоже изображены чьи-то грудь и рука, сообщает достаточную для Крошки квалификацию в этом вопросе) настоящий художник по татуировкам – всегда тренированный профессионал.

Что печально в роскошном пронзенном стрелой фиолетовом сердце со словом «Памела» вокруг на правом бедре Рэнди Ленца – что Ленц не помнит ни тату-импульса, ни – процедуры, ни женщину по имени Памела. У Шарлотты Трит на голени зеленый дракончик, а другая тату – на груди, но Шарлотта установила Запрет и Крошке ее не показывает. Эстер Трейл – обладательница поразительно детальной сине-зеленой татуировки планеты Земля на животе, взгляд на экватор которой стоит Крошке Юэллу двух недель выполнения эстеровского еженедельного Дежурства. В целом приз по жгучему раскаянию уйдет, наверное, Дженнифер Белбин, у которой после одной ночи мескалина и стимулированной адреналином тоски из уголка глаза стекают четыре черных нескрываемых слезы, так что теперь, по меткому замечанию Рэнди Ленца, с расстояния больше двух метров кажется, будто у нее на лице постоянно сидят мухи. Новенькая черная Диди Н. шеголяет нанесенным на верхнюю часть живота кричащим черепом (по тому же шаблону, что у Макдэйда, но без пламени), довольно жутким потому, что, по сути, это только белое очертание: татуировки у черных – редкое дело, и по причинам, которые Юэлл считает довольно очевидными, они обходятся по большей части просто белыми очертаниями.

О выпускнике и добровольце-консультанте Эннет-Хауса Кельвине Болте шушукуются, будто на стволе его Блока, некогда звездного благодаря порно-картриджам, есть татуировка, изображающая инициалы КБ прописными буквами, когда Блок вялый, и полное имя «Кельвин Болт», когда Блок гиперемированный. Крошка Юэлл по трезвому размышлению решил оставить слух бездоказательным. Выпускницу и зава Эннет-Хауса Даниэллу Стинбок однажды осенило: чтобы больше никогда не приходилось наносить тушь, можно вытатуировать вокруг глаз подводку цвета туши, при этом она не приняла в рассмотрение неизбежную линьку, которая со временем придает татуировкам тошнотворный темно-зеленый оттенок, так что теперь тушь ей приходится наносить постоянно. Нынешняя сотрудница с проживанием Джонетт Фольц пережила две из шести болезненных процедур, необходимых для удаления оскаленного рыже-синего тигра с левого предплечья, так что теперь ее украшает оскаленный тигр минус морда и одна передняя нога, а удаленные части выглядят так, будто кто-то решительно настроенный принялся за ее руку с металлической мочалкой. Юэлл считает, что это придает глубину глубиной необратимости тату-импульса: удалить татуировку – значит, обменять одно уродство на другое. Еще есть идентичные распластанные листья марихуаны на внутренней стороне запястья Тингли и Диля, хотя Тингли и Диль с противоположных побережий и в жизни не пересекались до того, как переступили порог Эннет-Хауса.

Нелл Гюнтер отказывается обсуждать татуировки с Крошкой Юэллом под любым предлогом и в любом виде.

Какое-то время Крошка Юэлл считает, что самодельные тюремные партаки сотрудника Дона Гейтли слишком примитивны, чтобы о них вообще спрашивать.

Но это еще цветочки по сравнению с тем, как Юэлл всех допек, когда на пике его одержимости появился тот пацан, сидевший на синтетике и откликающийся только на свою уличную кличку – Череп, и продержавшийся всего дня четыре, но являвший собой ходячую галерею чернил и раскаяния: на обоих локтях – паутина, на рыбе-белой груди – голая женщина с теми же приукрашенными размерами, что Юэлл помнил по пинбольным аркадам из уотертаунского детства. На спине Черепа – 0,5-метровый скелет, сидящий на утесе в черной рясе и капюшоне, играющий на скрипке на ветру, а под ним – вертикальный хоругвеподобный стяг с багровым инскриптом «The Dead»; на одном из бицепсов то ли ледоруб, то ли остроконечный кинжал, а на обоих предплечьях – какая-то пляска Св. Витта двух кожкрылых драконов со словами – на

обоих предплечьях – «Как вам теперь ваш галубо глазый мольчуган, мистер Смерть!?»⁶², опечатки в которых, чувствовал Крошка, только усиливают задуманный эффект гештальта Череповской татуировки – а именно, по предположению Крошки, отталкивающий.

Более того, все смещение одержимости Крошки Ю. с «больничных уголков» коек на татуировки людей – наверняка дело рук этого самого Черепа, который на вторую ночь в мужской пятиместной спальне для новичков скинул наэлектризованную майку и показывал Кену Эрдеди татуировки на туповатый манер первой категории, без всякого раскаяния, пока Р. Ленц в трусах стоял на руках, привалившись к дверце шкафа, а Юэлл и Джоффри Д. разложили кредитки из бумажников на туго заправленной койке Юэлла и по-ребячески выясняли, у кого кредитка престижней, – Череп играл мышцами грудной клетки, чтобы извивалась чрезмерно физически развитая женщина на его груди, читал вслух свои предплечья Эрдеди и т. д. – и Джоффри Дэй оторвал взгляд от своего «АмЭкса» (золотого, в отличие от платины Юэлла), покачал мокрой бледной головой, глядя на Юэлла, и риторически спросил, что же случилось со старыми добрыми традиционными американскими тату вроде «Мама» или якоря, чем каким-то образом и сдетонировал взрыв одержимости в излохмаченной отходняком психике Юэлла.

Наверное, самые душераздирающие экспонаты в исследованиях Юэлла – поблекшие татуировки пожилых мужиков из бостонских АА, которые состоят в обществе десятилетиями, старейшин-крокодилов «Белого флага», олстонских Групп, «Группы воскресного вечера в св. Колумбе» и выбранной Юэллом «Домашней Группы», Группы вечера среды «Лучше поздно, чем никогда» (для некурящих) в госпитале св. Елизаветы всего в двух кварталах от Эннет-Хауса. Что-то странно душераздирающее есть в поблекших татуировках, чем-то сродни тому, когда натыкаешься на крошечный и душераздирающий немодный костюмчик давно выросшего ребенка в сундуке на чердаке (в сундуке одежда, а не выросший ребенок, подтвердил Юэлл Дж. Дэю). См., напр., татушку на правом предплечье сварливого старика Фрэнсиса («Грозного Фрэнсиса») Гехани из «Белого флага» с бокалом мартини и сидящей в нем голой дамой со старомодными бурлящими завитушками в стиле Риты Хейворт, перебросившей ноги через широкий блестящий край. Картинка поблекла до подводно-синего, контурные черные линии стали грязно-зелеными, а красные губы/ногти/БУХТАСУБИК62-йВМФ4-07 не посветлели до розового, но, скорее, истлели до пыльно-красного цвета пламени в дыму. Все эти необратимые татуировки пожилых трезвых синеворотничковых бостонских мужиков под дешевой флуоресценцией церковных подвалов и больничных аудиторий – Юэлл только и делал, что смотрел, каталогизировал и соотносил, тронутый их трагизмом. Сколько угодно и старых добрых якорей ВМФ, и грязно-зеленых клеверов бостонских ирландцев, и парочка маленьких фигур цвета хаки в шлемах, вонзающих штыки в брюха отвратительных кривоизогнутых карикатур на азиатов цвета мочи, и кричащие орлы с затупившимися от выцветания когтями, и «Semper fi»⁶³ – все до такой степени аутолизированное, что как будто проглядывает из заболоченного пруда.

У высокого молчаливого сурового старого черноволосого ветерана Группы ЛПЧН на пятнистом от печени предплечье – одно злобное и грубое слово «Пизда» зеленого цвета озерного ила; и все же мужик переступает даже стоическое раскаяние, одеваясь и держась так, будто слова просто нет, или оно настолько необратимо, что о нем нет смысла даже думать: в поведении старика с «Пиздой» на руке чувствуется глубокое и потрясающе чарующее достоинство, и Юэлл даже подумывал обратиться к нему по поводу наставничества, если и когда ему вдруг понадобится наставник из АА, реши он, что это совершенно необходимо.

Где-то к завершению своей двухмесячной одержимости Крошка Юэлл обращается к Дону Гейтли, чтобы узнать, не стоит ли вдруг вынести тюремные наколки в совершенно отдельный филум. Лично Юэллу кажется, что тюремные татуировки не столько душераздираю-

⁶² Отсылка к стихотворению Е. Е. Каммингса «Буффало Билл».

⁶³ «Всегда верен» (лат.) – девиз морпехов.

щие, сколько гротескные, что они, скорее, не импульсивное украшение или самопрезентация, сколько попросту членовредительство, выросшее из скуки и наплеватьства на собственное тело и эстетику украшений. Дон Гейтли выработал привычку холодно буравить Юэлла взглядом, пока адвокатик не заткнется, хотя это частично потому, что Гейтли не понимает и полновины слов Юэлла, и не уверен, то ли из-за того, что недостаточно умен или образован, то ли из-за того, что Юэлл попросту выжил на хрен из ума.

Дон Гейтли рассказывает Юэллу, что типичные кустарные тюремные наколки делаются швейными иглами из тюремной барахолки и синими чернилами из авторучки, одолженной из нагрудного кармана ничего не подозревающего общественного защитника, – вот почему тюремный жанр всегда одного синего цвета ночного неба. Иглу окунают в чернила и втыкают в татуируемого достаточно глубоко, чтобы он не дернулся и всю руку себе не порвал к хренам. На обычный ультраминимальный синий квадрат, как у Гейтли на правом запястье, уходит половина дня и сотня отдельных уколов. Потому линии никогда не бывают ровными, а цвет не всегда однородный, ведь невозможно каждый отдельный укол в, ну, дергающуюся плоть произвестить с одинаковой глубиной. Вот почему тюремные наколки всегда выглядят так, будто их набивали дети-садисты в дождливый полдень. У Гейтли синий квадрат на правом запястье и кривой крест на гигантском левом предплечье. Квадрат он набил сам, а крест набил сокамерник в обмен на такую же услугу. Оральные наркотики сделали процесс и менее болезненным, и менее утомительным.

Швейную иглу стерилизуют в этиловом спирте, который, по разъяснениям Гейтли, получают, взяв полфрукта из столовки, размяв, добавив воды и выдавив кашицу в зиплок, который прячут в смыве тюремной парашаи, чтобы, ну, настояться. Полученный стерилизатор можно также употреблять внутрь. Алкоголь и кокаин – единственное, что трудно достать в пенитенциарных учреждениях системы БИУ⁶⁴, потому что их избыток всегда вызывает среди заключенных переполох и только вопрос времени, когда кто-то начнет трескать сыр. Недорогой наркотик орального употребления Списка IV Талвин же можно выменивать на сигареты, какие, в свою очередь, можно покупать в барахолке или выигрывать в криббидж или домино (в БИУ запрещены карточные игры), или собирать в больших количествах с заключенных помельче в обмен на крышу от романтических авансов заключенных покрупнее. Гейтли – правша, и руки у него размером примерно с ноги Крошки Юэлла. Его тюремный квадрат на запястье перекошенный, а по углам – дополнительные округлые кляксы. Типичный средний тюремный партак не удалить даже лазерной хирургией, так глубоко он впечатывается. Гейтли вежлив в ответах на вопросы Крошки Юэлла, но особенно не распространяется, т. е. Крошке придется задавать очень конкретные вопросы о том, что хочется знать, лишь бы получить короткий конкретный ответ от Гейтли только на этот вопрос. А затем Гейтли буравит его взглядом – привычка, на которую Юэлл подолгу жалуется в спальне. Гейтли не считает его интерес к татуировкам агрессивным, скорее просто временной одержимостью еще трепещущей без Веществ психики, откуда через пару недель изгладится всякое воспоминание о татуировках, – отношение, которое Юэлл считает в высшей степени снисходительным. Отношение Гейтли к его собственным примитивным татуировкам – отношение второй категории, с по большей части искренними стоицизмом и смирением, как минимум потому, что эти необратимые эмблемы тюрьмы – вторичные звоночки по сравнению с некоторыми трындецовыми и реально необратимыми импульсивными ошибками, что Гейтли наделал в бытность свою активным наркоманом и грабителем, не говоря уж об их последствиях – последствиях ошибок, за которые ему предстоит еще долго расплачиваться, с чем он давно учится смиряться.

⁶⁴ Бостонские исправительные учреждения.

У Майкла Пемулиса есть такая привычка перед тем, как что-нибудь сказать, сперва взглянуть налево, а потом направо. Невозможно понять, машинально это или Пемулис эмулирует какого-то нуарного персонажа. После парочки дринов лучше не становится. Он, Тревор Аксфорд и Хэл Инканденца в комнате Пемулиса, пока соседи Пемулиса Шахт и Трельч внизу на обеде, так что они одни, Пемулис, Аксфорд и Хэл, поглаживают подбородки, заглядывают в фуражку Майкла Пемулиса, лежащую на его кровати. Внутри перевернутой фуражки горстка немаленьких, но безобидных на вид таблеток якобы невероятно сильнодействующего ДМЗ.

Пемулис украдкой озирается в пустой комнате.

– Это, Инкстер, Аксанутый, невероятно сильнодействующий ДМЗ. Большая белая акула от органически синтезированных галлюциногенов. Дикое гаргантюанское дитя от...

– Мы уловили, – говорит Хэл.

– Йельский универ от кислотной Лиги плюща, – добавляет Аксфорд.

– Величайший психосенсуальный извратитель, – подытоживает Пемулис.

– Наверно, ты хотел сказать «психосенсорный», если только я чего-то не знаю.

Аксфорд прищуривается на Хэла. Перебивать Пемулиса – значит, заново смотреть на его головной тик.

– Трудно найти, господа. То есть – очень трудно найти. Последние партии сошли с конвейера в начале 70-х. Эти вот таблеточки – артефакты. Некий процент падения сильнодействия, наверное, неизбежен. Применялись в некоторых таинственных военных экспериментах црушников.

Аксфорд кивает на шляпу:

– Управление разумом?

– Скорее, цель – заставить врага думать, что его пушка – гортензия, или кровный родственник, все такое. Кто знает. Описания, что я находил, расплывчатые, одна вода. Проводились эксперименты. Что-то пошло не так. Скажем так – все вышло из-под контроля. Решено, что сильнодействие слишком невероятно, чтобы продолжать. Испытуемых рассовали по клиникам и списали как мирные потери. Формулу в шредер. Группа исследователей рассеяна, переведена. Смутные, но, должен сказать вам, весьма отрезвляющие слухи.

– И эти из начала 70-х? – уточняет Аксанутый.

– А видишь маленькие эмблемы на каждой – мужик в клешах и с баками?

– Значит, это они самые?

– Беспрецедентно сильнодействующая, эта фигня. Швейцарский изобретатель, говорят, для того, чтобы слезть с этой штуки, изначально рекомендовал ЛСД-25, – Пемулис берет одну из таблеток, кладет на ладонь и тычет мозолистым пальцем. – Что перед нами такое. Перед нами либо серьезная внезапная денежная инъекция...

Аксфорд издает шокированный возглас.

– Ты правда хочешь толкать невероятно сильнодействующий ДМЗ в нашем-то детсаде?

Пемулис хмыкает буквой «К».

– Вот тебе здоровая экономическоватенькая подсказка, Аксанутый. Никто тут и понятия не имеет, с чем будет иметь дело. Не говоря уж о том, сколько это стоит. О, ведь есть фармацевтические музеи, левые кружки, нью-йоркские консорциумы дизайнерских наркотиков, которые многое отдадут, чтобы вскрыть этих деток. Расхимичить, типа. Закинуть в спектрометр и посмотреть, что там к чему.

– Вот кто, значит, потенциальные участники аукциона, – говорит Аксфорд. Хэл сжимает мяч, молча глядя в фуражку.

Пемулис переворачивает таблетку.

– Или очень прогрессивные и современные дома престарелых, которые знают некоторые парни, которых знаю я. Или в Бэк-Бэй в той йогуртной кафешке с той картиной с теми историческими чуваками, про которых Инк рассказывал на завтраке, на стене.

– Рам Дасс. Уильям Берроуз.

– Или тупо на Гарвардской площади в «О Бон Пэн», где 70-летние мужики в старых шерстяных пончо рубятся в шахматы под эти часики, по которым они все время колотят.

Аксфорд делает вид, что в возбуждении бьет Хэла в плечо.

– Или, конечно, – говорит Пемулис, – думаю, можно выбрать чисто развлекательный маршрут и закинуть их в кулеры «Гаторейда» на встрече в Порт-Вашингтоне во вторник, или же на «Вотабургере» – посмотрим, как все носятся, хватаясь за голову, например. Я бы точно посмотрел, как Уэйн играет с расширенным восприятием.

Хэл ставит ногу на прикроватный стульчик Пемулиса в виде усеченной пирамиды и наклоняется поближе.

– Не слишком ли дерзко будет, если я спрошу, как ты их заполучил?

– Совсем не дерзко, – отвечает Пемулис, доставая из подкладки фуражки каждый предмет контрабанды и раскладывая на кровати, как в тихие часы раскладывают свои драгоценности старики. У него в наличии небольшое количество марихуаны «Дыхание агнца» для личного потребления (выкупленное из 20 г Хэла, которые Пемулис же сам ему сперва и продал) в пыльном пакетике, картонный прямоугольничек, завернутый в саран, с четырьмя ровно уложенными «черными звездами», случайный дрин и, похоже, чертова дюжина невероятно сильнодействующего ДМЗ – пилюльки размером с драже неопределенного цвета с крошечным мод-хипстером в центре каждой, желающим зрителю мир. – Мы даже не знаем, на сколько здесь доз, – мурлычет он сам себе под нос. На стене с висящим экраном, постером короля-параноика и огромной нарисованной от руки салфеткой Серпинского – солнце. В одном из трех больших обильных средниками западных окон – чего-чего, а уж что в академии не хватает окон, ни за что не скажешь, – овальный изъян, отбрасывающий вытянутый пузырь осеннего солнца цвета эля с левой стороны окна на туго забранную кровать Пемулиса[73], и он передвигает все содержимое фуражки в яркое пятно, присев на колено изучить таблетку, зажатую в пинцете (у Пемулиса есть филателический пинцет, монокуляр, фармацевтические и почтовые весы, личная бунзеновская горелка), с твердой скрупулезностью ювелира.

– В литературе молчок о титровании. Принимать по одной? – он смотрит в одну сторону, потом в другую, на нависающие над ним лица мальчиков. – Или как, половину обычно принимают?

– Может, две или даже три? – предполагает Хэл, зная, что пожадничал, но не в силах сдержаться.

– Доступная информация смутная, – говорит Пемулис, его профиль комкается вокруг монокуляра в глазнице. – Литература по мусцимоллизергическим смесям пунктирная, смутная и трудночитаемая, не считая сообщений о том, насколько поразительно мощные предполагаемые дозы.

Хэл смотрит в затылок Пемулису.

– Ты устроил набег на медицинскую библиотеку?

– Залез в MED.COM с телефонной линии Латеральной Алисы и облазил сверху донизу и вкривь и вкось. Тонны данных о лизергинах, тонны о гибридах метокси-класса. О соединениях фитвиави – смутная хрень чуть ли не в стиле светской хроники. Чтобы хоть что-то получить, надо искать «эрготики» вместе с «мусцимолы» или «мусцимолированный». Если вбиваешь «ДМЗ», выдает всего пару ссылок. И все они «сильнодействующее то, зловещее это». Ничего по конкретике. И перепутанные многосложные слова от балды. Только мигрень заработал.

– Нет, но ты по-настоящему поднимал задницу и по-настоящему набегал на настоящую медбиблиотеку? – Хэл – сын своей матери Аврил, когда речь заходит о базах данных, софту по проверке правописания и т. д. Теперь Аксфорд по-настоящему бьет его в плечо, хотя и с правой. Пемулис рассеянно чешет маленькое завихрение на родничке. Уже почти 14:30, и изъянистый пузырь света на кровати медленно становится грустного цвета раннего зимнего

вечера. С Западных кортов снаружи по-прежнему ни звука, зато хорошо слышна высокая песнь водопровода в стене: многие затренированные вусмерть утром не появляются в душе до послеобеденного времени, а потом сидят на уроках второй половины дня с мокрыми волосами и в сменной одежде.

Пемулис поднимается между ними и снова оглядывает пустую трех-кроватьную комнату с опрятными стопками игровой формы трех теннисистов, ярким снаряжением на полках и тремя плетеными корзинами с бельем с горками для прачечной. В воздухе стоит сильный запах спортивного белья, но, не считая этого, комната почти профессионально чистая. По сравнению с комнатой Пемулиса и Шахта комната Хэла и Марио похожа на дурдом, думает Хэл. Аксфорд на лотерее прошлой весной вытянул одну из всего двух шикарных одноместных комнат – вторая ушла близняшкам Воут, которых на лотерее посчитали за одного человека.

Пока Пемулис озирается, его щека все еще перекошена из-за монокуляра.

– В одной монографии походя бросили цитатку о ДМЗ, где автор предлагает представить ее как кислоту, которая сама закинулась кислотой.

– Ну и ну.

– Одна статейка внезапно из «Момент» – кто бы мог подумать – рассказывает, как одному осужденному армейцу в Ливенворте якобы впрыснули огромную неопределенную дозу раннего ДМЗ в рамках какого-то армейского эксперимента по бог знает чему, и как семья этого осужденного судилась из-за того, что он, судя по всему, потерял разум, – Пемулис драматично направляет монокуляр сперва на Хэла, потом на Аксфорда. – Буквально потерял разум, будто эта огромная доза взяла его разум, куда-то унесла, бросила и забыла где.

– Думаю, мы уловили картину, Майк.

– Якобы, говорят в «Моменте», парня потом нашли в его армейской камере в какой-то невообразимой позе лотоса, распевającego песни из рекламы стремным голосом точь-в-точь Этель Мерман.

Аксфорд говорит, взмахивая больной правой рукой в направлении Админки, может, Пемулис наткнулся на возможную историю происхождения бедняги Лайла в качалке и его позы лотоса.

И снова Пемулис с этим своим тиком головы. От того, что он расслабил щеку, монокуляр выпадает и скачет по тугой кровати, и Пемулис, даже не глядя, выставляет перед ним ладонь.

– Думаю, стоит перестраховаться и не шалить с кулерами «Гаторейда». Мораль истории армейца такова: спички детям не игрушка, без шуток. Разум того парня до сих пор, предположительно, в самоволке. Он уже старик, но до сих пор выдает бродвейские шлягеры в каком-то госсекретном учреждении. Кровные родственники пытаются судиться, но армия, похоже, придумала для присяжных достаточно аргументов, чтобы те поставили под обоснованное сомнение само юридическое существование парня, раз уж доза унесла его разум.

Аксфорд рассеянно ощупывает локоть.

– То есть, говоришь, это не игрушки.

Хэл приседает потыкать одну из таблеток у края пыльного пакетика. В вытянутом пузыре света его палец кажется темным.

– По-моему, судя по виду, одна доза – наверное, две таблетки. Есть в них что-то от Мотрина.

– Визуальные гадания не помогут. Это тебе не Боб Хоуп, Инк.

– Можно даже обозначить его «Этель», для по телефону, – предлагает Аксфорд. Пемулис наблюдает, как Хэл раскладывает таблетки в такой же форме кардиоиды, как у ЭТА.

– Что я имею в виду. С таким веществом нельзя действовать наобум, Инк. Тот шлягерный армеец как бы покинул планету.

– Ну, скатертью дорожка, пусть помашет на прощанье.

– Я так понял, что машет он теперь только своей еде.

– Но это же от огромной ранней дозы, – говорит Аксфорд.

Расстановка таблеток Хэлом на красно-сером стеганом покрывале почти дзеновская в своей точности.

– Эти из 70-х?

После сложных переговоров через посредника Майклу Пемулису наконец удалось надобать 650 мг хваленного неуловимого соединения ДМЗ, или «Мадам Психоз», у обвешанного короткостволами дуэта, по слухам, бывших канадских инсургентов, которые теперь принимали небольшие и даже, наверное, жалкие старомодные инсургентские операции под прикрытием империи дешевых зеркал, стеклянных изделий, игрушек для розыгрышей, модных открыток и маловостребованных старых кинокартриджей под названием «Антитуа Интертейнмент», до которой рукой подать по Проспект-ст. от площади Инмана в Кембриджском упадочном португало-бразильском квартале. Т. к. Пемулис всегда ведет бизнес в одиночку и не говорит по-французски, вся транзакция с канадцами прошла в виде пантомимы, а т. к. сам смахивающий на лесоруба канадырь Антитуа озирался по сторонам перед тем, как общаться, еще чаще, чем озирался Пемулис, пока его туповатый напарник торчал позади, обнимая метлу, и тоже все время выискивал соглядатаев в закрытом магазине, переговоры напоминали какой-то групповой психомоторный припадок, и отдельные моменты мотаний и качаний головами отражались урывками под острыми углами в большем количестве зеркал и рифленых стеклянных ваз, чем Пемулис когда-либо видел втиснутыми в одно место. В очень дешевый ТП, естественно, был заряжен картридж с хардкорным порно, впятеро ускоренным, так что оно было похоже на фильм про бешеных грызунов и теперь навсегда, как Пемулису кажется, искалечило его половое влечение. Один бог знает, где эти клоуны нашли тринадцать невероятно сильнодействующих 50-мг артефактов 1970-х до э. с. Но есть хорошая новость – они были канадцы, и постепенно становилось ясно, что, как почти любой сраный канадырь, понятия не имели, сколько на самом деле стоит то, что у них в руках. Пемулис, под влиянием 150 мг Тенуат Дослана с отложенным воздействием, чуть не протанцевал пост-транзакционную джигу на ступеньках ленивого кембриджского автобуса, чувствуя себя, как, должно быть, чувствовал У. Пенн в своей квакeroутсовской⁶⁵ шляпе где-то там в XVI столетии, выменяв у наивно-благородных дикарей Нью-Джерси на пару безделушек, воображает он, приподнимая военно-морской головной убор перед двумя монашками в проходе.

В течение следующего учебного дня – невероятно сильдействующая заначка теперь туго завернута в саран и глубоко заначена в носке старой кроссовки, что примостилась на алюминиевой рейке между двумя панелями навесного потолка общежития Б – проверенном временем перевалочном пункте Пемулиса, – в течение где-то следующего дня тема добыта и решено, что пока нет каких-то причин привлекать Бун, Стайса, Сбита или Трельча, потому как это право Пемулиса, Аксфорда и Хэла – даже почти долг, в духе добросовестной торговли – испробовать потенциально невероятно сильнодействующий ДМЗ в predetermined безопасных количествах, прежде чем обрушивать его мощь на Бун, Трельча и прочих невинных мирных жителей. Аксфорд отдал деньги вперед, вопрос оплаты Хэлом его участия был тактично поднят и так же разрешен к удовлетворению всех сторон. Наценку Пемулиса не назвать выше общепринятых норм, а в бюджете Хэла всегда найдется место для духовных поисков. Единственным условием Хэла было, чтобы кто-нибудь техобразованный по-настоящему поднял задницу, доехал до Бостонского универа или медицинской библиотеки МТИ и физически удостоверился, что соединение и органическое, и не вызывает зависимости, на что Пемулис ответил, что физический налет на библиотеку уже внесен в его ежедневник ручкой, а не карандашом. Во время дневных тренировок во вторник, когда Хэл Инканденца, Пемулис и за компанию увенчанный камерой Марио Инканденца стоят, вцепившись руками в рабицу одного из Шоу-кортов, и

---

⁶⁵ Quaker Oats – марка продуктов с изображением переселенца на этикетке.

наблюдают, как Тедди Шахт играет на частной «выставке» с сирийским профи из сателлитных турниров, приехавшим в ЭТА на две проплаченные недели корректирующего инструктажа по входу в подачу, который вредит его вращающей манжете плеча, – он блесит толстыми очками, носит на голове черную спортивную повязку и играет с хрестоматийной плавной точностью, и разносит Теда Шахта мастерски, на что Шахт реагирует с обычным сангвиническим доброжелательным настроением, вкладывая всю невозмутимость, обучаясь в процессе всему, чему может, – ведь Шахт – один из очень немногих коренастых игроков ЭТА и один из еще более немногих рейтинговых юниоров без заметного эго, что считается странным – как это, до сих пор в деле только ради удовольствия, – целиком ненеуверенный в себе с тех пор, как подвернул колено на мяче в противоход на показательных играх перед Днем благодарения, и потому более-менее обреченный на лимбоподобное существование в 128-256-х строчках «Алфавитвиля», – пока Пемулис и Хэл торчат, вспотевшие, в полном красно-сером этажном обмундировании на промозглом полудне 5.11, – пот слепляет и леденит волосы, Марио склонил голову под весом оснастки для камеры, его отвратительные арахноактилические пальцы белеют на заборе, Хэл незаметно, но с теплом придвинулся к низенькому старшему брату, который похож на него, как похожи друг на друга животные одного отряда, но разных семейств, – пока они все стоят, смотрят и добивают тему – Хэл с Пемулисом, – далеко слева снизу слышатся бум и лягг международной катапульты ЭВД, а затем высокий резкий вжих мусорной ракеты, невидимой из-за низких облаков, – хотя где-то над Актоном все же видно странно-желтоватое облако в форме овцы, связывающее шов горизонта с каким-то фронтом грядущей бури, сдерживаемой вентиляторами АТНСМЕ вдоль границы на отрезке Лоуэлл-Метуэн на северо-западе. Пемулис наконец отказывается от идеи отважного управляемого эксперимента прямо здесь, в Энфилде, где Аксфорду каждое утро в 05:00 надо являться на утренние тренировки команды А – как и Хэлу, если только он не ночует в ДР, а уж ДР и подавно не лучшее место для употребления ДМЗ. Пемулис, скользя взглядом вверх-вниз по ограждению и подмигивая Марио, заявляет, что для любого взаимодействия с сами-знаете-чемкой рекомендуется добрых 36 часов без переутомления. А значит, отмечаем и завтрашнюю межакадемную тему с Порт-Вашингтоном, для которой Чарльз Тэвис заказал два чартерных автобуса, так много игроков ЭТА собираются на сечу, – академия Порт-Вашингтона гаргантюанская, «Ксерокс Инк.» от североамериканских теннисных академий, с более чем 300 студентами и 64 кортами, половину из которых где-то уже с Хэллоуина накрыли надувным покрытием «ТесТар», – педсостав П.-В. не так ценит закалку на воле стихий, как Штитт и Ко, – так много, что Тэвис наверняка сразу погрузит всех на автобусы и увезет обратно, как только окончатся послетурнирные танцы, а не станет распределять по мотельным номерам на кровные деньги академии. Эти встреча, фуршет и танцы ЭТА – П. – В. – внутренняя, межакадемная традиция, эпическая вражда, уходящая почти на десяток лет в прошлое. Плюс Пемулис говорит, ему еще понадобится пара недель на медбиблиотечную археологию, чтобы разобраться с титрованием и побочными эффектами, чего требует, как соглашается Хэл, отрезвляющая история армейца. Итак, заключают они, похоже, окно возможностей – 20–21.11, выходные сразу после больших показательных одиночных игр Конца-Фискального-Года для привлечения средств с участием команд А и Б ЭТА против (в этом году) общеизвестных неудачников – команд Кубка Дэвиса и Кубка Уайтмен для юниоров [74], приглашенных без широкой огласки благодаря значительным экспатриантским связям Аврил, чтобы их разделили Уэйн, Хэл и проч. во имя филантропического увеселения патронов и выпускников ЭТА, а затем танцевать весь вечер на бале выпускников с шведским столом, – выходные сразу перед неделей Благодарения и пригласительным «Вотабургером» в солнечной Аризоне, ведь в этом году их вдобавок к пятнице 20.11 освободят и в субботу 21.11 как от учебы, так и от тренировок, потому что Ч. Т... и Штитт организовали на субботнее утро после большой встречи специальную парную показательную игру – один матч между двумя женщинами-тренерами из квебекского Кубка Уайтмен и пресловутыми близняшками Воут из ЭТА –

Карин и Шарин Воут, обеим по семнадцать, топовая юниорская парная женская команда по версии ОНАН, три года без поражений, непобедимый дуэт, прекрасный в сотрудничестве на корте – всегда двигаются как одно целое, играя не как будто, а на самом деле с одним мозгом на двоих, или по крайней мере с одной психомоторной долей, сиамские близняшки, соединенные левым и правым виском, не допущенные комитетом ОНАН в рейтинг одиночного разряда, отбрасывающие широкую тень Воут, дочери суровоглазого продавца шин из Акрона, четыре ноги которых/которой покрывают поразительные расстояния на корте плюс рвут все конкурсы по чарльстону на формальных послематчевых балах за последние пять лет. Тэвис и Уэйна будет обхаживать насчет дополнительной «выставки», хотя просить Уэйна размазать второго квебекца за два дня – это как-то слишком. И но все будут в Легком на разделке двух взрослых канашек близняшками Воут, плюс, может, Уэйне[75], а затем ЭТА получит субботу на роздых и перезарядку, прежде чем приступить к тренировочной пред-«Вотабургерной» неделе и финишному кругу подготовок к госам 12.12, т. е. конец пятницы – утро субботы дадут Пемулису, Хэлу и Аксфорду (и, может, Сбиту, если Пемулису придется привлечь Сбита к библиотечным раскопкам) достаточно времени психодуховно собраться после любого иссушающего мозговые оболочки похмелья, которое может вызвать невероятно сильнодействующий ДМЗ... а Аксфорд в сауне прорицает, что иссушение будет ого-го, раз после одного только ЛСД, заметил он, на следующее утро не просто плохо или невесело, но совершенно пусто в душе, оставшись одной шелухой с бездной внутри, будто собственно душу выжали, как губку. Хэл не уверен, что сходится во мнении. Алкогольное похмелье – тоже явно не проказа на психической поляне: и пить хочется, и мутит, и глаза плющит в ритм пульсу, – но после ночи галлюцинознов, сказал Хэл, рассвет словно дарует его психике бледно-палевую ауру, люминесценцию[76]. Халацион, заметил Аксфорд.

Пемулис как будто не учел в своих расчетах факт, что он-то получит освобождение от учебы в субботу вечером только в том случае, если попадет в список участников тусонского «Вотабургера» на следующей неделе, а в отличие от Хэла и Аксфорда это не верняк: ТАСШ-ранг Пемулиса, за исключением передышки в Год Чудесной Курочки «Пердю» в тринадцать лет, ни разу не поднимался выше 128-й строчки, а на «Вотабургер» набирают детей со всей ОНАН и даже Европы; должен быть весьма низкий конкурс, чтобы он хотя бы получил одно из 64 приглашений на квалификацию. Аксфорд висит в топ-50 на волоске, но он был на турнире в прошлом году в семнадцать, так что и в этом году будет обязательно. А Хэла посеют третьим или, может, четвертым в одиночных для 18 лет; он едет точно, если только не сфорс-мажорит какой-нибудь катастрофический рецидив лодыжки на игре против Порт-Ваш. или Квебека. Аксфорд полагает, что Пемулис не столько просчитывается, сколько демонстрирует непрошибаемую уверенность, которая, учитывая его модус операнди на корте, станет для него необычным и весьма полезным качеством: проректор Обри Делинт говорит (публично), что видеть М. Пемулиса на тренировке и видеть М. Пемулиса на настоящем матче – это как познакомиться с какой-нибудь девушкой по имейлу как с подругой по электронной переписке, втрескаться по уши, наконец-то встретиться вживую и выяснить, что у нее там огромная сиська посреди груди или еще чего[77].

Марио поедет, если Аврил сумеет убедить Ч. Т. взять его, чтобы наснимать материала на «Вотабургере» для ежегодного промо-рождественского картриджа ЭТА для частных и юридических спонсоров.

Шахт и блестящий сириец вместе над чем-то смеются у стойки для сетки, куда подошли собирать снаряжение и различные приспособления для колена и вращающей манжеты плеча, после того как сириец довольно нелепо перескочил сетку и изо всех сил пожал руку Шахту, их дыхание и пар от пота поднимаются и уносятся за рабицу к ухоженным западным холмам под звон смеха Марио над каким-то широким пародийным умоляющим жестом, который сделал Шахт.

7 ноября

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

На некоторых вечеринках можно быть и на самом деле не быть. На некоторых вечеринках можно услышать, как в хореографию самой вечеринки вплетено ее подразумеваемое окончание. Для Джоэль ван Дайн среди самых грустных моментов – этот невидимый перелом, когда кончается вечеринка, даже неудачная: время немого согласия, когда каждый начинает собирать свои зажигалку и спутника/цу куртку или пальто, на его последнем пиве висят пять колец пластиковой упаковки, говорит хозяйке на выходе формальности – так, что и формальность очевидна, но и сам он не кажется неискренним, – и уходит, обычно хлопнув дверью. Когда все голоса затихают в коридоре. Когда хозяйка отворачивается от закрытой двери и видит бардак и расширяющуюся белую V тишины в кильватере вечеринки.

Джоэль, уже на грани и готовую прыгнуть, поддерживает над берегами реки и Залива паркетный пол, на котором она в полосатом свете неудобно взгромоздилась на колени Жоржа Мельеса, одного из кресел Молли Ноткин, вылитых по образу и подобию великих режиссеров пленочного канона, между пустым Кьюкором и пугающим Мурнау – складки брюк Мельеса неудобные, а на кушаке вытиснено «МТИ». Режиссеры китчевых кресел огромные: ноги Джоэль висят высоко над полом, уже начинают гореть отсиженные бедра под мокрой толстой хлопковой бразильской юбкой – аляповатой, с бледно-лиловыми и ярко-алыми завитушками на латиноамериканском черном, которые как будто светятся на контрасте с бледными коленями, белыми вязкими гольфами и свисающими сабо, которыми она болтает, как школьница, – она вечно чувствует себя школьницей в креслах Молли, – взгромоздилась у всех на обозрении в глазе какого-то натужного циклона остроумия и хорошего настроения на полях плохой вечеринки, в одиночестве у когда-то своего окна, – дочь низкокислотного химика и домохозяйки из западного Кентукки, обычно она – душа компании, если привыкнуть к этой ее обескураживающей вуали.

Среди мифов о смерти бытует следующий: перед тем, как стереть свою карту раз и навсегда, люди становятся оживленными, щедрыми и внимательными к другим. Правда же в том, что часы перед суицидом – обычно период крайнего самолюбования и погружения в себя.

В кооперативных апартаментах на третьем этаже на окраине Восточного Кембриджа у Залива, где без пяти минут профессор Ноткин закатали вечеринку в честь сдачи устных экзаменов по «теории кино и кинокартриджей», – докторантуре, где Джоэль до ухода в радиовещание с ней и познакомилась, – западные окна забраны изящными декоративными решетками из черного железа, ставшего пегим от голубиного помета.

Молли Ноткин часто откровенничает по телефону с Джоэль ван Дайн о самой мучительной на данный момент любви своей жизни – эротически ограниченном исследователе Г. В. Пабста из Нью-Йоркского университета, страдающем от невротического убеждения, что во всем мире в отдельно взятый момент возможно лишь конечное число эрекций, и его личное возбуждение означает, т. о., развозбуждение какого-то, может, более заслуживающего или страдающего крестьянина с полей сорго из Третьего мира или еще кого-то в подобном духе, так что когда бы исследователь ни возбуждался, он испытывал чувство вины не слабее, чем испытывает менее эксцентричный человек с внутренним складом доктора наук при мысли, скажем, о шубе из шкурки белька. Молли все еще ездит к нему каждые пару недель на электричке, чтобы оказаться рядом, если по какой-то эгоистической случайности у него вдруг встанет, из-за чего его захлестнут черные волны отвращения к себе и неодолимой потребности в понимании и всепрощающей любви. Они с несчастной Молли Ноткин одинаковы, – думает Джоэль, сидя одна, наблюдая, как кандидаты смакууют вино, – сестры, двуйцевые близнецы.

Взять этот ее страх прямого света, у Ноткин. А грим и усики – те же завуалированные вуали. А сколько еще вокруг на самом деле тайных близнецов? Что, если наследственность не линейная, а разветвляющаяся? Что, если в мире ограничено не возбуждение? Что, если на самом деле в тумане истории существовало только два по-настоящему непохожих человека? И вся разница происходит от одной этой разницы? Целое и частичное. Дефектное и невредимое. Обезображенное и парализующе прекрасное. Безумное и рутинное. Скрытое и ослепительно очевидное. Исполнитель и зритель. Не дзенское Одно, но всегда Два, из которых одно – вверх тормашками в выпуклой линзе.

Джоэль думает о том, что у нее в сумочке. Она сидит одна в льняной вуали и красивой юбке, под скользкими взглядами, слушает обрывки разговоров, которые подсекает из общего гула, но по-настоящему никого не видит – перед ее глазами, запинаясь, как пленка со старой ручной 16-миллиметровой камеры, спроецированная на белый экран, – хоть раз она по эту сторону камеры, а не по ту, – проносится абсолютный конец ее жизни и красоты, от дяди Бада и, скачками, к Орину, Джиму и УУУ, и далее до самой сегодняшней мокрой прогулки от остановки на красной ветке в центре сюда, пешком от Ист-Чарльз-стрит деланной, формальной, но неоспоримо привлекательной походкой с высоко поднятой головой, навстречу своему последнему часу, в канун праздника в честь онанской Взаимозависимости. Сегодня маршрут Ист-Чарльз – Бэк-Бэй – это залитые дождем улицы цвета сиены, дорогие бутики с маркизами и деревянными знаками с симпатичными колониальными шрифтами и люди, которые смотрели на нее, как смотрят на слепых, – неприкрытые взгляды, без тени мысли, что она видит все и вся. Потому ей понравилась эта прогулка после дождя – как все такое молочное и ореолистое за влажной тканью вуали, какие непотресканные и безлично многолюдные мощеные тротуары Чарльз-ст., ноги на автопилоте, а сама она – машина по восприятию, как она прижимает пальцем воротник пальто ближе к вырезу пончо, чтобы вуаль не сдувало с лица, как все ее мысли – о том, что у нее в сумочке, как она заглядывает к табачнику-дискаунте ру и покупает качественную сигару в стеклянном тубусе, а спустя квартал аккуратно помещает сигару в забитую мусором урну из сосново-зеленой сетки на углу, – но стеклянный тубус оставляет, аккуратно кладет в сумочку, – как слышит кап дождя по тугим зонтам и его ш-ш-ш по асфальту и как видит, как капли дробятся и егруппируются на ее полирезиновой куртке, как проскальзывают мимо машины с особенным одиноким шумом машин под дождем, как дворники чертят черные радуги на блестящих стеклах такси. В каждом переулке зеленые контейнеры МВД бок о бок с красными контейнерами МВД, поменьше, чтобы подстраховывать зеленые. И как стучат ее сабо на деревянной подошве на фоне затихающего стаккато хрупких шпилек по мостовой там, где западнее Чарльз-ст. сходится с парком Бостон-Коммон и становится уже не такой фешенебельной и симпатичной: на тротуарах и под бордюром появляется сырой мусор – расплющенный, как плющится только мокрый мусор, – и пасмурные люди с пакетами и тележками, которые оценивают этот мусор, приседают поднять и просеять его; и шорох и торчащие конечности из помоек, просеиваемых людьми, которые целыми днями только и делают, что просеивают помойки МВД; и синие босые ноги, протуберанцами торчащие из коробок из-под холодильников во всех трех переулках каждого квартала, и маленькая катаракта дождевой воды на краю скатов красных контейнеров-пристроек стучит по коробкам неритмичным тап-пат-тап-пат-пат-тап; кто-то говорит «пс-с-с» из пасти переулка, и вещают из подъездов, отделенных завесами дождя, в пустоту болезненно-белые или опухшие лица, и в припадке щедрости и внимательности к другим Джоэль жалеет, что выкинула сигару, а не отдала им сейчас, и, продолжая путь на запад, на территорию Бесконечной чистки в конце Чарльз, она принимается раздавать мелочь, которую просят из подъездов и перевернутых коробок; а ее в ответ без всякой деликатности – ей так больше нравится – спрашивают про эт-самую вуаль. Замызганный

инвалид на коляске с мертвым белым лицом под кепкой с надписью «Notre rai pais»⁶⁶ молча протягивает руку за монетами – вздутый красный порез на этой безапелляционной руке еще не залечился и зарастает едва ли не на глазах. Как вмятина в тесте. Джоэль отдает сложенную двадцатку, и ей нравится, что он молчит в ответ.

Она покупает 0.473-литровую «Пепси-колу» в скучной пластиковой бутылке в «Магазине 24», где продавец-иорданец только тупо таращится, когда она спрашивает, нет ли у них «Большой красной газировки», так что она останавливает выбор на «Пепси», выходит и сливает шипучку в водосток, и смотрит, как она там бурно кипит и не уходит, потому что сток намертво забит листьями и сырым мусором. Она идет к Коммон с пустой бутылкой и стеклянным тубусом в сумочке. «Кор Бой»⁶⁷ в магазине ей больше был не нужен.

Джоэль ван Дайн на коленях режиссера невыносимо жива и заперта в клетке, и теперь может вспомнить что угодно из любого времени. Каким же, интересно, будет этот наэгоистичнейший из поступков, самоликвидирующий, – запереться в ванной или спальне Молли Ноткин и кайфануть так, чтобы упасть на месте, перестать дышать, и посинеть, и умереть, схватившись за сердце. Хватит сомнений. Бостон-Коммон – как зеленая пустота, вокруг которой построился Бостон, 2-км квадрат блестящих деревьев, капающих веток и зеленых скамей на влажной траве. Над головой голуби, того же пыльно-кремового, что и кора ив. Три черных пацана на спинке скамейки, как злые вороны на насесте, оценивают ее тело и безобидно зовут ее «сучкой», и спрашивают, за кого она выходит-то. Хватит бросать в 23:00, а потом еле-еле протерпеть час передачи, мчаться домой к 01:30 и курить по второму разу вторяк из «Кор Бой», и вовсе даже не бросать. Хватит выкидывать Материал, а спустя полчаса копать в мусоре, хватить ползать на карачках по ковру в поисках пыли, похожей на просыпанный Материал, чтобы выкурить и ее. Хватит опалить кромку вуалей. На южном конце Коммон – Бойлстон-стрит с ее круглосуточной торговлей, дорогими кашемировыми шарфами и чехлами для мобильных, швейцарами в ливреях, ювелирами с тройными именами, женщинами с кудрями балдахин, опорожняющих магазины шопперов с широкими белыми сумками с пеньковыми ручками и монограммами. Мокрая вуаль дождя размывает мир, как неонатальный объектив Джима, который он изобрел, чтобы снимать размытую картинку как из глаз новорожденного, – все узнаваемо, но без очертаний. Размытость, которая не размазывает, а скорее искажает. Хватит хвататься за сердце на еженощной основе. То, что похоже на выход из клетки, на самом деле прутя. Полуденные сети⁶⁸. Над дверью написано «Выход». Но выхода нет. «Клетка III: Бесплатный цирк» Джима. Это клетка каким-то образом вошла в нее. Сложность ситуации выше ее понимания. «Весело» давно уже отвалилось от «Слишком». Она разучилась врать себе, что еще может бросить, или что все еще получает удовольствие. Привычка больше не разграничивает мир и не заполняет пустоты. Больше не разграничивает пустоты. У вуали из-под дождя запах особый. Чем-то зацепил тот позвонивший с луной – как он сказал? Что луна никогда не отворачивается. Вращается и в то же время нет. В ту ночь с последней секундой передачи она помчалась домой на последнем ночном метро и хотя бы наконец не отвернулась от ситуации – что она это больше не любит и даже ненавидит, и хочет прекратить, но не может прекратить, или даже представить, что прекратит или проживет без этого. В каком-то смысле она поступила так же, как когда-то вынудили поступить Джима, и признала бессилие над своей клеткой, этим небесплатным цирком, в слезах, буквально хватаясь за сердце, сперва скулив обрывок «Кор Бой», впитавший испарения, затем нитки ковра и вязкие трусики, через которые перед этим фильтровала раствор, в слезах, без вуали, простоволосая, словно какая-то чудовищная клоунеса, во всех четырех зеркалах стен своей комнатухи.

⁶⁶ Наша райская страна (фр.).

⁶⁷ Марка губок.

⁶⁸ Отсылка к фильму Майи Дерен «Сети полудня».

Хронология организации североамериканской эры спонсирования™ для укрепления бюджета, по годам

- 1) Год Воппера
- 2) Год Геморройных Салфеток «Такс»
- 3) Год Шоколадного Батончика «Дав»
- 4) Год Чудесной Курочки «Пердю»
- 5) Год Бесшумной Посудомойки «Мэйтэг»
- 6) Год Простого-для-установки-Апгрейда для материнской-карты-с-миметичным-качеством-изображения-ТП-систем INFERNATRON/ INTERLACE для дома, офиса, или мобильного варианта от ЮСИТЮ2007
- 7) Год Молочных Продуктов из Сердца Америки
- 8) Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»
- 9) Год «Радости»[\[78\]](#)

Старший Джима, Орин – виртуозный пантер, виртуозный мастер уворота от летящей кислоты – однажды показывал Джоэль ван Дайн свою детскую коллекцию шелухи от лимонной полироли, которой игроки в школе пользовались от солнца. На гвоздях на фибролитовой доске висели ноги и куски ног разных размеров, мускулистые руки, батарея пятидырх масок. Не под каждой шелуховиной было подписано имя.

На восток по Бойлстон-ст. – значит, снова пройти мимо черно-бронзового всадника в честь бостонского полковника Шоу и 54-го полка, освещенного урывком проникающего солнца, – металлические голова и вознесенная сабля Шоу бунтарски обернуты в квебекский флаг, на котором вместо стеблей всех четырех геральдических лилий изображены красные клинки, так что это теперь абсурдный красно-бело-синий флаг; на лестницах с баграми и ножницами три бостонских копа; канадские активисты выходят ночью, в канун Взаимозависимости, почему-то уверенные, что кому-то интересно, чего они там вешают на исторические символы, – вешают эти свои антионанские флаги, будто тем, кому не платят, чтобы их снимать, вообще интересно. Пленникам клетки и суицидникам очень трудно представить, чтобы кто-то мог страстно из-за чего-нибудь переживать. А вот и вост. – бойлстоновские дилеры, сирены другой, второй клетки, на вечном посту у «детского мира» «ФАО Шварц», юные черные пацаны, такие черные, что даже синие, ужасно тощие и юные, не больше чем живые тени в вязаных шапках, свитерах до колен и ярко-белых хайтопах, переминаются и дуют в сложенные ладони, намекают на доступность некоего Материала, намекают едва-едва, только своими осанками и скучающими пустыми многозначительными взглядами. Некоторые типы рынков: клиент сам к тебе приходит; и чу. Копы у флага через улицу даже усом не поведут. Джоэль торопится мимо шеренги дилеров, изо всех сил, – сабо соскакивают и хлопают, – замешкавшись только у самого конца, прямо у конца строя, но все же в двух локтях от последнего скучающего дилера; просто здесь, на улице перед «Шварцем», стоит странная реклама: не живой какой-нибудь продавец, а гуманоидная фигура из чего-то качественнее картона, нетронутая дилерами, которые ее будто даже не замечают, реклама на задней подставке, как у фоторамки, 2D, фигура человека в инвалидном кресле, в пальто и галстук, без ног и с культями под пледом, сытое лицо по решению художника румянится от какого-то жуткого удовольствия, улыбка – изгиб крайней кривизны, пролегающий где-то между радостью и яростью, – на его восторг больно смотреть, – голова лысая, пластмассовая и закинута, глаза устремлены в синие арлекиновые лоскуты послегрозового неба – то ли глядит ввысь, то ли корчится в припадке, то ли в восторге, – руки тоже подняты – то ли в жесте покорности, то ли триумфа, то ли «спасибо», – до странного толстая правая рука заключила в хватке черный корешок коробки какого-то нового кинокартриджа, который поступил в продажу, сам картридж торчит языком из щели в его

ладони (без линий); вот только есть лишь восторженная фигура и картридж, который не стащили дикие дилеры: ни названия, ни отзывов или рецензий с каким-нибудь количеством больших пальцев от кинокритиков, корешок коробки – голая, черная, слегка пупырчатая обычная пластмасса, подозрительно неподписанная. Сумки двух проходящих мимо азиаток цепляют пальто Джоэль – оно колышется, она стоит, чувствуя на себе оценивающие взгляды шеренги дилеров; но потом кто-то зовет копа на лестнице у статуи по имени и легкое эхо рассеивает чары; черные пацаны отворачиваются. Никто из прохожих как будто не замечает рекламу, возле которой она потерялась в мыслях. Какая-то антиреклама. Обращает внимание на то, что не сказано. Ведет к неизбежности, которую отрицаешь. Не новая. Но дорогая и цепляющая реклама. Сам кинокартридж тоже наверняка чистый, или коробка пустая, дешевка, раз его легко можно вынуть из щели в руке фигуры. Джоэль вынимает его, рассматривает и убирает назад. С кинокартриджами она давно распрощалась навсегда. Джим использовал ее много раз. Под конец Джим снимал ее долго и многообъективно, и отказался показывать смонтированное, и умер без записки[79]. Про себя она его прозвала «Бесконечный Джим». Картридж из рекламы встает на место с щелчком. Один из юных дилеров называет ее «мамой» и спрашивает, кого хороним-то.

Какое-то время после случая с кислотой, когда сперва ушел Орин, а затем пришел Джим и заставил ее просидеть ту сцену извинения, а затем исчез, а затем вернулся опять, только чтобы – всего четыре года семь месяцев шесть дней назад – уйти, какое-то время – после покупки вуали – какое-то время ей нравилось укуриваться в хлам. Джоэль. Нравилось. Затем вычищать раковины до мятно-белого. Обмахивать потолки без всяких лестниц. Пылесосить до дыр, и после каждой комнаты заряжать свежий мешок для мусора. Имитировать жену и мать, которую они оба отказывались снимать. Браться за затирку между кафелем с зубной щеткой Инканденцы.

В местах вроде Бойлстон машины паркуются в три ряда. Дворники настроены на скорость, которую сроду не водившая Джоэль представляет себе как «Случайная». Дворники в старенькой машине ее личного папочки включались рядом с поворотниками у руля. Мимо, шурша по улице, проезжают свободные желтые такси. Больше половины проезжающих под дождем такси позиционируют себя как свободные – под «Такси» горят багровые цифры. Как ей вспоминается, Джим был не только великим киноумом и настоящим другом, но и лучшим в мире зазывалой бостонских такси, который даже не столько звал, сколько материализовывал транспорт там, где бостонских такси попросту быть не может, который вызывал бостонские такси в Ведерсбурге, штат Индиана, и Пауэлле, штат Вайоминг, – было что-то такое во власти высоко поднятой руки, от чего проезжающее такси на пустынных улицах испытывало какой-то параллакс, возникая под вознесенной рукой Инканденцы, словно ради благословения. Он был высоким и неповоротливым человеком с великой любовью к такси. И любовь эта была взаимна. После него – ни одного такси за все четыре с лишним года. И так Джоэль ван Дайн, она же Мадам П., сдавшаяся, с суицидальным настроением, отказывается от телеги до эшафота, и ее солидные сабо формально стучат по гладкому асфальту тротуара Бойлстон мимо вращающихся дверей дорогих магазинов на юго-восток, в край серьезных особняков, незастегнутое пальто распаивается над пончо и висящий дождь дробится на капли.

После того, как этим утром она в последний раз скурила весь самодельный фрибейс-кокаин⁶⁹, а потом спалила все «Кор Бой» и хорошие трусики, которые пустила на последний фильтр, и давилась их горелым шелком, и разрыдалась, и проклинала себя последними словами перед зеркалами, и снова в последний раз вышвырнула все свои наркопринадлежности, когда час спустя она дошла совсем не формальной походкой под сонмом грозowych туч и далекими липкими обрывками осеннего грома до остановки метро, чтобы доехать до Верхнего

⁶⁹ Он же крэк, кокаин в кристаллической форме для курения.

Брайтона к Леди Дельфине, реально закупиться у Леди Дельфины – как трудно остановиться посреди запоя в субботу, если только отрубиться, – и сказать Л. Д., что когда она прощалась в прошлый раз и говорила, что это последний раз, на самом деле это был предпоследний, а вот теперь совсем последний, теперь она прощается навсегда, и серьезно закупиться у Леди Дельфины, заплатить за 8 г в честь щедрого прощания вдвойне, когда она дошла до своей остановки без всякой формальности в походке и стояла на перроне, то и дело путая бормотанье грома с приходом поезда, так сильно мечтая о дозе, что прямо чувствовала, как мозг бьется о стенки черепной коробки, располагающий и мягкий пожилой черный мужчина в дождевике, шляпе с плоским черным перышком за лентой и старомодными очками в черной оправе, какие обычно носят располагающие пожилые черные, с усталой, но благородной мягкой манерой пожилых черных держать себя, ожидавший поезда наедине с ней на зябком сумрачном перроне станции «Площадь Дэвиса», – этот человек аккуратно сложил «Геральд» вдоль, убрал под мышку той же руки, которой вежливо коснулся края шляпы, и попросил прощения, если влезает без спросу, но, сказал он, ему уже доводилось ранее видеть подобные вуали, в округе, ровно как у нее, и они привлекли его внимание, и он бы с удовольствием и благодарностью узнал их назначение, если она не прочь скрасить их времяпрепровождение беседой в ожидании поезда. Он отчетливо произнес все слоги в слове «времяпрепровождение», что очень понравилось чистокровной кентуккийке Джоэль. С вашего позволения, сказал он, коснувшись края шляпы. Джоэль совершенно увлеклась разговором, а для нее это была редкость, даже вне эфира. Она с радостью ухватилась за возможность думать о чем угодно другом, раз уж поезда сегодня не дожدهшься. Ее удивляло, что в народе получила хождение именно байка, рассказывала она, а не ее наследие, будто его скрывают. Уния радикально обезображенных и травмированных была неофициально основана в Лондоне 1940 года до э. с, в Лондоне, Великобритания, женой младшего члена Палаты общин, дамой с косоглазием, волчьей губой и фурункулами, к которой сэр Уинстон Черчилль, п. —м. ВБ., после несколько стаканов портвейна плюс пунша на приеме в честь американского администратора программы ленд-лиза, обратился в манере, совершенно неподобающей для светского общения между приличными дамами и джентльменами. Сам того не зная, заложив первый камень в основу Унии, исполняющей функции скопофобического эмпатического содружества и неиссякаемого источника внутренних ресурсов для добровольной маскировки на людях без всякой примеси стыда, У. Черчилль – когда настоящая леди, а не какой-то половичок, чтобы ноги вытирать, сообщила ему с чопорной резкостью, что он, к превеликому сожалению, перебрал – ответил фразой, вошедшей в анналы баек, что да, правда ваша, он еще как перебрал, вот только он-де на следующее утро снова будет трезв, тогда как она, дорогая леди, к завтрашнему дню по-прежнему останется столь радикально обезображенной. Черчилль – несомненно, находившийся в этот исторический период под колоссальным эмоциональным давлением, – затем затушил свою сигару в шерри леди, а потом выдернул салфетку из кольца у чаши для ополаскивания пальцев и деликатно повесил над искаженными чертами ее разгневанного лица. Ламинированная карточка членства в УРОТе без фото, которую Джоэль показала заинтересованному пожилому черному джентльмену, передавала всю эту повесть настолько слепым шрифтом, что карточка сама выглядела одновременно пустой и изуродованной.

Предположительный curriculum vitae Елены П. Стипли, 36 лет, 1.93 м, 104 кг, бакалавр гум. наук, магистр юр. наук

1 год, «Тайм» (учебно-производственная практика, рубрика «Медиальности»);

16 месяцев, журнал «Декейд» («Горячие и Не очень», колонка анализа стиля и моды) до закрытия;

5 лет, «Саутуэст Эньюэл» (заметки о людях, гериатрически-медицинские и туристические);

5 месяцев, «Ньюсуик» (11 небольших очерков по трендам и развлечениям, пока главный редактор, в которого она была влюблена, не ушел из «Ньюсуик» и не забрал ее с собой);

1 год, «Лэдис Дэй» (портретные и лечебно-косметические статьи – иногда по результатам личного расследования, – до дня, когда главный редактор замирился с женой, а у Е. П. С. на Вост. – 62-й вырвали сумочку, после чего она поклялась, что ноги ее в Манхэттене не будет);

15 месяцев – по настоящий момент, журнал «Момент», юго-восточное издание, Эритема, штат Аризона (репортажи медицинские, «мягкие» спортивные, портретные и о трендах домашних развлечений, с указанием в выходных данных на первой странице, статус пишущего редактора).

Далее сперва в Верхний Брайтон, а теперь к кооперативному особняку на окраине Бэк-Бэй, где некогда она жила с Орином и играла в фильмах его отца, который затем отдала Молли Ноткин, сегодняшней почетной гостье и хозяйке в одном флаконе, со вчерашнего дня удостоившейся преддокторского звания в МТИ (без защиты диссертации) по «теории кино и кинокартриджей», в легкую проскочив пресловутый устный экзамен, представив экзаменационной комиссии драматическую и – как скажет она – разгромную критику марксистской теории кинокартриджей рубежа XX–XXI веков с точки зрения самого Маркса – Маркса в роли кинокартриджного теоретика и исследователя. Все еще щеголяющая в костюме К. М. день спустя, на праздновании, – приглашенная борода черно-лобкового цвета, хомбург, заказанный прямиком из Висбадена, копоть из известной в очень узких кругах британской лавки сувенирной грязи, – она и понятия не имеет, что Джоэль заключена в клетке с самого ГШБД, что она и Джим Инканденца были вместе где-то двадцать один месяц, понятия не имеет, были они любовниками или нет, понятия не имеет, из-за чего ушел Орин – из-за того, что они были любовниками, или еще почему-то[80], – понятия не имеет, что Джоэль не слезает с наркоты благодаря чудовищно щедрому трасту, завещанному человеком, с которым она не боялась снимать вуаль, но ни разу не спала, отцом спортивного дарования, бесконечным шутником, режиссером финального опуса настолько магнум, что, по его словам, фильм пришлось спрятать. Джоэль так и не увидела завершенную работу со своим участием, и даже никого, кто бы ее видел, и сомневается, что любая совокупность столь патологических эпизодов, как те, для которых он цеплял на камеру тот длинный кварцеватый автодрожжащий объектив и снимал ее, могла оказаться настолько развлекательной, каким, по его заверениям, оказался фильм, который он всегда мечтал снять и который по завершении разбил его сердце.

Взбираясь на третий этаж по вытертой ногами добела лестнице, еще дрожа от утреннего перерыва, Джоэль вдруг обнаруживает, что ей тяжело – подниматься, – будто с каждым шагом возрастает сила тяжести. Вечеринку слышно уже со второго пролета. И вот Молли Ноткин, разодетая как расползающийся Маркс, снова встречает Джоэль у дверей с радостным деланным удивлением, с каким американские хозяйки встречают гостей. Ноткин придерживает вуаль Джоэль, пока та снимает усеянные каплями пальто и пончо, затем слегка приподнимает привычным движением двумя пальцами для поцелуя в обе щеки, горького от сигарет и вина, – Джоэль никогда не курит в вуали, – справляясь, как Джоэль добралась, а затем, не дожидаясь ответа, предлагает тот странный англо-колумбийский яблочный сок, который, как оказалось, так нравится им обоим и который Джоэль давно променяла на «Большую красную газировку» своего детства, о чем Ноткин не знает, ошибочно полагая, что приторный канадский сок – до сих пор их главная с Джоэль слабость. Молли Ноткин – такой человек, с которым отчаянно хочется быть вежливым, но приходится это скрывать, ведь она придет в ужас, если заподозрит, что ты хоть когда-то был с ней вежлив.

Джоэль шутливо отмахивается:

– Правда-правда хороший?

- Настолько свежий, что даже мутный!
- И где же ты его нашла так далеко на востоке и в несезон?
- Настолько свежий, что даже кривишься!

Гостиная забитая и душная, играет пошлое мамбо, стены все такие же белесые, но отделка теперь насыщенно-коричневого шоколадного оттенка. Плюс все то же вино, видит Джоэль, целый ассортимент в старом серванте, который вносили по лестнице аж три мужика с сигарами в комбинезонах, когда они с Орином еще въезжали, ассортимент бутылок разных форм, тусклых расцветок и уровней высоты содержимого. Одной рукой с грязными ногтями Молли Ноткин держит руку Джоэль, а вторую положила на изголовье кресла Майи Дерен, – та запечатлена в ярких стеклопластиковых полимерах погрузившейся в авангардные раздумья, – рассказывает Джоэль вечериночным полукриком, от которого совершенно охрипнет задолго до грустного окончания нынешнего сбора, про свои устные экзамены.

Мысль о хорошем соке с мякотью наполняет рот Джоэль слюной, которая сама не хуже сока, а льняная вуаль высыхает и снова начинает комфортно трепетать с каждым вдохом и выдохом, и, стоит ей взгромоздиться на кресло в одиночестве под взглядами людей, которые которые смотрят украдкой и даже не подозревают, что знают ее голос, Джоэль охватывает порыв поднять вуаль перед зеркалом – заварить немного нетронутого Материала из сумочки, поднять вуаль и выпустить ненасытную тварь из клетки, пусть дышит тем единственным вольным безвуальным воздухом, что переваривает; на Джоэль накатывают отвращение и печаль; она похожа на смерть, тушь размазалась; никто не видит. В углу потемневшей от дождя тряпичной сумочки, лежащей на полу прямо под болтающимися сабо, угадываются пластиковая бутылка из-под «Пепси», стеклянный тубус от сигары, зажигалка и целлофановые пакетики. Молли Ноткин стоит с Рузерфордом Кеком, Кросби Баумом и мужчиной с ужасной осанкой перед школьным дисплеем «Инфернатрон». Широкая спина и помпадур Баума скрывают то, что творится на экране. Голоса академиков гнусавые, с выпестованным заиканием в начале предложений. Очень многие фильмы Джеймса О. Инканденцы были немymi. Он был самоназванным визионером. Его вечно улыбающийся сын-инвалид, с которым Джоэль так и не познакомилась поближе, потому что Орин его недолюбливал, часто носил кофр с объективами, улыбаясь, как человек, который щурится на яркий свет. Этот невыносимый актер-мальчишка Смозергилл часто корчил ему рожи, а он только смеялся, из-за чего Смозергилл впадал в истерики, которые каким-то образом утихомиривала в ванной Мириам Прикетт. Динамики, встроенные в кадки, свисающие на тонких цепочках с каждого угла кремового потолка, на приемлемой громкости исполняют старый CD с латино-ревайвалом. Еще одна большая разрозненная группа людей на расчищенном пространстве между кучкой кресел-режиссеров и дверью в спальню танцует популярное в ГВБВД минимальное мамбо – антибум восточного побережья этой осени: танцоры как будто на самой границе неподвижности, еле-еле пощелкивают пальцами рук, полусогнутых в локтях. У Орина Инканденцы, помнила она до сих пор, были раздутый пестрый локоть и предплечье размером с баранью ногу. Он тогда легко переключился с руки на ногу. Джоэль была единственной любовницей Орина Инканденцы двадцать шесть месяцев и зеницей киноока его отца – двадцать один. У иностранного академика с почти францисканской плешкой – он устроился в МТИ уже после ее выпуска – приплясывающая хромота, как у человека с протезом. Движения танцоров поопытней такие неуловимые, что цепляют взгляд и завораживают, почти-статическая масса словно сгустилась и извивается вокруг одной юной красавицы, настоящей красавицы, – ее спина минимально колыхнется в тонком облегающем сине-бело-полосатом, как матроска, топе, когда она только намекает на ча-ча-ча с маракасами в руках, в которых нечему трещать, наблюдая за своим почти-танцем в дорогом ростовом зеркале, которое Джоэль после ухода Орина запретила Джиму вешать на стену и задвинула под кровать стеклом вниз; теперь оно в раме на западной стене, между двумя пустыми рамами, украшенными позолоченным орнаментом, Ноткин-то думает, что это

очень ретроиронично – вставить рамы внутрь других, менее орнаментированных рам, в стебной аллюзии к раннеэкспериментальной моде создавать произведения искусства из принадлежностей для художественного самовыражения, – рамы в рамах не очень симметрично обрамляют зеркало, вырезанное им для съемок этого своего последнего гадкого фильма, для которого он заставил ее стоять прямо и читать реплики намеренно пустой интонацией, к которой она снова вернулась для работы в эфире; девушка в бело-голубую горизонтальную полоску замирает, затем ее вертикально режет луч солнца – нарезанная, нарезавшаяся славным винтажным так, что губы обвисли, а мышцы отраженного лица расслабились и щеки трясутся, как ее же выдающиеся титки под матроской. Апокалиптические румяна и кольцо в носу, которое либо электрическое, либо ловит блики света из окна. Как она примечательно бесстыдно заиклена на себе. Канадка? Культ зеркала? Никак не УРОТ: совсем не то поведение. Но вот, когда ей что-то шепчет почти неподвижный мужчина в конном шлеме, она резко отрывается от своего отражения, хочет что-то объяснить, не столько мужчине, сколько никому конкретно, всей танцующей массе разом: «Я просто разглядываю свои сиськи, – говорит она, осматривая себя с головы до ног, – разве не красота?» – и это трогательно, это так душераздирающе искренне, что Джоэль хочется к ней, хочется сказать, что все есть и будет хорошо, и еще она произнесла «красота» в четырех слогах, напомнив о характерном произношении мужчины из метро, чем выдала свой класс и происхождение с душераздирающей открытостью, какую Джоэль всегда представляла либо ужасно глупой, либо ужасной смелой, и девушка вскидывает полосатые руки в жесте триумфа или безыскусной благодарности, что ее создали такой, с такими «сиськами», – совершенно не задумываясь, кто ее создал и для кого, – безыскусный экстаз – она не пьяна, а приняла экстази, видит Джоэль по фебрильному румянцу и таким широко раскрытым глазам, что можно разглядеть мозг за яблоками, оно же Х или МДМА, бета-что-то-там, ранний синтетик, эмоциональная кислота, т. н. «Наркотик Любви», хит среди божественной молодежи при, скажем, Буше и далее, с тех пор впавший в относительную немилость из-за того, что беспощадное похмелье от него связали с импульсивным применением автоматического оружия в общественных местах, похмелье, по сравнению с которым отходняк от фрибейса – как выходной на эмоциональном пляже, а разница между самоубийством и убийством, пожалуй, только в том, где именно ты разглядел дверь из клетки: смогла бы она убить, чтобы выбраться из клетки? Это, по словам Джима, смертельно-развлекательное и скопофилическое кино, в котором она снялась без вуали в начале ГШБД, – клетка или на самом деле дверь? Смонтировал он в итоге из пленки что-то внятное? Космология матери и извинения, которые она без конца повторяла, нависнув над автодрожжащим объективом, установленным в клетчатой детской коляске, были апогеем невнятицы. Он так ничего ей и не показал, даже дейлизы. Покончил с собой меньше чем через девяносто дней. Меньше чем девяносто дней? Насколько же надо мечтать убраться отсюда, чтобы засунуть голову в микроволновую печь? Одна недалекая тетка в Боазе, про которую знала вся ребятня, посадила кошку в микроволновку, чтобы высушить после ванной от блох, и установила всего-навсего на «Размораживание», и потом от этой кошки пришлось отмывать стены кухни. Как вообще взломать печь, чтобы она работала с открытой дверцей? Там что, какая-то кнопка, как со светом в холодильнике, которую можно зажать и залепить скотчем? А скотч не расплавится? Она не могла припомнить, чтобы думала об этом последние четыре года. Это что, она его убила, каким-то образом, без вуали склонившись над объективом? Девушку, влюбленную в свою грудь, поздравляют легчайшими намеками на аплодисменты едва живые танцоры со стеклянными тюльпанами в зубах, а Вогельсонг из колледжа Эмерсон вдруг решает постоять на голове и тут же его тошнит растекающейся эктоплазмой сливового цвета, от которой танцоры даже не пытаются отойти, и Джоэль тоже хлопает экстатической девушке, потому что они, легко признает Джоэль, эти титки – они и правда очень даже ничего, такое в Унии зовут «завораживающим в сравнительноотносительных пределах»; Джоэль нравится, когда восхищаются красотой, в сравнительно-относительных пределах; она

уже не чувствует сострадания или материнской заботы, лишь жажду проглотить свою последнюю каплю слюны в жизни и покинуть этот корабль, занырнуть еще на пятнадцать минуток в «Слишком весело», стереть карту озарением слепого божества всех клеток без дверей; и она соскальзывает с коленей Мельеса – легкое падение, которое плавно переходит в движение с полной сумочкой и стаканом матового яблочного сока к двери за шеренгами мирной конги и задверной суете уютной теоретической вечеринки. Но потом опять мнетя, медлит – и дорога к ванной закрывается. Она здесь единственная женщина в вуали, и старше большинства присутствующих кандидатов на целое академическое поколение, и ей страшно, – хотя и немногие здесь знают, что она акустическая знаменитость, – страшно не оттого, что не получится, а оттого, что она струсит, и еще из-за воспоминаний о Джиме, Джоэль делает широкий круг по комнате, чтобы помедлить, потянуть время, повисеть, не вмешиваясь, на окраинах перетекающих групп, под скользящими взглядами, с западающей с каждым вдохом вуалью, подождать с видом беспечной самоуверенности, пока не освободится ванная за спальней – в спальню Молли зашли и оставили дверь нараспашку архивист Чаплина Якарино и желтушный старик, – беспечно ждать, довольно грубо отвернувшись от иностранного академика, которому любопытно, где она работает в такой вуали, – мозг бьется о стенки костяной коробки, запоминая каждую деталь, словно собирая пустые ракушки, – попивая туманный сок, слегка приподняв уголки вуали, глядя на, а не сквозь прозрачную ткань – эквивалент зажмуривания у радикально обезображенных, – чтобы сосредоточиться на звуке, окунаясь в волны Самой Последней Вечеринки, пока мимо грациозно проскальзывают разные гости, раз или два почти ее касаясь, и видеть перед собой, только как накатывает и затем вздымается белая ткань, прислушиваться к разным голосам так, как молодежь без вуали смакует вино.

– Бытие этого пространства определяет техника.

– ...начинается с Ремингтона в жутком дедушкином фланелевом костюме, ч/б, передний ракурс в зернистом ч/б, – Бувье научил его работать с диафрагмой, чтобы подражать этой жуткой древней «8-Супер», – передний ракурс, он глядит за камеру, никак не скрывает, что читает с суфлера, монотонный и все такое, говорит: «Немногие иностранцы понимают, что немецкое слово „берлинер” – также разговорная идиома для общеизвестного пончика с желе, и потому немецкие массы встретили историческую фразу Кеннеди „Ich bein ein Berliner” со смехом только на первый взгляд политического одобрения», и в этот момент складывает у виска большой и указательный пальцы, и в этот момент ассистент кафедры удваивает фокусное расстояние, так что получается гигантский...

– Я бы умер за то, чтобы защитить ваше конституционное право на ошибку, друг мой, но в этом случае вы...

– Они были не такие красивые, но потом Рузерфорд посоветовал перестать спать на лице.

– *A du nous avons foi au poison.*⁷⁰

– Сыр хороший, но едал я сыры и получше.

– Мейнверинг, это Кирби, у Кирби боли, он как раз рассказывал мне, а теперь хотел бы рассказать и тебе.

– ...покрытая мраком, почему не появилась Ив Пламб, ведь известно, что ее одобрили для роли, а все остальные были, даже Хендерсон и эта самая Дэвис в роли Алисы – ее выкатывали медсестры, боже мой, – а Питер – как будто последние сорок лет питался одной сдобой, Грег в абсурдном парике и мокалинах из змеиной кожи, да, но дети хотя бы узнаваемые, что-то проглядывает, тот доцифровой вневременной аспект, который и был волшебством и смыслом проекта – ну ты-то знаешь, ты разбираешься в доцифровой феноменологии и теории «Семейки Брэди». И, в общем, но да, теперь Джен играет совершенно неуместная сорокалетняя черная!

⁷⁰ Мы верим в яд (фр.).

– De gustibus non est disputandum.⁷¹

– Бред.

– Неуместность центральной черноты может в данном случае служить для того, чтобы подчеркнуть отвратительную белизну, которая доминировала...

– Весь исторический эффект культового сериала ужасно, ужасно извратили. Ужасно извратили.

– Заходят в бар Эйзенштейн, Куросава и Мишо.

– Знаешь массмаркетовые картриджи, для масс? Которые такие плохие, что даже хорошие? Так вот это было еще хуже.

– ...так называемая фантомная, но настоящая. И перемещается. Сперва в спине. Потом не в спине, но в правом глазу. Потом глаз как новенький, но большой палец – хоть плачь. Ну не стоит на месте.

– Выживает с градиентом эмульсии, так что все углы тессеракта кажутся прямыми, но при этом...

– Так вот я сел к нему поближе, понимаете ли, чтобы ему как бы было труднее меня рассмотреть, – Кек говорил, им нужно добрых минут десять, – и вот я сдвинул шляпу вот так вот, слегка сдвинул на бок вот так, уселся едва ли не у него на коленях, спросил его о призовом карпе – он держит породистого карпа, – и, разумеется, сами можете представить...

– ...интересней с хайдеггеровской точки зрения априори: охватывает ли техника как концепт пространство как концепт.

– В ее перемещениях чувствуется коварство, какая-то призрачно-или фантомоподобная...

– Потому что на этой стадии они эмоционально более лабильны.

– «Так купи вставные зубы? – это она такая. – Так купи вставные зубы?»

– Кто снимал «Разрез»? Кто был оператором в «Разрезе»?

– ...его можно назвать «фильм как фильм». Комсток пишет, что если он и существует, то должен быть скорее чем-то вроде эстетической фармацевтики. Некий непристойный пост-кольцевой скопофилический вектор. Надподсознание и вот это все. Какой-то абстрактабируемый гипноз, оптический раздражитель для выброса дофамина. Экранизированная иллюзия. Дюкett говорит, что потерял связь с тремя коллегами. Говорит, пол-Беркли не отвечает на звонки.

– Думаю, никто в здравом уме не станет спорить, что это абсолютно очаровательные сиськи, Мелинда.

– Ели блины с икрой. Еще тартинки. Взяли пикальное мясо в кремовом грибном соусе. Он сказал – все за его счет. Сказал – угощает. Жаркое из артишоков с чем-то вроде айоли. Баранина, фаршированная фуа-гра, двойной шоколадно-ромовый торт. Семь сортов сыра. Киви-гляссе и бренди в sniffтерах, которые приходится вращать двумя руками.

– Педик-кокаинщик в своем «Моррисе мини».

Профессор киноведения с протезом:

– Вентиляторы начинают ничего не держать в Великой Выпуклости. Все уже просачивается. Все возвращается на свой круг. Вот что ваша нация отрицает понимать. Оно будет продолжать просачиваться. Нельзя отдать другим свою грязь и после предотвратить просачку, нет? Грязь по самой своей природе то, которое всегда просачивается в обратном. Что до я – я помню вид, как ваша Чарльз еще была кафе со сливкой. Теперь извольте. Взгляните сами. Это синюшная речка. Снаружи вас речка, которая синя, как малиновское яйцо.

– Ален, ты, наверное, имеешь в виду Великую Впадину.

– Я имел в своем виду Великую Выпуклость. Я сам знаю, что мной имеется в своем виду.

---

⁷¹ О вкусах не спорят (лат.).

– А потом оказалось, что он подбросил в бренди рвотный корень. Ничего ужаснее вы в жизни не видели. Все, везде – хлестали, как киты. Я слышал о фонтанах рвоты, но никогда не думал, что сам... можно было даже целиться, такое давление, что хоть целься. И тут из-под скатертей выскакивают его аспиранты, а сам он достает складной стульчик и хлопушку и давай снимать эту ужасную ковыляющую рвущую ревущую...

– Господи, да этот слух про великий картридж-несущий-смерть-от-удовольствия растекается, как пробитый толчок, еще с Посудомойки. Ты просто поспрашивай, пообещай грант какого-нибудь ничего не говорящего фонда, добудь его на рынке того оттенка, на котором его якобы можно добыть. И сам посмотри. Спорим, это наверняка обычная эротика с хай-концептом, или целый час вращающихся спиралей. Или вообще какой-нибудь поздний Макаваев – то, что интересно, только когда выключишь, при обдумывании.

Полосатый параллелограмм вечернего солнца вытягивается по восточной стене студии, по заставленному бутылками серванту, стеклянному шкафу с античным оборудованием для монтажа, решетчатой вентиляции и полкам арт-картриджей в унылых черных и серых коробках. Мужчина в родинках, с конным шлемом на голове, то ли подмигивает ей, то ли у него тик. Возникло классическое предсуицидальное желание общения: присядь на секунду, я расскажу тебе все. Меня зовут Джоэль ван Дайн, голландо-ирландка, я выросла в родовом поместье к востоку от Заветного Приза, Кентукки, единственный ребенок низкокислотного химика и его второй жены. Теперь акцент у меня появляется только при стрессе. Мой рост 1,7 метра, вес – 48 килограммов. Я занимаю пространство и обладаю массой. Я вдыхаю и выдыхаю. Раньше Джоэль ни разу не обращала внимания на бесконечное усилие, необходимое, чтобы просто вдыхать и выдыхать, – вуаль льнет к носу и округленному рту, а затем слегка выгибается, как шторы над открытой фрамугой.

– Выпуклость.

– Впадина!

– Выпуклость!

– Впадина, черт тебя дер!

В ванной есть крючок на двери и зеркальный шкафчик с аптечкой над раковиной, сама ванная за спальней. Спальня Молли Ноткин выглядит как у человека, который проводит здесь изрядное количество времени. С лампы свисают чулки. На серых волнах взбитого одеяла торчат не крошки, а целые куски крекеров. Фото фаллоневротического нью-йоркца на такой же фоторамочной подставке, как у антирекламы с чистым картриджем. Пакетик с травой, бумага для самокруток «ИЗед-Уайдерс» и семена в пепельнице. На бесцветном паласе раскинулись, ломая переплет, книги с немецкими и кириллическими названиями. Джоэль никогда не нравилось, что фотография отца Ноткин прибита на иконической высоте над изголовьем кровати, – системный планировщик из Ноксвилля, Теннесси, с улыбкой человека, который носит белые лоферы и брызгающий цветок. И почему в ваннх всегда куда светлее, чем в комнате, к которой они примыкают? Внутри ей пришлось сдернуть с двери два мокрых полотенца, чтобы дверь закрылась плотно, вместо замка – все тот же старый ржавый крючок, который никак не хочет влезать в паз до конца, саундтрек вечеринки – теперь какая-то жуткая коллекция смягченной рок-классики со всеми вытекающими стоматологическими ассоциациями софтбокса, внутри на двери висит календарь ноксвилльских технических достижений до эры спонсирования, вырезки Кински в роли Паганини и Лео в роли Дуанеля, кадр толпы без рамки из, кажется, «Свинцовых ботинок» Питерсона и, на удивление, оттиск страницы одной-единственной опубликованной монографии по теории кино Дж. ван Дайн, магистра искусств [81]. Джоэль чувствует сложный букет комнатухи сквозь вуаль и собственное спертое дыхание: сандаловые опилки в маленьком ароматическом шарике с фиолетовым бантиком, мыло-дезодорант и острый запах гнилого лимона от стрессовой диареи. Малобюджетные пленочные хорроры создавали неоднозначность и возможную элизию, добавляя «?» после «THE END», вот что

вдруг всплывает в ее мыслях: «THE END?» посреди запахов плесени и результатов несварения академиков? В семейном доме матери Джоэль не было водопровода. Ну и ничего, пусть здесь. Она гонит прочь напыщенные мысленные паттерны в духе «это-будет-последнее, – что-я-почувствую». Джоэль твердо намерена устроить себе «Слишком Весело». А ведь в начале это действительно было так весело. Орин никогда не участвовал, но и не осуждал; из-за футбола его моча была достоянием общности. Джим не столько не осуждал, сколько не проявлял никакого интереса. Себе в качестве «Слишком» он выбрал хороший бурбон, и проживал жизнь на всю катушку, а потом пропадал в клиниках, снова и снова. В самом начале было даже слишком весело. Даже куда лучше, чем назалить Материал через свернутую наличку, ждать холодной горькой капли по задней стенке горла и вычищать по-новому просторную квартиру до блеска, пока рот сам по себе кривится и корчится под вуалью. А фрибейс освобождает и сгущает, сжимает восприятие до имплозии единого разрушительного взлета в графике озаряющего оргазма сердца, из-за чего она чувствовала себя по-настоящему привлекательной, защищенной пределами, любимой без вуали, заметной и одинокой, самодостаточной и женственной, полноценной – будто перед взором Бога. Затянувшись, она всегда видит, прямо на пике, на кончике взлета графика, «Экстаз св. Терезы Бернини», за стеклом, в Санта-Мария-делла-Виттория, непонятно почему: святую на спине, откинувшуюся, ее текучую каменную тунику приподнимает ангел, а второй рукой нацеливается обнаженной стрелой, ноги святой, раздвинутые, застыли, выражение ангела – не милосердие, но идеальный порок зазубренной любви. Дурь была не только ее богом клетки, но и любовником – дьявольским, ангельским, каменным. Стульчак туалета поднят. Откуда-то с востока она слышит мясорубку вертолета – следит за трафиком над Сторроу, – и вопль Молли Ноткин, когда из гостиной доносится грохот разбитого стекла, представляет ее перекошенную бороду и овал рта с шампанской пеной на губах, когда та отмахивается от катастрофы, только подчеркивающей хорошую Вечеринку, слышит сквозь дверь извинения экстаичной Мелинды и смех Молли, больше похожий на визг:

– Ох, рано или поздно со стен падает все.

Джоэль откинула вуаль со лба на затылок, как невеста. Раз она еще утром выкинула все трубки, чаши и экраны, придется проявить смекалку. На столешнице у старой раковины того же не совсем белого цвета, что и пол, и потолок (обои – с бесящим несчетным узором роз, сплетенных в гирлянды), на столешнице лежат старая растрепанная зубная щетка, аккуратно завернутый снизу тюбик пасты «Глим», неаппетитный скребок для языка «НоуКоут», каучуковый клей, Неграм, мазь для депиляции, плоский тюбик Моностата с остатками в конце, волосинки накладной бороды и зеленые спиральки обрывков мятной нити для зубов, и Парапектолин⁷², и невыдавленный тюбик пены для диафрагмы, и ноль косметики, зато серьезный гель для укладки в большой банке без крышки с волосами по краю, и пачка из-под тампонов без тампонов, но наполовину полная мелочью и резинками, и Джоэль смахивает рукой по столешнице и сожмывает все под короткую штангу с бессердечно выжатой до флехтверка сухой тряпкой, а если что и сыпется на пол, так это ничего, потому что рано или поздно падает все. На расчищенной столешнице раскрывается бесформенная сумочка Джоэль. Отсутствие вуали почему-то только приглушает запахи комнаты.

Раньше ей уже приходилось проявлять смекалку, но так решительно Джоэль ни к чему не готовилась уже где-то с год. Из сумочки она извлекает пластиковую тару из-под «Пепси», коробок деревянных спичек в пакетике с застежкой, чтобы не промокали, два толстых целлофановых пакетика по четыре грамма кокаина фармацевтического качества в каждом, одностороннее бритвенное лезвие (теперь встречаются все реже), небольшой черный контейнер для «Кодахрома», под отщелкнутой крышечкой которого обнаруживается пищевая сода, крупинка к крупинке, пустой стеклянный тубус из-под сигары, сложенный квадратик фольги «Рейнольде» раз-

⁷² Лекарство от диареи.

мером с игральную карту и качественную проволоку, ампутированную с низа вешалки. Тень ее рук от света над головой только мешает, так что она включает и лампу под аптечным шкафчиком. Лампа запинаясь, жужжит и заливает столешницу холодным безлгитиевым флуоресцентным светом. Джоэль отцепляет четыре булавки и снимает вуаль, и оставляет на столешнице рядом с Материалом. Целлофановые пакетики Леди Дельфины – с интересными застежками: они зеленые, когда закрыты, синие и желтые, когда нет. Она стряхивает полпакетика в тубус и разбавляет той же долей соды, просыпав немного соды под ярко-белым светом. Так решительно она не готовилась по меньшей мере с год. Отворачивает ручку на раковине и ждет, пока не пойдет совсем холодная вода, затем уменьшает течение до струйки и заполняет тубус до краев водой. Поднимает его и мягко постукивает по боку коротким некрашенным ногтем, наблюдая, как вода медленно пропитывает порошки. В зеркале загорается двойная роза пламени, освещающая правую половину ее лица, она держит тубус над огоньком спичек и ждет, когда сырье закипит. Расходует по две спички, дважды. Когда тубус становится горячо держать, складывает вуаль и берет тубус в левую руку, как в кухонную прихватку, осторожно (из привычки и опыта) не поднося донышко тубуса близко к огню, чтобы не стало коричневым. Только появились пузырьки, Джоэль с размахом тушит спички и бросает в туалет, где они издают кратчайший шип. Берет черную проволоку от вешалки и толчет и мешает свежевскипевшее содержимое тубуса, чувствуя, как оно быстро уплотняется и сопротивление помешиванию проволокой растет. Когда давным-давно ее руки задрожали на этом этапе процедуры, она впервые поняла, что любит это больше, чем кто-либо может любить что-либо и выжить. Она не дура. Далеко внизу под безоконной ванной несет ярко-синие воды Чарльз – умеренно синие сверху от дождя, из-за которого на поверхности появлялись и ширились фиолетовые кольца, а под разбавленным слоем – насыщенной, по-фломастерному синие, к чистому небу приклеены чайки, недвижимые, как воздушные змеи. Из-за огромного плосковерхого Энфилдского холма на южном берегу доносится гулкий стук, большой, но относительно бесформенный снаряд, обернутый в коричневую почтовую бумагу и опоясанный пенькой, несется ввысь в широкой параболе, распугивая чаек на нырки и бочки, коричневая посылка быстро пронзает еще пасмурное небо на севере, где прямо над линией между небом и землей зависла желто-бурая туча – ее верх медленно расплзается и раскрывается, так что туча напоминает не самого приятного вида мусорную корзину, замершую в ожидании. В ванной же Джоэль слышит только отголосок гулко-го стука, который может быть чем угодно. Только одно за всю жизнь вызывало у нее чувства, скольконибудь близкие к тому, как она себя чувствовала сейчас, когда готовилась к грядущему «слишком»: в детстве Джоэль, в Падуке, недалеко от Заветного Приза, если на машине, еще оставались общественные кинотеатры, по шесть и восемь отдельных залов, сотами облепивших межштатные ТЦ. Их названия, помнила она, всегда кончались на – плекс. «Топлекс» и «Сеплекс». Ей это никогда не казалось странным. И ни разу ей в них не попался фильм, в детстве, в который бы она не влюбилась по уши. Неважно, о чем они были. Она и ее личный папочка сидели в первых рядах узких перезвукоизолированных – плексов – там, где приходилось закидывать головы, – и экраны целиком заполняли их зрение, и ее рука на его колене, в другой – большая пачка «Крекерджекс», а газировка в колечках, вырезанных в пластиковых подлокотниках кресел; а он, всегда с деревянной спичкой в уголке рта, указывал в прямоугольном мире то на ту, то на эту – на исполнительниц, безупречных 20-красавиц, переливающихся на экране, – и снова и снова повторял Джоэль, что она куда красивее, чем та или эта. В неподвижной очереди за бумажными билетами в – плексы, похожими на чеки из универмагов, твердо зная, что влюбится в новое пленочное развлечение, каким бы оно ни было, такая чудесно невинная, еще уверенная, что рекламные ролики «Квантас» с живыми медвежатами – мерило качества, державшаяся за руку, глаза на уровне выпуклости от кошелька в заднем кармане его брюк, – никогда в жизни она не чувствовала, чтобы о ней заботились так же хорошо, как тогда, перед неразбавленным добрым весельем на большом экране, ни разу в жизни, пока не нашла

нового любовника, не научилась варить и курить его, – пять лет назад, перед смертью Инканденцы, тогда, в самом начале. И с тем пантером она ни разу не чувствовала, чтобы о ней так заботились, ни разу не почувствовала, чтобы в нее вошло нечто, даже не знающее, что Джоэль существует, но все равно при этом готовое доставить ей удовольствие. Развлечение слепо.

Самое неправдоподобное во всем этом – что когда сода, вода и кокаин смешаны верно, нагреты верно и размешаны, пока смесь охлаждается как надо и когда плотность уже мешает мешать и ее пора выливать, выскальзывает она скользко, как говно из козы: один кетчупный тук по донышку и пошло-пошло – монолитный цилиндр, сцепившийся на черной проволоке, с округлым рыльцем из-за формы донышка стеклянного тубуса. Среднестатистический нетолченый кусок крэка похож на пулю 38-го калибра. Но сейчас после трех щелчков из тубуса выползает монструозная белая сосиска, ярмарочный корн-дог, с шероховатыми боками, как папье-маше, и в тубусе осталась пара комков – то, что собираешь по крупинкам и скуливаешь перед тем, как перейти на вторяк и трусики.

Теперь ей осталось всего ничего – меньше двух решительно настроенных минут до такого «Слишком Весело», что не пережить ни одному смертному. Ее лицо без вуали в мутном освещенном зеркале шокирует степенью сосредоточенности. Из спальни слышно, как Ривз Мейнверинг рассказывает какой-то девочке с голосом, как после гелия, что жизнь, по сути, – это один долгий поиск пепельницы. Слишком Весело. Лезвием она нарезает кокаиновую сосиску. Тонко нарезать нельзя, потому что кусочки тотчас же рассыплются в прах, а их и так непросто курить. Ломти – норма. Джоэль нарубает ломтиков где-то на двадцать хороших таких зятажек. Они лежат кучкой на мягкой ткани вуали на столешнице. Ее бразильская юбка уже не мокрая. В светлой эспаньолке Ривза Мейнверинга часто застревают кусочки еды. «Экстаз св. Терезы» выставлен на постоянной основе в Санта-Мария-делла-Виттория в Риме, и она ни разу не видела его вживую. Больше она никогда не скажет «И чу» и не предложит людям посмотреть, как пляшет тьма над бездною. «Тьма над бездною» – такое название она предлагала таинственному картриджу Джима, на что он сказал, это слишком претенциозно, а сам потом взял цитату про череп из сцены на кладбище в «Гамлете» – вот тебе и непретенциозность, смеялась она. Его перепуганный вид, когда она смеялась, – хоть убей, это последнее выражение его лица, что она может вспомнить. Орин называл отца иногда Сам, а иногда Чокнутый Аист, а однажды проскочило Печальный Аист. Она зажигает деревянную спичку, тут же задувает и черной горячей головкой касается бока пластиковой бутылки из-под газировки. Проплавляет, оставив небольшое отверстие. Наверняка этот вертолет следил за трафиком. У кого-то в их академии была какая-то связь с каким-то трафик-вертолетом, который попал в какую-то аварию. Хоть убей. Никто снаружи не знает, что она здесь, готовится к «Слишком». Слышно, как Молли Ноткин зовет, не видел ли кто-нибудь Кека. На ее первом семинаре Ривз Мейнверинг назвал один фильм «убого непродуманным», а другой – «отчаянно беззубым», и Молли Ноткин притворилась, что закашлялась, и оказалось, у нее теннесийский акцент, так они с ней и познакомились. Фольга – чтобы сделать экран на горлышке бутылки. Стандартный экран размером с наперсток, с приподнятыми краями, как у раскрывающегося бутона. Кончиком загнутых маникюрных ножниц на бачке унитаза Джоэль набивает крошечные дырочки в прямоугольнике алюминиевой фольги и сворачивает ее в воронку, такую большую, что хоть бензин заливай, подгоняя конец под горлышко бутылки. Вот у нее и получилась трубка с чудовищной чашей и экраном, так, и она заряжает в воронку ломтиков на пять-шесть доз разом. Дольки лежат кучкой, желто-белые. Она примеряется губами к проплавленной дырке в боку бутылки и делает пробную затыжку, затем, очень решительно, зажигает еще спичку, тушит и расширяет дырку. Мысль, что она больше никогда не увидит Молли Ноткин или церебральный Союз, или своих братьев и сестер по поддержке из УРОТ, или инженера УУУ, или дядю Бада на крыше, или свою мачеху в закрытой палате, или личного бедного папочку, сентиментальна и банальна. Мысль о том, что она сейчас сделает, содержит в себе все остальные мысли и делает

их банальными. Теперь ее стакан сока стоит на бачке унитаза, наполовину пустой. Бачок унитаза покрыт тонкой пленкой конденсации неизвестного происхождения. Это факты. Это помещение в этих апартаментах – сумма очень многих конкретных фактов и мыслей. Ни больше ни меньше. Мысль решительно настроиться на то, чтобы разорвать себе сердце, только что переняла статус одного из этих фактов. Была мысль, но теперь она готова стать фактом. Чем ближе к конкретному воплощению, тем более абстрактной она кажется. Все становится очень абстрактным. Конкретное помещение было суммой абстрактных фактов. Факты абстрактны – или они просто абстрактные репрезентации конкретных вещей? Второе имя Молли Ноткин – Кэнтрелл. Джоэль складывает еще две спички и готовится зажечь, задышав очень часто, как дайвер, готовящийся к дальнему заплыву.

– Прошу меня извинить, не занято ли здесь? – голос молодого постновоформалиста из Питтсбурга, он косит под европейца и носит эскот, который все время развязывается, под аккомпанемент того нерешительного стука, когда отлично знаешь, что занято, из-за двери в ванную, которая состоит из тридцати шести, три столбца по двенадцать, скошенных от середины квадратов на прямоугольнике мягкого от пара дерева, не совсем белой, нижний наружный угол – обнаженное дерево, покалечен о кованую ручку нижнего ящика комода, из-за двери, офсета «Красного», насупленных актеров, календаря, очень многолюдного кадра, лобковой спирали бледно-синего дымка от кучки пепла слоновьего цвета и почерневших долек в воронке из фольги, из-за дыма синего, как простынка для детской колыбели, от которого она сползает по стенке вдоль скрученной тряпки, вешалки для полотенец, обоев с кровавыми цветами и электрической розетки в сложных грязных разводах, от легкого острого горького привкуса синего цвета, как в жарком небе, сворачивается калачиком на полу очередной североамериканской ванной комнаты, без вуали, несказанно красивая, может, Самая Красивая, Очаровательная и Завлекательная в Америке (Самая КОЗА), колени к груди, распластав ступни на холодном фарфоре ванной с ножками в виде лап, Молли нашла кого-то покрасить ванну в синий, залакировать, в руках бутылка, перед глазами живо встает, что слоганом предыдущего поколения был «Выбор голого поколения», когда она сама еще была ростом по задний карман и красивее любых нежных титанов, на которых они взирали снизу вверх, его рука на ее колене, ее рука в коробке и в сладком попкорне в поисках Приза, еще веселей, слишком весело в кучке на вуали на столешнице над головой, дурь в воронке выдохлась, хотя еще слегка дымится, график достигает своего высочайшего пика, крика, самый лучший взлет стрелки, так хорошо, что невыносимо, и она тянется к холодному боку холодной ванной, чтобы подняться на ноги, когда белый шум вечеринки достигает для нее какой-то стереофонической пропасти, над которой звук колеблется перед тем, как динамики рванут, едва дергаются люди, и строчат в темпе стретто разговоры под мерзкий докартеровский шлягер со словами «Мы только начали», конечности Джоэль удалились на расстояние, на котором то, что они слушаются ее команд, кажется волшебством, оба сабо куда-то пропали, не видать, и носки какие-то мокрые, она подтягивается лицом к грязному зеркалу аптечного шкафчика, на краю стеклянного уголка еще висят две розы пламени, волосы пламени, которые она вдохнула, теперь ползут как лапки ос по воздуху зеркала, в котором она находит обезличенную вуаль и то, что в ней, заряжает трубку еще раз, пепел прошлой дозы – лучший в мире фильтр: это факт. Часто-часто вдох-выдох, как грамотный дайвер...

– Послушайте-ка, уважаемые, кто там? Там кем-либо занято? Немедленно откройте. Войдите в положение, я буквально переминаюсь с ноги на ногу. Ноткин, обрати внимание, там кто-то заперся и, хм, кажется, ему скверно, не говорю уже о на редкость подозрительном запашке.

...и ее тошнит над краем холодной синей ванны, вмятины на краю обнажают шершавый белый материал под лаком и фарфором, тошнит в когтеную лохань мутным соком и синим дымом и точками ртутно-красного, и она снова слышит и, кажется, даже видит, несмотря на

огонь крови в закрытых веках, как винтокрылые аппараты в ночи мониторят движение, вертолеты с прожекторами, жирные пальцы синего света из такого же неба, в поисках.

* * *

Энфилд, Массачусетс, – один из самых странных маленьких фактов, что складываются в цельную идею – т. е. метрополию Бостона, потому что этот городок почти целиком состоит из медицинских, корпоративных и духовных учреждений. Он как бы рука, начинающаяся от авеню Содружества и разделяющая Брайтон на Верхний и Нижний, ее локоть упирается в ребра Восточного Ньютона, а кулак тонет в Оллстоне; широкая муниципальная налоговая база Энфилда включает госпиталь св. Елизаветы, Госпиталь Францисканских детей, компанию «Универсальный отбеливатель», дом престарелых «Провидент», «Медицинские системы давления Шуко-Мист Инк.», Энфилдский военно-морской общественный больничный комплекс, «Свелт Нэйл Компани», половину газотурбинных и генераторных станций «Свет и Энергия Санстренд» в метрополии Бостона (облагаемая налогами часть – в инкорпорированном Оллстоне), корпоративную штабквартиру «Семейства эффектуаторов атмосферного перемещения ATHSCME» (т. е. они делают реально большие вентиляторы), Энфилдскую теннисную академию, госпиталь св. Иоанна Божьего, ортопедическую клинику Ханнемана, компанию «Леже Тайм Айс», монастырь Босых, совмещенные семинарию св. Иоанна и канцелярию бостонской епархии архиепископа Римско-католической церкви (частично в Верхнем Брайтоне; налогами обложены обе части целиком), головной монастырь «Сестер за Африку», Национальный фонд черепно-лицевой боли, мемориальный институт педиатрических исследований им. доктора Джорджа Реблинга Руньона, региональные парки обслуживания блестящих грузовиков, сухопутных барж и катапульт спонсированной ОНАН компании «Эмпайр Вейст Дисплейсмент» (которые квебекцы называют «les trebuchets noirs» – впечатляющие катапульты размером с квартал, издающие звук вроде топота великана при метании огромных обмотанных бечевой мусорных снарядов в постколыцевые регионы Великой Впадины по параболической траектории, высота которой превышает 5 км; жгуты орудий – из армированной резины, а огромные ложки для снарядов – как бейсбольная перчатка из ада; в чем-то типа огромного выпуклого ангара со сдвигаемыми секциями крыши, который занимает добрых шесть кварталов брахиформного углубления Энфилда на территории Оллстонского Отшиба, находятся где-то с полдюжины таких катапульт; принимаются, но не поощряются редкие школьные экскурсии) и т. д. Целая мускулистая энфилдская конечность, одетая в периметровый слой жилых и торговых собственности. Энфилдская теннисная академия занимает, наверное, самое славное местечко в Энфилде после около десяти лет вырубки и срезания верхушки большого крутого холма, который представляет собой торчащую кисту на локте города: это 75 живописных гектаров широких лугов, клеверных тропинок и топологически революционных сооружений, 32 асфальтовых теннисных корта, шестнадцать теннисных кортов с покрытием «Хар-Тру», обширные подземные мастерские, складские и спортивные помещения и искусно смешанные на склонах с лиственной порослью можжевельник, кореопсис и сосны; с востока с вершины холма ЭТА открывается вид на покатый подъем исторической авеню Содружества из нищеты Нижнего Брайтона – где алкогольные магазины, ландроматы, бары и палисады угрюмых и заляпанных гуано фасадов многоквартирников, огромные и нависающие высотки ЖК Брайтон Проджектс с оранжевыми номерами в три этажа высотой, плюс алкогольные магазины, и бледные мужики в коже, или целые банды бледных подростков в коже на перекрестках, и греческие пиццерии с желтыми стенами, и грязные угловые продуктовые, где хозяйничают азиаты, что изо всех сил стараются держать свои тротуары чистыми, да хрена там, даже шланги не помогают, плюс ежечетвертечасовой грохот и лязг с зеленой ветки метро на долгом подъеме авеню по направлению к Бостонскому колледжу, – а с запада – на разящий контраст элегантности БК

и джентрификации Ньютона, где размытое бостонское солнце ныряет за последний гребень четырехкилометровой синусоидальной волны, известной в народе как исторические «Холмы Разбитых Сердец» апрельского марафона, – солнце всегда с точностью до наносекунды садится через пятнадцать минут после того, как Делинт включает на кортах прожекторное освещение. По-моему, скорее к юго-западу от ЭТА виден серо-стальной клубок трансформаторов, высоковольтных ЛЭП и коаксиальных кабелей «Санстренд», увешанных бусами керамических изоляторов, – ни одной трубы «Санстренд» на горизонте, зато есть чудовищный мегаомовый кластер изоляторов на конце линии знаков, уходящих на северо-запад, где каждый знак с избытком рассказывает, сколько кольцево-выработанных ампер ожидает под землей любого глупца, что решит покопать или вообще покопаться в округе, с холодящими кровь невербальными челочками с лопатой, занимающихся, как салфетка в камине, для убедительности. Но в обозримом пространстве слегка к югу от «Санстренд» трубы торчат, за ангарами ЭВД, на каждой прикручен чудовищный ATHSCME серии 2100 A.D.E. (вентилятор), дующий на север с упрямым пронзительным завыванием, которое на расстоянии и высоте ЭТА кажется, как ни странно, успокаивающим, акустически. За лесопосадками ЭТА на севере и северо-востоке холма – крутой, бурно заросший обрыв с видом на территории Энфилдского военно-морского госпиталя в разных степенях обветшания.

5 ноября

Год Впитывающего Нижнего Белья «Депенд»

Пока Хэл сидел на краю кровати, задрал ногу и положив подбородок на колено, отстригая ногти в мусорку, стоявшую в нескольких метрах посреди комнаты, где-то в горе постельного белья зазвенел прозрачный телефон. Только через четыре звонка он раскопал из белья[82] трубку и вытянул антенну.

– М-м-мяуло.

– Мистер Инкреденца, это Энфилдская комиссия по канализации, и, если честно, с нас уже хватит вашего дерьма.

– Привет, Орин.

– Как жизнь, малой?

– Боже, пожалуйста, О., только не новые вопросы про сепаратизм.

– Расслабься. Даже не думал. Просто так звоню. Поболтать.

– Интересно, что позвонил ты именно сейчас. Потому что я как раз отстригаю ногти с ноги в мусорку в нескольких метрах.

– Господи, ты же знаешь, как я ненавижу, когда щелкают ножницы.

– Вот только процент попадания у меня – семьдесят с чем-то. Маленькими кусочками ногтей. Это невероятно. Так и хочется выйти в коридор и позвать кого-нибудь посмотреть. Но боюсь спугнуть волшебство.

– Хрупкое волшебное чувство момента, когда кажется, что просто не можешь промахнуться.

– Это точно такой момент беспромахности. Прямо как в редкие дни на корте, когда находит волшебное ощущение. Играть из головы, как это называет Делинт. Лоуч это зовет Зоной. Попасть в Зону. Те дни, когда ты идеально откалиброван.

– Откалиброван как Боженька.

– Словно в воздухе какая-то резьба, по которой все летит ровно куда надо.

– Когда кажется, что не можешь промахнуться, даже если постараться.

– Я так далеко, что отверстие мусорки кажется скорее целью, чем окружностью. И все равно попадаю – бдзынь, бдзынь. Вот еще раз. Даже промахи – только почти промахи, рикошеты от края.

– А я сижу одной ногой в джакузи в ванной в особняке в стиле ранчо норвежского массажиста глубоких тканей на высоте 1100 метров в Суперстишн Маунтинс. Далеко внизу горит Меза-Скоттсдейл. Ванная отделана красным деревом и выходит на пропасть. Солнце цвета бронзы.

– Но никогда не угадаешь, когда приходит волшебство. Никогда не угадаешь, когда откроется резьба. И как только волшебство приходит, страшно изменить даже малейший пустяк. Ты же не знаешь, какое совпадение факторов и параметров привело к этому калиброванному чувству беспромахности, и не хочется осквернить волшебство, пытаюсь их просчитать, но и не хочется менять хват, палку, сторону корта, ракурс по отношению к солнцу. Каждый раз, как меняешь сторону корта, сердце уходит в пятки.

– Это уже какие-то аборигенские суеверия. Как там это слово – умиловить божественное волшебство, вот.

– Я вдруг начал понимать gesundheit-импульс, плевки через плечо и отводящие беду знаки на сараи. Мне сейчас действительно страшно перейти на правую ногу. Я теперь отстригаю наимельчайшие аэродинамически возможные кусочки, чтобы потянуть время на случай, если волшебство – функция ноги. А ведь это даже не здоровая нога.

– Эти моменты беспромашности из любого сделают суеверного аборигена, Хэлли. Профессиональные футболисты, наверное, самые суеверные аборигены в спорте. Вот откуда хайтек подкладки, цветастая ликра и сложная игровая терминология. Эта, типа, нарочный парад хайтека для накачки уверенности. Потому что прямо под поверхностью рыщет лупоглазый абориген, это все знают. Лупоглазый примитив в травяной юбке потрясает копьем, скармливает девственниц Попогатапеку и боится самолетов.

– Новый Дискурсивный Оксфордский словарь сообщает, что племя аттов из вандуверского народа вакашей резали горла девственницам и очень аккуратно сливали кровь во все отверстия забальзамированных тел их предков.

– Я слышу ножницы. Харе щелкать на секунду.

– Телефон уже не зажат под подбородком. У меня получается даже с одной рукой, пока во второй телефон. Но нога все та же.

– Ты даже не представляешь, что такое настоящее лупоглазое спортивное суеверие, пока не станешь профессионалом, Хэлли. Вот когда попадешь в Шоу, тогда поймешь примитивные племена. После победных серий аборигены так и всплывают к поверхности. Труссы, которые не стирают игра за игрой, пока в багажные отделения в самолетах над головой их уже не кладут, а ставят. Причудливые ритуалы одевания, еды, писанья.

– Мочеиспускания.

– Представь 200-килограммового внутреннего лайнмена, который заявляет, что ему надо писать сидя. Даже не спрашивай, что приходится перестрадать женам и подружкам во время этих периодов беспромашности.

– Не хочу слышать про секс.

– А еще игроки, которые точно записывают, что именно сказали всем перед игрой, так что если это волшебная игра беспромашности, перед следующей игрой можно будет сказать все точно то же самое тем же людям в том же порядке.

– Оказывается, атты заполняли тела предков девственной кровью, чтобы оградить себя от поползновений на свое психическое состояние. Как гласит соответствующая поговорка аттов, цитирую: «Сытый дух секретов не прозрит». Дискурсивный Оксфордский словарь постулирует, что это одна из самых ранних известных историкам профилактик шизофрении.

– Эй, Хэлли?

– После похорон сельские жители региона Папино в Квебеке специально просверливали маленькое отверстие в земле до крышки гроба, чтобы выпустить душу, если она захочет на свободу.

– Эй, Хэлли? По-моему, за мной следят.

– Теперь решающий момент. Я наконец целиком и полностью истощил левую ногу и переключаюсь на правую. Настоящее испытание хрупкости волшебства.

– Я сказал – за мной следят.

– Некоторые люди рождены вести за собой, О.

– Я серьезно. А теперь самое странное.

– Что, объяснишь, почему делишься этим с полузабытым младшим братом, а не с кем-нибудь, чье доверие ты действительно ценишь?

– Самое странное, что, по-моему, за мной следят... инвалиды.

– На правой два из трех, с одним рикошетом. Эксперимент продолжается.

– Харе щелкать. Я не шучу. Взять вчера. Я захожу разговор с неким Субъектом в очереди на почте. Замечаю позади парня в коляске. Ничего особенного. Слушаешь?

– В какой-какой очереди? Ты же ненавидишь слоупочту. И Марио говорит, ты перестал слать Маман псевдоформальные отписки уже два года как.

– Но, в общем, разговор идет неплохо, все как надо, в бой брошены Стратегии соблазнения 12 и 16, про которые как-нибудь обязательно расскажу тебе подробно. Суть в том, что

мы с Субъектом выходим вместе, все как надо, а там в тени навеса магазина чуть дальше по улице крутится еще один парень в коляске. Ладно. Все еще вполне себе ничего особенного. Но дальше мы с Субъектом едем в ее трейлерный парк...

– В Фениксе есть трейлерные парки? Только не эти серебристоватые металлические трейлеры.

– В общем, но выходим из машины, а напротив через трейлерную парковку еще один колясочник, пытается маневрировать в гравии и не особенно преуспевает.

– Разве в Аризоне дряхлые и немощные в диковинку?

– Но все эти инвалиды не старики. И даже жутко накачанные для парней в колясках. И трое за час – уже перебор, так я подумал.

– Всегда представлялось, что ты назначаешь randevu в более цивилизованных пригородных окружениях. Либо в высоких мотелях с кроватями экзотических форм. У женщин в металлических трейлерах вообще бывают маленькие дети?

– У этой были прелестные девочки-близняшки, которые все время очень тихо играли в кубики без всякого присмотра.

– Ми-ми-ми, О.

– И ну, в общем, суть в том, что спустя где-то х часов я выдвигаюсь из трейлера, а парень все еще там, закопанный в гравий. И хотя он был вдали, я готов был поклясться, что на нем какая-то маска типа домино. И теперь куда бы я ни пошел в последнее время, всюду, кажется, статистически невероятное количество личностей в колясках, рыщут, даже как-то уже слишком фамильярно.

– Возможно, очень застенчивые фанаты? Какой-нибудь клуб людей с дисфункциональными нижними конечностями, застенчиво-одержимых одной из лучших североамериканских спортивных персоналий, которые первым делом приходят на ум по ассоциации со словом «нога»?

– Может, только воображение разыгралось. Ко мне в джакузи упаладохлая птица.

– А теперь позволь мне задать пару вопросов.

– Я даже и не из-за этого позвонил.

– Но ты вот упомянул трейлерные парки и трейлеры. Мне нужно подтвердить несколько подозрений – двухочковый, прямо в кольцо, бдзынь. Ни разу не бывал в трейлере, и даже в Дискурсивном Оксфордском словаре там, где должны быть трейлерные парки с трейлерами, зияет немаленькая лакуна.

– А ведь я позвонил единственному якобы недолбанутому члену семьи. Вот к кому я обратился.

– Позвонил, а не позвонил. Но трейлер. Трейлер дамы, с которой ты познакомился. Подтверди или опровергни следующие утверждения. Палас был от стены до стены и исключительно тонкий, такого выжжено-желтого или рыжего цвета.

– Да.

– Гостиная, ну или как бы помещение для посиделок с гостями, содержало все или некоторые следующие предметы: картина на черном бархате с изображением животного; видеофонная диорама на полках со всякой всячиной; вышивка с какой-нибудь бородатой библейской мудростью; как минимум один предмет ситцевой мебели с чехлами на подлокотниках; пепельница с вытяжкой типа «Дым-уйди»; «Ридерс Дайджест» за последние два года, аккуратно уложенные на специальной наклонной полочке для журналов.

– Есть бархатная картина с леопардом, вышивка, софа с подушками, пепельница. Нет «Ридерс Дайджест». Это не очень-то смешно, Хэлли. Иногда в тебе так странно проявляется Маман.

– И последнее. Имя владелицы трейлера. Джин. Мэй. Нора. Вера. Нора-Джин или Вера-Мэй.

- ...
- Это был вопрос.
- Наверное, я потом для тебя узнаю.
- Ого, а ты действительно романтик с маленькой буквы, не правда ли.
- Но чего я звоню.
- Неясно, действует ли хрупкое волшебство беспромахности на правой ноге. Пока семь из девяти, но ощущение совершенно другое, будто я специально натужно целюсь.
- Хэлли, у меня тут, блин, человек из «Момент» делает, цитирую, мягкое профилирование.
- Чего-чего?
- Статья-портрет. И портрет этот мой. Эта девушка говорит, «Момент» не занимается спортом углубленно. Они больше ориентированы на людей, человеческий интерес. Это для «Люди сейчас», рубрика такая.
- «Момент» – журнал с касс супермаркетов. Лежит с сигами и жвачкой. Его читает Латеральная Алиса Мур. Приемная Ч. Т. им забита. Они тиснули статью про слепого мальчика из Иллинойса, о котором так высоко отзывался Торп.
- Хэл.
- По-моему, Латеральная Алиса Мур проводит слишком много времени в очередях супермаркетов – впрочем, если подумать, это для нее почти идеальный ареал обитания.
- Хэл.
- ...так как она может перемещаться только боком.
- Хэлли, эта внушительных физических размеров девушка из «Момент» задает всякие мягкопрофильные вопросы по семейной истории.
- Она хочет знать про Самого?
- Про всех. Тебя, Чокнутого Аиста, Маман. Судя по всему, статья будет какой-то памятной, в честь Аиста-патриарха, а таланты и достижения всех нас предстанут как какое-то посвящение достижениям Эль Аисто.
- Как ты говорил, он всегда отбрасывал длинную тень.
- Конечно, и моей первой мыслью было послать ее куда подальше. Но «Момент» связался с командой. Администрация намекнула, что мягкое профилирование пойдет команде на пользу. Стадион «Кардиналов» не особенно стонет под весом задниц, несмотря на все победные серии. Я также подумывал спихнуть ее Бэйну, пусть Бэйн ей лапшу на уши вешает или шлет ей письма, которые еще месяц придется расшифровывать.
- Ей – то есть женщине. Не типичный ориновский субъект. Жесткая, энергичная, лопающая пузыри из жвачки, может, даже бездетная женщина журналистского типа, из Нью-Йорка ночным рейсом. Плюс ты сказал – внушительная.
- Не то чтобы особенно крутая, но физически внушительная. Дебелая, но не незротичная. Девушка с половиной по всем направлениям.
- Девушка, которая доминировала бы в пространстве любого трейлера.
- Хватит уже трейлеризмов.
- Сейчас моя интонация сменилась потому, что я одновременно говорю и собираю срикошетившие обрезки ногтей с пола.
- У девушки как будто иммунитет, ее невозможно сбить с толку стандартными приемами.
- Ты боишься, что теряешь хватку. Иммунная девушка с половиной.
- Я сказал «сбить с толку», а не «соблазнить».
- Ты мудро избегаешь женщин, которые, как тебе кажется, в случае чего могут взять над тобой верх.

– Она даже повнушительней, чем, типа, большинство наших стартовых бэкфилдов. Но странно сексуальная. У лайнменов праздник. Тэклы все прикалываются, не хочет ли она взглянуть на их твердые профили.

– Будем надеяться, ее стиль лучше, чем у того, кто прошлой весной писал статью про слепого мальчика. Ты уже обсудил с ней свою новую боязнь инвалидов?

– Слушай. Уж кто-кто, а ты должен понимать, что я не собираюсь прямо отвечать на любые вопросы по нашей темной семейной истории, уж особенно тому, кто стенографирует. Несмотря на все физические красоты мира.

– Ты и теннис, ты и «Святые», Сам и теннис, Маман, Квебек и Королевский колледж Виктории, Маман и иммиграция, Сам и кольцевание, Сам и Лайл, Сам и крепкое спиртное, самоубийство Самого, ты и Джоэль, Сам и Джоэль, Маман и Ч. Т., ты против Маман, ЭТА, несуществующие фильмы и тому подобное.

– Но ты понимаешь, почему я в тупике. Как избежать прямых ответов по Аисту, если я не знаю, что эти прямые ответы из себя представляют.

– Все говорили, ты очень жалел, что не смог приехать на похороны. Но не думаю, что в это кто-то верил.

– Например, Аист распрощался с жестоким миром до того, как Ч. Т. переехал на второй этаж ДР? или после?

– ...

– ...

– Ты серьезно спрашиваешь?

– Не усложняй для меня ситуацию, Хэл.

– Даже и не мечтал.

– ...

– Сразу до. За два-три дня. Ч. Т. жил в нынешней комнате Делинта, по соседству с Штит-том, в Админке.

– А папа знал, что они?..

– Были очень близки? Не знаю, О.

– Не знаешь?

– Наверняка Марио знает. Не хочешь пообмывать косточки с Бубу, О?

– Не надо все так выставлять, Хэлли.

– ...

– А папа... Чокнутый Аист сунул голову в духовку, да?

– ...

– ...

– Микроволновку, О. Микроволновку с вертелом рядом с холодильником, на стойке, под полкой с тарелками и мисками слева от холодильника, если стоять к нему лицом.

– Микроволновую печь.

– Так точно, О.

– Никто не говорил про микроволновку.

– Кажется, на похоронах это стало очевидно.

– Я тебя и в первый раз отлично понял, ты не думай.

– ...

– Так где его тогда нашли?

– 20 из 28 это сколько, 65 %?

– Не то чтобы только это меня...

– Микроволновка стояла на кухне, я ведь это уже объяснил, О.

– Ладно.

– Ладно.

– Ну хорошо, теперь: кто, по-твоему, теперь чаще всего о нем говорит, хранит память, вербально, больше всего: ты, Ч. Т. или Маман?

– Я бы сказал, у нас ничья.

– То есть молчите. Никто о нем не говорит. Табу.

– Кажется, ты кое-кого забываешь.

– Марио говорит о нем. И об этом.

– Иногда.

– С чем и/или кем?

– Например, пожалуй, со мной.

– И значит, ты все-таки об этом говоришь, просто только с ним, и только по его инициативе.

– Орин, я соврал. Я даже не приступал к правой ноге. Я слишком боюсь изменить угол подхода к ногтям. Правая нога требует совсем другого угла. Я боюсь, что волшебство локализовано на левой ноге. Я как твои суеверные лайнмены. Не надо было рассказывать о волшебстве, теперь я его спугнул. Теперь я самоосознаю каждое действие и боюсь. Сажу на краю кровати с правым коленом под подбородком, замер, изучаю ногу, застыв в дикарском ужасе. И вру об этом собственному брату.

– Можно спросить, кто его нашел? Его те... кто нашел его в микроволновке?

– Обнаружен неким Гарольдом Джеймсом Инканденцой, тринадцать лет.

– Это ты его обнаружил? Не Маман?

– ...

– ...

– Слушай, можно поинтересоваться, откуда такой интерес спустя четыре года и 216 дней, включая два года вообще без единого звонка?

– Я же говорю, мне некомфортно не отвечать на вопросы Елены, если я не разбираюсь в ситуации.

– Елена. Вот, значит, как.

– Вот откуда.

– Я, кстати говоря, все еще застывший. Самоосознание убивает волшебство и становится все хуже и хуже. Вот почему Пемулис и Трельч всегда теряют преимущество на корте. Стандартный термин – «накрутить себя». Ножнички наготове, лезвия на ногте. И я просто не могу вернуться в бессознательность, чтобы собственно стричь. Может, из-за того, что убирал с пола промазавшие обрезки. И вдруг мусорка кажется такой маленькой и такой далекой. Я утратил волшебство, заговорив о нем, вместо того, чтобы просто отдаться на его волю. Теперь запустить обрезок в мусорку кажется упражнением в телемахрии.

– То есть телеметрии?

– Позорище. Беда не приходит одна.

– Слушай...

– Знаешь, может, перестанешь мямлить и прямо задашь все стандартные жуткие вопросы, на которые не хочешь отвечать. Может, это твой единственный шанс. Обычно я, кажется, об этом не говорю.

– А она была там? СКОЗА?

– Джоэль не ступала ногой на кампус с тех пор, как вы расстались. Ты сам это знаешь. Для съемок Сам встречался с ней в особняке. Уверен, ты знаешь куда больше меня, что они снимали. Джоэль и Сам. Сам уже тогда стал затворником. Академию на плаву держал Ч. Т. Сам просидел в чулане для постпродакшена у лаборатории добрый месяц. Марио приносил ему поесть и... предметы первой необходимости. Иногда он перекусывал с Лайлом. Кажется, он не поднимался на свет божий минимум месяц, не считая одной поездки в Белмонт в клинику Маклина на двухдневную очистку и детоксикацию. Это произошло через неделю после его

возвращения. Он летал куда-то на три дня, как я понял, по работе. Киноработе. Если Лайл не летал с ним, то куда-то Лайл да летал, потому что в качалке его не было. Точно знаю, что Марио с ним не летал и не знает, что там было. Марио не умеет врать. Было непонятно, закончил он то, что монтировал, или нет. Сам, в смысле. Он умер первого апреля, если ты подзабыл, да. Могу точно сказать, что первого апреля он еще не вернулся к началу дневных матчей, потому что сразу после обеда я проходил у двери в лабораторию и его не было.

– Говоришь, он опять уезжал на детоксикацию. Это когда, в марте?

– Маман лично рискнула выходом на улицу и увезла его сама, так что, полагаю, это было срочно.

– Он бросил пить в январе, Хэл. Джоэль это предельно ясно дала понять. Она названивала, даже когда мы договорились не созваниваться, и говорила об этом, хотя я четко сказал, что не хочу о нем слышать, если она продолжит у него сниматься. Сказала, ни капли за недели. Такое она поставила условие, если он хотел снимать ее дальше. Она сказала, он сказал, что готов на что угодно.

– Ну, не знаю, что тебе ответить. К этому времени уже трудно было понять, употреблял он или нет. Видимо, в определенный момент перестаешь замечать разницу.

– Когда он улетал, он взял с собой что-нибудь киношное? Кофр с объективами? Оборудование?

– О., я не видел, как он улетал, и не видел, как вернулся. Знаю, что к матчам его еще не было. Меня быстро и решительно разделал Фрир. Было 4:1,4:2, что-то еще, и мы закончили первыми. Я зашел в ДР занести накопившуюся кучу белья для стирки. Где-то в 16:30. Я зашел, вошел и тут же что-то почувствовал.

– И нашел его.

– И пошел за Маман, потом передумал и пошел за Ч. Т., потом передумал и пошел за Лайлом, но первым старшим, на которого я налетел, был Штитт. Он был безукоризненно решительным, эффективным и понимающим, и в целом оказался как раз тем старшим, к которому и следовало обращаться в первую очередь.

– Я даже не знал, что микроволновая печь работает, если дверца открыта. А как же это излучение, внутри? Я думал, это типа как свет в холодильнике или устройства «только для чтения».

– Ты, кажется, забываешь о технической гениальности героя повествования.

– И тебя этот вид шокировал и травмировал. Он умер от асфиксации, облучения и/или ожогов.

– Когда мы позже реконструировали место происшествия, пришли к выводу, что он воспользовался дрелью с широкой насадкой и небольшим лобзиком, чтобы проделать в дверце печи дыру размером с голову, а затем, когда просунул голову, законопатил щели вокруг шеи скомканной алюминиевой фольгой.

– Звучит как-то трудоемко, неаккуратно и наобум.

– Критиковать каждый может. Цель была не в эстетическом совершенстве.

– ...

– А на стойке недалеко нашли полбутылки «Уайлд Теки», с большим красным декоративным подарочным бантом на горлышке.

– На горлышке бутылки, конечно.

– Так точно.

– Как будто он все-таки закладывал.

– Очевидный вывод, О.

– И он не оставил ни записки, ни видеозащелки, никакого другого послания.

– О., я знаю, что ты отлично знаешь, что не оставил. Ты теперь спрашиваешь то, что я знаю, что ты знаешь, а заодно критикуешь его и заявляешь о трезвости, хотя тебя и близко

не было на месте самоубийства или похоронах. Мы закончили? Меня тут еще ждет обросшая ногтями нога.

– Ты сказал – когда вы реконструировали место происшествия...

– А еще я вдруг вспомнил, что мне нужно срочно вернуть книжку в библиотеку. Совсем позабыл. Облом.

– «Реконструировали место происшествия», потому что место происшествия было каким-то образом... деконструировано?

– Уж ты-то, О. Тебе-то должно быть известно, что это слово он ненавидел больше, чем...

– Значит, он обгорел. Так и скажи. Очень-очень реально страшный ожог.

– ...

– Нет, стоп. Асфиксация. Законопаченная фольга должна была поддерживать внутри вакуум, который образуется, как только магнетрон начинает осциллировать и излучать микроволны.

– Магнетрон? Откуда ты знаешь про магнетроны и осцилляторы? Не узнаю родного брата, которому надо было напоминать, в какую сторону поворачивать ключ в зажигании.

– Короткое знакомство с одним Субъектом, которая работала моделью на выставках кухонных приборов.

– Довольно вредная у нее была работа. Она стояла на большой вращающейся «Ленивой Сюзанне»⁷³ в закрытом купальнике, выставив ногу и держа руку ладонью вверх, показывая на прибор рядом. Стояла, улыбалась и вращалась, день за днем. Ее потом полвечера пошатывало.

– А этот Субъект, случаем, не объяснил тебе, как именно микроволновка готовит пищу?

– ...

– Или ты, к примеру, скажем, ни разу не готовил в микроволновой печи картофелину? Ты знаешь, что картофелину нужно разрезать перед тем, как включить печь? Знаешь, зачем?

– Господи.

– Патологоанатом БПД[83] сказал, что скачок внутреннего давления был почти мгновенным и эквивалентным в кг / кв. см двум пашкам динамита.

– Господи боже, Хэлли.

– Отсюда необходимость реконструировать место происшествия.

– Господи.

– Не переживай. Нет гарантии, что тебе бы об этом сказали, даже если бы ты, скажем, заскочил на панихиду. Я, например, точно не был расположен болтать. Кажется, все время похорон я все еще был в шоке и травмирован. В основном помню только шушуканье о моем психическом здоровье. До того дошло, что мне стало доставлять удовольствие заскакивать в комнаты, чтобы оборвать шушуканье на полуслове.

– Тебя, наверное, нехерово так травмировало.

– Очень ценю твою заботу, можешь поверить.

– ...

– В том, что травма была, не сомневался никто. Оказалось, что Раск и Маман связались с психологами высшего пилотажа по травматическому шоку и горю почти сразу, как все это произошло. Меня немедленно обрекли на концентрированную терапию травматического шока и горя. Четыре дня в неделю в течение месяца, прямо в апрельско-майский период накачки к летнему туру. Я слетел на две строчки в рейтинге 14-летних только из-за того, что пропустил кучу дневных матчей. Пропустил и квалификацию на жестком корте, пропустил бы и Индианаполис, если бы... если бы наконец не разобрался в процессе терапии травматического шока и горя.

– Но ведь помогло. В итоге. Терапия горя.

---

⁷³ Вращающийся поднос для приправ, который устанавливается на столе.

– Терапия проходила в том Профессиональном здании у Содружки за Санстренд-плаза на Лейк-стрит, которое из кирпича цвета соуса «Тысяча островов», мимо которого мы бегаем по утрам четыре раза в неделю. Кто бы мог подумать, что один из топовых специалистов по горю сидит прямо в двух шагах.

– Уверен, Маман вряд ли хотела, чтобы все проходило далеко от ее паутины.

– Этот горе-психолог настаивал, чтобы я звал его по имени, которое я уже забыл. Грузный красный мясистый тип с бровями под демоническим синклинальным углом и крошечными пеньками серых зубов. И усы. В усах у него всегда висели капли соплей. Как я привык к этим усам. У его лица был тот же румянец от кровяного давления, как бывает у Ч. Т. И даже не спрашивай о его руках.

– Маман попросила Раск закинуть тебя к топовому профи по горю, чтобы не чувствовать себя виноватой, что это она практически своими руками вырезала дырку в дверце микроволновки. Вполне в духе ее механик вины и антивины. Она всегда была уверена, что Сам занимается с Джоэль не только фильмами. А бедняга Сам никогда и не думал ни о ком, кроме Маман.

– Он оказался суровым хомбре, О., этот психолог. По сравнению с ним час с Раск – как денек на Адриатике. Он все не отставал: «Как ты себя чувствуешь, как ты себя чувствовал, как ты себя чувствуешь, когда я спрашиваю, как ты себя чувствуешь».

– Мне Раск всегда напоминала первокура, который без толку возится с лифчиком какого-нибудь Субъекта, – так она возилась и дергала в головах пациентов.

– Он был ненасытен и страшен. Эти брови, это лицо-окорок, вкрадчивые глазки. Он ни разу не отвернулся и смотрел только прямо на меня. Самые brutальные шесть недель полномасштабных профессиональных бесед, какие можно представить.

– А долбаный Ч. Т. уже перетаскивал свою коллекцию туфель на платформе и неубедительных париков и Стейрмистер на второй этаж ДР.

– Один сплошной кошмар. Я никак не мог понять, что ему от меня надо. Я проглотил весь раздел по горю и утрате в библиотеке на площади Копли. Не диски. Настоящие книги. Читал Кюблера-Росса, Хинтона. Продрался через Кастенбаума и Кастенбаум. Читал вещи вроде «Семь вариантов: возвращение к жизни после потери близкого человека» Элизабет Харпер Нидл[84], а это 352 страницы чистейшей мути. Я выдал ему все хрестоматийные симптомы отрицания, торга, гнева, еще щепотку отрицания, депрессии. Я перечислил свои семь хрестоматийных вариантов и достоверно поколебался между ними и среди них. Я предоставил этимологические данные по слову «принятие» вплоть до самого Уиклифа и французского *langue-d'os* 14 века. Горе-психолог и усом не повел. Как будто экзамен из кошмаров, когда безупречно готовишься, а потом приходишь, а все вопросы на хинди. Я даже пытался объяснить ему, что Сам к тому моменту все равно мучился, страдал от панкреатита и был снаружи всех измерений, что они с Маман стали практически чужими людьми, что даже работа и «Уайлд Теки» уже не спасали, что его так безмерно удручало то, что он тогда монтировал, что он даже выпускать это не захотел. Что самое... что то, что случилось, по гамбургскому счету можно считать актом милосердия.

– Значит, Сам не страдал. В микроволновке.

– Патологоанатом БПД, который обвел мелом туфли Самого на полу, сказал, что не больше где-то секунд десяти. Сказал, что скачок давления был почти мгновенным. Потом показал на стены кухни. Потом сблевал. Патологоанатом.

– Господи боже, Хэлли.

– Но горе-психолог и усом не вел, а ведь по Кастенбаум и Кастенбауму точка зрения «хотя бы закончились его страдания» – неоновый знак настоящего принятия. Но психолог вцепился, как аризонский ядозуб. Я даже попробовал сказать, что на самом деле ничего не чувствую.

– А это выдумка?

– Естественно, выдумка. Что мне оставалось? Я был в панике. Он был как из кошмара. Его лицо так и нависало над столом, как гипертоническая луна, ни разу не отвернулось. С блестящей росой соплей в усах. И даже не спрашивай про руки. Он стал моим худшим кошмаром. К слову о самоосознании и страхах. Передо мной возникла топовая авторитетная фигура, а я не мог предоставить ему то, что он просил. Он четко дал понять, что я его не радовал. Раньше я всегда всех радовал.

– Ты был нашим главным радоносцем, Хэлли, тут без вопросов.

– И все же, но вот передо мной авторитетная фигура с топовыми рекомендациями в рамочках на каждом квадратном сантиметре стен, которая сидит и отказывается даже прояснить, что же его порадует. Говори о Штитте и Делинте, что хочешь: они недвусмысленно дают понять, чего хотят. Флоттман, Чаваф, Прикетт, Нванги, Фентресс, Лингли, Петтиджон, Огилви, Лит, даже по-своему Маман: они на первом же уроке скажут, чего от тебя хотят. Но вот этот сукин сын: фигу.

– А ты еще, наверное, так и не отошел от шока.

– О., мне становилось все хуже и хуже. Я хирел. Я не мог уснуть. Вот тогда и начались кошмары. Мне все снилось лицо в полу. Я снова проиграл Фриру, потом уже Койлу. Я тянул три сета с Трельчем. Я получил четверки по двум контрольным. Я не мог ни на чем сосредоточиться.

Стал одержим страхом, что каким-то образом запорю свою терапию горя. Что этот профессионал скажет Раску, Штитту, Ч. Т. и Маман, что я его не порадовал.

– Прости, что я тебя не поддерживал.

– Самое странное, что чем больше я становился одержимым, чем хуже играл и спал, тем довольнее были все вокруг. Горе-психолог делал мне комплименты, какой я изможденный. Раск сказала Делинту, что психолог сказал Маман, что терапия начинает помогать, что я начинаю скорбеть, но процесс предстоит долгий.

– Долгий и дорогой.

– Так точно. Я стал впадать в отчаяние. Стал предвидеть, что терапия горя никогда не кончится – я не смогу порадовать, меня никогда не выпустят. Буду переживать кафкианские встречи с этим человеком день за днем, неделя за неделей. Теперь уже был май. Приближались Континентальные на грунте, а на них в прошлом году я дошел до четвертого круга, и постепенно прояснялось, что все считают, что я в критической стадии в долгом дорогом процессе траура и не попаду в контингент Индианаполиса, если только не предприму последнюю отчаянную попытку эмоционально порадовать. Я был в полном отчаянии, стал развалиной.

– И тогда потопал в качалку. Ты и твой лоб нанесли визит старому доброму Лайлу.

– Лайл оказался ключом. Он сидел и читал «Листья травы». Он переживал уитмановский период – как он сказал, тоже из траура по Самому. Я никогда раньше не обращался к Лайлу с какими-либо просьбами, но он сказал, ему хватило одного горестного взгляда на то, как я отчаянно дрыгаюсь, чтобы залиться вкуснейшим потом, его так тронуло мое дополнительное страдание вдобавок к тому, что я первым из близких Самого испытал его утрату, что он постарается помочь изо всех церебральных сил. Я встал перед ним, предоставил лоб в его распоряжение и объяснил, что происходит и что если я не придумаю, как удовлетворить этого горе-профи, то непременно окажусь где-нибудь в тихой комнате с мягкими стенами. Ключевая догадка Лайла заключалась в том, что я подхожу к вопросу не с той стороны. Я ходил в библиотеку и вел себя как исследователь горя. А проглотить надо было секцию для профессионалов по горю. Надо было готовиться с точки зрения самого горе-профи. Откуда мне знать, что хочет профессионал, если я не знал, что от него требуется хотеть в профессиональном смысле, и т. д. Все просто, сказал он. Мне нужно идентифицировать себя с терапевтом горя, сказал Лайл,

если хочу расправить свою грудь шире, чем его⁷⁴. Это настолько элементарный переворот моей обычной системы по радованию, что мне бы он и в голову не пришел, объяснил Лайл.

– Это все Лайл наговорил? Что-то не похоже на Лайла.

– Но впервые за многие недели во мне загорелся такой мягкий огонек. Я вызвал такси, все еще в одном полотенце. Заскочил раньше, чем оно притормозило у ворот. Я даже буквально сказал: «В ближайшую библиотеку с передовой секцией по профессиональной терапии горя и травмы, и поднажми». И т. д. и т. п.

– Лайла, которого знал мой класс, сложно было назвать знатоком радования авторитетных фигур.

– Когда я ворвался к терапевту горя на следующий день, то уже был другим человеком – с безупречной подготовкой, невозмутимый. Все, что страшило меня в нем, – брови, мультикультурная музыка в приемной, неумолимый взгляд, грязные усы, серые зубенки, даже руки – я говорил, что терапевт горя все время прятал руки под столом?

– Но ты прорвался. Ты горевал всем на радость, да?

– Вот что я сделал: я вошел и представил терапевту горя гнев. Я обвинил его в препятствовании моей попытке пережить процесс горя, в отказе ратифицировать отсутствие у меня всяких чувств. Я сказал ему, что уже выложил всю правду. Я употреблял бранные слова и сленг. Я сказал, что мне похер, сколько у него там дипломов и что он авторитетная фигура. Я назвал его дебилом. Я спросил, какого ебучего хера ему от меня надо. Все мое поведение было пароксизмическим. Я сказал ему, что уже сказал ему, что ничего не чувствую, и что это правда. Сказал, что кажется, будто он хочет вызвать во мне ядовитую вину из-за того, что я ничего не чувствую. Обрати внимание, как я филигранно вставлял некоторые многозначительные термины профессиональной терапии горя вроде «ратифицировать», «горе» в сочетании с «процессом» и «ядовитая вина». Все благодаря библиотеке.

– Вся разница в том, что в этот раз ты вышел на корт подготовленный, зная, где линии, как сказал бы Штитт.

– Терапевт горя поощрял мои пароксизмические чувства, просил назвать мой гнев и уважать его. Он все больше и больше радовался и возбуждался, пока я со злобой сообщал, что попросту отказываюсь чувствовать хотя бы йоту вины по любому поводу. Я спросил, что, мне надо было еще быстрее просрать Фриру, чтобы прийти в ДР вовремя и остановить Самого? Я не виноват, сказал я. Я не виноват, что это я его нашел, прокричал я; у меня даже черных носков не осталось чистых, я имел полное право в срочной степени озаботиться стиркой. К этому времени я уже во гневе колотил себя в грудную клетку, выкрикивая, что вашу мать, что я не виноват, что...

– Что что?

– Так и спросил терапевт по горю. В профессиональной литературе есть целый раздел жирным шрифтом по Резким паузам и Страстной речи. Терапевт горя теперь чуть на стол не заполз. Его губы стали влажными. А я попал в Зону, терапевтически говоря. Я впервые за долгое время оказался на коне. Я нарушил с ним зрительный контакт. Что мне хотелось есть, пробормотал я.

– Не понял?

– Так он и спросил, терапевт горя. Я пробормотал, ничего, что я ни хрена не виноват, и у меня была та реакция, которая была, когда я вошел в переднюю дверь ДР, перед тем, как вошел на кухню, чтобы спуститься в подвал, и нашел Самого с головой в остатках микроволновки. Когда я только вошел и еще стоял в прихожей, снимал ботинки, не поставив грязный мешок с бельем на белый ковер, и скакал на одной ноге, я не мог иметь даже малейшего представления о том, что произошло. Я сказал, что никто не выбирает и не управляет своими первыми под-

---

⁷⁴ Искаженная цитата из Уитмена.

сознательными мыслями или реакциями, когда только входит в дом. Я сказал, что не виноват, что моей первой подсознательной мыслью было...

– Господи, малой, что?

– «Как вкусно что-то пахнет!» – прокричал я. Мой вопль едва не опрокинул горе-терапевта в кожаном кресле. Со стены свалилась пара рекомендаций. Я съежился в своем некожаном кресле, будто для аварийной посадки. Я приложил руки к вискам и раскачивался, хныча. Слова рвались из меня с всхлипами и криками. Что после обеда прошло четыре с лишним часа, и что я много трудился, и много играл, и проголодался. Что слюнки потекли в ту же секунду, как я вошел в дверь. Что «ням-ням, как вкусно пахнет» было моей первой реакцией!

– Но ты себя простил.

– За оставшиеся семь минут сессии на одобряющих глазах терапевта горя я простил себе все грехи. Он впал в эйфорию. Под конец, клянусь, его половина стола на метр поднялась от пола при виде моего терапевтически-хрестоматийного срыва в неподдельные чувства, травму и вину, при виде моего хрестоматийного оглушительного горя, а затем отпущения грехов.

– Ебушки-воробушки, Хэлли.

– ...

– Но ты прорвался. Ты действительно горевал, а значит, можешь мне рассказать, как это делается, чтобы я убедительно отболтался насчет утраты и горя от Елены из «Момент».

– Но я опустил, что каким-то образом самый кошмарно-завораживающий нюанс в топовом терапевте горя заключался в том, что его руки никогда не появлялись на виду. Ужасность всех шести недель каким-то образом сосредоточилась в его руках. Его руки ни разу не поднимались из-под стола. Как будто заканчивались на локтях. Не считая анализа материала в усах, я также немалые доли каждого часа тратил, воображая конфигурацию и деятельность этих самых рук.

– Хэлли, дай я спрошу, и больше не будем к этому возвращаться. Ты ранее дал понять, что особенно травматичным было то, что голова Самого лопнула, как неразрезанный клубень.

– И затем в, как оказалось, последний день терапии, последний перед набором команд А для Индианаполиса, когда я наконец порадовал его, а мое травматичное горе профессионально объявили раскрытым, пережитым и обработанным, когда я надел толстовку и приготовился распрощаться, и подошел к столу, и протянул руку в дрожаще-благодарственной манере, чтобы он никак не мог отказаться, и он встал, поднял свою руку и пожал мою, я наконец понял.

– У него там какие-нибудь покалеченные руки.

– Его руки были не больше, чем у четырехлетней девочки. Сюрреализм. Такая массивная авторитарная фигура, с огромным красным мясистым лицом, толстыми моржовыми усами, подгрудком и шеей, которая в воротник не влезает, а ручки – крохотные, розовенькие, безволосые и мягонькие, хрупкие, как скорлупка. Руки просто добили. Еле успел выскочить из кабинета, пока не накатило.

– Типа катарсическая пост-травматическая истерика. Ты сбежал.

– Еле добрался до мужского туалета дальше по коридору. Я хохотал так истерически, что боялся, меня услышат пародонтологи и бухгалтеры по бокам от туалета. Я сидел в кабинке, зажав рот рукой, топоча ногами и колотясь головой сперва об одну, потом о другую стенку в истерическом восторге. Видел бы ты эти ручонки.

– Но ты прорвался, так что можешь набросать мне чувства вкратце.

– Я чувствую, что наконец набрался сил для правой ноги. Волшебное ощущение вернулось. Я не прорисовываю в уме векторы к мусорке, ничего. Даже не думаю. Доверяю чувствам. Это как тот момент из пленочного кино, когда Люк снимает футуристичный шлем с прицелом.

– Какой еще шлем?

– Ты знаешь, что, естественно, человеческие ногти – это остатки когтей и рогов. Это атавизм, как копчик и волосы. Что они развиваются в утробе задолго до коры головного мозга.

– Так, что случилось?

– Что в какой-то момент в первом триместре мы избавляемся от жабр, но по-прежнему остаемся не более чем пузырем спинномозговой жидкости с рудиментарными хвостом, фолликулами волос и маленькими микрокусочками остаточных когтей и рогов.

– Это чтобы меня пристыдить? Что, мои вопросы о подробностях после стольких лет тебе мозги перекорезили? Я разбередил твое горе?

– Последнее подтверждение. Интерьер трейлера. Там был предмет или сопредельное трио предметов со следующей цветовой схемой: коричневый, лавандовый и либо мятно-зеленый, либо бледно-желтый.

– Я перезвоню, когда ты придешь в себя. Все равно уже ногу в джакузи не чувствую.

– А я никуда не денусь. У меня тут еще целая нога для свершения волшебства. Я не изменю ни малейшей детали. Я уже готов взяться за ножницы. Все будет как надо, я знаю.

– Дорожка. Вязаная шерстяная дорожка, на ситцевой софе. Только желтый скорее такой флуоресцентный, чем бледный.

– А правильно говорить – асфиксия. Напинай яйцеобразным мячам за всех нас, О. И следующее, что ты услышишь, тебе явно не понравится, – сказал Хэл, поднося телефон к ноге, с ужасно сосредоточенным выражением лица.

6 ноября

Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд»

Белый галоген отражается от зеленой композитной поверхности, свет на крытых кортах в Порт-Вашингтонской теннисной академии – цвета кислых яблок. Зрителям за стеклом галереи кажется, что у игроков, которые попарно бегают внизу, кожа рептильного оттенка, какая-то бледность морской болезни. Эта ежегодная встреча колоссальна: команды А и Б обеих академий, и девушки, и юноши, и парные, и одиночные, до-14, до-16, до-18. Вдоль галереи под роскошной трехкупольной системой перманентного всепогодного Легкого тянутся тридцать шесть кортов.

В теннисной команде юниоров обычно шесть человек: лучший в одиночном разряде играет с 1-м из команды соперников, 2-й по рейтингу играет со 2-м и так до 6-го. После шести одиночных матчей играют три парных, на которые обычно возвращаются два лучших в одиночных против двух лучших в одиночных противника – с редким исключениями: например, близнецы Воут, или Шахт и Трельч, которые так-то на дне рейтинга одиночных 18-летних, но в парной команде А ЭТА играют вторыми, потому что сыгрались уже с тех пор, как вместе в Филли под стол пешком ходили, и так гладко и мастерски действуют в паре, что по любой поверхности на ваш вкус размажут 3-го и 4-го из одиночных команды А – Койла и Аксфорда, которым парный разряд вообще как-то не очень. Все это довольно запутанно и, наверное, не очень интересно – если только ты сам не играешь.

Но, в общем, обычная встреча между двумя юниорскими командами – это девять матчей, тогда как колоссальная ежегодная ранненоябрьская тема между ЭТАи ПВТА— 108. Ничья по 54 матча крайне маловероятна – шансы где-то 1 к 227 – и за девять лет ни разу не случилась. Встреча обычно проходит на Лонг-Айленде, потому что крытые корты ПВТА – это что-то с чем-то. Каждый год академия, проигравшая встречу, обязана встать на стол на фуршете и пропеть очень глупую песенку. Предположительно, директора школ тайне заключают еще более унижительное пари, но никто не знает, что стоит на кону. В прошлом году Энфилд продул 57:51, и Чарльз Тэвис по дороге домой на автобусе не произнес ни слова, но часто бегал в туалет.

Но в прошлом году у ЭТА не было Джона Уэйна, и в прошлом году еще не расцвел Х. Дж. Инканденца, в спортивном смысле. Джон Уэйн, родом из Монсерфа, Квебек, – городишки с асбестовыми шахтами где-то в 10 или около того км от печально известной прорывами плотины Мерсье, – ранее лучший юниор в Канаде в шестнадцать лет, а также 5-й в компьютерных рейтингах Теннисной ассоциации Организации Независимых Американских Наций, прошлой весной наконец согласился на уговоры Герхардта Штитта и Обри Делинта благодаря аргументу, что два бесплатных года в американской академии, возможно, позволят Уэйну проскочить обычные пару сезонов университетского тенниса и с более чем достаточной турнирной закалкой уже в девятнадцать без промедлений уйти в профи. В этом есть смысл, т. к. расписания турниров лучших четырех американских теннисных академий близко напоминают тур АТР⁷⁵ в плане отупляющих переездов и постоянного стресса. Джон Уэйн в данный момент 3-й среди юношей 18 лет по версии ОНАНТА и 2-й по версии ТАСШ (Канада под давлением провинции отказалась от него как от эмигранта), и в Год Впитывающего Белья для Взрослых «Депенд» дошел до полуфиналов и Юниорских французских, и Открытых юниорских американских первенств, и за семь встреч и дюжину важных турниров не проиграл ни одному американцу. Он отстает от 1-го американского парня, Вича, Независимого^[85] из Флориды, всего на пару компьютерных пунктов ТАСШ, и это они еще в этом году не встречались в официальной игре,

⁷⁵ Ассоциация профессионалов тенниса.

потому что парень, как известно, скрывается от Уэйна, избегает его, залег в Помпано-бич, как будто бы четыре месяца оправляясь от растяжения паха, сидит на своем рейтинге как собака на сене. Через пару недель он обязан появиться на Приглашенных «Вотабургера» в Аризоне, этот Вич, т. к. выиграл там в прошлом году у 18-летних в семнадцать лет, но он не может не знать, что туда же грядет Уэйн, потому в теннисной среде уже бурно делают ставки. Если же говорить об ОНАНТА, то есть еще аргентинец, который засел в мексиканской Академии де Вера Круз и не собирается уступать свое первое место никому, в этом году он взял три встречи из четырех юниорского Большого шлема – впервые со времен того сумрачного чеха по имени Лендл, который ушел из Шоу и покончил с собой задолго до введения эры спонсирования. Но, в общем, Уэйн у нас 1-й.

И уже было установлено, что Хэл Инканденца, в прошлом году уважаемый игрок, но ни в коем случае не тема для восторженных писем родным, 43-й в национальном зачете и плавающий между 4-м и 5-м в команде А академии среди 16-летних в одиночном разряде, совершил квантоподобный спортивный скачок через несколько плато, да так, что в этом году – уже подошедшем к концу, отдел «Депенд» по впитывающим продуктам корпорации «Кимберли-Кларк» скоро сдаст пост на новогоднем аукционе, – да такой, что Инканденца – и держите в уме, в этом году ему всего семнадцать, – 4-й по стране и 6-й в компьютере ОНАНТА, и играет 2-м в группе Аза 18-летних юношей ЭТА. Такие спортивные расцветы редко, но бывают. Никто в академии этот расцвет с Хэлом не обсуждает – примерно как все избегают питчера, который идет на ноу-хиттер. Деликатная и гибкая, довольно рассудочная игра Хэла не изменилась, но в этом году будто отрастила зубы. Уже не хрупкий и не рассеянный на корте, теперь он «разводит»⁷⁶, как будто даже не задумываясь. Десятичная дробь его статистики невынужденных ошибок скорее похожа на компьютерный глюк.

Хэл играет на истощение. Он пробует, поклевывает, пока противник не раскроется. А до этого пробует. Он лучше забегает оппонента до усталости, возьмет на измор. За прошедшее лето трем разным противникам пришлось в перерывах дышать кислородом [86]. Его подачи дергают людей по углам, точно на невидимой диагональной леске. Теперь его подача – вдруг, после четырех лет и тысяч подач в день в пустоту на заре, – вдруг считается одной из лучших кик-подач с левой руки в истории юниорских соревнований. Штитт зовет Хэла своим «возвращенцем», теперь, а иногда во время тренировок с любовью указывает на него указкой со своего вороньего гнезда.

Большинство одиночных матчей команд А уже в разгаре. Койл и его противник на 3-м бесконечно мотаются по бабочковидной траектории. Мускулистый, но медлительный оппонент Хэла согнулся пополам, хватая ртом воздух, пока Хэл стоит и ковыряет струны. Шпала Пол Шоу на 6-м стучит перед подачей мячиком о землю восемь раз. Не семь, не девять.

А Джон Уэйн, без сомнений, лучший юноша-игрок Энфилдской академии за многие годы. Впервые его заметил в шесть лет д-р Джеймс Инканденца, одиннадцать лет назад, когда снимал что-то свое раннее и холодно-концептуальное на «8-Супер» про людей по имени Джон Уэйн, которые не были тем самым кино-историческим Джоном Уэйном, – фильм, в котором папаша Уэйна, человек типа «со-мной-не-забалуешь», в конце концов отсудил удаление эпизода с сынишкой, потому что в названии фильма было слово «Гомо» [87].

На 1-м, с Джоном Уэйном у сетки, лучший парень Порт-Вашингтона бьет свечу. Крассота: мяч медленно воспаряет, едва чиркает по системе балок и ламп крытого корта и опускается мягко, как перышко: великолепная квадратичная функция флуоресцентно-зеленого, вращение швов. Джон Уэйн сдает назад и летит за ним. Только по тому, как мяч отскакивает от струн игрока, уже видно – если сам играешь серьезно – уже так и видно, аут будет или не аут. На удивление, в игре почти не думаешь. Тренеры так часто твердят серьезным игрокам,

⁷⁶ Теннисный сленг – бить по углам, заставляя противника бегать по корту.

что делать, что все идет на автомате. Игру Джона Уэйна можно описать как игру с автоматической красотой. Когда свеча только пошла вверх, он сдал назад от сетки, не выпуская мяч из виду, пока тот не достиг пика и его парабола не переломилась, отбросив множество теней в свете прожекторов на изоляции потолка; затем Уэйн повернулся к мячу спиной и прямо помчался туда, куда тот приземлится без ауа. Обязательно приземлится. Ему уже не нужно снова смотреть на мяч, пока тот не упадет на зеленый корт ровно перед задней линией. Он уже по другую сторону траектории отскочившего мяча, все еще бежит. Отчего-то он кажется каким-то злым. Он заходит за второй взлет отскочившего мяча так, как заходят за того, кому сейчас сделают больно, и ему приходится забыть о ногах, в полупируэте развернуться к мячу и хлестнуть с полулета правой прямо сквозь него, поймав на подъеме и отправив по линии в обвод порт-вашингтонца, который по-своему рассчитал проценты и последовал за красотой свечи до сетки. В честь действительно хорошего приема порт-вашингтонец аплодирует ладонью о палку, хотя и бросает взгляды на порт-вашингтонский тренерский состав на галерее. Стеклопанель зрителей на уровне земли, а теннисисты играют на кортах под ней, словно бы вырезанных в котловане, выкопанном давным-давно: некоторые северо-восточные клубы предпочитают корты ниже уровня земли, потому что, когда ставят Легкие, земля утепляет зал и коммунальные счета становятся всего лишь устрашающими, а не за гранью добра и зла. Окно галереи тянется над головой с 1-го корта по б-й, но самое заметное зрительское скопление в той ее части, что выходит на Шоу-корты 1-х и 2-х 18-летних юношей – Уэйна, Хэла и двух лучших из ПВТА. Теперь, после балетного победного удара Уэйна, из-за стекла слышатся печальные аплодисменты: на кортах звук аплодисментов приглушен и загрязнен шумом с кортов, а потому звучит как отчаянный стук запертых на большой глубине страдальцев, потерпевших кораблекрушение. Окно – как стекло аквариума, толстое и чистое, и не пропускает звук, так что на галерее кажется, будто 72 мускулистых подростка бегают в яме попарно в полной тишине. Почти все на галерее одеты в теннисную форму и светлые нейлоновые спортивные костюмы; на некоторых даже напульсники – теннисный эквивалент вымпелов и енотовых шуб футбольных фанатов.

Пост-пируэтная инерция Джона Уэйна бросает его на тяжелый черный брезент, свисающий по обеим сторонам 36 кортов на системе карнизов и колец, примерно как шторка в душе с претензией, – брезент скрывает пухлую белую изоляцию и создает узкий проход для игроков, чтобы не пересекать открытые корты и не прерывать игру. Уэйн врезается в тяжелый брезент и отскакивает с резонирующим «бум». Звуки на корте в закрытом помещении – мощные и сложные; у всего есть эхо, и все эха сливаются. На галерее Тэвис и Нванги кусают кулаки, а Делинт прижимается плоским носом к стеклу, пока все остальные вежливо аплодируют. Штитт во время стресса спокойно постукивает указкой по языку сапога. Но Уэйну не больно. Многие врезаются в брезент. Для того он там и висит. А звучит всегда хуже, чем есть на самом деле.

Но разносится бум брезента жутко. Он встряхивает Тедди Шахта, который стоит на коленях в проходике за 1-м кортом, держа голову М. Пемулиса, пока тот на одном колене блюет в высокое белое пластмассовое ведро для мячей. Шахту приходится слегка отодвинуть Пемулиса, когда на миг в изогнувшемся брезенте показываются очертания Уэйна и грозят опрокинуть Пемулиса, а то и ведро заодно, отчего выйдет совсем некрасиво. Пемулис, с головой погруженный в личный ад тошнотных предметчевых нервов, слишком занят тем, чтобы плевать беззвучно, а потому не слышит злой стук победного удара Уэйна или его же бум по тяжелому занавесу. В проходике дубак – в мире изоляции и двутавров, отгороженном от инфракрасных обогревателей над кортами. Пластмассовое ведро наполнено старыми лысыми теннисными мячами «Уилсон» и завтраком Пемулиса. Ну и, понятно, запашок. Шахту все равно. Он слегка поглаживает висок Пемулиса, как когда-то в Филли его самого, больного, гладила мама.

На уровне глаз в брезенте встречаются пластиковые окошки – бойницы, дающие обзор на корты из холодного закулисного прохода. Шахту видно, как Джон Уэйн идет к стойке сетки и

переворачивают свою карточку, меняясь с оппонентом сторонами. Меняться сторонами после каждого нечетного гейма приходится даже на крытых кортах. Никто не знает, почему именно нечетного. На каждом корте ПВТА к стойке сетки приварена другая стойка, с двойным набором как бы перекидных карточек с большими красными цифрами от 1 до 7; в игре без арбитра полагается самому переворачивать карточку при каждой смене сторон, чтобы с галереи было проще следить за счетом сета. Многие юниоры ленятся переворачивать карточки. Уэйн в ведении счета всегда автоматичен и скрупулезен. Отец Уэйна – асбестовый шахтер, который в свои сорок три намного старше всех в своей смене; сейчас он носит трехслойные маски и держится изо всех сил, пока Джон Уэйн не начнет зашибать серьезные \$ и не вытащит его из шахты. Он не видел, как играет его старший, с тех пор, как в прошлом году Джона Уэйна лишили квебекского и канадского гражданства. Карточка Уэйна на «5»; его оппоненту переворачивать еще не довелось. Уэйн при смене сторон даже никогда не присаживается на свои законные 60 секунд. Когда он проходит мимо стойки, его оппонент, в голубой рубашке с широким воротником и надписями «Уилсон» и «ПВТА» на рукавах, говорит что-то неагрессивное. Уэйн никак не реагирует. Просто идет к задней линии – дальней от брезентового окошка Шахта – и подкидывает мяч на сетчатом лице палки, пока порт-вашигтонец отсиживается на брезентовом режиссерском стуле и стирает полотенцем пот с рук (обе вполне себе среднего размера), и бросает взгляды на галерею за стеклянной панелью. Что в Уэйне главное – он деловой парень. Его лицо на корте – безучастно жесткое, с гипертоническим выражением шизофреников или дзен-адептов. Как правило, он все время смотрит перед собой. Спокоен настолько, насколько это возможно. Его эмоции выражаются в скорости. Интеллект как стратегический фокус. Его игра, как и поведение в целом, кажутся Шахту не столько мертвыми, сколько неживыми. Ест и учится Уэйн в одиночку. Иногда его видят с двумя-тремя экспатами-канашками из ЭТА, но когда они вместе, от них веет угрюмостью. Шахт не знает, что Уэйн думает о США или статусе своего гражданства. Ему кажется, что Уэйну кажется, это не так уж и важно: ему на роду написано попасть в Шоу; он станет деловым шоуменом спорта, гражданином мира, вечно неживым, ходячей рекламой сока или мази для растирания.

В Пемулисе уже ничего не осталось, он содрогается в сухих спазмах над ведром, его палки «Данлоп» с натуральными струнами в чехлах и экипировка свалены в шаге от Шахта. На кортах дожидаются только их.

Шахт играет 3-м в одиночном разряде 18-летних команды Б, Пемулис – 6-м. Они заметно запаздывают. Их оппоненты уже на задних линиях кортов 9 и 12, ждут, когда те выйдут и разогрются, нервничают, разминаются так, как когда ты уже размялся и готов, чеканят свежие яркие мячики на черных широкопрофильных палках «Уилсон». По контракту администрации все студенчество Порт-Вашингтонской теннисной академии оснащается бесплатными и обязательными палками «Уилсон». Ничего личного, но академия будет решать за Шахта, каким брендом играть, только через его труп. Сам он предпочитает «Хед Мастеры», и его выбор считается необычным и эксцентричным. Представитель «АМФ-Хед» достает их Шахту из какого-то заросшего паутиной склада, где они хранятся с тех пор, как производство закрыли много лет назад после революции больших голов ракеток. У алюминиевых «Хед Мастеров» головы небольшие, с идеально круглой игровой поверхностью и тускло-синей пластиковой вилкой, и похожи они не столько на оружие, сколько на игрушки. Койл и Аксфорд вечно стебуются, что им как раз попадался «Хед Мастер» на каких-нибудь блошином рынке или гаражной распродаже, и лучше бы Шахту туда поторопиться, а то разберут. Когда его стебуют, Шахт, который, как исторически сложилось, близок с Марио и с Лайлом в качалке (куда Шахту из-за колена и болезни Крона нравится ходить даже в выходные, чтобы сжечь дискомфорт, и Делинт и Лоуч вечно с ним носятся, чтобы он не перекачался), только улыбается и помалкивает.

– Ты в порядке?

Пемулис отвечает «Бларх». Вытирает лоб, давая понять, что закончил, и поддается, когда его поднимают на ноги, и стоит без поддержки, уперевшись в бедра, слегка согнувшись.

Шахт выпрямляется и разглаживает повязку на коленном ортезе.

– Ты давай, приходи в себя. Уэйн уже умчал вперед. Пемулис недовольно шмыгает:

– И почему каждый раз у меня такой мандраж? Это же совсем на меня не похоже.

– С кем-то бывает, вот и все.

– Я просто не узнаю себя в этом согнувшемся блюющем бледном парне.

Шахт собирает экипировку.

– У некоторых нервы в желудке. Сиене, Отрава, Господ, ты: люди-желудки.

– Тедди, брат, чувак, я ни разу не ездил на турниры с похмельем. Я тщательно готовлюсь. Даже ни понюшки веселящего газа. Отправляюсь в кроватку ровно в 23:00, чистый и розовощекий.

Проходя мимо пластикового окошка за кортом 2, Шахт видит, как Хэл Инканденца пытается обвести своего соперника, сеточника, барочным резаным слева, но мажет. Карточка Хэла уже на «4». Шахт приветливо машет Хэлу, но тот все равно не может увидеть. Пемулис в холодном проходе идет перед ним.

– Хэл тоже далеко ушел. Еще одна победа за силами добра.

– Господи, как же мне хреново, – говорит Пемулис.

– Могло быть и хуже.

– С этого момента, пожалуйста, поподробней.

– Это хотя бы не как тогда с желудком в Атланте. Здесь мы в уединении. Никто не заметил. Сам видел их стекло: для Штитта и Делинта тут все как в немо кино. Никто ничего не слышал. Наши подумают, что мы тут хлестали друг друга по щекам, чтобы раззадорить, типа того. Или скажем всем, что у меня начались колики. Это ерунда по шкале проблем с желудком.

Пемулис перед игрой совсем другой человек.

– Блин, я никчемный.

Шахт смеется:

– Да ты самый кчемный из всех, кого я видел. Хватит себя накручивать.

– Ни разу в детстве не тошнило. А теперь меня как будто тошнит только из-за того, что я волнуюсь, как бы не стошнило.

– Ну вот, сам видишь. Просто не думай ни о чем торакальном. Представь, что у тебя нет желудка.

– У меня нет желудка, – говорит Пемулис. Хотя бы сейчас, в проходе, он не озирается, когда говорит. Он несет четыре палки, жесткое белое полотенце ПВТА из раздевалки, банку из-под теннисных мячей с хлорированной лонг-айлендской водой, нервно застегивает и расстегивает чехол верхней палки. У Шахта всегда только три палки. Чехлов на них нет. За исключением Пемулиса, Рэйдера, Анвин и пары других, кто предпочитает натуральные струны, которым действительно нужна защита, никто в Энфилде чехлами не пользуется; как бы такая антимеритимная позиция. Люди с чехлами словно говорят, что они серьезные игроки и за натуральный продукт. Похожая повсеместная антигордость ЭТА – носить рубашки только навывпуск. Орто Стайс раньше тренировался в черных обрезанных джинсах, пока Штитт не велел Тони Нванги на него наорать. В каждой академии есть свой стиль или антистиль. В ПВТА, де факто более-менее «дочке» «Уилсона», на каждой палке с синтетическими струнами необязательные голубые чехлы «Уилсон» и большая красная «W» по шаблону на синтетических струнах. Если хочешь попасть в бесплатный список на палки, приходится разрешать своей компании напылять логотипы на струны, – таков универсальный юниорский расклад. На оранжевых синтетических струнах «Гамма-9» Шахта – странное даосское параболическое лого «АМФ-Хед Инк.» Пемулис не значится в списках «Данлопа» [88], но просит стрингера

ЭТА напылять на свою ракетку трейдмарк «Данлопа» с точкой и окружностью – по мнению Шахта, проявление какой-то трогательной неуверенности в себе.

– Я играл с твоим в Тампе два года назад, – говорит Пемулис, обходя старый бесцветный мяч с тренировок, что всегда замусоривают проходы за брезентом. – Имя на языке вертится.

– Ле-что-то-там, – отвечает Шахт. – Очередной канашка. С очередным именем на Ле.

Марио Инканденца в этажных трениках маленького Одерна Таллат-Кялпши бесшумно ковыляет где-то в 10 м позади, с задвинутым полицейским замком и безБолексной головой; он заключает спину Шахта в треугольную рамку из больших и указательных пальцев, симулируя взгляд через объектив. Марио разрешили поехать с командами на Пригласительный «Вотабургер» ради досъемок материала для его короткометражной и позитивной ежегодной документалки – кратких мнений участников, светлых моментов, эпизодов из закулисья и эмоциональных моментов на кортах, и т. д., – которую каждый год раздают выпускникам, спонсорам и гостям ЭТА на пред-Благодаренческой фандрайзинговой выставке и формальном торжестве. Марио прикидывает, где в брезентовом туннеле взять достаточно света, чтобы заснять напряженный холодный гладиаторский выход на матч, с торчащими теннисными ракетками наперевес, как неприличными букетами, не пожертвовав при этом сумраком, диффузией и гладиаторски-обреченными силуэтами, которые дает сумрачный проход. Когда Пемулис каким-то таинственным образом победит, он посоветует Марио, может, что-то типа подвесить «Марино 350» с диффузионным фильтром на какой-нибудь кабель, чтобы можно было бы следовать за силуэтами на примерно двойном фокусном расстоянии, или, как вариант, светосильный объектив, а «Марино» установить в самом начале туннеля, чтобы спины силуэтов постепенно растворялись в обреченной мгле низкой экспозиции.

– Помню, твой – он как одно ходячее предплечье. Только и делает, что режет из-за спины. ВУВС у него вообще не меняется. Если подашь налево – срежет в хафкорт. Обойдешь его просто по щелчку пальца.

– Ты насчет своего волнуйся, – отвечает Шахт.

– У твоего – ноль воображения.

– А у тебя пустая дыра вместо желудка, не забывай.

– Я человек без желудка.

Они выходят из вырезов в брезенте с поднятыми в жесте извинения перед соперниками руками, идут на теплые корты, по «медленной» зеленой ластикоподобной поверхности композита в помещении. Слух, как и глаза, привыкает к звукам огромного помещения. Охи, стуки, тыки и визг кед. Корт Пемулиса почти на женской территории. Корт с 13-го по 24-й – девушек 18 лет А и Б: скачущие косы, двуручные бэкхенды и пронзительный визг, который, если бы они его сами послушали, то, типа, тут же прекратили бы такое безобразие. Пемулис не понимает, очень приглушенные аплодисменты из-за панели галереи – это сардонические аплодисменты из-за того, что он наконец явился после перерыва на поблеть, или искренние – К. Д. Койлу на корте 3, который послал свечу с такой дурью, что мяч свернул тройку прожекторов. Не считая ватных ног, Пемулис чувствует себя безжелудочно и относительно норм. Этот матч для него в плане «Вотабургера» – пан или пропал.

В инфрасвете корты теплые и мягкие; обогреватели, вкрученные в обе стены над верхним краем брезента, глубокого тепло-красного цвета маленьких квадратных солнц.

Все порт-вашингтонские игроки – в одинаковых носках, шортах и заправленных рубашках. На вид они хороши, но какие-то неженки, с чем-то от манекенов. Большинству высоко-рейтинговых учеников ЭТА разрешено подписывать контракт с любой компанией, но не за деньги, а за бесплатную экипировку. Койл – «Принс» и «Рибок», как и Тревор Аксфорд. Джон Уэйн – «Данлоп» и «Адидас». Шахт – палки «Хед Мастер», но форма и наколенники собственные. Орто Стайс – «Уилсон» и сплошь черная «Фила». Кит Фрир – палки «Фокс» и одновременно и «Адидас», и «Рибок», пока какой-нибудь представитель одной из этих двух новоно-

воанглийских компаний не раскусит. Трельч – «Сполдинг», и пусть благодарит бога хотя бы за это. Хэл Инканденца – «Данлоп», легкие хайтопы «Найк» и ортез «Эйр Стиррап» для дурацкой лодыжки. Шоу – палки «Кеннекс» и форма из линии «Большие & высокие» от «Тачани». Предпринимательская жилка Пемулиса в итоге подарила ему полную свободу выбора, хотя Делинт и Нванги запрещают ему носить на соревнованиях футболки, хоть как-то упоминающие «Шинн Фейн» или этот его чертов Оллстон.

Прежде чем пойти к задней линии и разогреться на ударах с отскока, Шахту нравится поболтаться у корта, постучаться головой о струны и послушать звон натяжения, поправить полотенце на спинке стула, проверить, чтобы на карточках не остался счет прошлого матча, и т. д., а потом он еще любит чутко пошаркать вдоль задней линии, поискать комки пыли от войлочных мячей, кочки или ухабы от подъема почвы в холодную погоду, поправить ортез на больном колене, раскинуть могучие руки, как на распяты, и в паре рывков размять грудные мышцы и манжеты плечевых суставов. Его оппонент терпеливо ждет, покручивая в руках полибутиленовую палку; а когда они наконец начинают разыгрываться, лицо у него довольное. А для Шахта главное, чтобы матч приносил удовольствие, так или иначе. Победа для него уже не главное, со времен сперва Крона, а потом колена в шестнадцать. Скорее всего, теперь он назовет победу в матче «желательной», не больше. Что характерно, за последние два года, с тех пор, как он перестал переживать, его игра слегка улучшилась. Как будто его жесткая плоская игра потеряла всякий смысл за пределами собственно игры, и начала подпитываться самой собой, стала полнее, легче, не такой рваной, – впрочем, и остальные игроки тоже развивались, даже быстрее, и с шестнадцати лет рейтинг Шахта медленно, но верно идет ко дну, а тренеры прекратили разговоры даже о стипендии в лучших вузах. Но Штитт со времен колена и потери всяких стимулов, кроме самой игры, к нему потеплел, и общается с Шахтом почти на равных, а не как с экспериментальным объектом с высокими ставками. Шахт в глубине души уже морально готов к будущей карьере стоматолога и даже, когда не катается по турам, дважды в неделю практикуется у специалиста по зубным корням в Национальном фонде черепно-лицевой боли в восточном Энфилде.

Шахту кажется странным, что Пемулис так пыжится из-за прекращения употребления всяких веществ за день до игры, но при этом не связывает неврастенический желудок с какой-либо ломкой или зависимостью. Он никогда не скажет Пемулису в лицо, если только тот сам прямо не спросит, но Шахт подозревает, что Пемулис физически зависим от дринов – Прелюдина, Тенуата, чего-то такого. Это не его дело.

Предполагаемый франко-канадец Шахта такой же плечистый, как Шахт, но кряжистей, лицо у него смуглое и с какой-то эскимойдной структурой, в восемнадцать лет волосы на лбу поредели так, что сразу ясно – спина у пацана уже волосатая, а разогревается он с безумными подкрутками – апатичные топ-спины с западного форхенда и долбанутые кроссы с обратным вращением с одноручного хвата в ответку, при ударе колени всякий раз странно подгибаются, а в поступи полно танцевальных завитушек – не человек, а комок нервов. Если бьешь так же сильно, как Шахт, нервного фаната подкруток можно более-менее слопать на обед, да и Пемулис оказался прав: бэкхенд парня всегда резаный и шлет мяч низко. Шахт оглядывается на пемулисовского – крикуна с угрюмым профилем и костлявым видом недавнего пубертатного периода. Пемулис странно оптимистичен и уверен в себе, после пары минут возни с бутылками воды, где полоскал полость рта и все такое. Наверно, Пемулис победит, вопреки себе. Шахт думает, что надо бы отловить одного из двенадцатилетних, над которыми он шефствует, и отправить в проход незаметно опустошить ведро Пемулиса, пока никто из покидающих корт не заметил. Любые признаки нервной слабости отмечаются и протоколируются, в ЭТА, а Шахт уже обратил внимание на сильный эмоциональный интерес Пемулиса в участии на Приглашенном «Вотабургере» на День благодарения. Ему показалось, что то, как Марио шастал в холодном проходе, почесывая в большом затылке из-за технических проблем с освещением,

было довольно забавно. На «Вотабургере» не будет ни Легких, ни брезента, ни сумрачных туннелей: тусонский турнир уличный, а в Тусоне под 40 °С даже в ноябре, и солнце там при смэшах и подачах – подлинный ретинальный дане макабр.

Хотя Шахт, как и все, каждый квартал покупает мочу, Пемулису кажется, что Шахт употребляет химию так же, как те взрослые, которые иногда забывают допить коктейли, употребляют алкоголь: чтобы сделать напряженную, но преимущественно нормальную внутреннюю жизнь по-интересному другой, но не более, без компонента какого-то облегчения; что-то вроде туризма; и Шахту даже незачем волноваться из-за бесконечных тренировок, как Инку или Стайсу, ему не становится плохо из-за физического стресса от постоянных дринов, как Трельчу, он не страдает от плохо скрываемых психологических побочных эффектов, как Инк, Сбит или сам Пемулис. От того, как Пемулис, Трельч, Сбит и Аксфорд употребляют вещества, восстанавливаются после употребления, от их жаргонного арго для общения о различных веществах у Шахта мурашки по коже, ну, чуточку, хотя с тех пор, как перелом колена переродил его в шестнадцать лет, он приучился жить своей внутренней жизнью и не лезть в чужие. Как и многие очень крупные люди, он рано свыкся с мыслью, что место в мире занимает очень маленькое, а его воздействие на окружающих – и того меньше, и это главная причина, почему он иногда забывает доупотребить свою порцию какого-либо вещества: ему становится достаточно интересно и то, как он уже начинает себя чувствовать. Он из тех, кому не надо много, не говоря о куда большем.

Шахт и его оппонент разогреваются на ударах с отскока с текучей экономией в движениях, отработанной за многие годы разогревов на ударах с отскока. Они обмениваются ударами с лета у сетки, потом пристреливаются парой свечей, которые расслабленно и легко отбивают над головой, медленно разгоняясь с половинной скорости до трех четвертей. По ощущениям, колено преимущественно в порядке, гнется. «Медленные» композиты кортов в помещениях не приветствуют жесткую плоскую игру Шахта, зато дружелюбны к колену, которое после пары дней на цементе разносит чуть ли не до размеров волейбольного мяча. Здесь, на 9-м, играя наедине, далеко от окна галереи, Шахт просто счастлив.

В больших закрытых клубах есть такое укрепляющее ощущение гулкого пространства, какого никогда не бывает на улице, особенно на холоде, когда мячи жесткие и угрюмые, и отлетают от плоскости ракетки со звоном без эха. Здесь же все трещит и бухает – вскрики, визг кроссов, бухающие попадания и мат разносятся по-над бело-зеленой поверхностью и отдаются эхом от каждого брезента. Скоро они все перейдут в помещение на зиму. Штитт сдастся и разрешит надуть Легкое над шестнадцатью Центральными кортами ЭТА; день надува – как субботник; веселый и объединяющий, и все вместе снимут центральные ограждения и ночные прожекторы и развинтят стойки на секции, сложат и унесут, а потом в фургонах приедут ребята из «ТесТар» и ATHSCME, с сигаретами в зубах щурясь с усталым профессионализмом на полные тубусы синих чертежей, и прилетит один, а то и два вертолета ATHSCME со стропами и крюками для купола и обтекателя Легкого; и Штитт, и Делинт пошлют младших эташников принести инфракрасные обогреватели из того же гофрированного ангара, куда уберут ограждения и прожекторы, и потащат армии 14-и 16-летних, вызывая в памяти то ли корейцев, то ли листорезов, секции, обогреватели, полотна гортекса и длинные гало-литиевые лампы, пока 18-летние расслаиваются на брезентовых стульях и стебуются, потому что уже оттащали свою листорезовую долю запчастей Легкого в 13–16. Два мужика из «ТесТар» будут надзирать, как Отис П. Господ и самые выдающиеся технари этого года ставят обогреватели, подключают свет, протягивают коаксиальные кабели с керамическими Джеками между главным щитком в насосной и трансформатором «Санстренд» и запускают вентиляторы циркуляции и пневматические лебедки, которые поднимут Легкое до формы иглу-небоскреба над шестнадцатью кортами четыре на четыре, согретое одними только гортексом, переменным током и гигантским вытяжным эффектуатором ATHSCME, который команда ATHSCME привезет на одном

из вертолетов ATHSCME на стропах и установит и закрепит на соске-обтекателе Легкого, на самой вершине надутго купола. И в первую ночь после Установки – традиционно это четвертый понедельник ноября – все желающие старшекласники 18 лет раскочегарят инфракрасные обогреватели, накурятся, нажрутсЯ пиццы с низким содержанием липидов из микроволновки и будут играть всю ночь, самозабвенно обливаясь потом, спрятавшись от зимы на вершине плоскоголового холма Энфилда.

Шахт отходит в левом квадрате назад и помогает своему парню разогреться с подачами – на удивление плоскими и низкими для нервного фаната легких касаний. Каждый мяч Шахт приземляет с суровой нижней подкруткой, чтобы они откатывались обратно к нему и он подавал их назад, тоже разогреваясь. Разогрев давно стал автоматической процедурой и не требует внимания. Далеко на 1-м Шахт видит, как Джон Уэйн зафигачивает с бэкхенда кросс. Уэйн бьет с такой силой, что там, где мяч встретился со струнами, повисает грибовидное облачко зеленых ворсинок. Карточки слишком далеко, не разобрать в кисло-яблочном свете, но по тому, как лучший игрок Порт-Вашингтона возвращается к задней линии для следующего розыгрыша, отлично видно, что зад ему уже поднадрали. В большинстве юниорских матчей все, что после четвертого гейма, – чаще всего уже так, формальность. К этому времени оба игрока знают итоговый счет. Видят общую картину. Уже решили, кто проиграет. Соревновательный теннис, стоит достигнуть определенного плато навыка и закалки, во многом происходит в голове. Штитт бы сказал, что теннис не для «головы», а для «духа», но, насколько понимает Шахт, это одно и то же. Насколько понимает Шахт, штиттовская философия такова: чтобы выиграть себе достаточно времени, в которое все тебя считают успешным, нужно одно-временно очень за это переживать, но при этом не переживать вообще[89]. Шахт, наверное, больше не переживает с необходимой силой, так что встретил свое постепенное вытеснение из команды А одиночек с хладнокровием, в котором одни эташники разглядели силу духа, а другие сочли за явный признак слюнтяйства и усталости. Только один-два человека употребляли слово «смелый» в связи с радикальной реконфигурацией Шахта после болезни Крона и колена. Хэл Инканденца, который, наверное, так же асимметрично злоупотреблял по части переживания, сколько Шахт – по части непереживания, относил непротivление Шахта к какому-то внутреннему упадку сил, какому-то серо-роковому отказу от стремлений детства в пользу серой взрослой посредственности, и страшится этого непротivления; но раз Шахт – старый друг и надежный трезвый водитель, и со времен колена даже настоящая душа компании, – и Хэл горячо молится, чтобы после каждого дня на открытом корте его лодыжка не становилась размером с волейбольный мяч, – Хэл в глубине души, как ни странно, почти как-то восхищается и завидует, что Шахт stoически посвящает себя оральным профессиям и бросил мечтать о Шоу после выпуска – этому духу чего-то другого, не провала, чего-то такого, что непонятно, как назвать, будто забыл слово, которое знаешь, что знаешь, – Хэл не может испытывать к спортивному штопору Тедди Шахта презрения, вполне естественного для человека, который сам втайне так ужасно переживает, так что они вообще эту тему не затрагивают, и Шахт весело и молча водит тягач в случаях, когда остальные уже настолько не в состоянии, что приходится прикрывать один глаз, лишь бы видеть только одну дорогу, и без протестов смиряется с перспективой ежеквартально покупать по розничной цене мочу, и слова не скажет о деградации Хэла в плане веществ от случайного туриста до одержимого жителя подземелий, о визитах в насосную и «Визине», хотя про себя Шахт уверен, что необъяснимое, но заметное подспорье подземной одержимости в кипучем рейтинговом расцвете Хэла должно быть чем-то временным, что конверт со счетом по психической кредитке уже на подходе к почтовому ящику Хэла, где-то, скоро, и ему заранее грустно из-за того, что рано или поздно это все аукнется. Хотя явно не на гosaх. Хэл порвет гosaы, а Шахт наверняка будет среди тех, кто поборется за место на экзамене по шуйцу от него, и сам это признает первым. На 2-м Хэл делает вторую кик-подачу с левой в правый квадрат с таким топ-спином, что мяч едва не перепрыгивает через голову 2-

го порт-вашигтонца. На Шоу-кортах 1 и 2, очевидно, в разгаре избиение младенцев. Доктор Тэвис теперь не уgomонится. На галерее Уэйну и Инканденце уже даже почти не аплодируют; в какой-то момент начинает казаться, что это все равно что римляне аплодировали бы львам. Все тренеры, персонал, родители ПВТА и гости в галерее над головой – в теннисных костюмах, высоких белых носках и заправленных рубашках, как у людей, которые сами играют нечасто. Шахт и его парень начинают игру.

Наставник Пэт Монтесян и Дона Гейтли в АА любит напоминать Гейтли, что новый жилец Джоффри Дэй может оказаться для него, Гейтли, как сотрудника Эннет-Хауса бесценным учителем терпения и терпимости.

– И вот итог – в сорок шесть лет я пришел сюда учиться жить по клише, – вот что говорит Дэй Шарлотте Трит сразу после того, как Рэнди Ленц спросил – опять, – сколько времени, в 08:25. – Отдать всю волю и жизнь на поруки клише. «Один день за раз». «Тише едешь, дальше будешь». «Решай проблемы по мере поступления». «Смелость – это страх, который распроцался с жизнью». «Проси о помощи». «Да будет не моя воля, но Твоя». «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда». «Расти или уйди». «Возвращайся еще».

Бедная старая Шарлотта Трит, которая чопорно вышивает рядом с Дэем на старом виниловом диване, только что привезенном из «Гудвила», поджигает губки.

– Помолись, чтобы тебе даровали хоть капельку благодарности.

– О нет, но суть же как раз в том, что мне уже повезло обрести благодарность, – Дэй забрасывает одну ногу на другую так, что его тщедушное изнеженное тельце наклоняется к ней. – За что, поверь мне, я также благодарен. Я пестую благодарность. Это входит в систему клише, согласно которой я теперь живу. «Благодарным быть старайся не забыть».

«Алкаш благодарный не станет пить». Я знаю, что на самом деле клише звучит как «Сердце благодарное не станет пить», но так как внутренние органы на самом деле не употребляют алкоголь, а у меня еще хватает силы воли, чтобы жить по старым добрым клише, а не окончательно скатиться к нон секвитур, я беру на себя смелость легкой поправки, – все это с совершенно наглым и невинным видом. – Разумеется, поправки благодарной.

Шарлотта Трит оглядывается на Гейтли в поисках поддержки или вмешательства как сотрудника и блюстителя догм. Несчастливая дурочка до сих пор как потерянная. Да и все тут потерянные, до сих пор. Гейтли напоминает себе, что он тоже, скорее всего, по большому счету потерянный, до сих пор, даже после стольких сотен дней. «Я не знал, что я не знал» – очередной слоган, который какое-то время кажется таким поверхностным, а потом вдруг резко становится глубоким, как бывает в водах обитания омаров у Северного побережья. Ерзая во время утренних медитаций, Гейтли всегда старается себе напомнить, что для того Эннет-Хаус и предназначен: купить этим несчастным долбанашкам время, тонкую дольку времени для воздержания, пока они не ощутят всю истину и глубину – почти волшебство – под мелкой поверхностью того, что пытаются сделать.

– Пестую я ее истово. По вечерам делаю упражнения на благодарность. Можно сказать, благодарные отжимания. Спросите Рэнди, он подтвердит, что я делаю их как по часам. Усердно. Прилежно.

– Ну, это просто правда, – шмыгает Трит, – про благодарность-то.

Все, кроме Гейтли, который лежит на другом, старом диване напротив этих двоих, игнорируют разговор и смотрят старый картридж «Интер-Лейса», у которого проблемы с трекингом – глючные полосы отъедают низ и верх экрана. Дэй все никак не уймется. Пэт М. просит свежее испеченных сотрудников видеть в тех жильцах, которых хочется забить насмерть, ценных учителей терпения, терпимости, самодисциплины, сдерживания.

Дэй все никак не уймется.

– Одно из упражнений – быть благодарным за то, что жизнь теперь намного проще. Раньше я иногда думал. Думал длинными сложносочиненными предложениями с придаточными, а порою и залетным многосложным словом. Теперь же я обнаружил, что это излишество. Отныне я живу по диктату макраме, которые заказывают по рекламкам на последних страницах старого «Ридерс Дайджеста» или «Сатедей ивнинг пост». «Тише едешь, дальше будешь». «Не забывай не забывать». «Кабы не милость Божья» с большой буквы «Б». «Переверни страницу». Четко, круто сварено. Односложно. Старая добрая мудрость Нормана Роквелла – Пола Харви⁷⁷. Я вытягиваю перед собой руки, брежу и перечисляю клише. Монотонно. Интонация ни к чему. Может, это тоже? Может, это достойно войти в сборник замечательных клише? «Интонация ни к чему»? Нет, пожалуй, слишком многосложно.

– Как же все это задолбало, – говорит Рэнди Ленц.

Бедная старая Шарлотта Трит, уже девять недель чистая, напускает все больше и больше чопорности. Снова оглядывается на Гейтли, который лежит на спине на совсем другой софе в гостиной, задрав одну кроссовку на квадратный протертый мягкий подлокотник, почти закрыв глаза. Только сотрудникам Хауса разрешено валяться на диванах.

– Отрицание, – наконец находится Шарлотта, – лишь приносит страдание.

– А мож, оба возьмете и вот на хер заткнетесь? – говорит Эмиль Минти.

Джоффри (не Джофф – Джоффри) Дэй в Эннет-Хаусе уже седьмой день. Он прибыл из печально известной клиники Димок в Роксбери, где был единственным белым, а это, готов спорить Гейтли, должно было расширить его горизонты. Лицо у Дэя скусившееся, пустое, смазанное и плоское – нужно немало усилий, чтобы смотреть на него без неприязни, – а глаза как раз начали оттаивать от моргающего ступора раннего этапа трезвости. Дэй – новичок и конченный человек. Приверженец Кваалюда под красненькое, который однажды в конце октября все-таки уснул за рулем «Сааба» и въехал в витрину малденского спортивного магазина, а затем вышел и продолжал свой нетрезвый путь, пока его не взяли прибывшие Органы. Который преподавал какую-то бредятину вроде социальной историчности или исторической социальности в какой-то гимназии на Экспрессвей в Медфорде, а на приеме сказал, что также является кормчим «Ежеквартального Академического журнала». Слово в слово, рассказывала управдом: «кормчий» и «Академический». На приеме также выяснилось, что Дэй не помнит большую часть последних лет и что лампочка у него на чердаке до сих пор искрит. Детоксикация в Димоке, где бюджета едва хватает на Либриум в случае белой горячки, должно быть, выдалась особенно жуткой, потому что Джоффри Дэй заявляет, что ее вовсе не было: теперь его история – что якобы в один ясный денек он сам пешочком прогулялся в Эннет-Хаус из дому в 10 км отсюда в Малдене и нашел это место настолько вопительно уморительным, чтобы так сразу уходить. Образованные новички, если верить Эухению М., – хуже всех. Они живут в своей голове и своей головой, а там-то Болезнь и раскидывает лагерь^[90]. Дэй носит чинос неопределенного оттенка, коричневые носки с черными туфлями и рубашки, которые Пэт Монтесян в приемке записала как «восточно-европейские гавайские рубашки». Дэй сидит на виниловом диване с Шарлоттой Трит после завтрака в гостиной Эннет-Хауса с парой других жильцов, которые сегодня не работают или не работают с утра, и с Гейтли, который отмотал всю ночную смену в переднем кабинете до 04:00, потом сдал пост Джонетт Фольц, чтобы поехать убираться в Шаттакской ночлежке до 07:00, а потом притащился назад и подменил Джонетт, чтоб она уехала на свое собрание АН с кучкой аэнщиков на чем-то типа багги для дюн – если данные дюны располагаются в аду, – и который теперь пытается выдохнуть и прийти в себя, следя взглядом за трещинами в краске на потолке гостиной. Гейтли часто охватывает ужасное чувство утраты, в плане наркотиков, по утрам, до сих пор, даже после стольких месяцев сухости. Его наставник

⁷⁷ Норман Роквелл – американский художник американского быта, на протяжении четырех десятилетий иллюстрировал обложки «Сатедей ивнинг пост». Пол Харви – известный американский радиоведущий.

из Группы «Белый флаг» утверждает, что некоторые так и не могут прийти в себя после утраты того, кого считали своим единственным истинным другом и любовником; им остается только ежедневно молиться о терпении и стальных бубенчиках между ног, чтобы жить с утратой и скорбью, пока рана наконец не зарубцуется. Наставник, Грозный Фрэнсис Г., ни на иону не грузит Гейтли херней, что по этому поводу надо, типа, испытывать негатив: напротив, хвалит Гейтли за честность, когда однажды ранним утром тот сломался, разревелся, как ребенок, и рассказал об этом по таксофону – ну, о чувстве утраты. Это миф, что никто не тоскует. По своему Веществу. Блин, да если б никто не тосковал, то и помощь была б не нужна. Просто надо Просить о помощи и, типа, Перевернуть страницу, со слабостью и болью, чтобы Всегда возвращаться, приходить, молиться, Просить о помощи. Гейтли трет глаз. Такой простой совет действительно похож на набор клише – тут Дэй в чем-то прав. Да, и если Джофффри Дэй не свернет с этой своей дорожки, ему точно конец. Гейтли уже видал, как дюжины людей приходили, рано сбегали и возвращались Туда, а там попадали в тюрьму или умирали. Если Дэй повезет, и он сломается, в конце концов, и придет ночью в кабинет кричать, что он так больше не может, и вцепится в штанину Гейтли, и будет лепетать и просить о помощи любой ценой, Гейтли скажет Дэй, что фишка вот в чем: директивы-клише – это вам не шубу в трусы заправлять, они труднее и глубже, чем кажутся. Что надо попробовать по ним жить, а не просто повторять. Но скажет он это, только если Дэй сам придет и спросит. Лично Гейтли дает Джофффри Д. где-то месяц во внешнем мире, пока он опять не примется приветственно поднимать шляпу при виде паркоматов. Вот только с чего бы Гейтли судить, кто обретет Дар программы, а кто нет, – вот что ему надо помнить. Он пытается свыкнуться с тем, что Дэй учит его терпению и терпимости. А требуются великие терпение и терпимость, чтобы не выдать изнеженному мелкашу пенделя в канаву у Содружки и освободить его койку для того, кто действительно отчаянно этого хочет – ну, Дара. Только вот с чего бы именно Гейтли знать, кто хочет, а кто нет – ну, где-то там, в глубине души. Рука Гейтли под головой, на втором мягком подлокотнике. Старый экран DEC показывает что-то жестокое и красочное, но Гейтли не видит и не слышит. Это был один из его грабительских талантов: он умел включать и выключать свое внимание, как свет. Еще когда он был тут жильцом, пользовался этим особым умением одаренного домушника экранировать раздражители, производить сенсорную сортировку. Это одна из причин, почему у него получилось продержаться девять месяцев в доме с домушниками, гопами, шлюхами, уволенными менеджерами, дамочками из «Эйвон», музыкантами из метро, распухшими от пива строителями, бродягами, негодующими автодилерами, мамашами с постродовой депрой и булимией, кидалами, жеманными трубочистами, быками из Норт-Энда, прыщавыми пацанами с электрическими кольцами в носу, домохозяйками по уши в Отрицании и т. д., – двадцать один человек, и все на отходняке, и все на измене, в играх разума, страдают, ноют и, по сути, сходят с ума и галдят нон-стоп 24-7-365.

В какой-то момент Дэй восклицает: «Ну так зовите лоботомиста, подавайте его сюда!»

Только вот консультант самого Гейтли, когда тот еще был тут жильцом, Эухенио Мартинез, один из добровольцев-выпускников, одноухий бывший мошенник, толкавший мусорные акции, а теперь продавец мобильных телефонов, попавший в Эннет-Хаус еще при основателе – Мужике, Который Не Пользовался Даже Именем – и с тех пор десять лет в завязке, этот Эухенио М., – так вот, Эухенио сразу ласково предостерег Гейтли насчет его особого грабительского селективного внимания и каким оно может быть опасным, потому что как узнать: ты экранируешь внешний мир или Паук? Эухенио звал Болезнь Пауком и рассуждал в категориях «кормить Паука» / «держат Паука в черном теле», и так далее и тому подобное. Эухенио М. вызвал Гейтли в офис управдома и спросил: а что, если экранирование Дона «кормит старого Паука», и как насчет экспериментального разэкранирования на какое-то время? Гейтли ответил, что постарается изо всех сил, вышел и попробовал смотреть игру «Кельтикс» по спонтанке, пока

рядом два жильца-трубочиста из Фенуэя завели разговор о том, как какому-то третьему пидору пришлось пойти на операцию и извлечь из пердака скелет какого-то, блять, грызуна [\[91\]](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.